С. А. ДАЛИН

Китайские мемуары

1921–1927

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор мемуаров неоднократно бывал в 20-х годах в Китае, где принимал участие в революционном движении. О героической борьбе китайских трудящихся за свое освобождение, о бескорыстной помощи советских людей борющемуся Китаю, о встречах автора с великим революционером-демократом Сунь Ятсеном и руководителями Коммунистической партии Китая повествует эта книга. Второе издание дополнено автором.

-
- 3. Дальневосточный секретариат Коминтерна
- 4. Съезд революционных организаций Дальнего Востока
- 5. Дорога в Шанхай
- 6. Боевое крещение
- 10. Первые беседы с Сунь Ятсеном
- 11. Военная экспедиция на север
- 12. Переворот в Кантоне
- 13. На IV Конгрессе Коминтерна.
- III Конгресс КИМ
- 14. 1923 год
- 15. Траурные дни
- 18. Снова в Шанхае
- 19. Кантон в дни Северного похода
- 21. Кантонские купцы
- 22. Северный поход
- 23. Гуандунские деревни
- 24. Нанькан
- 25. Экскурс в историю
- то тия. Азиатский способ производства был разложен китайским торгово-ростовщическим и иностранным капиталом. Тайпинская революция была антикапиталистической революцией крестьян, стремившихся не к коммунизму, а к восстановлению отношений, присущих азиатскому способу производства, и прежде всего к восстановлению общины и ликвидации частной собственности на землю. Поэтому тайпины не смогли найти общего языка с купеческой организацией «Общество триады». По этой же причине значительная часть крестьянства не присоединилась к тайпинам. Рабочий класс находился в одних цехах и гильдиях с купцами и не был еще «классом для себя». В таких условиях судьбу тайпинов решила иностранная военная интервенция.

- 29. Уханьский пролетариат
- 30. Крестьянство в революции
- 32. Прошлое и настоящее

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С.А.ДАЛИН

Китайские мемуары

ИЗД. 2-е

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1982

9 (М) 71

Д15

Ответственный редактор Л. П. ДЕЛЮСИН

Далии С. А.

Д15 Китайские мемуары. 1921—1927. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

382 с. с ил.

Автор мемуаров неоднократно бывал в 20-х годах в Китае, где принимал участие в революционном движении. О героической борьбе китайских трудящихся за свое освобождение, о бескорыстной помощи советских людей борющемуся Китаю, о встречах автора с великим революционером-демократом Сунь Ятсеном и руководителями Коммунистической партии Китая повествует эта книга. Второе издание дополнено автором.

п 0506000000-101

Д 013(02)—82 КБ-5-30-82 9(М)71

(6) Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975, с изменениями.

Предисловие ко второму изданию

Настоящее издание воспроизводит первое с незначительными

изменениями. В их числе отдельные вставки, связанные с моей работой в Китае в 1922 и 1926 гг. Более существенные дополнения относятся к современности, однако и они являются непосредственным продолжением прежнего текста. Так, например, заключительная глава книги: «Прошлое и настоящее», написанная в 1975 **г.,** доведена во втором издании до 1981 г. Кроме того, сделан ряд редакционных улучшений.

Многие читатели первого издания выражали пожелание более подробно познакомиться с моей биографией. Однако само название книги ставит в этом отношении определенные границы. Тем не менее в добавленном «Вступлении» приводятся некоторые биографические эпизоды, относящиеся к ранней молодости автора. Они -сыграли большую роль в формировании моего политического сознания и в известном смысле подготовили меня к той работе, которой я занимался в Китае. И поскольку мемуары — это не история, а своего рода биография, то «Вступление» органически связано с содержавшем книги.

С. *Далин*

25 января 1981 г.

Вступление

Страницы этой книги относятся к моей молодости. Они охватывают период моей жизни с 19 до 25 лет. Начал же я свое приобщение к революционной деятельности еще раньше, с первых дней февральской революции, когда мне еще не исполнилось 15 лет. Тогда я не задумывался над вопросом, что привело меня на этот путь. Все казалось настолько естественным, что иначе и быть не могло. А вот теперь занялся самоанализом. Ведь ничего просто так не случается. Почему часть моих школьных товарищей ушла и лагерь революции, другая — в лагерь контрреволюции, а большинство спряталось от бури? С тех пор прошло более 60 лет. Теперь иная эпоха, совершенно новые проблемы, но, присматриваясь к жизни современной молодеж и, убеждаешься в том, что и сегодня все обстоит далеко не просто. Все как будто проделывают один и тот же. путь: детский сад, школа, работа, институт, а потом жизнь у каждого складывается по-своему. Почему? Только ли благодаря врожденным склонностям и способностям или же из-за воздействия окружающей среды, или того и другого вместе? Так или иначе, но все происходит по причинам, которых мы сами не осознаем полностью в молодости, но над которыми задумываемся в зрелости. Особенно часто вспоминаешь отдельные случаи, происшествия, события, которые врезываются в память на всю жизнь, оставляют глубокий след и. порождают те чувства и мысли, симпатии и антипатии, которые, оказывается, определят

твое поведение в будущем, твое мировоззрение. И все начинается с самого раннего детства.

Я родился в 1902 г. в местечке Кретинген (ныне г. Кретинга, Литовской ССР) у самой русско-германской границы. Недалеко от дома, в котором мы жили, начинался спуск в овраг, где протекала речушка. По

ней и проходила здесь граница между царской Россией и кайзеровской Германией. Отец мой был народным учителем двухклассной школы, обучал детей русскому языку и арифметике.

Революции 1905 г. я, конечно, не помню, но разговоры о карательных отрядах, подавлявших революционное движение, продолжались еще долго после революции и кое-что до меня дошло.

С. А. Далин
на III съезде комсомола

Мы жили тогда уже в Оник-штах той же Ковенской губернии. Родители вспоминали о карательных отрядах с содроганием, и это чувство передавалось мне. А спустя некоторое время, гуляя со всей семьей в лесу, отец показал нам полянку у больших камней. Там проводились сходки и митинги. Потом я узнал, что в

Оникштах существовала подпольная организация, которая дала о себе знать во время революции. Все это прочно отложилось в моей памяти.

Спустя три года произошло событие, которое воздействовало на меня более определенно. В связи с тем, что старшие братья и сестра подросли и стал вопрос об их дальнейшем образовании, отец обратился с просьбой перевести его в другой город, в котором имеются мужская и женская гимназии. По действовавшему тогда положению дети учителей, находившихся на государственной службе, освобождались от платы за учение. В 1907 г. отец был переведен учителем в начальную школу в Минске, где жила сестра матери. После маленьких местечек Минск казался огромным городом, в котором был даже шестиэтажный дом. Мы жили на Ново-Московской улице в каком-то дворе, который больше походил на переулок: по обеим сторонам стояли дома. Длинный двор упирался в стену тюрьмы.

Весной 1908 г. ночью меня разбудил стук в дверь и громкий разговор людей, одетых в военную форму. Это были жандармский офицер и три жандарма. Последние остались в комнате, в которой я спал, а офицер с отцом -прошли в-перед в столовую, из которой дверь в»ела в спальню родителей. Моя кровать стояла у стены, напротив — у окна за столом уселись жандармы. В моей комнате зажгли свечу, в столовой — керосиновую лампу. Дверь в комнату закрыли, и я остался один с жандармами. Что происходило в столовой, я не видел, но зато наблюдал за «гостями». По-видимому, им было скучно. Развеселились, когда один из них, сидевший на столе, напротив моей кровати, вытащил из кобуры блестящий пистолет и стал целиться в меня. Жандармы смеялись, а я относился к этому с полным безразличием. Мне не было еще шести лет, и я не понимал таких забав. Их смех производил на меня большее впечатление, чем пистолет.

В столовой о чем-то долго говорили, я слышал, как передвигают какую-то мебель, а главное — никто из комнаты не выходил. Там шел обыск. Под утро жандармы ушли.

На другой день выяснилось, что в эту же ночь был произведен обыск в квартире у тетки. У нас ничего не нашли, а у нее кое-что обнаружили — и забрали в тюрьму. Позже я узнал, что именно обнаружили: революционную литературу. Шесть месяцев тетка просидела в тюрьме. Мать носила ей передачи и обычно брала меня с собой. Так я узнал, что такое жандармы и что такое тюрьма. Это был мой первый урок политграмоты, и я его хорошо запомнил.

Когда мне было пять лет, отец обучил меня азбуке, и скоро я

стал читать и писать. Спустя некоторое время я окончил двухклассную школу, в которой учительствовал мой отец. Попытки поступить в минскую гимназию не увенчались успехом. Меня отвезли к дедушке в уездный город Виленской губернии Свенця-ны (ныне Швенчонис), где только что открылась гимназия. Здесь все прошло легко и успешно.

Дед был частным поверенным, иначе говоря — адвокатом. У него был одноэтажный деревянный домик, в котором находились рабочий кабинет и небольшая приемная. Среди посетителей деда преобладали бедные крестьяне, в домотканой одежде, забитые, удрученные.

Почерк у деда был неразборчивый, пишущих машинок тогда еще не было, и дед зачастую давал мне переписывать судебные бумаги. Речь в них всегда шла о земле. Крестьяне жаловались на то, что помещик захватил их землю. Дед вел дела крестьян в суде. Своеобразие положения заключалось в том, что, как правило, крестьяне были литовцами, помещик — поляком, власть (суд и полиция)—русская. Так с детства я узнал, что такое аграрный вопрос: земля и крестьянское горе.

След этих впечатлений остался у меня на всю жизнь: интерес к аграрным отношениям, к крестьянскому вопросу. Несколько лет спустя, уже после февральской революции, в группе социалистической молодежи мы занимались изучением программ политических партий в России. Каждый член группы делал какой-либо доклад по этому вопросу. Я выступил с рефератом об аграрной программе партии социали-стов-революционеров.

Летом 1917 г. нас, гимназистов, отправили в деревню на сельскохозяйственные работы, на «помощь солдаткам». Мы работали у одной помещицы. Огромная усадьба, парк, большой каменный дом с колоннами в стиле ампир; управляющий верхом на коне с арапником, низко кланяющаяся челядь, крестьяне, барыня, повелевающий тон ее речи. Так я получил некоторое представление о феодализме.

В Китае, во время перехода из Кантона в Наньчан, когда мы останавливались на ночевку в какой-либо деревне, я всегда собирал материалы об аграрных отношениях. Да и теперь, когда мне приходится заниматься экономикой какой-либо капиталистической страны, я не упускаю из виду этого вопроса. И все это в начальных своих истоках идет от деда, от тяжб литовских крестьян с помещиками, от судебных исков, которые я переписывал.

На каникулы я уезжал домой в Минск. Перед одной из таких поездок я забрался на чердак, где рядом с каким-то хламом лежали книги и журналы. Обнаружив небольшую книжку и

решив, что это сказка в стихах, я взял ее с собой, чтобы почитать в поезде. Когда я приехал домой, отец увидел у меня в руках эту книжку. Пораженный, он сказал: за такие книжки твою тетю в 1908 г. посадили в тюрьму. Это был «Конек-Скакунок» С. А. Басова-Верхоянцева — революционная сказка, направленная против царского самодержавия, изданная в 1905 г. во время революции. Так впервые я познакомился с запрещенной революционной литературой...

Наступил 1914 год. Я перешел во второй класс и уехал на летние каникулы к родителям. Вся семья была в сборе. Старшая сестра уже училась в Киевском университете, старший брат только что поступил в Московский университет, другой брат — старшеклассник минской гимназии — каждое воскресенье проводил цельге дни в библиотеке. Меня очень заинтересовало: что это такое —библиотека, что там делают? И вот она, минская библиотека имени А. С. Пушкина. Вхожу туда с братом. Комнаты, заставленные книжными полками, дальше большой читальный зал и в нем — огромные столы, за которыми сидят читатели. И я тоже. Первый раз в жизни. Запомнилось навсегда.

Вечером всей семьей собирались в столовой. Нас — семь человек, помимо меня — два брата и две сестры. На столе, на медном подносе — самовар. Светятся горящие угли, а из крышки вырывается пар. Ужин — каша, хлеб с маслом, булочки. И вот начинается самое главное: чтение вслух. Выписывали либеральную газету «Русское слово». Обсуждали самые важные события, читали вслух фельетоны В. Дорошевича или же что-нибудь из художественной литературы. Помню, например, рассказы В. Короленко. Так газеты вошли в мою жизнь. Рано стал я их регулярно читать.

Началась мировая война... Последние дни июля (по старому стилю). По улице мимо наших окон проходят полки отправляемых на фронт солдат. Впереди шагают офицеры. Залихватские солдатские песни. Мы с отцом стоим у окна и смотрим на проходящие войска. Отец молчит, долго молчит, а потом говорит: все это кончится революцией. И отходит от окна.

Только после революции я узнал его биограф'ию. Мальчиком он ушел из семьи и работал на пристани в Вильно (Вильнюс). Там на него обратили внимание студенты, которые оказались народовольцами. Он участвовал в их попытке освободить знаменитого народовольца Н. Морозова, участника покушения на Александра II. Морозов возвращался из заграницы в Россию. Его тут же арестовали и собирались повезти в Петербург. Группе народовольцев, с которой сдружился мой отец, стало известно, каким поездом, когда и через какую именно станцию должны

были везти Морозова. Там его собирались отбить у жандармов. В назначенное время группа народовольцев, в составе которой находился и отец, вошла в остановившийся на станции поезд, но Морозова там не оказалось. Его провезли раньше, другим поездом. Попытка освобождения не удалась. В 1882 г. его приговорили к вечной каторге.

Один из этих народовольцев подготовил отца к поступлению в реальное училище. Он выдержал экзамен и был принят. Будучи уже в шестом классе отец был по политическим причинам исключен с «волчьим билетом» из училища, без права поступления в другое учебное заведение. Спустя несколько лет, скрыв, что учился в реальном училище, он в другом городе сдал экстерном экзамен на звание народного учителя...

Прошел один год. Снова летние каникулы. Немцы наступали, и мы как беженцы летом 1915 г. уехали всей семьей в Орел. И когда в феврале 1917 г. разнеслась весть о революции в Петрограде, она не была для меня неожиданностью. Выйдя из гимназии, я увидел на площади у городской думы толпу и сразу же к ней присоединился. Кто-то достал в рядом расположенном мануфактурном магазине красную материю, у дворников добыли метлы, вытащили из них палки, прикрепили купленные полотнища и с красными флагами все отправились к заводу, который с начала войны был переведен на производство артиллерийских снарядов. Там мы соединились с рабочими и все вместе пошли назад, мимо городской думы, к тюрьме — печально знаменитому орловскому централу, в котором содержались политические заключенные. По дороге разоружали городовых.

Подошли к тюрьме. Небольшая толпа превратилась в огромную боевую демонстрацию. Заполнены народом были все прилегающие улицы. Невозможно было разглядеть, что происходит у ворот тюрьмы. Но вскоре раздалось мощное «ура», а затем — звуки Марсельезы. Рабочие на руках вынесли политических заключенных в арестантских куртках. И снова все пошли на площадь у городской думы. Начались митинги, речи на улицах, площадях, нескончаемые митинги. Так рухнуло самодержавие в стране. Но это было только начало.

Через восемь месяцев власть в Орле перешла в руки военно-революционного комитета, возглавлявшегося большевиками.

В ноябре 1919 г., будучи уже «старым» комсомольцем, я вступил в Коммунистическую партию.

* * *

В 1921 г. я был членом Дальневосточного секретариата Коминтерна, затем работал в восточном отделе Исполкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), позже,

вплоть до конца 1927 г., преподавал в Университете им. Сунь Ятсена в Москве. В 1921 —1927 гг. мне довелось быть на III, IV и V конгрессах Коммунистического Интернационала, II, III и IV конгрессах Коммунистического интернационала молодежи, на Съезде революционных организаций Дальнего Востока, на Съезде революционной молодежи Дальнего Востока и трижды работать в Китае: в 1922 г., в 1924 г. и в 1926—1927 гг. Я встречался с основателями Коммунистической партии Китая, Социалистического союза молодежи, участвовал в работе I съезда этого союза, присутствовал на I съезде рабочих союзов, вел переговоры с Сунь Ятсеном, беседовал с руководящими деятелями гоминьдана, с членами кантонского правительства и его русскими советниками, вместе с ними совершил переход из Кантона (Гуанчжоу) в Наньчан, а затем переезд в Учан, был свидетелем многих событий, вошедших в историю революционного движения в Китае.

В основе этой книги лежат воспоминания о моей работе в Китае, опубликованные в журнале «Молодая гвардия» в 1923 г., а затем в книге «В рядах китайской революции», вышедшей из печати в начале 1926 г., еще до моей третьей поездки в Китай. Кроме того, здесь использованы моя брошюра «Молодежь в революционном движении в Китае», изданная в 1925 г., и мемуарные части книги «Очерки революции в Китае», появившейся в самом конце 1927 г.

Все перечисленные работы давно уже стали библиографической редкостью. Наряду с теми или иными недостатками они имеют то достоинство, что были написаны по горячим следам. В этих очерках не могло быть ошибок в отношении дат и деталей, которых не может сохранить человеческая память на протяжении пяти десятилетий.

Следует учесть, что Коммунистическая партия Китая и Социалистический союз молодежи находились тогда на нелегальном положении и работали в условиях подполья. При такой ситуации далеко не все можно было публиковать в двадцатых годах. Но теперь, спустя почти шестьдесят лет, говорить о том, что тогда не подлежало опубликованию, полагаясь только на память, нельзя. Поэтому пришлось прибегать к проверке памяти документами архивов. К сожалению, многих документов не удалось найти. Но в тех случаях, когда они все же были обнаружены, их изложение меняло стиль свободно написанных по памяти или записным книжкам воспоминаний.

В целом настоящая работа не является повторением преждё опубликованных очерков. Мемуары значительно дополнены, ранее печатавшиеся части переработаны. В результате получилась

совершенно новая книга. Большинство включенных в нее фотоснимков сделаны автором в Китае.

Когда пишешь о прошлом, нельзя, конечно, удержаться от того, чтобы не взглянуть на события с вершины современности, особенно в тех случаях, когда прошлое перекликается с настоящим. Это сделано в минимальных размерах.

Как в Советском Союзе, так и в Китае мне приходилось встречаться со многими работниками, занимавшимися тогда китайским вопросом. Некоторые из них в этой книге не упомянуты. Это отнюдь не означает, что я умаляю в какой-то степени значение и важность их работы. В одних случаях это объясняется тем, что мы находились в Китае в разное время, в других — тем, что мы были отдалены друг от друга характером своей деятельности.

Прошу читателя также учесть, что это мемуары, а не история революционного движения в Китае. И если все же в некоторых случаях приходилось прибегать к историческим справкам, то это делалось только для объяснения тех или иных событий, о которых здесь говорится.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. На III Конгрессе Коммунистического Интернационала

Мое назначение на работу в Дальневосточный секретариат Коминтерна состоялось примерно за месяц до открытия III Конгресса Коммунистического Интернационала. Это короткое время ушло на предварительное ознакомление с содержанием будущей работы, на решение целого ряда организационных и личных вопросов.

Руководство Коммунистического интернационала молодежи находилось тогда еще в Берлине. В Москве же международным юношеским движением занимался J1. Шацкин.

Я хорошо знал его по работе в ЦК РКСМ в 1919 г. Он был одним из организаторов и руководителей Коммунистического союза молодежи в Москве. В октябре

1918 г. на I Всероссийском съезде РКСМ он был избран в состав ЦК, **в** котором занимал руководящее положение. В конце 1919 г. на международной учредительной конференции коммунистических организаций молодежи в Берлине он был избран в состав Исполнительного комитета Коммунистического интернационала молодежи.

JI. Шацкин сообщил мне, что члены Дальневосточного секретариата ИККИ должны приехать в Москву на III Конгресс Коммунистического Интернационала и что мне также нужно быть на этом конгрессе, равно как и на II Конгрессе Коммунистического интернационала молодежи, который

состоится немедленно после окончания конгресса Коминтерна. Мне предстояло познакомиться с делегатами из стран Дальнего Востока и установить с ними контакты.

III Конгресс Коммунистического Интернационала открылся в Москве *22* июня 1921 г. По предложению мандатной комиссии было принято решение о предоставлении членам Дальневосточного секретариата права ■совещательного голоса.

Заседания конгресса проходили в Андреевском зале Кремлевского дворца[1]. До революции здесь был тронный зал российских самодержцев. После Октябрьской революции трон был убран и в передней части зала сколочен дощатый, обитый красным ситцем помост со ступеньками. На нем стоял длинный стол президиума. Справа, если смотреть в зал, ближе к окнам, находилась трибуна для ораторов. Слева от помоста, за колоннами, высокая с позолоченными лепными украшениями дверь вела в царские гостиные и спальни, которые стали местом заседаний различных комисоий. В спальнях остались застланные огромные кровати с резными деревянными колоннами и тяжелыми шелковыми пологами. Во время перерывов по этой анфиладе дворцовых комнат прогуливались и обменивались мнениями делегаты. У трибуны стояли юпитеры, вспыхивавшие во время киносъемок, в зале работали со своими мольбертами художники, из которых мне хорошо запомнился И. Бродский.

III Конгресс Коммунистического Интернационала занимает особое место в истории международного рабочего движения. Ко времени его открытия круто изменилась международная обстановка: соотношение классовых сил во всем мире вообще и соотношение сил между Советской Россией и капиталистическими странами в частности. Надо было делать крутой поворот в тактике коммунистических партий на Западе, в экономической политике Советской власти, в ее отношениях с .капиталистическими странами.

В годы революции и гражданской войны, т. е. с 1917 по 1921 г., коммунистической партии под руководством В. И. Ленина не раз уже приходилось делать крутые повороты. Четыре года — ничтожный отрезок времени, но эти годы составляют целую эпоху в истории социализма. Гениальность Ленина заключалась в том, что он буквально на ходу улавливал происходящие изменения и сдвиги в обстановке, определял их сущность и быстро менял тактику. Так было во время Октябрьской революции с аграрной программой. Мы отказались от своей и осуществили эсеровскую программу. Это обеспечило переход крестьянства на сторону большевиков и обезоружило эсеров. Так -было во время Брестского мира, когда под руководством В. И. Ленина партия

пошла на подписание этого, как говорили левые эсеры, «похабного мира» в расчете на то, что революция в Германии превратит этот договор в никчемный клочок бумаги. Так и случилось на деле. Бухарин, который в 1918 г. стоял во главе «левых коммунистов» и вел борьбу против Брестского мира, теперь, в 1921 г. на II Конгрессе Коммунистического интернационала молодежи, называл себя «ослом», вспоминая свою борьбу против Ленина по вопросу о Брестском мире.

В 1921 г., когда гражданская война в основном закончилась, руководимая В. И. Лениным коммунистическая партия совершила новый крутой поворот. Он был обоснован в докладе В. И. Ленина на X съезде РКП ('б) в марте 1921 г., еще до III Конгресса Коминтерна. Доклад В. И. Ленина на III Конгрессе был прямым продолжением его доклада на X съезде партии.

Я слушал оба эти доклада, которые В. И. Ленин делал в одном и том же зале Кремлевского дворца. По существу, они посвящены одному и тому же вопросу: изменению международной обстановки и необходимости новой тактики.

В докладе на съезде РКП (б) В. И. Ленин отмечал, что впервые после Октябрьской революции съезд партии происходит в обстановке полной победы Красной Армии в гражданской войне. Наряду с этим он считал очень важным событием тот факт, что «мы впервые собираемся теперь в таких условиях, когда Коммунистический Интернационал перестал быть только лозунгом, а превратился действительно в могучее организационное строение, имеющее свой фундамент, настоящий фундамент, в крупнейших передовых капиталистических странах» *К* И действительно, на III Конгресс Коминтерна прибыло около тысячи делегатов. Эти два события были органически связаны между собой.

Оглядываясь на пройденный путь, Ленин говорил на Конгрессе Коминтерна: «Во время гражданской войны мы были отрезаны от всех хлебных местностей России. Наше положение было ужасно, и кажется почти чудом, что русский народ и рабочий класс могли перенести столько страданий, нужды и лишений, не имея ничего, кроме неустанного стремления к победе» *К* Но и положение европейской буржуазии было далеко не прочным: в самом центре Европы — в Баварии и в Венгрии рабочим удалось на некоторое время взять власть в свои руки и провозгласить советские республики, английские рабочие активно выступали с требованием «руки прочь от России», в сентябре 1920 г. итальянские пролетарии захватили 600 заводов и фабрик, на которых работали полмиллиона человек, в Чехословакии в декабре того же года стихийно вспыхнула

всеобщая забастовка, в Германии в марте 1921 г. произошло вооруженное восстание рабочих. Таким образом, в тылу у капитализма положение было весьма шатким и неустойчивым. Это обстоятельство было одной из главных причин нашей победы в.гражданской войне.

Теперь, в 1921 г., встал вопрос о путях дальнейшего развития Советской России, о строительстве социализма. Страна находилась в тяжелом положении. После семи лет империалистической и гражданской войн хозяйство было разрушено. Не было топлива, сырья, машин, паровозов. К этому прибавился неурожай. Был голод, свирепствовал тиф, в некоторых местах — холера.

В этой обстановке началось восстание в Кронштадте, которое проходило под лозунгом «Советы без коммунистов». До тех пор контрреволюция выдвигала лозунги реставрации капитализма. Теперь она изменила тактику, пытаясь использовать недовольство крестьянства продразверсткой и усталость рабочих, перенесших столько боев и столько лишений. Таким образом, из гражданской войны мы вышли не только

с разрушенным хозяйством, но и с кризисом в отношениях между рабочим классом и крестьянством.

До весны 1921 г. В. И. Ленин в своей стратегии исходил из того, что на помощь российскому пролетариату придет мировая социалистическая революция, затем с помощью победивших европейских рабочих будет восстановлено разрушенное хозяйство в Советской России и начнется строительство социализма. «Когда, — говорил В. И. Ленин на III Конгрессе Коминтерна,— мы начинали, в свое время, международную революцию, мы делали это не из убеждения, что можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу раволюции и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть» *К*

Так нас учили, и так мы все думали в годы гражданской войны. Однако ход событий оказался более сложным. Буржуазии удалось подавить восстание спартаковцев и убить вождей

революционного пролетариата Германии Карла Либкнехта и Розу Люксембург, удалось удушить советские республики в Баварии и Венгрии; в Италии правые социалисты и центристы парализовали деятельность примкнувшей к Коминтерну социалистической партии, которая не смогла поэтому возглавить революционный захват рабочими фабрик и заводов в сентябре 1920 г., а всеобщая стачка в Чехословакии в декабре 1920 г. застала компартию врасплох. Наконец, в марте 1921 г. германская буржуазия снова сумела подавить вооруженное восстание рабочих. Мировая буржуазия, оправив-

шись от революционных потрясений, переходила в наступление на рабочий класс. Рост коммунистических партий в этой обстановке означал растущее сопротивление трудящихся.

На X съезде, отмечая рост и успехи Коммунистического Интернационала, В. И. Ленин вместе с тем говорил: «Это показывает, как международная революция нарастает и, параллельно, экономический кризис в Европе обостряется. Но во всяком случае, если бы мы из этого сделали предположение, что вообще в короткий срок помощь придет оттуда в виде прочной пролетарской революции, то мы просто были бы сумасшедшими, и в этом зале, я уверен, таких людей нет» [2].

Однако особенность новой обстановки заключалась и в том, что «международная буржуазия, хотя она в экономическом и военном отношениях в сто раз сильнее нас, не в состоянии нас задушить» [3]. Характеризуя создавшееся положение, В. И. Ленин сказал: «Поскольку попытка международной буржуазии удушить нашу республику не удалась, постольку наступило равновесие,— разумеется, весьма неустойчивое» [4] В. И. Ленин трактовал его как равновесие сил в военной борьбе между буржуазией Франции, Англии, США, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Равновесие было неустойчивым, но оно давало передышку в борьбе.

История поставила тогда ребром вопрос: сможем ли мы удержаться длительное время без мировой революции одни, лицом к лицу с мировым империализмом до нового тура революций в капиталистических странах? Никто не мог сказать в то время, как долго это будет продолжаться — десять лет или больше, но Ленин понимал, что этот период будет продолжительным, он говорил о целой «эпохе равновесия». Теперь мы уже знаем, что период военного равновесия продолжался ровно 20 лет, до нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Взвесив все за и против, Ленин дал утвердительный ответ на

главный вопрос эпохи: сможет ли Советская Россия, только *что* вышедшая почти раздетой, необутой и голодной из продолжавшихся семь лет империалистической и гражданской войн, продержаться длительное время одна до нового тура социалистических революций. Сама жизнь ответила на этот коренной вопрос. Чудовищным было бы после победы в гражданской войне, после изгнания иностранных интервентов отказаться от власти, вернуть ее капиталистам и помещикам и ждать победы мировой революции.

Наряду с соотношением классовых сил во всем мире большую роль в решении коренной проблемы эпохи играли огромные размеры территорий России, ее естественные богатства, людские ресурсы.

На X съезде РКП (б) и на III Конгрессе Коминтерна В. И. Ленин с полной уверенностью говорил о возможности продержаться и строить социализм. Но для этого необходимо было совершить новый крутой поворот в тактике всего Коммунистического Интернационала, и прежде всего в тактике РКП (б). На III Конгрессе В. И. Ленин развернул стратегический план Коминтерна, охвативший вопросы внутренней и внешней политики Советской России, международного рабочего движения и национально-революционной борьбы народов колониальных и полуколониальных стран. Это был единый стратегический план.

Ключ к решению всей проблемы лежал в упрочении союза рабочего класса и крестьянства, в массе своей состоявшего тогда из индивидуальных мелких собственников. Для этого необходимо было прежде всего заменить продразверстку продовольственным налогом, предоставить крестьянину известную свободу торговли, вместо военного союза с крестьянством во время гражданской войны установить экономическую смычку социалистической промышленности с сельским хозяйством, поднять его, чтобы обеспечить хлеб рабочим и сырье промышленности, поднять промышленность и обеспечить сельское хозяйство машинами.

Для восстановления промышленности надо было также привлечь иностранный капитал, предоставить ему концессии, установить торговые отношения с капиталистическими странами.

Этот поворот, который вошел в историю под именем новой экономической политики, был совершен партией на X съезде.

Говоря на III конгрессе Коминтерна о свободе торговли, В. И. Ленин прямо заявил: «Эта свобода обмена означает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это» [5]. Ведь мелкое крестьянство в рыночных условиях постоянно порождает кулака и капиталиста на одной стороне, батрака и рабочего— на другой. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркнул, что

это капитализм особого рода, государственный капитализм, при котором государство выражает собою не диктатуру буржуазии, а диктатуру пролетариата.

Такой поворот в экономической политике представлял собой в известной мере отступление перед капитализмом. Мы не сомневались в правильности ленинской тактики, но нужно сказать, что у молодежи такое отступление вызывало чувство досады, тем более что многие из нас прежде наивно полагали, что «военный коммунизм» это и есть «настоящий» коммунизм. На II Конгрессе Коммунистического интернационала молодежи много говорилось об этих настроениях.

Однако нельзя было забывать о том, что Ленин писал не только об отступлении, он развернул широкую перспективу строительства социализма в условиях новой экономической политики, он говорил об электрификации всей страны как генеральном плане социалистического развития. В своем докладе на III Конгрессе он рассказал о первой построенной советской властью электростанции мощностью 12 тыс. кВт. «12 тысяч киловатт,— писал В. И. Ленин,— очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним»[6]. Вещие слова!

В своем докладе В. И. Ленин подчеркивал, что новая экономическая политика отнюдь не означает денационализации земли и крупной промышленности. Что же касается концессий иностранному капиталу, то они «в системе государственного капитализма означают дань капитализму. Но мы выигрываем время, а выиграть время — значит выиграть все, особенно в эпоху равновесия, когда наши иностранные товарищи основательно подготовляют их революцию» *К*

Таким образом, ленинская стратегия в тот момент ставила своей целью выигрыш времени. Для чего? Для развития крупной промышленности, для восстановления и роста сельского хозяйства, для упрочения Советской власти, для того, чтобы продержаться до нового тура революций. Судьба международного революционного движения зависела от силы и прочности советской власти в России.

Новая международная обстановка требовала поворота и в тактике коммунистических партий на Западе. Нельзя было рассчитывать, что рабочему классу удастся быстро восстановить свои силы и вновь перейти в наступление. Теперь предстояло вести оборонительные бои против буржуазии.

Значение III Конгресса Коммунистического Интернационала заключалось и в том, что под руководством В. И. Ленина была

разработана новая тактика коммунистических партий в капиталистических странах. Она заключалась в создании *единого рабочего фронта.* Речь шла о трудной задаче преодоления раскола в рабочем движении, о повседневной работе в профсоюзах, об экономической борьбе, об участии коммунистов в избирательных кампаниях, об использовании парламентской трибуны, о завоевании большинства рабочего класса при одновременной непримиримости к реформистской идеологии социал-демократических партий.

В. И. Ленин выступил со своим докладом о тактике РКП (б), когда заседания Конгресса уже подходили к концу. До этого по всем предыдущим докладам развернулись жаркие прения. Главная атака шла «слева». Доклад Ленина учитывал это обстоятельство. В свете глубокого ленинского анализа международного положения становилось совершенно очевидным, что в сложившейся обстановке ставка «левых» на восстания ведет рабочих к поражениям и отодвигает перспективы мировой революции. Тем не менее «левые» продолжали свои атаки, обвиняя Ленина и ЦК РКП (б) в оппортунизме, в сдвиге вправо и т. д. С такими обвинениями на конгрессе выступили представители тех «левых» группировок, которые одним своим названием хотели подчеркнуть «истинно пролетарский» характер своей концепции. Примером могла служить так называемая *рабочая* оппозиция внутри РКП (б) или «Германская коммунистическая *рабочая* партия», которая даже своим названием намеренно отмежевывалась от Германской объединенной коммунистической партии, стоявшей на позициях Коминтерна.

В качестве представителя «рабочей оппозиции» внутри РКП (б) на Конгрессе выступила А. М. Кол-лонтай, подвергшая критике новую экономическую политику, которая, по ее словам, давала «возможность капитализму снова стать на ноги и возродиться в России». Если мировая революция замедлится, говорила тогда Коллонтай, то уступки, сделанные крестьянству, «принесут признание того, что те коммунистические принципы, на которых была построена наша политика, обманули наши надежды, оказались несостоятельными» *К* Впоследствии она признала платформу «рабочей оппозиции» ошибочной.

Троцкий публично не выступал против новой экономической политики, но уже на III Конгрессе он расходился с В. И. Лениным в оценке продолжительности периода равновесия и возможности строительства социализма в одной стране. Если Ленин полагал, что период до нового тура мировой революции будет длительным, то Троцкий в своем докладе на Конгрессе заявил,

что в 1919 г. он считал, будто это вопрос месяцев, а теперь — это вопрос нескольких лет. Спустя три недели в докладе на II Конгрессе Коммунистического интернационала молодежи он повторил свой старый тезис о том, что пролетариат в России может завоевать власть, но укрепить ее сможет только после победы мировой революции.

Представитель германских «левых» Гемпель в своих выступлениях на Конгрессе требовал, чтобы Коминтерн «покончил с парламентаризмом, профсоюзами и с тактикой компромиссов». Он «обещал» немедленную мировую революцию вместо концессий и торговли с капиталистическими странами. Стенограмма заседания III Конгресса Коминтерна передает как бы фотографию того, что происходило в зале во время выступления Гемпеля. «Задачей III Интернационала,— говорил он,— должна быть забота о том, чтобы Россия поддерживалась пролетариатом чисто революционными средствами, но не капиталистическими. Вот в чем суть вопроса. И всего этого не будет, если следовать тактике III Интернационала. Мы требуем более выдержанного направления. В этом загвоздка *(смех)*. Товарищи могут смеяться. Смеется и товарищ Ленин. Что же, пусть, но таково наше глубокое убеждение» *К*

Смех в зале означал не только отношение Конгресса к позиции «левых», но выражал одновременно одобрение тактике РКП (б). При таком положении В. И. Ленин под дружные аплодисменты делегатов отказался от заключительного слова.

Ленин был перегружен работой в ЦК партии, Совнаркоме, выступлениями на рабочих собраниях. Он внимательно следил за работой Конгресса Коминтерна, почетным председателем которого он был избран. Постоянно присутствовать на заседаниях он не мог, но в «нужную минуту», когда считал необходимым выступить в прениях, он неожиданно появлялся в зале.

Помню оживленные дебаты по отчетному докладу Исполкома Коминтерна (ИККИ). Шло обсуждение итальянского вопроса.

Итальянская социалистическая партия присоединилась к Коммунистическому Интернационалу, не освободившись от правых, реформистских элементов. Наряду с социалистической партией в Италии существовала коммунистическая партия, которая придерживалась тогда левацких позиций. Естественно, встал вопрос о слиянии обеих партий, однако препятствия этому чинила правая группировка в социалистической партии.

Незадолго до III Конгресса Коминтерна правое крыло итальянской социалистической партии провело сепаратную конференцию. Несмотря на то что правые по существу откололись от остальных социалистов, господствовавшие в социалистической

партии центристы не хотели порвать с ними и исключить правую группировку из партии.

Вечернее заседание Конгресса 28 июня оказалось кульминационным пунктом в обсуждении итальянского вопроса.

Слово было предоставлено известной голландской социалистке Г. Роланд-Гольст, которая входила тогда в коммунистическую партию. На III Конгрессе она поддерживала германских «левых» и обвиняла Ленина в том, что РКП (б) якобы взяла курс вправо.

Речь Г. Роланд-Гольст уже подходила к концу, когда в зале раздались бурные аплодисменты. Они были адресованы не ей, а появившемуся в зале В. И. Ленину. После Роланд-Гольст слово было предоставлено К. Лаццари, который занимал тогда центристскую позицию в итальянской социалистической партии.

Широко известны кинокадры: В. И. Ленин сидит на ступенях и держит на коленях папку, подложенную под лист белой бумаги, на котором он что-то записывает. Это В. И. Ленин, сидя на ступенях сооруженного для президиума помоста, подальше от трибуны, внимательно слушает Лаццари и делает записи по ходу его речи.

Лаццари избрал своеобразную форму защиты итальянских реформистов. В принципе он не был против их исключения, но все же, говорил он, «нам необходимы право и ответственность за выбор подходящего момента» для такого решения. Он придерживался формулы «не полного подчинения партии Коминтерну и не абсолютной ее независимости от него»[1].

Вслед за Лаццари взял слово В. И. Ленин. Он говорил по-французски, а затем сам перевел свою речь на немецкий. Французский я знал плохо, но немецкий понимал. Ленин выступил непримиримо против центристской позиции Лаццари и Серрати. Он требовал решительного и окончательного разрыва с реформистами. «Все принимавшие участие в конференции в Реджио-Эмилиа должны быть исключены из партии: они меньшевики,— не русские, но итальянские меньшевики... В состав Коммунистического Интернационала не может входить партия, терпящая в своих рядах оппортунистов и реформистов вроде Турати» [.

Подвергнув критике «россказни Серрати и его партии о том, будто русские только того и желают, чтобы им подражали», В. И. Ленин отверг это обвинение и в собственном немецком переводе речи заявил: «Das ist doch eine Dummheit, Dummheit». Он дважды повторил это слово «Dummheit» (глупость) [7]. С тех пор прошло уже свыше 60 лет, но еще и сегодня в моих ушах звучит мягко-картавая речь Ильича и это слово, которое он подчеркнул особой

интонацией и жестом.

Конгресс принял программу единого рабочего фронта с социалистами, с профсоюзами, находившимися под реформистским руководством. Но единый рабочий фронт не означал растворения в нем коммунистических партий, единство действий против наступавшей буржуазии не означало идейного и организационного единства с реформистами, «левыми» и анархистами. Этот вывод, который я сделал для себя, продумывая позицию В. И. Ленина на Конгрессе Коминтерна, мне так пригодился в следующем году в Китае, где пришлось заниматься проблемами единого национально-революционного фронта.

Проблема единого фронта приобрела тем большее значение, что в своем докладе на III Конгрессе В. И. Ленин, говоря о перспективах мировой революции, подчеркнул огромное значение революционного движения в колониях. «И совершенно ясно,— говорил тогда В. И. Ленин,— что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем» *К*

Я задумался над этими словами Ленина. Они разъяснили мне значение моей новой работы, роль борьбы угнетенных народов за свое освобождение от ига иностранного империализма. Речь Ленина связала в один узел новую экономическую политику в России, единый рабочий фронт в развитых капиталистических странах, национально-освободительное движение в колониях и полуколониях.

На II Конгрессе Коминтерна в 1920 г. В. И. Ленин говорил о *поддержке* национально-революционного движения в колониальных и полуколониальных странах. Теперь, в 1921 г., после решения III Конгресса о едином рабочем фронте естественно встал вопрос о *едином национально-революционном фронте,* о тактике коммунистов внутри этого фронта как конкретном выражении ленинского положения о поддержке национально-освободительной борьбы.

2. Основание
Коммунистического интернационала молодежи.
II конгресс

Вскоре после окончания первого конгресса Коммунистического Интернационала, 29 мая 1919 г., Исполком Коминтерна обратился с воззванием к пролетарским организациям молодежи всего мира с призывом объединиться и организовать свою международную революционную организацию.

1919 год запомнился на всю жизнь, как самый грозный, суровый и критический год. Были месяцы, когда судьба молодой советской республики висела на волоске. В середине года возникла опасность, что войска Колчака, захватившего Сибирь и Урал, соединятся с белой армией Юденича, действовавшей под Петроградом. Во второй половине года, когда совершился

перелом на восточном фронте и Красная Армия освободила Пермь, Кунгур, Екатеринбург (Свердловск), войскам Деникина удалось прорваться в Донбасс, двинуться на север и позже выйти к Орлу и Туле. Самые хлебные губернии и донецкий уголь оказались в руках белых. Зажатая в кольце отечественной контрреволюции и иностранной интервенции Советская Россия боролась до последней капли крови, живя на скудном хлебном пайке и без топлива.

Но сквозь свинцовые тучи пробивались и яркие солнечные лучи. В ноябре 1918 г. рухнули две империи: германская и австрийская. Оправдалась стратегия великого Ленина: 14 ноября 1918 г. советское правительство аннулировало заключенный в Брест-Литов-ске мирный договор с кайзеровской Германией. Немецкие войска вынуждены были оставить Украину. Там устанавливалась Советская власть.

21 марта 1919 г. была провозглашена Венгерская советская республика. Вслед за тем власть советов была установлена в Баварии. Победа Октябрьской революции вызвала подъем революционного движения на Западе.

В июне началась работа по созданию Коммунистического интернационала молодежи. Непосредственное участие в ней принял В. И. Ленин. Еще в 1915 г., находясь во время первой мировой войны в Швейцарии, он оказал большое влияние на деятельность Международного бюро социалистических организаций молодежи, которое базировалось в Берне. Статьи В. И. Ленина, как известно, были напечатаны в органе этой организации «Интернационал молодежи», который занимал близкую к русским большевикам позицию по вопросу об империалистической войне. В. И. Ленин лично знал деятелей этой молодежной организации и неоднократно встречался с ее секретарем В. Мюнцен-бергом.

Теперь, после решения Исполкома Коминтерна о создании Коммунистического интернационала молодежи необходимо было прежде всего связаться с бернским бюро социалистических организаций молодежи. ЦК Российского коммунистического союза молодежи поручил это Л. Шацкину. К работе был привлечен прибывший в апреле 1919 г. в Москву из советской

Баварии Альфред Курелла —один из руководителей

мюнхенской организации коммунистической молодежи. При непосредственном участии В. И. Ленина была установлена связь и с венгерской молодежью. В Будапеште вопросом о создании Коммунистического интернационала молодежи занимался вождь Венгерской советской республики Бела Кун.

В июле 1919 г. была достигнута договоренность с зарубежными революционными организациями молодежи о созыве международной конференции в Вене. Открытие конференции было назначено на 25 августа. ЦК РКСМ делегировал на нее двух своих представителей: Л. Шацкина и немецкого комсомольца А. Ку-реллу, который вынужден был остаться в Москве после падения советской власти, просуществовавшей в Баварии только 18 дней (с 13 апреля до 1 мая

1919 г.). Они отправились разными маршрутами.

А. Курелла — через Литву и Германию, Л. Шацкин — через Киев, а оттуда через Румынию, Венгрию и Чехословакию.

Во время этого путешествия Лазарю Шацкину

2 августа 1919 г. исполнилось 17 лет. В партию большевиков он вступил в 1917 г. в возрасте 15 лет. В Москве он был одним из организаторов Союза рабочей молодежи «III Интернационал». Эта организация послала его делегатом на первый Всероссийский съезд РКСМ, состоявшийся в октябре 1918 г. На съезде он был избран в состав Центрального Комитета комсомола.

Перед отъездом в Вену Л. Шацкин был принят

В. И. Лениным. Состоялась продолжительная беседа, во время которой были обсуждены политические и организационные вопросы международного коммунистического движения молодежи, с которыми В. И. Ленин был хорошо знаком еще со времен своего пребывания в Швейцарии.

Путь Л. Шацкина в Вену в обстановке гражданской войны в России и на Украине был трудным. Продовольственные отряды вели борьбу с мешочниками-спекулянтами и чуть ли не на каждой станции осматривали багаж пассажиров; другие патрули проверяли документы и пропуска, а также удостоверения на право ношения оружия. Не проверялось только наличие железнодорожных билетов. Они были отменены, проезд стал бесплатным.

В. И. Ленин хорошо знал условия передвижения по железным дорогам в годы гражданской войны. Ему не раз приходилось иметь дело с жалобами тогдашних пассажиров на чересчур строгие и иногда и неправильные действия отрядов, проверявших документы и багаж. Во избежание каких-либо недоразумений в пути В. И. Ленин во время беседы с Шацкиным тут же написал и

вручил ему мандат, в котором предлагалось всем советским организациям оказывать ему содействие, запрещалось задерживать и обыскивать его. Подлинник этого документа, написанного рукой В. И. Ленина, был недавно обнаружен в архиве.

Под Жмеринкой Шацкин, одетый в форму австровенгерского солдата, возвращавшегося из русского плена на родину, попал в руки петлюровцев, но все обошлось благополучно. Когда же он добрался до румынской границы, то узнал, что контрреволюции при иностранной поддержке еще 1 августа удалось подавить революцию в Венгрии. Это заставило Шацкина изменить маршрут дальнейшего продвижения. Попав, наконец, в Вену, он вместе с делегатами из других стран был задержан австрийской полицией. По этой причине пришлось первый конгресс Коммунистического интернационала молодежи перенести в Берлин.

Я рассказываю здесь об этой эпопее для того, чтобы читатель получил некоторое представление о тех трудностях и опасностях, которые встречались на пути создания Коммунистического интернационала молодежи, а также об образе советского комсомольца Л. Шацкина — одного из основателей этой международной революционной организации. Это был не только смелый, но и одаренный человек, ставший заметной фигурой на учредительном конгрессе Коммунистического интернационала молодежи, состоявшемся, наконец, в Берлине в ноябре 1919 г. Там Шацкин выступил с двумя докладами. Когда недавно, в связи с 60-летием КИМа, мне пришлось перечитать стенограмму этого конгресса, я удивился теоретической и политической зрелости докладов семнадцатилетнего комсомольца.

Не менее трудным был обратный путь из Берлина в Москву. Путешествие Шацкина, совершенное в самый тяжелый год гражданской войны и иностранной интервенции, нелегальный переход границ нескольких государств были настоящим подвигом, и мы смотрели на него как на героя.

Исполнительный Комитет КИМ находился в Берлине. В условиях гражданской войны связь Берлина с Москвой была крайне затруднена. Хотя Шацкин был избран членом ИККИМ, он не мог участвовать в его заседаниях. Только начиная со II Конгресса Коммунистического интернационала молодежи установилась регулярная связь советского комсомола с революционными организациями молодежи капиталистических стран.

Торжественное открытие конгресса состоялось 9 июля 1921 г. в помещении оперы Зимина (в настоящее время театр оперетты). Зал был заполнен активистами московской комсомольской

организации. Трудно описать то воодушевление и переливавшиеся через край чувства братства и солидарности, которые царили в тот вечер в зале театра.

На сцене вместе с членами президиума конгресса сидели делегаты коммунистических союзов молодежи из нескольких десятков капиталистических стран. Московские комсомольцы впервые видели зарубежных друзей, и столько радости светилось в их глазах, и столько чувств билось в их рукоплесканиях. Ведь приехавшие делегаты были живым воплощением растущих сил мировой революции.

Решения III Конгресса Коминтерна поставили перед Коммунистическим интернационалом молодежи совершенно новые задачи. Необходима была полная перестройка революционных молодежных организаций в капиталистических странах, ломка установившихся традиций и усвоение новых принципов в работе. Такие повороты не могли совершаться гладко, без трений, разногласий, подчас довольно острых.

Главное место в повестке дня Конгресса занимал вопрос о взаимоотношениях коммунистических союзов молодежи с коммунистическими партиями. В Советской России вопрос этот был уже давно решен. Комсомол всегда работал под руководством партии и выполнял ее решения. Никаких споров и разногласий по этому вопросу в комсомоле никогда не было.

Иначе обстояло дело в Западной Европе. Здесь само возникновение революционных организаций молодежи было выражением протеста против предательства социал-демократических партий, выступивших в поддержку «своих» правительств во время империалистической войны 1914—1918 гг. Германские социал-демократы поддержали правительство кайзера, французские — правительство империалистической Франции и т. д. Это повлекло за собой крушение II Интернационала. Пролетарский интернационализм во время империалистической войны был направлен против на-ционал-шовинистической политики социал-демократических партий. Против этой политики выступил и целый ряд левых социалистических организаций молодежи в Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Германии, Италии, Греции, Испании. Ведущую роль среди них играла швейцарская организация социалистической молодежи, руководимая Вилли Мюнценбергом. Этой организации принадлежала инициатива созыва международной социалистической конференции молодежи, которая состоялась в Швейцарии в апреле 1915 г. На конференции были два делегата от России: Инесса Арманд и Георгий Сафаров. Большинство делегатов конференции занимало

центристскую позицию. Предложенная русской делегацией большевистская резолюция была отклонена большинством в четырнадцать голосов против четырех.

После победы Октябрьской революции происходил процесс дальнейшего полевения целого ряда социалистических организаций молодежи на Западе. Усилилась их борьба против не только правых, но и центристских элементов в социал-демократических партиях. В некоторых странах, где еще не было коммунистических партий, левые социалистические союзы молодежи превратились в независимые политические организации. И речи не могло быть о том, чтобы такие организации молодежи работали под руководством социал-демократических партий. В ряде стр&н левые социалистические союзы молодежи приняли непосредственное участие в создании коммунистических партий. Однако и в этом случае у союзов молодежи сохранялась традиция политической независимости, тем более что в таких, например, странах, как Италия, на первых порах к Коммунистическому Интернационалу примкнули социалистические партии вместе со своими реформистами. При таком положении левые социалистические или уже коммунистические союзы молодежи ставили своей основной задачей борьбу с реформистами и центристами в этих примкнувших к Коминтерну партиях.

Таким образом, в те годы коммунистические союзы молодежи по существу выступали в качестве самостоятельной политической силы. Более того, некоторые молодежные организации рассматривали себя как авангард в революционной борьбе рабочего класса, как самую левую политическую силу.

В России самой революционной организацией была партия большевиков, и поэтому ни у кого не возникало вопроса о политической независимости комсомола от коммунистической партии.

На I Конгрессе КИМ в Берлине в ИККИМ был избран В. Мюнценберг, олицетворявший собой преемственную связь коммунистических союзов молодежи с их предшественниками на Западе—левыми социалистическими организациями молодежи времен первой мировой войны. Но вместе с этой преемственностью сохранились традиции независимости, которые после образования Коммунистического Интернационала потеряли свое прогрессивное значение. Более того, они стали помехой для революционного движения. Эти тенденции в деятельности ИККИМ подверглись критике на II Конгрессе КИМ.

Докладчиком по вопросу о взаимоотношениях комсомольских организаций с коммунистическими партиями был Л. Шацкин. В

своем докладе он исходил из двух обстоятельств: во-первых, из факта образования в большинстве развитых капиталистических стран коммунистических партий, являющихся секциями Коминтерна и признающих руководящую роль его Исполкома. При таком положении изменилась роль революционных организаций молодежи. Второе обстоятельство сводилось к тому, что в новой обстановке требовалась строгая централизация руководства коммунистическим движением. Отсюда — необходимость политического подчинения коммунистических союзов молодежи коммунистическим партиям и всех вместе Коммунистическому Интернационалу.

Ряд делегатов выступил против позиции докладчика. Так, делегат из Австрии Гексман возражал против политического подчинения комсомола коммунистической партии. Делегат Швейцарии Арнольд предлагал заменить слово «подчинение» формулировкой: «координирование действий союзов молодежи с политическими партиями». Делегат Венгрии Лекай трактовал подчинение партиям как отказ комсомола от политической деятельности вообще и т. д. Эти выступления не нашли поддержки у большинства делегатов, и тезисы доклада Шацкина были одобрены конгрессом абсолютным большинством голосов. Никто не голосовал против, но было довольно много воздержавшихся.

Тенденция к политической независимости коммунистических союзов молодежи выступила в новой форме при обсуждении очередного пункта повестки дня: экономическая борьба рабочей молодежи. Докладчиком по этому вопросу был В. Мюнценберг, предметом спора — отношение коммунистических союзов молодежи к профсоюзам.

Как и на III Конгрессе Коминтерна, на котором наряду с Коммунистической партией Германии присутствовала и активно выступала делегация особой Коммунистической рабочей партии Германии, так и на II Конгрессе Коммунистического интернационала молодежи была представлена особая организация — Коммунистический союз рабочей молодежи Германии. Вслед за соответствующей партией он выступал против участия комсомола в работе профсоюзов, отождествляя их реформистское руководство с рабочими массами, входящими в профессиональные союзы. Эта негативная позиция не встретила поддержки ни на III Конгрессе Коминтерна, ни на II Конгрессе КИМ.

Но выявилась и прямо противоположная концепция, столь же ошибочная, что и негативная. Ее авторы считали необходимым создание особых профсоюзных организаций рабочей молодежи,

которые проводили бы самостоятельные стачки с требованиями, касающимися только интеоесов рабочей молодежи. Эту

позицию защищал выступивший в качестве содокладчика австрийский делегат Гексман, который до того настаивал на политической независимости коммунистических организаций молодежи от партии.

Для советской делегации позиция Гексмана по вопросу об экономической борьбе рабочей молодежи была не новой, ибо в 1920 г. с аналогичной концепцией внутри РКСМ выступал В. Дунаевский. Тезисы Дунаевского были тогда отвергнуты. К его чести, следует сказать, что он не только отказался от своей ошибочной позиции, но на II Конгрессе КИМ выступил против Гексмана. Позиция последнего не нашла поддержки у делегатов Конгресса, его тезисы не только были отклонены всеми делегациями других стран, но даже внутри австрийской делегации не было единства по этому вопросу.

Участие комсомола в работе профсоюзов, вовлечение в эти массовые организации рабочей молодежи в целях общей борьбы всех рабочих против капитала было частью другого пункта повестки дня: о превращении недавно созданных коммунистических союзов молодежи в массовые организации трудящейся молодежи. Эта задача в равной мере стояла тогда перед РКСМ и перед комсомольскими организациями капиталистических стран, ей были подчинены такие пункты повестки дня Конгресса, как просветительная работа комсомольских организаций, работа среди крестьянской молодежи, среди студенчества и, наконец, переход от территориального принципа построения низовых комсомольских организаций к производственному.

Выше уже говорилось о той роли в развитии мировой революции, которую В. И. Ленин отводил борьбе колониальных народов за свое национальное освобождение. Создание и укрепление революционных союзов молодежи в колониальных и полуколониальных странах приобретало теперь особо важное значение. Естественно, что вопрос этот был включен *в* повестку дня II Конгресса КИМ.

В новой исторической обстановке, сложившейся после победы Октябрьской революции, В. И. Ленин считал возможным переход колониальных стран к коммунизму, минуя капиталистическую стадию. Он подчеркивал, что отныне «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития— к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» *.

Это положение имело выдающееся значение для революционного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Оно было совершенно новым словом в развитии марксизма после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса.

Новое положение В. И. Ленина стало исходным при решении задач Коминтерна в колониальных и полуколониальных странах. Оно открыло широкую перспективу и придало совершенно новый смысл нашей практической работе на Востоке.

На III Конгрессе Коммунистического Интернационала присутствовали уже представители коммунистических партий ряда азиатских стран. Среди них был и делегат из Китая Чжан Тайлэй. Одновременно он представлял и социалистическую организацию молодежи Китая на II Конгрессе КИМ, на котором были и делегаты революционных молодежных организаций из Монголии, Персии, Индии и недавно образовавшихся советских республик — Хивы, Бухары, Азербайджана, Грузии и Абхазии.

Докладчиком по вопросу о революционном движении молодежи на Востоке был Ш. Забиров. Он поделился опытом работы среди молодежи в советских республиках Средней Азии и сформулировал некоторые организационные принципы работы среди молодежи колониальных стран.

Следует сказать, что практического опыта работы среди молодежи колониальных и полуколониальных стран тогда еще ни у кого не было. Мы знали, что в некоторых странах Востока существуют различного рода организации молодежи — от действительно революционных до реакционно-религиозных. Необходимо было рассмотреть вопросы об отношении к этим организациям, о создании комсомольских ячеек внутри некоторых из них.

Особо важное значение приобрело выступление

Л. Шацкина о тактике Коммунистического интернационала молодежи в колониальных странах. Он отмстил, что народы этих стран находятся на различных стадиях экономического и общественного развития. В качестве примера докладчик привел Японию, Китай, Корею и Монголию. При большом разнообразим экономического, социального и политического развития невозможно было установить единую тактику для всех восточных стран.

Столь же разнообразным по своему характеру являлось и движение молодежи в этих странах. «Это ясно доказывает нам,— говорил Шацкин,—что мы не можем заранее в точности наметить тактику работы Исполнительного комитета на Востоке».

Было очевидным, что при наличии массовых объединений молодежи в странах Востока задача заключалась в создании

комсомольских ячеек внутри этих организаций. Более сложным был вопрос о том, как поступать в тех случаях, когда нет никаких объединений молодежи. Создавать в этом случае общий революционный, но еще не коммунистический союз молодежи или же приступать сразу же к созданию комсомольских организаций? Л. Шацкин, говоря о колониальных странах, считал возможным допустить некоторые массовые ассоциации в Коммунистический интернационал молодежи с правом совещательного голоса.

Я рассказываю здесь о выступлении Л. Шацкина, поскольку он был наиболее осведомленным в этом вопросе. Вместе с тем его выступление показало, что в 1921 г. Коммунистический интернационал молодежи только приступал к работе в колониальных и полуколониальных странах, что было еще много неясностей и нерешенных вопросов. Но так или иначе, надо было переходить к делу и решать вопросы на ходу — по мере их возникновения, в зависимости от сложившейся обстановки в каждой стране в отдельности.

В Китае первый социалистический союз молодежи был создан в Шанхае в конце августа 1920 г. Вслед за Шанхаем организовались такие же союзы в других городах. Они состояли почти исключительно из студентов. Руководящее положение в социалистических союзах молодежи занимали коммунисты, однако в состав этих организаций входили и анархисты и содна.листы реформистского толка. Нельзя сказать, что это были люди уже окончательно сложившихся политических убеждений, скорее, это были группы радикальной молодежи, занимавшиеся изучением социализма. Стремление студенческой молодежи к политической деятельности отражало поворот в общественной жизни Китая от патриархально-конфуцианской 'идеологии с ее пиетизмом к новым идеям, провозглашенным Октябрьской революцией в России. Поворот этот выражал глубокие изменения, происшедшие в социальной структуре китайского общества, возникновение новых сил, способных вести борьбу за социальное освобождение и национальное возрождение китайского народа, подавленного собственными эксплуататорами, прежде всего крупными землевладельцами, и иностранным империализмом.

Характерным для китайского студенчества двадцатых годов было своеобразное «хождение в народ». Передовые представители студентов читали лекции по различным отраслям знаний, а некоторые оставляли учебу в институтах и университетах, поступали рабочими на фабрики и заводы, создавали рабочие союзы, вели социалистическую пропаганду среди фабрично-заводского пролетариата.

Л. А. Шацкин

Весной 1921 г. общее число членов социалистических союзов молодежи Китая достигло тысячи человек. И тогда стал вопрос о созыве первого всекитайского съезда. Для этой цели в Шанхае было организовано временное Центральное бюро.

II Конгресс Коммунистического интернационала молодежи закрылся 23 июля. На последнем заседании было принято решение о переводе ИККИМ из Берлина в Москву,

Месяц, который я провел на III Конгрессе Коммунистического Интернационала и на II Конгрессе Коминтерна молодежи, был для меня целым университетом. Будучи потом в Китае, я часто думал о том, как трудно было бы мне работать, если б я не «учился» на этих двух конгрессах. Ведь такие проблемы, как отношение к различным некоммунистическим организациям, взаимоотношения комсомольских организаций с коммунистической партией, работа в профессиональных союзах и т. д., были общими для всех стран.

До тех пор у меня был опыт работы только среди советской молодежи. В первые же дни Февральской революции я был избран членом совета ученических депутатов в гимназии, в которой я тогда учился. Летом 1917 г. вступил в Группу социалистической молодежи г. Орла. В 1918 г. эта группа реорганизовалась в союз учащихся-коммунистов. Был членом бюро этого союза. Одновременно вступил в орловскую организацию Союза рабочей молодежи «III Интернационал».

В апреле 1919 г. на I Всероссийском съезде Союза учащихся-коммунистов меня избрали в состав ЦК, затем в бюро ЦК. После слияния Союза учащихся-коммунистов с РКСМ я был назначен заведующим школьным отделом ЦК РКСМ.

После II съезда РКСМ был командирован в Оренбург для работы по организации комсомола в прифронтовой полосе, в районах, освобождавшихся Красной Армией от белогвардейских полков атамана Дутова. В Оренбурге был членом губернского оргбюро, а затем в марте 1920 г. на первом оренбургском губернском съезде комсомола был избран в состав губ-кома РКСМ.

После съезда перед нами встал вопрос о работе среди казахской молодежи. В связи с этим меня командировали в Москву, в ЦК РКСМ. Наша инициатива была одобрена, и вскоре я был назначен секретарем Кирбюро ЦК РКСМ в Оренбурге, который в то время был столицей автономной Казахской (тогда ее называли Киргизской) республики.

После III съезда комсомола, на котором я был делегатом от оренбургской организации, меня «перебросили», как тогда говорили, на комсомольскую работу

з Ярославль.

Через несколько месяцев, в мае 1921 г., меня вызвали в Москву к секретарю ЦК РКП (б) Е. Ярославскому. Он спросил о моем отношении к переходу на работу в Коминтерн в качестве уполномоченного ИККИМ на Дальнем Востоке и члена Дальневосточного секретариата Коминтерна. Я сказал, что о Дальнем Востоке знаю только по школьному учебнику географии, что из иностранных языков обучался только в гимназии немецкому и французскому, что никакого опыта в предлагаемой работе не имею. Ярославский выслушал меня и сказал, что все узнаю, работая. Что же касается опыта работы среди молодежи Востока, то «он у вас имеется, вы ведь были секретарем Кир-бюро ЦК РКСМ». Через несколько дней я получил решение о моем назначении.

Отсутствие опыта никого тогда не смущало. В то время любая работа была новой, ведь само советское государство было новым и специалисты подготавливались в первые годы революции не в университетах и институтах, а в процессе самой работы.

3. Дальневосточный секретариат Коминтерна

Решение ИККИ о создании Дальневосточного секретариата состоялось в январе 1921 г. Местом пребывания секретариата был избран Иркутск.

Спустя несколько дней после окончания II Конгресса Коммунистического интернационала молодежи я выехал к месту назначения.

Путешествие из Москвы в Иркутск в скором поезде продолжалось тогда около двух недель. Приехал я в августе 1921 г., когда уже окончательно определился состав секретариата и сложился коллектив его сотрудников.

Возглавлял секретариат уполномоченный ИККИ по Дальнему Востоку Б. З. Шумяцкий. Его заместителем по организационным вопросам был Я. Г. Мин-скер, членами секретариата — Г. Н. Войтинский, представительница Международного женского секретариа-

Дальневосточный секретариат Коминтерна, Иркутск, 1921 г. Слева направо: В. Л. Букатый, С. А. Далин, С. Слепак, Л. И. Шумяц-кая, Я. Г. Минскер, Б. З. Шумяцкий, Г. Н. Войтинский, М. Кузнецова.

та А. Лепешинская, уполномоченный ИККИМ по Дальнему Востоку—автор этих мемуаров и управляющий делами — В. Л.

Букатый.

Борис Захарович Шумяцкий (Андрей Червонный) был коренным дальневосточником. Он родился в Верхнеудинске (Улан-Удэ) в 1886 г. В двенадцатилетнем возрасте родители отправили мальчика на заработки в Читу. Вскоре он поступил на работу в железнодорожные мастерские, где познакомился с социал-демократами. В 1903 г., семнадцати лет, Б. З. Шумяцкий вступил в партию. Во -время революции 1905 г. он был уже одним из организаторов и руководителей вооруженного восстания красноярских рабочих. После подавления восстания ему удалось скрыться и затем эмигрировать в Аргентину, откуда он вернулся в 1913 г., но вскоре был арестован.

После Февральской революции Б. З. Шумяцкий стал одним из руководителей большевистской организации в Сибири, откуда он был делегирован на VI съезд партии.

Во время колчаковщины Б. З. Шумяцкий работал в подполье и организовывал партизанское движение. После разгрома Колчака был назначен членом Даль-бюро ЦК РКП (б), а затем руководителем Дальневосточного секретариата Коминтерна. Одновременно он был членом реввоенсовета 5-й армии и принимал непосредственное участие в операциях по ликвидации белогвардейских банд барона Унгерна. В то время Шумяцкому было 35 лет. Ходил он в военной форме, в длинной кавалерийской шинели и буденовке. Больше половины своей жизни он успел уже отдать боевой партийной работе. Хотя мы тоже вступили в революционное движение примерно в таком же возрасте, что и Шумяцкий, но по сравнению с ним были еще юнцами. Дело не только в том, что он был лет на 10— 15 старше нас, а в том, что он вступил в большевистскую партию задолго до Октябрьской революции и уже в 1905 г. активно участвовал в вооруженном восстании. Несмотря на все это, Шумяцкий говорил с нами как равный с равными. Вместе с тем всегда чувствовалось, что победа Октябрьской революции, разгром колчаковщины — это и его личная победа, ибо с революцией была неразрывно связана вся его жизнь. Он ходил с высоко поднятой головой, что придавало его лицу выражение важности, хотя на самом деле это был простой и доступный товарищ. Жил он только интересами партии, классовой борьбы, революционного движения.

Я. Г. Минскер родился в 1891 г. в Киеве в семье рабочего. В 1911 г. в возрасте 20 лет вступил в партию социалистов-революционеров. Спустя год был арестован и осужден за нелегальную деятельность на вечное поселение в Сибири. В тюрьмах и ссылке, общаясь с социал-демократами, познакомился с марксистским учением.

В марте 1917 г. Я. Г. Минскер был избран в Иркутский совет рабочих и крестьянских депутатов. После Октябрьской революции он отходит от эсеров и в декабре 1917 г. принимает активное участие в подавлении контрреволюционного восстания юнкеров в Иркутске, за что исключается из эсеровской партии.

В 1918 г. Я. Г Минскер был делегатом II съезда Советов Сибири и избран в состав ЦИК Советов —

Центросибирь. В августе того же года при подходе белых к Иркутску вместе с Центросибирью эвакуируется сперва в Верхнеудинск, а затем в Читу. После занятия Читы белыми переходит на нелегальное положение и в ноябре 1918 г. перебирается во Владивосток, где вступает в большевистскую партию. В январе 1919 г. Я. Г. Минскер был арестован контрразведкой белых и просидел в тюрьме до конца января

1920 г., когда был освобожден восставшими рабочими и партизанами.

Некоторое время работал редактором владивостокской газеты «Красное Знамя», а затем был командирован Приморским комитетом РКП (б) в Харбин для работы среди рабочих и служащих Китайско-Восточ-ной железной дороги (КВЖД). Являясь уполномоченным Приморского комитета РКП (б), он руководил партийной организацией в Харбине.

В 1921 г. по решению Дальбюро ЦК РКП (б) Я. Г. Минскер откомандировывается из Харбина сперва в Читу, а затем направляется в Дальневосточный секретариат Коминтерна, где до февраля 1922 г. был заместителем Б. З. Шумяцкого.

Григорию Войтинекому, в бытность мою в Иркутске, было 28 лет. Позже я работал с ним в Москве и жили мы в одном коридоре гостиницы «Люкс» на Тверской улице (ныне гостиница «Центральная» на улице Горького), в которой размещались тогда работники Коминтерна.

Родился Г. Н. Войтинский в семье мелкого служащего. Нужда заставила его по окончании четырехклассного училища пойти работать наборщиком в типографию, потом счетоводом и, наконец, в возрасте 20 лет, в 1913 г., отправиться в поисках заработка в США. Там в 1915 г. он вступил в социалистическую партию. После Октябрьской революции весной 1918 г. Войтинский возвратился в Россию, во Владивосток, где сразу же вступил в коммунистическую партию. Гражданская война бросает его из Владивостока в Красноярск, во время колчаковщины он в подполье, участвует в омском восстании против Колчака, а после разгрома белой армии попадает снова во Владивосток. Там, после контрреволюционного переворота, белые арестовывают его и ссылают на каторгу на Сахалин. После свержения власти белых Г.

Войтинский в 1920 г. возвращается во Владивосток.

Опыт подпольной работы в тылу у Колчака и знание английского языка предопределили его дальнейшую судьбу. Вместе с женой М. Кузнецовой и И. Мамаевым он был командирован в Китай. В Пекине к ним присоединилась М. М. Сахьянова, также приехавшая из Владивостока[8].

При содействии двух русских профессоров Пекинского университета, С. А. Полевого и А. А. Иванова (Ивина), Г. Войтинский познакомился сперва с Ли Дачжао — в Пекине, а затем с Чэнь Дусю — в Шанхае. Оба они были профессорами Пекинского университета, первыми китайскими коммунистами и основателями Коммунистической партии Китая.

Победа Октябрьской революции в России, создание Коммунистического Интернационала, призывы к освобождению колониальных народов, к борьбе за национальную независимость вызвали подъем национально-революционного движения во всем мире. В Китае этот подъем ознаменовался в 1919 г. бурными выступлениями студенчества, так называемым движением «4 мая», направленным главным образом против японского империализма. Из левого крыла этого движения выделились наиболее революционные элементы, которые уже в следующем году объединились и создали коммунистическую партию и социалистические союзы молодежи.

Таким образом, в процессе антиимпериалистической борьбы в Китае созрели предпосылки для коммунистического движения. Теперь китайским коммунистам нужно было установить живой и непосредственный контакт с Коммунистическим Интернационалом, ознакомиться с его программными и организационными принципами и влиться в общее русло мирового рабочего движения. Помехой этому были белогвардейские армии, которые на несколько лет отрезали Китай от Советской России. Но как только колчаковщина была разгромлена и Советская Россия сомкнулась с границами Китай, установление контактов китайских коммунистов с Коммунистическим Интернационалом стало- возможным.

На долю Г. Н. Войтинского выпала честь быть первым советским коммунистом, который в 1920 г. установил непосредственную связь с китайскими коммунистами в Пекине и Шанхае. Вокруг Ли Дачжао и Чэнь Дусю уже объединились небольшие группы революционно настроенных студентов. Г. Н. Войтин-ский помог им организационно и политически оформиться, создать первые коммунистические группы, которые в июле — августе 1921 г. на учредительном съезде образовали Коммунистическую партию Китая.

Из Китая Г. Войтинский, М. Кузнецова и М. Сахья-нова возвратились весной 1921 г. в Иркутск и работали в Дальневосточном секретариате Коминтерна.

М. Кузнецова до приезда в Иркутск А. Лепешин-ской занималась вопросами женского движения, а М. Сахьянова, бурятка по национальности,— Монголией.

Хочется сказать несколько слов и о представительнице Международного женского секретариата А. Ле-пешинской. Она родилась в семье старых большевиков, живших в эмиграции, и выросла в Англии. После Февральской революции вернулась в Россию. Это была очень красивая, изящно одетая женщина, хорошо говорившая по-английски. В суровые годы гражданской войны женщины-партийки и комсомолки одевались по-военному, особенно в Сибири. Зимой — меховая шапка-ушанка, полушубок, валенки. Летом — красная косынка, военная гимнастерка, солдатский ремень, сапоги. О модах тогда не говорили и не думали. Никто по внешнему виду Лепешинской не мог бы заподозрить ее в те годы в принадлежности к большевистской партии. Более подходящей женщины для работы в Шанхае как по внешнему виду, так и по своему внутреннему облику, знанию английского языка трудно было найти. После окончания съезда революционных организаций Дальнего Востока она и была командирована в Китай, где занималась вопросами революционного женского движения. (Спустя десять лет после этого я встретился с ней в Международной ленинской школе, где мы оба преподавали и где Ле-пешинская читала на английском языке лекции по истории рабочего движения в Англии.)

В. Л. Букатый родился в 1890 г. в Красноярске. Отец его — литовец, сосланный царским правительством в Сибирь за участие в восстании 1863 г. Мать была коренной сибирячкой. Окончив в 1905 г. двухклассное ремесленное училище, В. Л. Букатый поступил рабочим в главные железнодорожные мастерские, где проработал вплоть до призыва в армию в 1912 г.

Уже в 1905 г., совсем молодым, он принял участие в вооруженном восстании красноярских рабочих, за что был арестован и некоторое время просидел в тюрьме. Вплоть до призыва в армию В. Л. Букатый был тесно связан с красноярской подпольной социал-демократической организацией, руководившейся большевиками.

В июне 1917 г., находясь на фронте, он вступил в партию и работал в армейских большевистских организациях. После окончания империалистической войны в 1918 г. В. Л. Букатый вернулся в Сибирь, в Иркутск, где вел активную -борьбу с белогвардейщиной в тылу у Колчака. В сентябре 1919 г. был

арестован, но уже в декабре того же года освобожден восставшими рабочими.

После занятия Красной Армией Иркутска В. Л. Букатый был комиссаром Восточносибирской армии, а затем заместителем председателя иркутского губрев-кома. В апреле 1921 г. его перевели на работу в Дальневосточный секретариат Коминтерна. Вместе с Сухэ-Батором он руководил разгромом Унгерна в Монголии. По возвращении в конце октября 1921 г. В. Л. Букатый занимается подготовкой Съезда народов Дальнего Востока.

Дальневосточный секретариат в своей работе опирался на национальные секции: японскую, корейскую, китайскую и монголо-тибетскую. Их возглавляли коммунисты соответствующих национальностей. Любое решение принималось при непосредственном их участии.

В секциях работали и советские сотрудники. Аппарат был подобран удачно. Часть его состояла из вернувшихся из США после революции русских эмигрантов; другие — продолжительное время жили в Маньчжурии, где было довольно многочисленное русское население, сконцентрированное главным образом в Харбине, и говорили, хуже или лучше, по-китайски; третьи имели специальное страноведческое образование, которое получили в Восточных институтах в Москве или во Владивостоке; четвертые были профессиональными партийными работниками, обладавшими опытом подпольной работы в дореволюционной России или в тылу у белых.

Наиболее крупной секцией секретариата была корейская. Захват Кореи и превращение ее после русско-японской войны в японскую колонию вызвали, естественно, широкое национально-освободительное движение. В марте 1919 г. произошло стихийное выступление корейского народа против японского империализма, которое было жестоко подавлено.

После мартовского выступления началась классовая дифференциация внутри корейского национально-освободительного движения. Буржуазно-помещичьи элементы сгруппировались вокруг так называемого шанхайского правительства, революционно-демократические элементы установили связь с корейскими коммунистическими организациями в России, где жило, особенно в Приморье, много корейских эмигрантов.

Корейская секция Дальневосточного секретариата проделала большую работу по созданию и объединению корейских коммунистических организаций в самой Корее, в Китае и в России. Среди многих работников корейской секции запомнились Хан Мен Шин, И. Серебряков (Ким Ман Гем) и Тё Хун. Последний

занимался молодежным движением.

В мае 1921 г. в Иркутске состоялся учредительный съезд Корейской коммунистической партии, на котором присутствовало 85 делегатов от коммунистических организаций, работавших в Корее, Китае и России. Представителем Исполкома Коминтерна на этом съезде был Б. Шумяцкий. От имени китайских коммунистов съезд приветствовал Чжан Тайлэй.

В китайской секции Дальневосточного секретариата работали сперва Чжан Тайлэй, а затем Чжан Го-тао. Первый приехал в Иркутск в марте 1921 г. Спустя несколько месяцев он отправился в Москву на

III Конгресс Коммунистического Интернационала и II Конгресс Коммунистического интернационала молодежи. После этих конгрессов Чжан Тайлэй вернулся в Китай для работы по подготовке Съезда народов Дальнего Востока. Вместо него в Иркутск вскоре прибыл Чжан Готао, который на учредительном съезде Коммунистической партии Китая был избран в состав Центрального бюро. Одновременно он получил мандат на участие в качестве делегата от Коммунистической партии Китая в Съезде народов Дальнего Востока.

В китайской секции Дальневосточного секретариата работали также советские товарищи: М. Абрамсон, И. Мамаев, А. Климов, М. Добисов, С. Давидович и др.

Наибольшую трудность представляло установление контактов с революционными организациями в Японии.

Воспользовавшись поражением китайской революции 1911 г., затем поражением Германии в первой мировой войне, гражданской войной в России, японский империализм проявил лихорадочную активность на Дальнем Востоке. По существу он прибрал к своим рукам всю Маньчжурию. На советском Дальнем Востоке Япония, опираясь на белогвардейскую армию атамана Семенова, поддерживала и организовывала русскую контрреволюцию, японские империалисты господствовали на территории Приморья, Амурской области, высадили войска во Владивостоке и, наконец, посадили своего ставленника барона Унгерна в Монголии.

Шовинистический угар, охвативший Японию, разгул реакции внутри страны, подавление движения японских рабочих, суровые репрессии крайне затрудняли деятельность японских коммунистов, работавших в глубоком подполье, и все же Дальневосточный секретариат установил с ними связь. Японскую секцию возглавлял прибывший в Иркутск Тогучи.

Реакцией на захват Монголии белогвардейскими бандами барона Унгерна в феврале 1921 г. явился подъем национально-

освободительного движения монгольского народа. Уже в марте 1921 г. в Кяхте состоялся съезд Монгольской народной партии, поставившей своей целью национальное освобождение Монголии.

Народная партия обратилась с воззванием к китайскому народу в связи с тем, что китайская реакция рассматривала Монголию как свою территорию и собиралась послать туда войска.

В создании Монгольской народной партии, а затем Революционного союза молодежи большую роль сыграли бурятские коммунисты. В монголо-тибетскую секцию Дальневосточного секретариата входили Г. Дан-чинов, М. Сахьянова, Ф. Коняев, Нацов, Ишидоржин,

С. Борисов, а также В. И. Юдин и Старков (Зарикто), которые после разгрома Унгерна работали в Монголии.

Активное участие в работе монголо-тибетской секции принимал Б. З. Шумяцкий. Он оказал очень большую помощь народной партии в становлении монгольского свободного государства. Недаром его потом избрали почетным гражданином Монголии.

Дальневосточный секретариат издавал свой печатный орган — «Народы Дальнего Востока». Это был солидный журнал, в котором публиковались содержательные статьи по экономике Японии, Китая, Кореи, Голландской Индии (Индонезии) и даже Австралии, материалы о положении рабочего класса и крестьянства, о революционном движении в этих странах. Подготовкой материалов для этого журнала занимались работники информационного отдела секретариата

С. Слепак, Л. Перлин, Л. Кауфман, И. Райгородский.

К моменту моего приезда в Иркутск одна из сотрудниц Дальневосточного секретариата, иркутская комсомолка Е. Н. Лютомская, уже занималась молодежным движением. Теперь она включилась в работу по созыву съезда революционной молодежи Дальнего Востока. Уже в первом номере журнала «Народы Дальнего Востока» было опубликовано воззвание Дальневосточного секретариата Коммунистического интернационала молодежи к организациям молодежи Китая, Кореи и Японии с призывом принять участие в Съезде народов Дальнего Востока и революционных организаций молодежи этих стран.

Весь коллектив работников Дальневосточного секретариата Коминтерна с большим воодушевлением

Дальневосточный секретариат Коминтерна. Иркутск, 1921. Комсомольская группа. Слева направо: В. Н. Орловская, Д. Шумядкий, Е. Лютомская, Л. Рудницкая, С. А. Далин, И. Райгородский,

М. Добисов.

проводил подготовительную работу по созыву съезда. Это была очень сложная задача. Нужно было связаться не только с коммунистическими организациями Японии, Кореи и Китая, но и с рабочими союзами, со всеми организациями, ведущими борьбу за национальное освобождение Кореи и Китая от иностранного империализма. Все это делалось нелегально, ибо Япония в те годы была одной из самых реакционных стран, где жестоко подавлялось рабочее движение. Еще более жестоко каралось любое сопротивление японскому империализму в Корее. Что же касается Китая, то там борьбу с революционным движением вели иностранные империалисты вкупе с местными реакционерами.

Япония, опираясь на остатки белогвардейских банд, произвела 26 мая 1921 г. контрреволюционный переворот в Приморье, свергнув там власть ДВР и поставив у власти японских агентов — крупных буржуа-спекулянтов братьев Меркуловых. 29 декабря 1921г. белые захватили Хабаровск.

Меркуловский переворот в середине 1921 г. отрезал Приморье от Дальневосточной Республики и Советской России. В результате переворота делегаты не могли ехать морем через Владивосток. Оставался один путь: через Маньчжурию, а оттуда в Читу и Иркутск. Маньчжурия была наводнена белогвардейцами,

японскими войсками, полицией и т. д. Надо было организовать пункты связи в Шанхае, Пекине и Харбине, которые обеспечили бы проезд делегатов в Советскую Россию. Несмотря на все трудности, работа эта успешно продвигалась.

Большую роль в этой работе сыграла жена Б. З. Шумяцкого — Лия Исаевна, которая заведовала отделом международной связи в Дальневосточном секретариате. Она была опытным в такой работе человеком. Член большевистской партии с 1905 г., Л. И. Шумяцкая в возрасте 16 лет приняла участие в вооруженном восстании в Красноярске, была арестована, выпущена из тюрьмы как несовершеннолетняя, а затем все годы до победы Советской власти в Сибири работала в подпольных большевистских типографиях, на явочных квартирах, на связи с партизанами, боровшимися с Колчаком. Такова была революционная биография этой доброй, замечательной женщины.

Несмотря на все трудности, подготовительная работа по созыву Съезда народов Дальнего Востока была завершена и задача, возложенная на Дальневосточный секретариат Коминтерна, была выполнена.

4. Съезд революционных организаций Дальнего Востока

В сентябре 1920 г. в Баку состоялся Съезд народов Востока. В съезде приняло участие около 1900 делегатов из многих стран. Здесь были представители Турции, Персии, Афганистана, Сирии, Палестины, Индии, Египта. Наряду с ними на съезде широко были представлены трудящиеся Азербайджана, Дагестана, Армении, Грузии, Ферганы, Бухары, Хивы, Башкирии, Казахстана, Киргизии, Калмыкии — народы, только что освободившиеся от гнета иностранных интервент тов и контрреволюционных буржуазно-националистических правительств. Были на съезде корейцы и китайцы, но главным образом из числа проживавших в России. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке еще не закончилась, и это обстоятельство явилось причиной того, что Монголия, Бурятия, Китай, Корея и Япония, по существу, не были представлены на бакинском съезде.

Поэтому уже в конце 1920 г. возникла идея созыва особого съезда, который по аналогии с бакинским получил название Съезда народов Дальнего Востока. В 1921 г. созыв такого съезда стал особенно актуальной задачей в связи с обстановкой, создавшейся на Тихом океане.

Экспансия и агрессия японского империализма достигли таких масштабов, что он стал самой большой угрозой для народов Дальнего Востока.

Мы уже говорили, что Япония стояла за спиной барона Унгерна, обосновавшегося в Монголии. Теперь барон надел монгольский халат, объявил себя буддистом, преемником Чингисхана, и поставил своей целью захват территории от Бурятии до степей в низовьях Волги, населенных в значительной части калмыками.

В мае 1921 г. белогвардейские части Унгерна вторглись на территорию Советской России, стремясь прорваться к Транссибирской железной дороге, чтобы затем двинуться в сторону Верхнеудинска. Операцией Унгерна руководили японские империалисты, которые одновременно активизировали действия белогвардейских банд в Приморье и Амурской области.

Против Унгерна были направлены части 5-й Краснознаменной армии, которые разбили белогвардейские банды и взяли в плен самого барона. Его привезли в Иркутск, где вскоре судили в переполненном зале драматического театра.

Унгерн производил впечатление маньяка — недаром его называли «сумасшедшим бароном».

Попытка японского империализма прибрать к рукам Монголию не удалась. Национально-освободительное движение в Монголии было направлено против происков японского империализма и китайской реакции. За разгромом Унгерна последовало образование независимого монгольского государства.

Сложная обстановка возникла на русском Дальнем Востоке. В целях противодействия экспансии японского империализма в 1920 г. между Советской Россией и Японией было создано буферное государство — демократическая Дальневосточная Республика со столицей в Чите. В республике циркулировали только золотые и серебряные деньги царской чеканки, торговали частные магазины. Власть же находилась в руках трудящихся. Территория Дальневосточной Республики простиралась от Байкала до Владивостока.

Республика вступила в дипломатические переговоры с Китаем, была восстановлена железнодорожная связь с Харбином. В Китай выехала миссия во главе со старым революционером И. Л. Юриным (Гинтовт-Дзевалтовский). С окладистой бородой, аристократическими чертами лица, мягкими формами обращения, он как никто другой был на месте в роли представителя демократической республики.

Все это, однако, не приостановило агрессии японского империализма. Опираясь на белогвардейские банды, Япония к концу 1921 г. держала фактически в своих руках территорию от Владивостока до Хабаровска. Таким образом, господство Японии распространилось теперь на Корею, Тайвань, всю Маньчжурию, Монголию и русский Дальний Восток. Создавалась огромная империя, которая теперь угрожала и Советской России и Китаю. Такова была обстановка на Дальнем Востоке в 1921 г.

Экспансия японского империализма ущемляла интересы США, которые после первой мировой войны совершали поворот от изоляционизма к внешней экономической и политической экспансии и все громче требовали для себя места на противоположных берегах Тихого океана. На 11 ноября 1921 г. было назначено открытие конференции девяти стран в Вашингтоне. На ней империалистические державы надеялись урегулировать свои противоречия на Дальнем Востоке. Япония рассчитывала, что, чем больше территорий она захватит на русском Дальнем Востоке и в Китае, тем сильнее будут ее позиции на переговорах.

Было очевидным, что на Вашингтонской конференции

произойдет столкновение противоречивых интересов США и Японии. Стремясь изменить соотношение сил в свою пользу, США одновременно пытались привлечь к себе симпатии китайского и корейского народов. Речь шла о замене господства одной державы господством другой или по крайней мере об ослаблении позиций Японии на Тихом океане и усилении роли американского империализма в Китае.

Между тем буржуазно-националистические круги в Корее и Китае строили иллюзии об «освободительной миссии» США на Дальнем Востоке. Говорилось об изгнании японцев из Кореи, Маньчжурии и Монголии и об освобождении Китая от господства иностранного империализма. В связи с этим буржуазные националисты возлагали большие надежды на Вашингтонскую конференцию.

При таком положении Исполком Коминтерна посчитал необходимым пригласить представителей рабочих, крестьян, интеллигенции Японии, Кореи, Китая, Монголии и противопоставить Вашингтонской конференции Съезд народов Дальнего Востока. Первоначально решено было созвать этот съезд в Иркутске и открыть его 11 ноября, то есть в день открытия Вашингтонской конференции.

Уже в октябре 1921 г. в Иркутск стали прибывать делегаты. Пробирались они с большими трудностями. Значительная часть делегатов добралась до Иркутска только к началу декабря. Исполком Коминтерна решил перенести съезд в Москву, что должно было придать ему еще большее политическое значение.

В конце декабря 1921 г. специальный поезд со всеми делегатами, членами Дальневосточного секретариата и несколькими его сотрудниками направился в Москву.

Всего на съезд прибыло около 150 делегатов с решающим или совещательным голосами. Они представляли организации различных политических направлений: от коммунистических до религиозных, но всех их объединяла революционная борьба за национальное освобождение. В числе приехавших на съезд были представители рабочих союзов. Примерно половина делегатов была членами коммунистических партий и революционных союзов молодежи.

Перед открытием, когда окончательно выявился состав участников съезда, изменилось и его название.

«Правда» печатала информацию об этом съезде под рубрикой «Съезд трудящихся Дальнего Востока», а изданный Коминтерном в 1922 г. сборник материалов съезда вышел под названием «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока», что наиболее соответствовало его характеру и составу.

Самой большой по численности делегацией была корейская, за ней следовала китайская. Монголия, ставшая независимой страной, была представлена двумя организациями: Народной партией и Революционным союзом молодежи. На съезде присутствовал и делегат из Голландской Индии.

Особо важное значение имело участие в работе съезда японских представителей. Это означало, что передовые представители японского рабочего класса от его имени выступили в поддержку трудящихся Кореи и Китая в их борьбе против империализма Японии. Большой вес придало японской делегации и то, что в ее составе находился ветеран рабочего движения в Японии Сен Катаяма: он впервые прибыл в Москву в декабре 1921 г. и теперь был избран в состав почетного президиума съезда.

Помимо этих делегаций в съезде участвовали представители трудящихся Якутии, Бурятии и Калмыкии. Следует учесть, что российская часть Дальнего Востока вплоть до конца 1922 г. еще не полностью освободилась от белогвардейских армий и японских интервентов, что японские империалисты вынашивали план создания «панмонгольского государства», которое объединило бы якутов, маньчжуров, монголов, бурятов и калмыков. «Панмонгольское государство» под протекторатом Японии было тогда мечтой японских империалистов. Во время Съезда революционных организаций Дальнего Востока Владивосток находился еще в руках японских интервентов, и империалистическая Япония угрожала свободе якутского, бурятского и калмыцкого народов. При таком положении участие их представителей в работе съезда было вполне правомерным.

Съезд торжественно открылся 21 января 1922 г. в Свердловском зале кремлевского дворца приветственными выступлениями Сен Катаямы — от имени Исполкома Коминтерна, М. И. Калинина — от имени

ВЦИК, С. А. Лозовского — от имени Профинтерна, представителя Исполкома Коминтерна молодежи Р. Шиллера.

С приветствиями выступили представители японской, китайской, корейской и монгольской делегаций, а также Рой — от компартии Индии и Кар — от компартии США. Таким образом, открытие съезда вылилось в манифестацию интернационального братства трудящихся Азии, Европы и Америки.

Рабочие заседания съезда происходили в одном из залов 3-го Дома Советов; что на Садово-Каретной улице.

Деловая часть съезда открылась докладом о международном положении. В центре доклада стоял вопрос о Вашингтонской

конференции, заседания которой тогда еще продолжались (она закончилась в феврале

1922 г.).

Как и следовало ожидать, Вашингтонская конференция проходила под знаком обострившихся противоречий между США и Японией и нового соотношения сил между США и империалистическими странами Европы, возникшего в результате первой мировой войны. Германия потерпела в войне поражение, а Япония воспользовалась этим, чтобы захватить германские колонии в Китае. Соединенные Штаты, разбогатевшие на войне, превратились из должника Европы в ее кредитора.

В конце января 1922 г., в дни, когда происходили заседания Съезда революционных организаций Дальнего Востока, основные итоги Вашингтонской конференции были уже известны. О Корее и Тайване на конференции не было сказано ни слова. Тем самым империалистические страны закрепили эти территории за Японией. Американскому империализму удалось заставить Англию расторгнуть свой военный союз с Японией и принудить последнюю вернуть Китаю захваченные ею германские колонии в Шаньдуне, однако английские, французские и португальские колонии в Китае оказались незатронутыми решениями конференции.

США настаивали на политике «открытых дверей», т. е. на ликвидации особых привилегий европейских держав в экспорте капитала и в торговле с Китаем.

Тем не менее, Вашингтонская конференция отложила вопрос о возвращении Китаю его таможен и таможенных доходов, которые служили обеспечением предоставленных Китаю иностранных займов. В результате возросшей силы Советской России и обострения межимпериалистических противоречий США и Япония вынуждены были принять решение о выводе своих войск из Владивостока.

США заставили Японию отступить на Дальнем Востоке, но это обстоятельство не смягчило, а лишь обострило японо-американские противоречия, которые спустя 20 лет привели к войне между ними. О неминуемости войны говорилось на Съезде революционных организаций Дальнего Востока. Тогда, правда, считали, что она вспыхнет лет через пять или восемь.

Съезд принял специальную резолюцию — «Результаты Вашингтонской конференции и положение на Дальнем Востоке», в которой подчеркивалось, что «действительный путь к свободе и независимости угнетенных наций Дальнего Востока лежит через союз трудящихся масс дальневосточных народов с пролетариями передовых стран, и только с ними, против всех империалистов».

Такой постановкой вопроса, полностью противоположной иллюзии буржуазии Китая и Кореи, будто бы США стали носителями освободительной миссии в Азии, резолюция не ограничилась, она раскрыла перспективу и пути дальнейшего развития угнетенных народов после их освобождения от ярма иностранного империализма. «Только победив империализм в союзе с мировым пролетариатом,— говорилось в резолюции,— трудящиеся массы народов Дальнего Востока могут наладить экономическое сотрудничество между собою и с передовыми пролетарскими республиками в своих интересах и обеспечить себе свободное развитие, воспользовавшись завоеваниями науки и техники» [9].

После доклада о международном положении съезд заслушал содержательные и интересные доклады делегаций о положении в различных странах Дальнего Востока.

Главным докладчиком о положении в Китае был Чжан Готао, который говорил о китайском пролетариате, аграрных отношениях в Китае, положении крестьянства, студенческом и стачечном движениях. Другой делегат, Дэн Пэй, рассказал о рабочих союзах в Китае, забастовках железнодорожников и металлистов. Третий делегат, Линь Тун, посвятил свое сообщение засилью иностранного капитала в китайской промышленности.

Китайской делегации по решению съезда была предоставлена возможность сделать еще два доклада. Делегат от гоминьдана Чжан Цюйбо рассказывал о своей партии и южном правительстве Сунь Ятсена, и, наконец, делегатка Хуан Бихунь (Вонг) говорила о положении китайских женщин.

На съезде я познакомился с Цюй Цюбо, московским корреспондентом одной китайской газеты. Он говорил по-русски и имел возможность в подлиннике изучить статьи и речи В. И. Ленина, декреты Советской власти. В Москве он стал коммунистом, а затем в Китае — одним из руководителей коммунистической партии.

Корейская делегация выступила с двумя докладами. Один был посвящен отношению Вашингтонской конференции к корейскому вопросу, другой — экономическому положению Кореи.

Особое значение на съезде приобрел монгольский вопрос. Разгром Унгерна, победа Народной партии, образование монгольского независимого государства вызвали, естественно, соответствующую реакцию в лагере иностранного империализма. Англия и Япония требовали теперь «возвращения» Монголии Китаю, что означало бы подавление национальной революции, сохранение иностранного засилья, удержание монголов на

ступени кочевого племенного строя.

После разгрома белогвардейских банд Унгерна Япония подталкивала пекинское правительство на посылку его войск в Монголию. Требование «возвращения» Монголии поддерживалось китайской реакцией и торговой буржуазией, которая держала в своих руках торговлю в Монголии.

При таком положении доклад монгольского делегата Дын-дыба на Съезде революционных организаций Дальнего Востока привлек всеобщее внимание. Он рассказал о роли Японии в проникновении белогвардейских банд Унгерна в Монголию, об истории Монгольской народной партии и ее борьбе за национальное освобождение. Дын-дыб огласил заявление делегата гоминьдана Чжан Цюйбо, в котором говорилось, что китайские революционеры являются противниками «возвращения» Монголии Китаю. Это заявление было принято с большим удовлетворением.

Характеризуя тогдашнюю Монгольскую народную партию, Дын-дыб сказал: «Наша партия не является не только коммунистической, но даже социалистической. Она скорее подходит под рубрику радикальнодемократических партий Запада и ставит своей задачей полное освобождение Монголии от экономического и политического гнета иностранных насильников» ***К***

В настоящее время Монгольская народно-революционная партия стоит на позициях марксизма-ленинизма. Она пришла к этому не без боев внутри партии. Но та характеристика, которую дал Дын-дыб, была несомненно правильной для того времени. Конечно, классовая дифференциация в монгольском об^ ществе существовала, но его классовая структура была докапиталистической. Бедноты было много, но пролетариата почти не было. Около половины мужского населения составляли буддийские монахи и ламы.

Угроза китайской военной интервенции с целью «возвращения» Монголии вынудила Народную партию временно сохранить монархию, во главе которой стоял «живой бог» буддийской церкви богдо-гэгэн, пойти на коалицию с высшими сословиями, князьями и буддийским духовенством. Только в 1924 г., после смерти бог-до-гэгена, Монголия была провозглашена Народной республикой.

Доклады делегаций на Съезде революционных организаций Дальнего Востока завершились обстоятельным выступлением Сен Катаямы об экономическом и политическом положении в Японии.

Японская делегация состояла из представителей коммунистических групп и так называемых синдика-листов-

коммунистов. На съезде синдикалисты заяви-

ли, что они убедились в совпадении своих взглядов со взглядами коммунистов и поэтому отбрасывают сло-но «синдикалисты» из названия своей организации и объединяются с коммунистической партией.

Доклады делегаций, взаимное ознакомление с революционным движением в различных странах показали, что перед делегатами съезда стоит один общий вопрос — об отношении коммунистов к различным национально-революционным партиям. Этому вопросу был посвящен доклад заведующего восточным отделом Коминтерна Г. Сафарова — «Позиция коммунистов в национально-колониальном вопросе и их сотрудничество с национально-революционными партиями».

Речь шла о поддержке коммунистами буржуазнодемократического движения в колониальных и полуколониальных странах в тех случаях, когда оно действительно направлено против иностранного империализма и ставит своей целью национальное освобождение. Наряду с этим говорилось о другой стороне этой проблемы— о борьбе против внутренней реакции, о преодолении остатков феодализма, являющихся опорой империализма внутри колониальных и полуколониальных стран. Указывалось на особую роль рабочего класса в борьбе за национальное освобождение и на необходимость вовлечения в освободительную борьбу крестьянства, составляющего основную массу населения Дальнего Востока.

При обсуждении этого вопроса произошла не случайная стычка китайского делегата, представителя рабочих союзов, Ку с делегатом гоминьдана ЧжанЦюй-бо. Последний изобразил свою партию как почти коммунистическую и заявил, что шанхайский союз индустриальных рабочих якобы всецело разделяет программу гоминьдана. Выступивший после него Ку категорически опроверг это заявление, сказав, что указанный рабочий союз отнюдь не разделяет программы гоминьдана. Дальнейшие события показали, что за этой полемикой скрывалось отрицательное тогда отношение китайских коммунистов к гоминьдану.

Съезд единогласно принял резолюцию по вопросу о взаимоотношениях коммунистических партий с национально-революционными организациями.

Затем делегаты были приглашены в Петроград, где 2 февраля 1922 г, состоялось торжественное закрытие съезда.

Съезд революционных организаций сыграл большую роль в революционном движении в странах Дальнего Востока. Он

развеял иллюзии значительной части буржуазии и интеллигенции об освободительной миссии американского империализма в Корее и Китае; он подчеркнул двоякий характер национально-освободительного движения — антиимпериалистический и антифеодальный и указал на важность вовлечения в национально-революционное движение крестьянства. Главное значение съезда заключалось в его интернациональном подходе к проблемам национального освобождения стран Дальнего Востока.

По воскресеньям, а также в дни, когда работали различные комиссии, проходили совещание женщин — делегаток съезда, открывшееся 22 января, и затем Съезд революционной молодежи Дальнего Востока.

Совещание женщин было малочисленным (ибо на съезд прибыло только семь делегаток), но достаточно плодотворным. Делегатки обменялись информацией о положении женщин в различных странах Дальнего Востока и договорились о политической платформе и организационных принципах будущих революционных женских организаций.

Съезд революционной молодежи Дальнего Востока открылся 30 января 1922 г. и продолжался три дня. В нем приняли участие 67'человек, т. е. почти половина делегатов Съезда революционных организаций Дальнего Востока. Преобладала молодежь в возрасте до 25 лет, но были делегаты и старше. Следует учесть, что в то время революционные союзы молодежи выступали как самостоятельные политические организации, в которые входили иногда и люди в возрасте до 40 лет. Нередко «союзами молодежи» вообще назывались новые, молодые организации — в отличие от старых.

Съезд молодежи открыл Л. Шацкин. С приветствием от имени Исполкома Коминтерна выступил вождь венгерских коммунистов Бела Кун.

В повестке дня съезда стояли такие вопросы: 1) Коммунистический интернационал молодежи и его отношение к революционному движению молодежи на

Дальнем Востоке; 2) доклады делегаций о движении молодежи; 3) задачи юношеского движения на Дальнем Востоке; 4) принятие манифеста съезда.

С докладом по первому пункту повестки дня выступил член Исполкома Коминтерна молодежи Рихард Шиллер. Он подробно рассказал историю Коминтерна молодежи, информировал о решениях его II Конгресса, особенно о работе среди молодежи колониальных стран. Р. Шиллер говорил на немецком языке, и его доклад переводился сперва на русский язык, а затем на

другие языки. Несмотря на двойной перевод, доклад был выслушан с большим вниманием и интересом. Ведь тогда революционные организации молодежи на Дальнем Востоке или еще ничего не слышали, или очень мало знали о Коммунистическом интернационале молодежи, а в ближайшем будущем им предстояло решить вопрос об отношении к этой международной организации.

Доклады делегатов с мест были для нас особенно интересны. Ведь это была предыстория комсомольских организаций Японии, Китая, Кореи и Монголии.

В Японии тогда еще не было отдельной коммунистической организации молодежи. На Съезде революционной молодежи присутствовала почти вся японская делегация, участвовавшая в Съезде революционных организаций Дальнего Востока. Коммунистическая партия Японии только складывалась, и ее представители, присутствуя на Съезде революционной молодежи, изучали политические и организационные принципы той молодежной организации, которую им предстояло создать в своей стране.

Иначе обстояло дело в других странах Дальнего Востока. Наиболее широко развернулось национально-освободительное движение молодежи в Корее после ее превращения в колонию Японии. Учащаяся молодежь в Сеуле приняла самое активное участие в массовом выступлении в марте 1919 г. После жестокого подавления этого «мирного восстания» в Корее возникли различные организации молодежи, которые облекались сперва главным образом в религиозную форму. В городах пользовался популярностью Христианский союз молодых людей, который зачастую был лишь легальной ширмой для революционной деятельности корейской молодежи. В деревнях действовала такая религиозная организация молодежи, как «Небесный путь», а также различные религиозные секты. Все они были прежде всего антияпонскими организациями. Проамериканский Христианский союз молодых людей поддерживал национально-освободительное движение только потому, что оно было направлено против Японии. В противовес Христианскому союзу японские колонизаторы создали в Корее прояпонский Буддийский союз молодежи. Еще более широкое распространение получили легальные союзы корейской молодежи, которые занимались культурно-просветительной работой, спортом и т. п. К началу 1922 г. в Корее насчитывались сотни самых разнообразных молодежных организаций, которые объединяли около 150 тыс. человек. За исключением Христианского союза молодых людей и Буддийского союза молодежи, которые управлялись внешними

центрами, все организации были чисто локальными. Все перечисленные организации не были объединены в национальном масштабе и не имели центрального руководства.

В 1920 г. были сделаны попытки их объединения. В декабре 1920 г. состоялся первый съезд союзов корейской молодежи, на котором была создана Корейская федерация союзов молодежи. В 1921 г., ко времени созыва Съезда революционных организаций Дальнего Востока, эта федерация объединяла 200 организаций с 57 тыс. членов. Делегаты от этой организации участвовали в Съезде революционных организаций Дальнего Востока.

Забегая несколько вперед, следует сказать, что Съезд революционных организаций Дальнего Востока сыграл большую роль в консолидации революционных элементов внутри Корейской федерации союзов молодежи. Спустя два месяца после московского съезда, в апреле 1922 г., на III съезде федерации в Сеуле произошел раскол. Революционное крыло вышло из федерации и создало свое объединение. В 1923 г. состоялся Съезд революционных союзов, который объединил 74 организации молодежи различного направления вплоть до религиозных, но стоявших на общих позициях антиимпериалистической борьбы и интернациональной солидарности трудящихся. Наиболее революционные элементы новой организации позже объединились в Коммунистический союз молодежи ***К***

Большую работу по сплочению революционной корейской молодежи проделал делегат Съезда революционных организаций и Съезда революционной молодежи Дальнего Востока Тё Хун, о котором я уже упоминал. Его находчивость и быстрота реакции вызывали иногда улыбки. Он быстро научился говорить по-русски, но зачастую ему не хватало слов. Однако он не терялся: цыпленка называл «курицын сын», а увидев однажды в Вятке (Киров), славившейся своими кустарными изделиями из дерева, портсигар, спросил: «Сколько стоит квартира для папирос?»

В отличие от Кореи, где революционные организации молодежи имели продолжительную историю и были достаточно многочисленными, в Китае образовались в 1919 г. прежде всего студенческие союзы. В 1920 г. наиболее революционные элементы этих союзов создали социалистические организации студентов. По существу, это были кружки, занимавшиеся изучением социализма, но руководящую роль в них уже играли коммунисты. К началу 1922 г. социалистические организации молодежи еще не были объединены в национальном масштабе. Местные студенческие организации Китая и социалистические союзы были представлены на Съезде революционной молодежи Дальнего Востока 27 делегатами.

Революционный союз молодежи Монголии возник в августе 1921 г. К моменту созыва Съезда революционной молодежи Дальнего Востока этот союз насчитывал только 300 членов. Ему пришлось работать в довольно сложных политических условиях. Выше мы привели слова монгольского делегата на Съезде революционных организаций Дальнего Востока Дын-дыба

о том, что в то время Народная партия Монголии еще не была подлинно социалистической организацией. Угроза военной интервенции побудила эту партию сохранить монархию и вступить в коалицию с князьями и ламами, да и в самой партии представители этих сословий играли тогда еще известную роль. И все же в условиях того времени правительство Монголии было органом национального освобождения и, естественно, поддерживалось как Народной партией, так и Революционным союзом молодежи. Однако в условиях монархии союз молодежи находился по отношению к правительству в некоторой оппозиции. В одном из документов Революционного союза молодежи Монголии говорилось: «Несмотря на то, что образовано Народно-революционное правительство, все же многое остается по-старому: угнетают князья, придерживающиеся старого порядка, не обращая внимания на положение народа, руководствуясь наследственными правами и сопротивляясь Народному правительству» ***К*** Были моменты, когда отношения между Народной партией и союзом молодежи приобретали конфликтный характер. В некоторых случаях это было результатом левацкой позиции союза по отдельным вопросам. Так, например, в декларации, принятой на Съезде революционной молодежи Дальнего Востока, говорилось, что задачей союза является установление Советской власти в Монголии. В других случаях конфликты вызывались уступками, сделанными князьям и ламам.

Съезд единогласно одобрил резолюцию о задачах юношеского движения на Дальнем Востоке. Политические задачи монгольского Революционного союза молодежи были определены в этой резолюции следующим образом: «Поскольку правительство защищает национальную независимость, поскольку последняя знаменует освобождение Монголии от иностранного гнета, союз всеми силами должен его поддерживать, но, с другой стороны, союз должен следить, чтобы интересы широких масс степняков-кочевников не были бы обойдены, и поэтому в государственном строительстве союз должен придерживаться политики демократических поправок».

Народно-революционная партия Монголии находилась тогда в процессе становления. Внутри партии были силы, которые, как

потом оказалось, противодействовали некапиталистическому, а затем социалистическому пути развития. При таком положении Исполком Коминтерна молодежи был тогда против подчинения Революционного союза молодежи Народной партии. Вместе с тем ИККИМ рекомендовал монгольскому союзу молодежи поддерживать все прогрессивные, революционные мероприятия партии и правительства и активно участвовать в проведении их в жизнь. Прошли годы. Народно-революционная партия очистилась от косных элементов и стала марксистско-ленинской партией, и отношения между ней и союзом молодежи стали такими, какие предусматривались решением II Конгресса КИМ.

Доклад о задачах юношеского движения на Съезде революционной молодежи Дальнего Востока было поручено сделать мне. Краткий отчет об этом заседании был опубликован в «Правде» 5 февраля 1922 г. С тех пор прошло более 50 лет, и вместо воспоминаний лучше будет привести здесь этот отчет. В нем сообщалось:

«С докладом о задачах юношеского движения на Дальнем Востоке выступает тов. Далин. Он указывает, что движение молодежи не носит там характера чисто юношеского движения, а является общеполитическим. Он указывает на громадную роль студенческих организаций в общественной жизни Китая. Такой же характер носит движение молодежи в Корее, в Монголии, где оно стремится к национальному освобождению страны. Все это говорит о том, что юношеское движение имеет глубокие и прочные корни в революционном движении на Дальнем Востоке. Останавливаясь на характеристике движения молодежи в отдельных странах, докладчик указывает, что движение молодежи в Китае не имеет до сих пор массового характера. Оно узко, замкнуто, не стремится стать массовым, хотя в последнее время в нем намечается перелом в сторону сближения с широкими массами, но оно должно конкретно определить свою политическую программу. Иначе получается раздробленность, бесформенность и возможность проникновения в эти организации чуждых элементов, как, например, в Китае, где в социалистические организации входила буржуазная и анархическая молодежь.

Политические задачи революционной молодежи в различных странах различны. Особенно важно широко поставить работу среди рабочей, а также крестьянской молодежи, еще более отсталой и темной, чем городская. Эти слои молодежи лучше всего и легче всего вовлечь широкой культурно-просветительной работой. Необходимо также повести работу среди девушек и освободить их от буржуазного влияния феминистских

организаций и показать, что свое освобождение они найдут в совместной борьбе всех трудящихся. Что касается самих форм организации, то здесь нужно провести строгую централизацию, что значительно облегчит решение больших революционных задач».

В резолюции по докладу съезд подчеркнул важность и необходимость поворота революционных организаций молодежи в сторону работы среди трудящейся молодежи города и деревни, борьбы за охрану труда рабочей молодежи в тесном контакте с профессиональными союзами.

В принятом манифесте Съезд революционной молодежи Дальнего Востока заявил: «Мы решили на нашем Съезде заключить тесный союз на жизнь и на смерть между трудящейся молодежью Запада и Востока для борьбы против общих врагов. Мы признаем своим вождем Коммунистический интернационал молодежи».

Съезд революционной молодежи оставил глубокий след в юношеском движении Дальнего Востока. Он определил его политические и организационные задачи. Он установил и закрепил связи между революционными организациями молодежи различных стран Дальнего Востока и всех этих союзов с международным юношеским коммунистическим движением.

Вскоре после закрытия Съезда революционной молодежи Дальнего Востока состоялись национальные съезды Союза корейской молодежи (в апреле), Социалистического союза молодежи Китая (в мае) и Революционного союза молодежи Монголии (в июле 1922 г.). На всех этих съездах, применительно к условиям в каждой стране, были приняты решения о дальнейшей работе в соответствии с резолюциями Съезда революционной молодежи Дальнего Востока.

Делегация Социалистического союза молодежи Китая обратилась к Исполкому Коминтерна молодежи с просьбой послать своего представителя на первый всекитайский съезд союза. Исполком Коминтерна молодежи поручил это мне.

В начале -февраля 1922 г., спустя несколько дней после закрытия Съезда революционных организаций Дальнего Востока, я выехал в Китай.

5. Дорога в Шанхай

В начале февраля 1922 г., когда я выехал из Москвы в Китай, Колчак был уже разгромлен Красной Армией, очищено от белых было и Забайкалье, но Приморье и Амурская область еще находились в руках белогвардейцев и иностранных интервентов. Путь мой лежал через Читу — столицу ДВР (Дальневосточной Республики). В Чите находилось китайское консульство, где мне предстояло получить визу. Из Читы путь и Китай пролегал через наш пограничный 86-й разъезд, за ним находилась уже китайская станция Маньчжурия. Поезда из ДВР шли только до этой станции, а там нужно было пересесть в поезд до Харбина, где предстояло снова остановиться и получить дополнительные визы. Путь в Китай был нелегким, тем более что вся Северная- Маньчжурия была наводнена остатками разбитой колчаковской армии.

Наступил день, когда я сидел в поезде, следовавшем из Читы на станцию Маньчжурия. Народу в поезде оказалось довольно много. Хотя дипломатические отношения между ДВР и Китаем еще не были установлены и пока велись только переговоры по этому вопросу, но железнодорожная связь была уже восстановлена и фактически отношения так или иначе налаживались.

Наш поезд миновал 86-й разъезд. Началась десятикилометровая нейтральная зона. Железнодорожный путь затем стал разветвляться — признак того, что мы подъезжали к китайской пограничной станции Маньчжурия.

Вот наконец и Китай. Поезд остановился, окруженный китайскими солдатами с ружьями «на караул». Из вагонов не выпускали. Наконец появился какой-то англичанин, отрекомендовавшийся представителем китайской таможни, а за ним, внимательно оглядывая всех,— русский белогвардеец в китайской форме. Он проверял паспорта и визы.

Впредь до отъезда в Харбин пришлось остановиться в небольшом пристанционном поселке. Судя по виду деревянных домов, большинство населения здесь было русским. Извозчик повез меня в «отель», но свободных комнат не оказалось, и я согласился с предложением остановиться в какой-то частной квартире, отлично понимая, что обрекаю себя на неприятные расспросы и разговоры. Но иного выхода не было.

Действительно, особенно любопытной оказалась хозяйка дома. Я выдавал себя за коммерсанта, сына купца первой гильдии, едущего в Китай по торговым делам. Хозяйка сразу же

предложила мне купить вагон «крупчатки три нуля», затем какое-то количество мешков сахара, партию чая и т. п. Я понял, что имею дело с пограничными контрабандистами. Мои уклончивые ответы и слабые познания в коммерции насторожили хозяйку. Она стала относиться ко мне с подозрением и закончила наш разговор вопросом омоем отношении к большевикам.

Это было первое в моей жизни путешествие заграницу, и сразу же я попал в неприятную историю, которая завершилась совершенно неожиданным образом. Вечером ко мне в комнату зашел сам хозяин. Он уже получил от жены полную информацию о разговоре со мной, однако был настроен приветливо и добродушно, и у меня отлегло от сердца. Он поинтересовался моими документами и, хотя они были в полном порядке, все же рекомендовал мне переменить гражданство и приобрести другие документы. Контрабандист есть контрабандист — хозяин хотел на мне заработать. Его нелегальная деятельность требовала хороших отношений с полицией. Он предложил мне паспорт, который выдавался китайскими властями русским белогвардейцам, перешедшим на территорию Китая. «Вам,— сказал он,— это будет стоить 15 рублей золотом, которые вы дадите мне. Идите в фотографию и принесите фотокарточки. Начальник паспортного отдела полиции придет ко мне, и все будет оформлено здесь, вам никуда не надо будет ходить».

Принять это предложение значило пойти на большой риск. Тем не менее у меня возникло какое-то чувство доверия к этому человеку. Я согласился. На следующий день вечером в квартиру пришел начальник паспортного отдела китайской полиции. Он разложил па столе кисточку для письма, черную тушь, клей и печати с красной тушью. Я дал ему свою фотокарточку и через несколько минут в руках у меня был документ на китайском языке. Все были довольны: начальник паспортного отдела, хозяин и я.

На следующий день я был уже в международном вагоне КВЖД, которая прежде принадлежала царской России, а теперь находилась в руках не признававшего советской власти правления. Томительно прошли сутки в поезде. Но вот наконец и Харбин. Я вышел из здания вокзала и сразу же убедился в правоте манифеста Съезда революционных организаций Дальнего Востока.

Язык социальных революций очень эмоционален. Он взывает к чувству справедливости и возмущается попранием человеческого достоинства. «Разжиревшие от чужого пота и крови иностранные буржуи,— говорилось в этом манифесте,— разъезжают здесь в тележках, в которые запряжены люди-лошади,

рикши, и погоняют их ударами сапог и палки». Впервые я увидел рикшу в Харбине. Здесь, а затем в Шанхае и в Кантоне много раз имел возможность убедиться в правдивости манифеста. Чуть ли не со слезами на глазах смотрел я на исхудалого китайца, крепко державшего в руках оглобли маленькой с узким сиденьем колясочки па двух высоких велосипедных колесах. В колясочке сидел толстый, грузный китаец с вещами на коленях. Я ехал на извозчике, однако рикша долго не отставал от лошади.

В шанхайском суде, где иностранцы на территории своих концессий судили китайцев, разбиралось вовремя моего пребывания в этом городе дело одного рикши. Он вез «представителя европейской цивилизации» около сорока минут. Слезая, иностранец заплатил ему пять центов ***К*** Рикша отказался принять такую мизерную плату, за что был избит палкой. Вдобавок рикша был задержан полицией. Уходя из суда, он был рад, что его по крайней мере не посадили месяца на три в тюрьму за «грубое обращение с иностранцем».

Рикш в китайских городах было тысячи. Особенно много на иностранных концессиях, где они не давали .никому ходить пешком. Рикша следовал рядом с тобой, упрашивая сесть в коляску, принадлежавшую не самому рикше, а хозяину, который отбирал значительную часть заработка «лошади» как арендную плату за коляску.

Перевозка грузов

Рабочий день рикши тянулся с раннего утра до поздней ночи, с короткими перерывами для еды тут же на улице у владельца передвижной кухни. Рикша и спит здесь же в коляске, пока его не разбудит какой-нибудь прохожий. Жизнь этих бедняг коротка, ибо сердце при быстром беге вскоре сдает. Тогда хозяин выбрасывает его, как выжатый лимон.

На улицах китайских городов часто можно было видеть такую картину: большая платформа на двух деревянных тяжелых колесах, нагруженная различного рода кладью, ящиками, бочками, металлом и т. п. Вместо лошадей платформу тянут при помощи канатов человек десять кули. Канаты врезаются в голое тело рабочих, мускулы вздуты. Унылым трудовым напевом «э-хэ-хэ», в такт совместным усилиям, сопровождается этот лошадиный труд. На юге, в Кантоне, в платформу впрягались и женщины, за спинами которых часто были привязаны грудные дети.

Помню, перевозили большой, тяжелый несгораемый шкаф. Платформу тащили около тридцати женщин. На спинах большинства из них болтались кро-шечйые головки младенцев. Тот же монотонный припев «э-хэ-хэ» резал слух прохожих.

Я спросил у одного американца, который всегда говорил мне, что США это страна машин, почему здесь они не перевозят подобные тяжести на грузовых автомобилях. Он ответил, что

бензин стоит дороже труда этих тридцати женщин. Это была горькая правда: за 16-часовой рабочий день китайская работница получала 10 мексиканских центов.

Я остановился в одной из гостиниц на главной улице торговой части Харбина. Белогвардейцы, нашедшие пристанище в этом городе, резко увеличили численность его населения. Улицы были полны народа. Казалось, что все торговали и чем-то спекулировали. Бежавшие сюда офицеры разбитых белых армий продавали награбленные в России ценности. Кто-то продавал, кто-то скупал, и казалось, что улица, кафе, магазины— это сплошная биржа. Чувствовалась здесь сила Японии: главной валютой в городе стала японская иена. Появились японские магазины. Витрины лавок были полны снеди и всяческих товаров. После Москвы и Иркутска это резко бросалось в глаза. Ведь 1921 год у нас был особенно тяжелым. К разрухе, причиненной империалистической и гражданской войнами, прибавился неурожай и голод в Поволжье. Скудные пайки, выдаваемые по карточкам, были еще более сокращены. 400 граммов полуржаного, полуовсяного хлеба, суп из селедочных голов, немного жидкой каши. Всегда хотелось есть, но не было никакой трагедии, по крайней мере для нас, молодежи. Ведь все одинаково голодали, не было сытых и голодных. Это был решающий моральный фактор, который творил чудеса.

Голода никто не скрывал. О нем говорил В. И. Ленин. На его имя посылали из сытых губерний вагоны белых сухарей, он отдавал их в детские дома. На II Конгрессе Коммунистического интернационала молодежи председатель ЦК РКСМ О. Рыбкин говорил: «Когда вы вернетесь Домой из Советской России, то помните о том, что Российская Советская Республика и ее рабочая молодежь переживают в настоящее время невероятно тяжелое время. Поистине никогда за время существования Советской Республики оно не было столь тяжелым. Рабочая и крестьянская молодежь в целом ряде губерний, на Волге и юго-востоке, голодает вследствие неурожая. Ввиду сокращения производства тысячи молодых рабочих уволены с заводов. Мы говорим вам об этом не для того, чтобы влить в ваши сердца уныние, но вы должны знать, что рабочая молодежь России, невзирая на тяжелое положение, будет твердо держать в руках знамя революции и всегда пойдет вперед по раз уже намеченному пути».

Это было в июле 1921 года. Тверская улица снизу до здания Московского совета была вымощена булыжником. Между камнями проросла трава. Движение — небольшое. Автомобиль — редкость, извозчиков — мало. Улица была зеленой от травы. Дворники ножами выскабливали ее, но она упорно появлялась

вновь через пару дней, особенно после дождя.

Угля не хватало. Электростанции работали с неполной нагрузкой. Из-за перебоев в снабжении электроэнергией трамваи, проезд на которых был бесплатным, зачастую стояли. Ночью улицы не освещались.

Комсомольцы, издеваясь над скулящими мещанами и врагами, во весь голос пели: «На Тверском бульваре сидят бояре, задрав на Пушкина очки. „Скажи ты, Саша, о гордость наша, когда уйдут большеви-ки?“ Ответил Саша, о гордость наша: „Когда верблюд и рак станцуют краковяк, тогда уйдут большевики"».

На торжественном закрытии II Конгресса Коминтерна молодежи делегат Германии Шейнгар с большой искренностью и душевностью говорил о русских большевиках и комсомольцах: «Тот факт, что среди невероятнейших лишений, среди голода и нужды в своей стране они могли совершить столь великие деяния, должен послужить стимулом для нашей будущей работы» [10].

Я вспомнил здесь об этом потому, что изобилие продовольствия и товаров в Харбине, затем в Пекине, Шанхае и Кантоне бросалось в глаза после голодной Москвы и других наших городов. Но это не могло меня обмануть. Перед глазами вставал рикша, заработавший пятак, и эти женщины-кули с привязанными на спинах младенцами, получавшие 10 центов за 16 часов работы. Я видел, чем они питались и как они были одеты. Их были миллионы и миллионы, и изобилие было не для них. К тому же слишком часто в этой стране десятки миллионов крестьян гибли от голода вследствие наводнений или засух.

В Харбине я встретился с М. М. Абрамсоном, который был тогда представителем Дальневосточного секретариата Коминтерна в Маньчжурии. Он жил там на квартире своих родителей, еще дореволюционных харбинцев. Он вырос в этом городе, говорил по-китай-ски, хорошо знал местную обстановку, людей. Был он студентом, но учебу бросил и весь окунулся в партийную работу. В 1920 г. М. Абрамсон заведовал китайским отделом секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП (б). Секция находилась в Иркутске и явилась прямой предшественницей Дальневосточного секретариата Коминтерна.

М. Абрамсон показал мне другой Харбин, прямо противоположный тому, который я до сих пор видел. Это был «новый город», район, где жили железнодорожные рабочие и где существовала русская партийная организация. Харбинские коммунисты немало сделали для распространения правды о Советской России среди китайцев и установления связи с

первыми китайскими коммунистами в Пекине, где уже бывал М. Абрамсон. Как человек, знавший китайский язык, обстановку в Маньчжурии, он оказывал всем нам, проезжавшим через Харбин, неоценимую помощь. Лично я получил от него подробнейшую информацию и наставления для дальнейшего моего продвижения в Шанхай.

Харбин, оживленный торговый город, делился тогда на две части: китайскую и русскую. В китайской было много торговцев — мелких и мельчайших. Была здесь и крупная торговая буржуазия, купцы, много ремесленников, еще больше рабочих, главным образом кули, занятых тяжелым физическим трудом. В этом отношении китайская часть Харбина мало чем отличалась от остальных китайских городов.

«Русский» город в свою очередь делился на две части: старый город, или, как его называли, пристань, был торговым районом Харбина. Здесь находился

центр города. Так называемый новый город представлял собой железнодорожный район, где жили рабочие и служащие КВЖД. Таким образом, русское население Харбина состояло из торгово-промышленной буржуазии, служащих и рабочих железнодорожных мастерских, паровозных депо, путейских рабочих и ремонтников.

В начале двадцатых годов Харбин превратился в «помойную яму эмиграции», в которую были сброшены недобитые остатки колчаковцев, семеновцев и прочих белогвардейцев. С каждым месяцем они все больше и больше опускались на дно. Господа офицеры нанимались в китайскую полицию, в иностранные разведки, продавали себя оптом й в розницу. В злачных притонах они занимались шулерством и просто грабежом. Бывшие «дамы» заполнили публичные дома и торговали собою на улицах. В Харбин со всех концов мира стекался всяческий сброд — шулера, торговцы опиумом и живым товаром. Вертинский пел тогда в Харбине «В банановo-лимонном Сингапуре», и зал был переполнен белогвардейцами, которым мерещился Петербург и балы, на которых они когда-то блистали.

Китайский город был знаменит фальшивомонетчиками. Они были непревзойденными мастерами своего дела и выпускали фальшивые царские рубли, доллары, фунты, франки, которые трудно было отличить от настоящих. Они подделывали не только бумажные деньги, но и иностранные товары, предметы китайской старины, которые дорого ценились на мировом рынке. Поражало обилие менял, которые обменивали любые деньги на валюту других стран. Всегда приходилось опасаться, как бы они не всучили фальшивых денег. Золотые деньги стоили дешевле

бумажных, что, впрочем, было обычным явлением в любой капиталистической стране, в которой циркулировали золотые монеты.

Пять дней мне пришлось провести в Харбине. Для проезда в собственно Китай, точнее, за Великую китайскую стену нужна была еще одна виза так называемого Гиринского бюро. Эту визу легко можно было получить, если у вас имелась рекомендация какой-ни-будь фирмы, удостоверявшей, что вы действительно

едете по коммерческим делам. Двадцать золотых рублей заменили мне эту рекомендацию.

Для того чтобы попасть из Харбина в Шанхай, нужно было проехать зону господства японского империализма, начинавшуюся в Чанчуне, где кончалась Китайско-Восточная железная дорога.

Железная дорога от Чанчуня до Мукдена (Шэньяна), так называемая Южно-Маньчжурская, принадлежала японцам. Как только вы пересаживались из вагона Китайско-Восточной железной дороги в японский поезд, вы сталкивались с агентами тайной полиции, выступавшими под именем представителей «паспортного пункта».

Не успел я пересесть, как по вагону чинно прошагал высокого роста человек в штатском. Это был белогвардеец, служивший в японской охранке, с длинными черными усами, спущенными по-украински, с холодным взглядом черных глаз. Ноздри его, казалось, как-то особенно втягивали воздух, точно он вас обнюхивал.

Вскоре он вернулся в сопровождении еще одного белогвардейца и японца, говорившего по-русски. В вагоне было несколько пассажиров, главным образом англичан и американцев. Первый вопрос был: кто здесь русский? Получив ответ, они занялись только мной. У остальных лишь бегло просмотрели паспорта,

В Харбине я согласился взять письмо харбинской конторы Центросоюза для передачи в шанхайскую контору этой организации. Письмо имело чисто коммерческий характер и было напечатано на пишущей машинке. Мне принесли его в номер харбинской гостиницы, где я жил. Теперь в Чанчуне я смог убедиться в том, что японская полиция уже знала об этом письме.

Допрос продолжался долго, тем более что я был единственным русским пассажиром и до отхода поезда оставалось еще много времени. Из заданных мне вопросов я заключил, что тайный агент японской разведки, работавший в харбинской конторе Центросоюза, ввел свое начальство в заблуждение. Исключительно большое внимание, которое

оказали мне три представителя японской секретной полиции в Чанчуне, объяснялось тем, что они считали меня членом Дальбюро

ЦК РКП (б) в Чите. Я смог также установить, что состав членов Дальбюро они знали лучше меня.

Наконец белогвардеец от меня отвязался и как бы нехотя протянул мне мой паспорт, взятый в начале допроса.

Через три дня поздно вечером я подъезжал к Шанхаю.

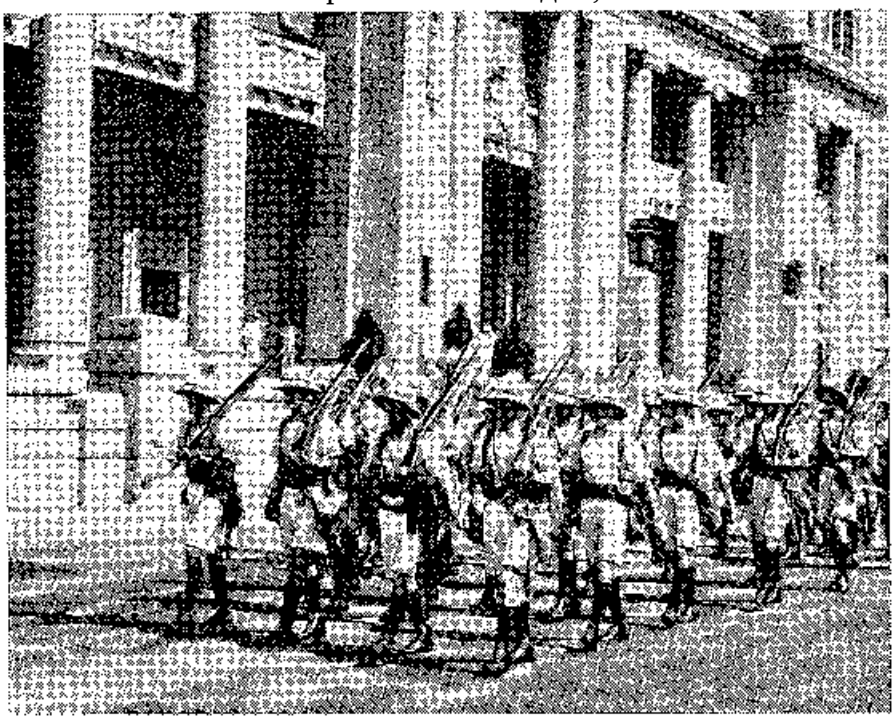
Шанхай. Воображение рисовало мне город фантастических пагод и больших фанз с вздернутыми кверху концами крыш. Об иностранной же концессии я думал как о небольшом квартале, выстроенном по-европейски. Но я был в одно и то же время и разочарован и поражен, когда предо мной открылась панорама залитого электричеством города с многоэтажными домами и мелькающими электрическими рекламами на крышах.

В Сибири, когда я уезжал, стояла лютая зима, в Харбине начиналась оттепель, но было еще морозно. За четыре дня дороги от Харбина я проехал весну и попал в бесснежный теплый Шанхай.

Выхожу из вокзала. Асфальтовая мостовая, множество автомобилей, трамваи, сотни предлагающих свои услуги рикш, китайская музыка, звон литавр, непонятная речь, перспектива залитой электричеством улицы, огромные электросветовые иероглифы торговых реклам — все это сразу поразило меня.

6. Боевое крещение

Шанхай, один из крупнейших мировых открытых портов того времени, состоял из трех частей: международного сеттльмента (поселения), французской концессии и китайского города Чапэй (Чжабэй), находившегося за пределами иностранных концессий. Шанхай в сущности был иностранным городом на китайской земле. На территории международного сеттльмента располагался порт с огромными причалами и складами. Хотя сеттльмент был международным, фактически им управляли англичане. Здесь в устье реки Хуанпу стояла английская военная эскадра, командный состав полиции был английским, а полицейские из племени сикхов были привезены из Индии, то-



Отряд английских войск в Китае

гда английской колонии. На случай беспорядков на помощь военным морякам приходил так называемый волонтерский корпус, состоявший из иностранных подданных.

В целом Шанхай уже тогда был городом с большим количеством промышленных предприятий, принадлежавших главным образом иностранцам. Рабочими были китайцы, и они составляли основное ядро индустриального китайского,

пролетариата. Здесь же в международном сеттльменте располагались филиалы крупнейших европейских и американских банков, фешенебельные отели, рестораны, магазины, кинотеатры, роскошные виллы и т. д. Все это принадлежало иностранцам, но требовало китайских рабочих и служащих. Были здесь и чисто китайские фирмы, торговавшие с иностранцами. По всем этим причинам в этом иностранном городе преобладало китайское население, жившее на узких улочках в стороне от широких городских магистралей с европейскими домами.

Французская концессия управлялась администрацией, назначенной в Париже. Здесь также стояла французская военная эскадра, нижние чипы полиции были набраны из жителей французского Индокитая и т. д. Эта концессия отличалась от международного сеттльмента главным образом своим внешним видом. Она утопала в зелени и выделялась роскошными виллами.

В парках иностранного Шанхая по вечерам играл оркестр, а среди объявлений (например, «сорить, рвать цветы, ездить на велосипедах* воспрещается») было и такое — «вход китайцам воспрещается».

Многомиллионный китайский город был населен кули, ремесленниками, рабочими, мелкими торговцами, хозяевами ресторанчиков, игорных домов, опиеку-рилен, чайных домиков. Все они прямо или косвенно обслуживали иностранный Шанхай. Крупная китайская буржуазия и интеллигенция предпочитали жить в международном сеттльменте или на французской концессии.

После поражения революции 1911 г.,.Китай очутился во власти военных клик, ориентировавшихся то на Японию, то на Англию, и при смене господства тех или иных клик милитаристов «пострадавшие» прятались на иностранных концессиях Шанхая. На французской концессии жили представители гоминьдана. В Шанхае укрывалось и руководство Коммунистической партии Китая и Социалистического союза молодежи.

Я поселился в международном сеттльменте, рядом с одним из английских полицейских участков, в квартире колчаковского военного врача, жена которого сочувствовала большевикам. Ей я многим был обязан. В трудные моменты она тщательно меня оберегала и прятала мои материалы.

Прежде всего мне нужно было встретиться с членами Центрального бюро Коммунистической партии Китая и Организационного бюро по созыву Всекитайского съезда Социалистического союза молодежи. Встреча состоялась в доме на одной из китайских улочек международного сеттльмента.

Было уже темно, по узкой деревянной крутой лестнице меня провели наверх в единственную комнату, где горела электрическая лампочка. От всей этой обстановки, от кромешной тьмы веяло какой-то романтической конспиративностью.

Невольно осматриваю комнату, в которую меня привели. Два стоящих у противоположных стен столика, на которых лежат бумаги с непонятными мне китайскими иероглифами, несколько бамбуковых табуреток, твердая как камень деревянная койка, покрытая плетеной тростниковой циновкой, полочка с книгами. Это штаб-квартира союза молодежи, но здесь собирались и члены партии.

Центральное бюро Коммунистической партии Китая было избрано только полгода назад. В его состав входили три человека: Чэнь Дусю, Чжан Готао и Ли Да. Я осмотрел комнату, в которой находился, и подумал, что в ней легко может поместиться половина всей партии, насчитывавшей во время первого съезда около 53 членов. Социалистический союз молодежи к началу 1922 г. имел уже примерно 2 тыс. членов. Руководящую роль играла шанхайская организация, которая взяла на себя работу по созыву первого съезда и выделила для этой цели оргбюро, в которое наряду с другими входили Чжан Тайлэй и Лю Чжинтянь.

На этой встрече присутствовало человек семь. Здесь я познакомился с Чэнь Дусю. Он был среднего роста, лет сорока (китайцы очень моложаво выглядят и поэтому их возраст по внешнему виду трудно определить), его высокий лоб переходил уже в лысину, в живых глазах светились одновременно ум и хитрость. Он держался просто и не походил на профессора, любил шутку и заразительно смеялся.

На встрече был и Цюй Цюбо, который выполнял функции переводчика. Собравшиеся уже имели подробную информацию о происходивших в Москве съездах революционных организаций и революционной молодежи Дальнего Востока. Мне рассказали, что в январе, когда проходили эти съезды, в Шанхае состоялось первое открытое выступление Социалистического союза молодежи.

Коммунистический интернационал молодежи ежегодно отмечал день убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург— 15 января — как день их памяти и борьбы с милитаризмом. В 1922 г. этот день был впервые отмечен в Китае митингами, организованными Социалистическим союзом молодежи.

Мы обсуждали вопрос о предстоящем I Всекитайском съезде Социалистического союза молодежи, о его повестке дня, об организационных делах, связанных с проведением съезда. Это, скорее, была беседа, чем заседание. Не было ни председателя, ни

секретаря, ни регламента. Каждый говорил без ограничения времени, причем при обсуждении даже незначительных деталей все считали необходимым высказаться. При выявлении различных точек зрения китайские товарищи придерживались принципа единогласия. Поэтому ничего не решалось, пока не была переубеждена какая-либо сторона или не было найдено новое решение, с которым согласились бы все.

Случалось, что такое «переубеждение» продолжалось несколько дней, но совершенно не практиковалось решение вопроса путем голосования и большинством голосов. Поэтому заседания всегда затягивались. Это были, скорее, кружки самообразования, чем организации действия.

На одной из следующих встреч говорили о Христианском союзе молодых людей, который в апреле 1922 г. созывал в Пекине всемирный конгресс своих студенческих организаций. В отличие от Кореи, где этот союз был иногда ширмой для революционных организаций, в Китае он был учреждением проамериканского направления. Социалистический союз молодежи стремился разоблачить проимпериалисгическую сущность Христианского союза. Весь март и первая половина апреля прошли под знаком бурного антихристианского студенческого движения во всем Китае. Созданный сперва в Шанхае, а затем в других городах Антихристианский союз молодежи уже в марте 1922 г. опубликовал свой манифест, в котором христианские союзы молодых людей характеризовались как «псы мирового империализма».

Кампания против Христианского союза молодых людей задерживала работу по созыву Всекитайского съезда Социалистического союза молодежи.

Я уже говорил об антияпонском движении и об ориентации значительной части китайской буржуазии на США. В своей пропаганде американцы использовали христианских миссионеров и Христианский союз молодых людей.

Распространением христианства в Китае издавна занимались европейские и американские миссионеры. В середине XIX столетия оно сыграло в Китае такую же роль, что и первоначальное христианство в Европе. Крестьянская революция в Китае, продолжавшаяся с 1850 по 1864 г. и известная под именем восстания тай-пинов, возглавлялась китайскими христианами и проходила под лозунгами, во многом заимствованными из евангелия.

Императорское правительство оказалось не в состоянии подавить восстание крестьян собственными силами. На помощь правительству пришли Англия, Франция, Германия. Эти

«христианские» государства потопили в крови революцию тайпиов. После "этого христианство в глазах китайцев было дискредитировано и поэтому не получило какого-либо заметного распространения.

Однако созданный американцами и щедро ими финансировавшийся Христианский союз молодых людей после первой мировой войны стал расти и оказывать воздействие на часть студенческой молодежи. Главную роль при этом играл не религиозно-церковный, а политический характер деятельности организации. Так, например, в 1919 г. Христианский срюз молодых людей активно поддерживал кампанию бойкота японских товаров в Китае. Это делалось во имя интересов американского капитала, но выдавалось за выражение американских симпатий китайскому народу.

Вообще же говоря, Христианский союз молодых людей в Китае опирался на самую гнилую часть китайского общества — европеизированную буржуазию, связанную с иностранным капиталом, на ее сынков, которые стеснялись китайской культуры и вели в Китае «европейский образ жизни». Многие из них получили образование в капиталистических странах Европы и США. Именно такая китайская молодежь поставляла кадры в Христианский союз молодых людей, который имел в 1920 г. 30 городских и 174 специальные студенческие организации в Китае с общим числом 72 тыс. человек. Из 400 руководителей этих организаций 80 были американцами. В одном только 1920 г.

американцы израсходовали на работу «своего» союза в Китае 150 тыс. дол л ***К***

Только что закончилась Вашингтонская конференция империалистических держав. Американская политика «открытых дверей» сопровождалась разговорами

о разоружении, равенстве, демократии и т. д. С подобной же программой созывался в Пекине Всемирный конгресс студенческих организаций Христианского союза молодых людей. Лозунгами разоружения, демократии, равенства этот союз рассчитывал усилить влияние американского империализма в странах Дальнего Востока, и прежде всего в Китае.

В связи с созывом христианского конгресса в Пекине Коммунистическая партия Китая и Социалистический союз молодежи решили провести широкую антиимпериалистическую кампанию в стране. Сотни брошюр, тысячи прокламаций, листовок, воззваний были брошены в народные массы.

Стихийно, но при активном участии Социалистического союза молодежи, в противовес Христианскому союзу быстро вырос Антихристианский союз молодежи. Все газеты, выходившие

в Китае,— китайские, американские, английские, японские — стали заполняться материалами о новом движении.

Журнал Социалистического союза молодежи «Сяньцюй» превратился в боевой орган Антихристианского союза молодежи. Речь шла, разумеется, не об антирелигиозной пропаганде, а о политической характеристике Христианского союза молодых людей как проимпериалистической организации, ничего общего не имеющей с разоружением, национальным равенством и демократией.

Секретарь одной из организаций этого союза пока* зывал мне целую пачку писем, полученных им от представителей различных слоев населения, с выражением симпатий новой организации и ее борьбе. За первый же месяц своего существования Антихристианский союз молодежи объединил около 20 тыс. членов. Организации этого союза были созданы во всех крупных городах. Всюду проходили митинги-протесты и демон-страдии против конгресса Христианского союза молодых людей. Американские, английские и другие газеты начали кричать, конечно, о большевистской пропаганде, о том, что положение в Китае напоминает обстановку восстания ихэтуаней (они называли его «боксерским» восстанием), и требовать ввода иностранных войск для подавления антихристианского, т. е. по существу антиимпериалистического, движения. Угрозы стали претворяться в действие. Английская полиция в Шанхае совершила налет на штаб-квартиру Антихристианского союза. Начались репрессии, но движение ширилось.

Во время открытия Всемирного конгресса студенческих организаций Христианского союза пекинские студенты устроили антиимпериалистическую демонстрацию в самом зале заседаний. Об этом писали газеты. Продолжать заседания в Пекине в такой обстановке оказалось невозможным. Они были перенесены на курорт Бэйдайхэ в 20 км от Пекина. Это бегство окончательно скомпрометировало конгресс в глазах китайской общественности.

Движение против Христианского союза молодых людей, приуроченное к Всемирному конгрессу в Пекине, было организовано Социалистическим союзом молодежи и явилось его первым массовым выступлением. До этого Социалистический союз молодежи представлял собою объединение главным образом студентов, занимавшихся социалистическим самообразованием. Теперь союз вышел в массы и возглавил движение, получившее большой резонанс во всей стране. Это было боевое крещение Социалистического союза молодежи.

За прошедшие два года изменился характер студенческого движения. Демонстрации и столкновения с полицией во время

событий «4 мая» 1919 г., а затем в 1920 г. были, по существу, только антияпонскими. Одним из эпизодов этого движения была забастовка шанхайских студентов в апреле 1920 г. Перед тем как объявить забастовку, шанхайский студенческий союз обратился с заверениями к иностранному дипломатическому корпусу, обещая принять все меры предосторожности, «чтобы помешать беспорядкам в международном сеттльменте и причинению неприятностей иностранцам». ..Антихристианское движение в марте — апреле 1922 г. стало уже не только антияпонским, но и антиимпериалистическим вообще, ибо оно было направлено не только против Японии, но против всех империалистических держав. Таким образом, движение поднялось на более высокую ступень антиимпериалистической борьбы.

Одновременно началось и социальное расслоение в национально-освободительном движении. Пять пекинских профессоров, которые принимали активное участие в движении «4 мая», теперь выступили в защиту Христианского союза молодых людей.

Во время антихристианского студенческого движения окреп и вырос Социалистический союз молодежи. Теперь он уже насчитывал свыше 3 тыс. членов и имел организации в 17 городах.

7. Пекин.

Путешествие в Кантон

I Всекитайский съезд Социалистического союза молодежи решено было провести в Кантоне и открыть

5 мая 1922 г., в день рождения К. Маркса. Я уже говорил, что, хотя союз молодежи руководился коммунистами, он не был еще коммунистической организацией. Были здесь и анархисты, и реформисты, и социалисты без определенного политического направления. Китайские коммунисты держали курс на превращение социалистического союза в коммунистическую организацию молодежи. Приурочение открытия съезда ко дню рождения К. Маркса подчеркивало движение союза в этом направлении.

Я уже готовился к поездке в Кантон, когда получил просьбу А. К. Пайкеса — главы советской миссии—■ как можно скорее приехать в Пекин. Это была первая миссия Советской России в Китае. Она прибыла в Пекин в середине декабря 1921 г. для переговоров об установлении дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем. Переговоры по этому вопросу продвигались очень туго, ибо пекинское правительство под давлением Японии не спешило с этим делом.

Я приехал в Пекин в начале апреля и остановился, как

оказалось, в том самом отеле, в котором разместились иностранные делегаты Всемирного конгресса студенческих организаций Христианского союза молодых людей.

Кого здесь только не было: монахини и пасторы, студенты — англичане и немцы, французы и американцы, индусы и негры, европеизированные китаянки и даже представители Христианского союза молодых людей России, находившиеся, вероятно, в Харбине.

Больше всего поражал тот факт, что среди делегатов Христианского союза молодых людей было очень мало молодых. В основном это были пожилые люди, многие с лысинами, седыми усами и бородами. Среди делегатов находился даже какой-то министр свергнутого кайзеровского правительства.

Шанхайская организация Социалистического союза молодежи направила в Пекин Чжан Тайлэя, который приехал туда, чтобы руководить деятельностью пекинской организации Антихристианского союза молодежи. В дни христианского конгресса не только на улицах Пекина, но даже в самом зале, где проводились заседания, проходили антиимпериалистические демонстрации китайской молодежи.

По приезде в Пекин я сразу же отправился в советскую миссию. Она помещалась в здании царского посольства, из которого незадолго до приезда

А. К. Пайкеса пекинское правительство выдворило царских чиновников, претендовавших на представительство России после Октябрьской революции. Они выполняли поручения то Колчака, то Семенова, то Меркуловых. Сам факт выдворения и передач-и здания царского посольства советской миссии знаменовал сдвиги в отношении пекинского правительства к Советской России, которая сразу же отказалась от неравноправных царских договоров с Китаем. В обстановке подъема национально-освободительного антияпонского движения пекинскому правительству становилось все труднее не признавать Советскую Россию. И все же оно тянуло с признанием.

Я пришел к А. К. Пайкесу и у него в кабинете встретился с В. Д. Виленским-Сибиряковым, который был советником миссии. Это была приятная встреча, ибо В. Д. Виленского-Сибирякова я знал по работе в Москве в суровом и грозном дважды девятнадцатом году. Я работал тогда в ЦК РКСМ и помимо заведования школьным отделом был редактором еженедельной страницы «Красная молодежь» в специальном бюллетене РОСТА, предназначенном для периферийных советских и партийных газет. Заведующим РОСТА был

В. Керженцев, а редактором бюллетеня — В. Д. Ви-ленский-

Сибиряков. У него я прошел первый курс журналистики и редакционной работы.

А. К. Пайкес знал, что в ближайшие дни я должен отправиться в Кантон, который стал территориальной базой правительства Сунь Ятсена. Поручение, которое было возложено на меня миссией А. К. Пайкеса, сводилось к установлению непосредственного контакта с Сунь Ятсеном, выяснению его внутренней и внешней политики, отношения к Советской России, его планов на ближайшее время, роли гоминьдана как действенного фактора в политике кантонского правительства. Мне были даны официальные полномочия для ведения соответствующих переговоров с Сунь Ятсеном.

В Пекине я пробыл несколько дней. С большим интересом осматривал столицу «поднебесной» империи китайских богдыханов. Пекин — город старинных дворцов, изумительно красивых храмов и пагод, священных парков, бассейнов, горбатых мостиков, город — памятник самобытной и неповторимой китайской архитектуры, таланта и мастерства китайского народа. Пекин не похож на все остальные города, в которых мне приходилось побывать.

Он окружен высокой и широкой стеной, сложенной из серого кирпича. Стена эта была излюбленным местом для гуляний. Она настолько широка, что по ней могут ехать рядом два автомобиля. С обсаженных деревьями и залитых асфальтом аллей этой стены открывается великолепный вид на древнюю столицу.

Улицы Пекина образуются оригинальными кирпичными стенами, ограждающими дворцы и парки. Каменные плиты, которыми вымощены улицы, дома старинной китайской архитектуры, ворота дворцов, храмов, парков, а главное, отсутствие признаков шумной городской жизни, тишина,- чинность и медлительность гуляющих, пластичные движения грациозных обита-тельни-ц Пекина — все это на фоне китайской причудливой старины заставляло вас вообразить, что выг находитесь не в шумной столице, а в каком-то грандиознейшем музее. Невольно ваши движения становились тоже музейно-осторожными, точно вы боялись нарушить эту тишину или попортить лежавшую под ваши-мй ногами каменную плиту пекинской улицы.

Таковы были впечатления и ощущения при первом знакомстве со столицей Китая.

Правда, потом мы нашли в Пекине и узенькие улочки с низенькими фанзами — жилищами обывателей, «татарский город», прозванный так иностранцами,— шумную, крикливую торговую часть Пекина. Но все это не нарушало первого

впечатления от города, в котором не было дымящихся фабричных труб, сутолоки вокруг торгашей, где почти не было современного пролетариата и где только паровозы за пекинской стеной своими гудками нарушали мертвую тишину богдыхан-ской столицы.

Но вот и новый Пекин, его тогдашнее революционное сердце — Пекинский университет. Со всех концов Китая съезжалась молодежь в это учебное заведение. Как только где-нибудь в стране начинались волнения, революционное брожение, одним из первых откликался Пекинский университет. Его студенты шли тогда в первых рядах антиимпериалистической борьбы. Так было с бойкотом японских товаров в 1919 г., с антихристианским движением в 1922 г. Здесь образовалась одна из первых организаций Социалистического союза молодежи, здесь была одна из самых сильных организаций китайских коммунистов. Разъезжавшиеся на каникулы студенты разносили по всей стране новые идеи и создавали революционные организации. Обогащенные опытом практической революционной работы, возвращались они в свой университет, и снова бурлили волны людского моря.

Наступил наконец день отъезда. Поезд быстро уносил меня от серых стен столицы Китая в сторону шумного, бойкого торгового Тяньцзиня. Только четыре часа прошло с тех пор, как я покинул Пекин, а уже показались фабричные трубы тяньцзиньских заводов и фабрик. Остался позади и этот город. Снова железнодорожные станции с толпами просящих подаяние совершенно голых детей, снова дикие забавы иностранцев, вроде швыряния в ..толпу медяков, вызывавших драки и рев оборванных, измученных голодом нищих людей. В пути за окном то и дело мелькала уже знакомая картина: китайский крестьянин, впряженный в допотопный деревянный плуг, надрывается, таща его по болоту рисового поля.

В купе вагона, напротив меня, русский белогвардейский генерал рассказывал какому-то англичанину, по-видимому коммивояжеру, о своем бегстве из Крыма в Константинополь, из Турции в Порт-Саид, оттуда в Индию, Гонконг и т. д.

Но вот и станция Пукоу, где прерывается железнодорожная линия. Мы — на берегу величавой мутножелтой реки Янцзы. Моста нет. Пароход доставлял пассажиров на противоположный берег в Нанкин, откуда уже другой поезд шел в Шанхай.

Незадолго до моего возвращения из Пекина в Шанхае произошло большое событие. Двое корейцев стреляли в японского генерала Танака, выражая этим протест против насилия империалистической Японии над Кореей. Именно так освещали в первые дни это событие местные газеты.

Покушение имело явно подозрительный характер. Танака остался жив. Оба покушавшихся и сразу же арестованных корейца вскоре бежали из тюрьмы, откуда выбраться было не так легко, особенно политическим террористам. Подозрение вызывало и то обстоятельство, что в результате покушения убитыми оказались какие-то американцы, к которым японцы симпатий не питали, особенно после Вашингтонской конференции. Похоже было, что «покушение на Танаку» организовала японская контрразведка в провокационных целях. Нужен был повод для разгрома корейской политической эмиграции, особенно ее революционных организаций.

Как бы то ни было, все контрразведки — английская, японская, французская — были поставлены на ноги. Начались обыски и аресты среди корейцев в Шанхае, чего и следовало ожидать. Французская полиция явилась с ордером на арест в квартиру корейского коммуниста Ким Ман Гема, который теперь работал в Шанхае. Он успел выпрыгнуть из окна второго этажа и скрыться. Никакого отношения к покушению он, конечно, не имел.

Газеты повели кампанию против русских большевиков. Теперь уже не корейцы, а они обвинялись в организации покушения на Танаку. В квартиру, где я жил, стали приходить какие-то подозрительные субъекты, главным образом русские белогвардейцы, предлагая купить у них то книги, то масло, то галстуки. Обстановка стала крайне неблагоприятной. Между тем перед моим отъездом в Кантон надо было встречаться как с китайскими, так и с корейскими товарищами.

На первой же встрече с Чэнь Дусю после моего возвращения из Пекина я рассказал ему о предстоящих переговорах с Сунь Ятсеном и просил выделить для участия в них коммунистов, которые формально выступали бы как мои переводчики. Центральное бюро партии назначило для этой цели Чжан Тайлэя и Цюй Цюбо.

Встреча с членами оргбюро по созыву Всекитайского съезда Социалистического союза молодежи состоялась в одном из шанхайских парков. Там мы договорились по основным вопросам организации съезда и обсудили совместную поездку в Кантон. Было решено, что проект программы и устава Социалистического союза молодежи будет выработан комиссией из трех человек: меня — представителя Коминтерна молодежи, Чжан Тайлэя — члена оргбюро по созыву съезда и Цюй Цюбо — представителя компартии.

Встретился в Шанхае и с корейскими товарищами. Договорились, что в качестве представителя корейского

комсомола на первый съезд Социалистического союза молодежи поедет Тё Хун.

Наступил наконец день отъезда в Кантон. По разработанному маршруту мы должны были на пароходе пройти через Формозский (Тайваньский) пролив и остановиться в небольшом порту Сватоу (Шаньтоу) на берегу Южно-Китайского моря. Оттуда на каком-нибудь суденышке предстояло добраться примерно за сутки до деревни Самэй, в которой пароходы не останавливались. Из Самэй надо было четыре-пять дней пешком идти до железной дороги, ведущей в Кантон. Таким образом, мы должны были по суше обогнуть английскую колонию Гонконг.

По пути в Сватоу (Шаньтоу) наш пароход остановился на несколько часов в порту Амой (Сямынь) для (разгрузочно-погрузочных работ.. Воспользовавшись неожиданной остановкой, мы сошли на берег, чтобы осмотреть порт, разместившийся у небольшой бухты. На одной ее стороне был расположен китайский городок Сямынь, небольшой, но очень оживленный, с транспортными конторами на набережной и множеством лавчонок. На другой стороне бухты утопала в зелени иностранная концессия Амой.

Мы отправились сначала в иностранную часть города, поднялись на гору. Здесь на искусственно сделанных террасах стояли особняки иностранцев. Среди них мы обнаружили особняк, принадлежавший Христианскому союзу молодых людей, и евангелическую школу.

На лодке переплыли в Сямынь. Здесь было шумно и знойно. Увидели большое скопление людей и подошли к толпе. На возвышении стоял оратор, рядом с ним на столбе была укреплена больших размеров анатомическая карта человека: мышцы, вены и артерии, раскрытый живот. Говорил студент, в руках у него была палочка, которой он водил по карте, объясняя внимательно слушавшей толпе строение человеческого тела. Это был наглядный пример «хождения в народ» студентов, их культурно-просветительной работы.

Двинулись дальше. Снова толпа, но на этот раз меньшая. Из ее середины раздавались звуки инструмента, похожего на бандуру. Старик под аккомпанемент что-то рассказывал нараспев. Это был сказитель китайского эпоса. Он воспевал героев, их мужество и борьбу.

Студент и сказитель. Первый — на набережной среди портовых рабочих, второй — в старинной улочке. Они символизировали новый и старый Китай.

Мы вернулись на пароход, который медленно отплыл в Сватоу. Этот порт находился уже под контролем правительства

Сунь Ятсена. Но и здесь на одной стороне бухты находился китайский город, на другой— небольшая иностранная концессия с европейскими особняками, барами для матросов иностранных пароходов, консульствами держав.

Сватоу — сравнительно небольшой город, насчитывавший около ста тысяч жителей,— являлся центром кустарной кружевной промышленности и довольно крупным фруктовым рынком, снабжавшим мандаринами и бананами как центральную, так и южную части Китая. Это был главным образом портовый торговый город. Торговец и ростовщик представляли не только экономическое, но и политическое лицо этого города, занятого в то время войсками Сунь Ятсена.

Как и другие города суньятсеновского демократического юга, Сватоу имел, не в пример северу, свой выборный муниципалитет, свою демократическую газету, легальные рабочие союзы и т. п. Общественная жизнь даже в маленьком Сватоу была гораздо интенсивнее, чем в любом крупном городе Центрального и Северного Китая, где господствовали реакционные милитаристы и иностранный империализм.

Членами муниципалитета являлись здесь главным образом купцы, именно они держали в руках бразды правления. Многие из них были членами гоминьдана, и не случайно комитет этой партии помещался на самом бойком рыночном месте Сватоу.

Мы решили нанести визит в комитет гоминьдана, тем более что он должен был оказать нам содействие в дальнейшем путешествии. Это было 19 апреля 1922 г., в день, когда мне исполнилось 20 лет. Прошли целый ряд шумных торговых улочек и остановились у дверей дома, обвешанного голубыми и красными знаменами. Это комитет. Входим, поднимаемся по .обычной узкой лестнице. Навстречу нам выходят три почтенных старца. Это члены комитета. Знакомимся. Вручают мне свои визитные карточки. Начинается обычное в Китае чаепитие, церемония гостеприимства, такая же, как угощение чашечкой кофе в Европе.

Председатель комитета рассказал мне, что в Сватоу числилось в то время около тысячи членов гоминьдана, в большинстве своем торговцев, учителей и учащихся. Были и рабочие.

— У вас, вероятно, будет на этой неделе собрание, можно мне присутствовать? — спросил я.

— У нас собраний не бывает, а если бывают, то очень редко.

— Как же вы работаете, как информируете членов партии?

— Пишем им письма, печатаем объявления в газете...

— Ну а если какой-нибудь член партии не согласен с чем-

нибудь, как же вопрос решается внутри партии?

Вопрос этот озадачил старика. Видно, что в его практике таких случаев не было.

— Члены партии,— отвечает он,— поддерживают нашу власть в городе. Если кто-либо против нашей власти, он не может быть членом партии.

— Скажите, чего хочет ваша партия?

— Мы против иностранцев, которые угнетают Китай, против господства милитаристов, мы за власть народа, за демократию.

Программа, как видно, имела самый общий декларативный характер.

— Ну а о Советской России вы слышали?

Старик оживился, глаза его засветились, и он высказал свое одобрительное- отношение к политике Советской России.

Я просил комитет оказать мне содействие в пешеходном путешествии до станции Шаогуань, откуда уже по железной дороге надо было проехать свыше 200 км до Кантона.

Мне выдали документ, в котором говорилось, что я «друг китайского народа», что меня сопровождают такие-то и нам необходимо оказывать содействие в пути. Кроме того, нас должен был сопровождать отряд солдат для охраны во время предстоявшего четырехдневного перехода из деревни Самэй до железной дороги.

Пароходишко в Самэй должен был отойти через неделю. Часть этого времени мы потратили на составление проекта программы и устава Социалистического союза молодежи, а также проектов решений по главным пунктам повестки дня съезда.

В небольшом Сватоу, в одной из гостиниц, расположенной по соседству с японским и французским консульствами, мы писали проект программы, в которой выносили смертный приговор иностранному империализму в Китае.

Работа нашей тройки протекала очень дружно и быстро, разногласий почти не было. Тут же мы втроем выработали проект устава Социалистического союза молодежи.

Назойливые сватоуские москиты, по-видимому, стали на сторону иностранного империализма и безбожно кусали нас во время наших дискуссий и совещаний. В результате наши лица, руки и ноги оказались в волдырях. Но все же проекты программы, устава и резолюций были готовы. На радостях я по-русски, Цюй Цюбо по-китайски, Чжан Тайлэй по-английски запели «Интернационал».

У нас осталось еще достаточно времени для ознакомления с жизнью города. Прежде всего мы встретились с редактором местной газеты. Он рассказал нам много интересного.

Оказывается, как только они получили сообщение об антихристианском движении, в Сватоу немедленно организовался Антихристианский союз молодежи, объединивший большинство местных учащихся.

— Сватоуский клуб Христианского союза молодых людей до того опустел, что хоть закрывай,— смеясь, рассказывал редактор. — Хотим организовать Социалистический союз молодежи.

Он просил меня выступить с докладом о Советской России на специальном митинге. Условились пригласить на собрание представителей рабочих союзов, других общественных организаций, а также учащихся местной школы.

Выступил. Присутствующие очень интересовались Октябрьской революцией, жизнью и борьбой Советской России. Расспрашивали, каково положение рабочих, интересовались экономикой страны, советскими законами и т. д. Все выслушивалось с большим вниманием, несмотря на двойные переводы (с русского языка на пекинский диалект, с пекинского на южноки-гайский). Тут же было принято решение организовать Социалистический союз молодежи.

На следующий день ко мне пришла целая делегация учащихся. Просили сделать в школе доклад о социализме. На докладе присутствовал учитель. Учащиеся сидели с кисточками в руках, внимательно слу-пали и записывали.

Просто не верилось, что так далеко от Москвы, в 'ородке, где не всегда причаливают плывущие из Гонконга в Шанхай пароходы, молодежь так живо интересуется социализмом!

В Сватоу, как в калейдоскопе, отражалось все, что происходило в Китае. Вот на площади против храма, где всегда толпится много зевак и где торговки в замасленной одежде продают пирожки, сегодня царит особенное оживление. Проталкиваюсь сквозь толпу. Картина необычная. К столбу прикован человек. Сидит на корточках, голова опущена. Публика читает прибитое к столбу объявление. Спрашиваю, в чем дело. Прикованный к столбу уличен в краже. Он выведен «на общественное презрение» — для того чтобы каждый житель знал в лицо этого вора и помнил, что если он сам украдет, то очутится в таком же положении, у того же позорного столба.

А вот и другая картина. На единственной широкой улице городка большая демонстрация. Барабаны, литавры, знамена. Митинг, пламенная речь. Это демонстрация бастующих печатников. Требуют повышения заработной платы. Три дня продолжалась забастовка. Ии одна газета не выходила. Бастующие ни на какие уступки не шли. Рабочие победили. Все требования были удовлетворены полностью. Характерно, что

среди бастующих было немало членов гоминьдана, которые выступали против своих хозяев, тоже гоминь-дановцев.

Беседую с лидером местного профессионального движения. Он председатель союза моряков, наиболее крупной рабочей организации в Сватоу. Одет в европейское платье: блестящий воротничок, галстук. Отвечая на мой вопрос: что делается для улучшения положения рабочих, он сообщил, что союз моряков организовал для этой цели свой банк, акционерами которого являются члены союза. Ежегодно акционеры получают доход в виде дивидендов и, кроме того, имеют право на получение ссуды. Это, по его словам, дало ему самому возможность открыть лавку и доходами от торговли улучшить свое материальное положение. Этот лидер союза моряков был членом гоминьдана.

Спустя некоторое время я зашел в одну лавчонку купить сигарет. За прилавком стоял мой собеседник. Банк и в самом деле помог ему открыть свой магазинчик. Такие «моряки» в рабочих союзах на юге Китая, где было мало современных фабрик и заводов и где преобладало ремесло, встречались очень часто.

Как-то мы пошли в театр. В Сватоу он куда самобытнее, чем в Шанхае, где чувствовалось уже иностранное влияние. Мы шли втроем по набережной. Сноп электрического света, вход в какой-то сад, вереница ожидающих рикш. В саду — ресторанчики и бамбуковые клетки. В клетках — змеи или морские львы; осмотрели зверинец, а потом прошли к театру. Театр сбит или связан из бамбука и похож на огромный сарай. Шла историческая пьеса. Ее разыгрывали с ежедневным продолжением уже две недели, и она должна была окончиться только через месяц.

Вначале я ничего не понимал, не понимали и мои друзья. Они северяне и не знали южного диалекта. Я впервые был в китайском театре с его традиционными условностями. Сцена — на помосте. На сцене никаких декораций. Кто-то в зависимости от хода действия выходит с длинным свитком, на котором написано: действие происходит в лесу, или в гостинице, или в чайном домике. Точно так же, как в английском театре во времена Шекспира.

Актеры в старинных китайских костюмах, в масках или же с настолько разрисованными лицами, что не отличишь грима от маски. Постепенно я стал понимать сюжет, благодаря необыкновенной мимике китайских актеров, изумительной выразительности каждого их движения. Я с восторгом смотрел, как китайский воин садится на лошадь и мчится на ней. Лошадь имитирует самая обыкновенная бамбуковая палка. Между тем эффект поразительный: полная иллюзия мчащегося всадника.

Непривычно для нашего театра вела себя публика. Во время

представления громко разговаривали, смеялись, входили в зал и выходили, пили чай. Было жарко и душно. Но вот заходят два парня: один с ведром горячей воды, другой с двумя полотенцами. Один становится с ведром и полотенцем у сцены, другой — в проходе между сидящими зрителями. Первый окунает полотенце в горячую воду, выжимает его и кидает другому парню. Последний подает полотенце зрителю, тот вытирает пот, отдает полотенце парию, который снова бросает его тому, что с ведром. Затем летит другое полотенце, вытирается другой зритель, и так дальше и дальше. Вот обработан один ряд, другой, вот уже парень, подающий полотенце, стоит в задних рядах. Летят через весь театр горячие полотенца, парень то и дело поднимает вверх руку и даже не смотрит, но полотенце все же у него в руке, и ни одного промаха.

И все это во время действия.

Почти целую неделю шла подготовка к нашему пешеходному путешествию в Шаогуань, однако совершить этот переход и познакомиться с жизнью китайской деревни нам так и не удалось.

На юге назревали крупные события. В 1920 г. Сунь Ятсен в союзе с одним из китайских генералов, Чэнь Цзюнмином, занял Кантон. Это дало возможность Сунь Ятсену превратить Южный Китай в революционную базу для подготовки борьбы с реакционерами, державшими в руках Северный и Центральный Китай.

Сунь Ятсен созвал в Кантоне депутатов распущенного реакционерами в 1917 г. парламента. В начале 1921 г. депутаты объявили себя всекитайским парламентом и избрали «единственного законного президента Китайской республики» Сунь Ятсена — в противовес[1] президенту реакционного пекинского правительства Сюй Шичану.

Парламент предоставил Сунь Ятсену полномочия для ведения борьбы с Севером и объединения Китая, после чего он уехал на север провинции, в Гуйлинь, для формирования революционной армии.

Стремление Сунь Ятсена объединить и демократизировать Китай вызвало беспокойство иностранного империализма. Английские власти в Гонконге давно поддерживали Чэнь Цзюнмина, занимавшего пост военного министра в правительстве Сунь Ятсена. Подстрекаемый англичанами Чэнь Цзюнмин под всяческими предлогами оказывал сопротивление мероприятиям Сунь Ятсена по объединению Китая. Политике централизации Китая, провозглашенной Сунь Ятсе-ном, Чэнь Цзюнмин противопоставил автономию провинций, т. е. по существу сохранение политической раздробленности.

«Мы должны превратить гуандунскую провинцию,— говорил Чэнь Цзюнмин,— в образцовую для всего Китая. Тогда военные губернаторы других провинций, увидя успехи в этом направлении и благосостояние нашей провинции, последуют нашему примеру, установят демократию у себя в провинциях и на основе союза между собой объединят мирным путем Китай».

Так, прикрываясь словами об автономии и демократии, Чэнь Цзюнмин выступал против революционного Северного похода, намеченного Сунь Ятсеном. По этой же причине он был против существования в Кантоне всекитайского парламента, против избрания Сунь Ятсена всекитайским президентом; характерно, что, занимая пост военного министра в правительстве Сунь Ятсена, Чэнь Цзюнмин не вступил в гоминьдан. Более того, чтобы найти поддержку в массах, Чэнь Цзюнмин стал выдавать себя за более «левого» и «радикального» деятеля, чем Сунь Ятсен. Он пытался заигрывать с рабочими организациями, выступал перед рабочими и даже материально поддерживал распространенную в то время газету кантонской коммунистической организации «Сошиал». Таким путем Чэнь Цзюнмину удалось привлечь на свою сторону руководство коммунистической организации в Кантоне, состоявшее тогда из бывших анархистов, и добиться включения в редколлегию газеты «Цюньбао» трех своих представителей. Постепенно Чэнь Цзюнмин добился некоторого влияния на кантонских рабочих и мелких лавочников.

В 1922 г. Сунь Ятсен по военным, тактическим соображениям заключил соглашение с правителем Северо-Восточного Китая Чжан Цзолинем о его участии в борьбе против правившей пекинской клики милитаристов. Предполагалось, что выступление Чжан Цзо-линя на севере свяжет силы пекинских милитаристов и облегчит Сунь Ятсену успешное проведение Северного похода.

И вот в обстановке, когда Чжан Цзолинь уже начал военные действия против пекинской клики У Пэй-фу, Чэнь Цзюнмин решил открыто выступить против Сунь Ятсена, с тем чтобы в угоду английскому империализму сорвать Северный поход. Чэнь Цзюнмин заявил, что он против военной экспедиции Сунь Нтсена и не даст на эту экспедицию ни одного своего солдата.

Агитаторы и агенты Чэнь Цзюнмина настраивали рабочих против северной экспедиции, демагогически заявляя, что Чэнь Цзюнмин против союза с чжанцзо-линевской реакцией, что он якобы ведет борьбу за интересы трудящихся, за демократию.

Сунь Ятсен очутился в тяжелом положении. Он находился далеко от Кантона, в Гуйлине, между тем как остававшийся в это время в Кантоне Чэнь Цзюнмин держал в своих руках финансы,

арсенал, продовольственные базы — все то, без чего немыслима была северная экспедиция.

Однако Сунь Ятсеиу удалось, опираясь на преданные ему силы, нанести удар Чэню, который вынужден был покинуть Кантон и оттянуть свою армию в окрестности города, сохраняя, однако, за собой все важные подступы к нему. Сунь Ятсен же в двадцатых числах апреля 1922 г. вернулся из Гуйлиня в Кантон.

Узнав об этом, я немедленно пошел в комитет партии гоминьдан в Сватоу. В комитете мне сообщили неприятные новости. Идти в Кантон намеченным сухим путем через китайские деревни теперь, в условиях военных действий против Чэнь Цзюнмина, было нельзя.

Это было 25 апреля 1922 г. Между тем к 30 апреля обязательно нужно было быть в Кантоне, ибо там 1 мая должен был открыться Всекитайский съезд рабочих союзов, а 5 мая — I съезд Социалистического союза молодежи.

Вместе с Чжан Тайлэем и Цюй Цюбо мы решили изменить маршрут: сесть на пароход и отправиться в Кантон через Гонконг. Для того чтобы не навлечь подозрений английской полиции, нам пришлось разъединиться, договорившись предварительно о месте встречи в Кантоне. На следующее утро наш пароход уже медленно плыл среди диких скал, разбросанных у подходов к этому острову. Вот наконец пароход обогнул одну из каменных громад, и перед нами открылась красивая панорама Гонконга.

Громаднейшая скала-остров, верхушка которого упирается в облака; окаймленные зеленью виллы, стоящие на выбитых в скале террасах; шестиэтажные дома на набережной, которые кажутся маленькими точками по сравнению с огромными размерами всей скалы; улицы, извивающиеся вверх и утопающие в листве,— таков был общий вид Гонконга.

Пароход остановился. Спущен трап, и мы сошли на набережную. Здесь в портово-складской и торговой части острова бегали по рельсам трамваи. На так называемом пик-трамвае я поднялся на вершину Гонконга, в самую высь, в облака. Фуникулер, который быстро притягивается на верхушку горы тросами, порой скользит по крутой, почти отвесной линии.

Сверху открывается изумительный вид на море и на гавань — одну из самых лучших гаваней на всем Азиатском материке. Океанские пароходы, когда смотришь на них с вышины острова, кажутся крошечными дымящимися лодками.

Китайский остров Сянган был захвачен англичанами во время первой «опиумной» войны и в 1842 г. превращен в английскую колонию Гонконг. Он занимает узловое положение на побережье Азии, на морских путях, соединяющих Китай с Австралией и

Европой. Здесь вынуждены останавливаться почти все океанские пароходы для снабжения углем, водой и продовольствием. Вот почему этот остров чуть ли не единственное на юге место, где эксплуатируется много китайских портовых рабочих. Именно в Гонконге находился поэтому центр самой сильной в Китае рабочей организации — союза моряков.

Во время гонконгской стачки моряков в январе — марте 1922 г., окончившейся победой рабочих, бастовало около 50 тыс. китайских матросов и грузчиков.

Осмотрев красоты острова, я за 10 минут перебрался на материк, из Гонконга в Коулун (Цзюлун). Здесь большая материковая полоса шириною 25 км, расположенная напротив острова, также принадлежала Англии. Коулун был силой взят «в аренду» англичанами и административно присоединен к Гонконгу.

В Коулуне были теперь английские войска, английская полиция, а главное, английская таможня, взимавшая пошлины и контролировавшая внешнюю торговлю Южного Китая. Это было причиной того, что южнокитайская торговая буржуазия была настроена против английского империализма и не только морально, но и материально поддерживала стачку гонконгских моряков и портовых рабочих.

В Коулуне сел в вагон Коулун-Кантонской ж. д. Поезд движется по живописной дороге по берегу моря, проходя целый ряд туннелей, прежде чем свернуть в сторону Кантона. Вот уже вдали брызнул электрический свет, сквозь который обрисовались контуры города. Поезд остановился. Я посмотрел на часы. Прошло только четыре часа с тех пор, как я покинул Гонконг.

8. Кантон.

Руководители коммунистов и Социалистического союза молодежи

Кантон — один из первых китайских городов, который был открыт для торговли с иностранцами в результате поражения Китая в «опиумной» войне в 1842 г. Город сохранил несравненно большую самобытность, чем Шанхай с его большими иностранными концессиями, английскими и французскими воинскими частями и полицией, названиями улиц на иностранных языках.

И в Кантоне была английская концессия — Шамянь (небольшой остров на реке Чжуцзян), но по сравнению с иностранной частью Шанхая она была ничтожна мала, всю ее можно было обойти за десять — пятнадцать минут. Шамянь нужен был Англии только как символ ее господства в Южном Китае, а не как территориальная и экономическая база. Эту

функцию выполняли Гонконг и арендованная полоса в районе Коулуна. Поэтому Кантон производил впечатление чисто китайского торгового города.

В отличие от китайцев-северян южане — народ экспансивный, живой, подвижный, а сам Кантон напоминал огромный рынок, который не закрывался даже ночью. Как и во всех искони китайских городах, улицы были очень узкими, шириною в два-три метра. Обращало на себя внимание почти полное отсутствие вывесок на английском языке.

Впрочем, влияние Европы сказывалось уже и здесь. Было проложено несколько широких улиц, по которым изредка мчались автомобили, мостовые на таких улицах были покрыты асфальтом, много зданий на набережной реки Чжуцзян построены в европейском стиле.

Вместо пекинского чинного сановника здесь бросался в глаза полуголый, вечно суетящийся толстый купец или хозяин мастерской, а вместо стройной обитательницы Пекина — изнуренная женщина-кули, целый день перетаскивавшая на коромысле или на грузовой платформе с колесами тяжести из складов на набережную и обратно.

На улицах всегда было шумно, отовсюду слышалась китайская музыка, на набережной, этой главной улице Кантона, было много накрашенных женщин.

Вся река .вдоль набережной была занята лодками. Они стояли целыми улицами, по которым то одна, то другая лодка выплывала на середину течения. Беспрерывно плыли по воде джонки. Ночью лодочные фонари создавали живописную картину двигающихся огоньков.

В лодках, так густо стоявших у набережной, постоянно жили целые семьи, которые занимались перевозкой товаров по реке и их .погрузкой. Это была беднота, речные кули.

Жизнь на воде била ключом. Помимо лодок здесь располагались плавучие рестораны всех разрядов: дешевые и первоклассные, чайные боты, плавучие опие-курильни.

Поздно ночью шум на улицах утихал, часть электроосвещения выключалась, народу становилось меньше. На тротуарах уже были разостланы циновки, на них спали люди. Спали в одиночку и целыми семьями. Это были рабочие, не имевшие не только угла на суше, но и хотя бы старой лодки на воде. Они жили с семьями на улице. Днем трудились, работали много, долго, питались на улице, покупали еду у поваров, готовивших пищу в передвижных кухнях, а поздней ночью укладывались спать на тротуарах. Они имели впалую грудь, крепкую костистую спину, выносливые руки, циновку и какое-то

тряпье, служившее одеялом. Больше ничего.

Крупной промышленности на юге почти не был®. На островах в устье Чжуцзяна гнездилось множество шелкоткацких предприятий, на которых работало несколько тысяч рабочих. Но это были не заводы, не фабрики, а базировавшиеся на ручном труде мануфактуры, крайне отсталые в техническом отношении. Типичной для юга промышленностью было кустарное производство и небольшие мастерские.

Поражал огромный удельный вес торгового капитала в экономике. Торговец и ростовщик держали в своих руках скупку и сбыт крестьянской продукции. Здесь было много меняльных контор, типично ростовщических учреждений, под высокие проценты выдававших нуждающимся ссуды или занимавшихся спекуляцией бумажными деньгами различных провинций, а также иностранной валютой.

Из иностранных банков господствующее положение занимал английский Гонконг-Шанхайский банк. Иностранный капитал выступал на юге не как промышленный, а как торговый. Поэтому он не внес здесь тех изменений в экономическую жизнь, которые были характерны для Северного и Центрального Китая.

Экономические нити, связывавшие Юг и Север, были очень тонкими. Характерно, что много видов готовых товаров Юг получал не из Северного Китая, а из французских колоний в Индокитае и голландских — на Малайском архипелаге. Ко всему этому надо добавить различие между севером и югом в языке. Северяне и южане говорят на совершенно различных диалектах. Иероглифы общие для всего Китая, их понимают все грамотные китайцы, но они произносятся совершенно иначе в разных областях, особенно на юге. На небольших заседаниях, в которых участвовали северяне и южане, беседы велись зачастую на английском языке, если его знали все участники. На помощь нередко приходили бумага, тушь и кисточка, которой выводился нужный иероглиф.

Все эти различия бросались в глаза, когда вы из Пекина или Шанхая впервые попадали в Кантон. Даже такой бытовой штрих, что мужчины на юге не носили кос, а женщины почти не уродовали бинтами ног, также был не случаен. Как известно, мужчин заставили носить косы в знак подчинения маньчжурской династии, свергнутой во время революции 1911 г. Тем не менее даже в 20-х годах крестьяне и часть горожан еще носили косы. Множество китаянок с трудом передвигались на забинтованных ступнях. Южане уже во время тайпинской революции в знак неповиновения маньчжурской династии срезали косы.

Исторические, культурные различия послужили основой для

автономистского движения на юге, которое поддерживалось английским империализмом. Однако укрепившийся на юге Сунь Ятсен был противником автономизма. Он боролся за объединение Китая, за его целостность и независимость.

Южанину близка была антиимпериалистическая позиция Сунь Ятсена, ибо южанин — противник англичан, захвативших Гонконг и всегда угрожавших Кантону; южанину по душе были шоссейные дороги, которые прокладывал Сунь Ятсен в Гуандуне; он готов был воспользоваться демократическими учреждениями суньятсеновского правительства, ибо это давало ему, купцу, возможность «самоуправляться» соответственно его собственным интересам.

Ну а то, что Сунь грозил национализировать железные дороги и крупную промышленность, так это ведь касается не столько его, южанина-торговца, сколько северян.

Наряду с этим сам Сунь Ятсен мог бы рассказать немало эпизодов из своей деятельности, когда гоминьдан или парламент проваливали целый ряд его предложений по рабочему вопросу, по вопросу о всеобщем избирательном праве и т. д., т. е. предложений, которые не соответствовали интересам буржуазии.

— Они меня не понимают,— жаловался в таких случаях Сунь Ятсен.

— Он слишком большой идеалист,— говорили про него представители торговли и промышленности Кантона.

Неоспоримо было, что Сунь Ятсен — революционный демократ. В тех районах, на которые распространялась его власть, он стремился установить демократический строй, ввести городское самоуправление, свободу печати, свободу рабочего движения, союзов и т. д. Если этот режим демократии и нарушался, то главным образом реакционными генералами и офицерами, с которыми вынужден был блокироваться Сунь Ятсен и которые в трудные для него минуты ему изменяли.

Между Югом, где власть находилась в руках Сунь Ятсена, и Севером, где она принадлежала китайским милитаристам и иностранным империалистам, лежала глубокая пропасть. На юге совсем иначе дышалось. Рабочие союзы, коммунистическая партия, Социалистический союз молодежи работали совершенно легально.

Целый день искали меня позже приехавшие в Кантон мои китайские друзья, но наконец нашли в одной из кантонских гостиниц «рослого иностранца». Мы тут же наметили план действий на предстоящий день. Если память мне не изменяет, это было 26 апреля 1922 г. Отправились сперва в Дуншань. Здесь жил корреспондент Дальта (телеграфное агентство Дальневосточной

республики) К. А. Стоянович.

Иностранцы размещались в двух противоположных концах Кантона. С одной его стороны, лицом к Гонконгу, находился Шамянь, с другой — лицом к Китаю— Дуншань.

В первом находился иностранный консульский корпус, иностранные банки, короче, это был «остров империализма». Дуншань был застроен двухэтажными европейского типа коттеджами, но в отличие от Ша-мяня он был одним из районов китайского Кантона.

Здесь жили немцы, русские, китайцы, женатые на иностранках, и иностранцы, женатые на китаянках. Дуншаньцы превозносили достоинства своего района и с презрением говорили о Шамяне. Обитатели же Шамяня смотрели на дуншаньцев как на «европейцев второго сорта».

Стоянович, как представитель непризнанной державы, жил со своей семьей, конечно, в Дуншане. Высокого роста, бородатый, приветливый, всегда готовый прийти вам на помощь, он оставлял очень хорошее впечатление. В прошлом русский рабочий, Стоянович до революции эмигрировал во Францию, где изучил французский язык. Его единственным сотрудником по Дальта был рыжий вьетнамец из тогда французского Индокитая. Он говорил по-французски, знал китайский язык и политическую жизнь Южного Китая.

От Стояновича я получил первую информацию о положении на юге, которой я был огорошен. В довольно мрачных красках были изображены как сам Сунь

Ятсен, так и его правительство. По словам Стоянови-ча, оно проводило политику, враждебную рабочему классу. Сподвижников Сунь Ятсена он характеризовал как милитаристов американской ориентации.

Симпатии Стояновича целиком склонялись на сторону Чэнь Цзюнмина, который якобы поддерживал рабочее движение и близко стоял к кантонской организации коммунистической партии.

Стоянович в свою очередь был чрезвычайно удивлен, когда я сказал, что Суня и гоминьдан следует, по-моему, поддержать.

Потом Стоянович изменил свою точку зрения и работал в контакте со мной. Поэтому обо всем этом можно было бы и не писать здесь, но я понял тогда, что его позиция является отражением чьих-то взглядов. Чьих именно, я еще не знал.

Из Дуншаня Цюй Цюбо, Чжан Тайлэй и я отправились в кантонскую организацию коммунистической партии и в Социалистический союз молодежи.

Шли по лабиринту китайских улочек, завешанных флагами-

вывесками, полутемных, лишенных солнечного света, ибо не проникнуть солнечному лучу в эти узкие улицы. Мы кружились, уходили вперед, сворачивали, возвращались назад, наконец вошли в маленькую калиточку. Снаружи были только серые стены. Окна выходили во двор. Прошли дальше через ряд характерных китайских портиков, через какие-то комнаты, вышли в квадратный дворик. Здесь помещался в то время комитет Социалистического союза молодежи. Тут же были представители и комитета партии.

Началась беседа. Большинство членов кантонской организации социалистической молодежи были учащимися, но в провинции имелись организации, состоявшие, по рассказам, из рабочей молодежи. В городском же союзе молодежи рабочих было мало. Члены партии почти в полном составе входили в союз молодежи, который фактически являлся организацией сочувствующих партии. Работу союза молодежи и партии разграничить было невозможно. Впрочем, в союзе молодежи имелись драматический и музыкальный кружки — единственно юношеское, что было в этой молодежной организации.

Издавалась особая газета Социалистического союза молодежи, в которой мало говорилось о работе среди юношества. Это была в основном общеполитическая газета.

На мой вопрос, почему не ведется работа среди рабочей молодежи, получил обычный ответ: сперва нужно организовать вообще всех рабочих, а затем заняться специально работой только среди молодежи.

Комитет занимал три комнаты. На стенах были развешаны последние номера газеты, плакаты, план работы и расписание занятий кружков. Партийная организация численно была меньше молодежного союза, но политический вес партии был, конечно, значительнее. Коммунисты были заняты организацией рабочих союзов и руководством стачечной борьбой.

Мы перешли к вопросу о политическом положении на юге, деятельности правительства Сунь Ятсена и гоминьдана. С гоминьданом отношения были более чем натянутые. В гоминьдане в связи с кризисом правительства, вызванным борьбой Чэнь Цзюнмина против Сунь Ятсена, фактически произошел раскол: значительная часть партии поддерживала Чэнь Цзюнмина, другая же часть, поддерживавшая Сунь Ятсена, вела работу, направленную на подрыв влияния компартии в рабочих союзах, что усиливало отрицательное отношение местных коммунистов к гоминьдану и правительству.

Я заговорил о Чэнь Цзюнмине и получил восторженный отзыв о нем. Мне говорили, что рабочие очень любят этого генерала,

что после бегства Чэнь Цзюнмина из Кантона рабочие почувствовали себя осиротелыми.

По вопросу о конфликте между Сунем и Чэнем и

об отношении к нему компартии ответы были очень сдержанными, хотя и подчеркивалось, что Чэнь Цзюнмин сделал ошибку, которая объясняется якобы тем, что он «не политик».

Вообще разговор на эту тему велся кантонцами чрезвычайно неохотно. Чувствовалась большая настороженность по отношению ко мне. Предпочитали узнать мою точку зрения, чем отвечать на мои вопросы.

Своей точки зрения я не счел нужным скрывать и изложил ее. В ответ встретил холодное молчание.

Мы перешли к вопросу о праздновании 1 Мая. Обсуждали основные лозунги демонстрации. Они были троякого рода: 1) против иностранного империализма в поддержку Советской России; 2) против китайской реакции; 3) в поддержку правительства Сунь Ятсена.

1 мая я увидел лозунги первого и второго рода, призывов же к поддержке правительства Сунь Ятсена на знаменах коммунистической партии, социалистической молодежи и рабочих союзов не было.

9. Два первых съезда: рабочих союзов и Социалистического союза молодежи

Современного индустриального пролетариата на Юге было мало. В основном Южный Китай был страной ремесла и средневековой мануфактуры. Вот почему и формы рабочих организаций тогда еще не вылупились из средневековой скорлупы. Совсем недавно это были цехи и гильдии, куда наряду с рабочими входили хозяева.

Сейчас таких организаций почти не осталось, хозяйчиков из рабочих союзов выгнали, но принцип организации остался тот же самый. В основе его лежала профессия, ремесло, как, например, союз рикш, союз официантов, союз поваров, союз лодочников, союз моряков и т. д. В одном Кантоне тогда было 134 рабочих союза.

Членство в союзе для рабочих было обязательным, не членов союза на работу не допускали.

Рабочие в Кантоне носили на голове огромные плетенные из тростника зонтикообразные шляпы. Солнце на юге — ослепительное: днем нельзя смотреть на мостовую, ибо каждый кусочек стекла, каждая лужица, отражая лучи солнца, ослепляет. Безнадежно ищешь тени. Тростниковая шляпа спасает рабочего от солнечного удара и защищает его голую спину и грудь от жгучих лучей. Огромная тростниковая постройка на голове меня не

удивляла, но иероглифы, большие, черным лаком выведенные на шляпе, заинтересовали. Оказалось, что иероглиф на шляпе означал принадлежность к какому-либо рабочему союзу. Шляпа с иероглифом — это своеобразный членский билет. Каждый безработный, если он встречал за трапезой работающих членов своего союза, имел право подсесть, а те обязаны были разделить с ним свою еду. Таков обычай.

Время было бурное. Недавно закончилась историческая гонконгская забастовка[1]. Рабочие одержали победу. Забастовка была направлена против английского империализма и поддержана кантонской буржуазией, которая оказывала материальную помощь бастующим рабочим. Поддерживали рабочих гоминьдан и правительство Сунь Ятсена.

Понятно, что такая позиция вызвала ответные симпатии рабочих к гоминьдану и правительству Сунь Ятсена. Эти симпатии скоро проявились. Тяжелое финансовое положение правительства заставило его решиться на выпуск бумажных денег. До этого право выпуска бумажных денег принадлежало только частным банкам.

Деньги в Китае были разные. При получении сдачи прежде всего обращали внимание на то, каким банком и в каком городе они были выпущены. В больших городах деньги японских и некоторых китайских банков принимались неохотно.

Кантонская буржуазия объявила бойкот бумажным деньгам кантонского правительства, платя по 70 центов за правительственный бумажный юань. Бойкот буржуазией этих денег обострил ее отношения с рабочими, требовавшими приема денег, которые они получили от правительства.

Началась борьба, принявшая ожесточенный характер. Дело доходило до побоищ и разгрома лавок. Борьба закончилась победой рабочих, и бумажные деньги теперь принимались по номиналу. Наступило успокоение, но на короткое время. Буржуазия решила подорвать правительственные бумажные деньги другим способом. Медленно, сперва незаметно, стали расти цены. Через несколько недель продукты уже значительно подорожали. Рост цен означал фактическое понижение заработной платы, что вызвало недовольство рабочих. То здесь, то там вспыхивали отдельные забастовки. Наконец забастовочное движение приняло массовый характер, и так как хозяева предприятий, на

[1] Речь идет о забастовке гонконгских моряков (12 января — 8 марта 1922 г.), положившей начало подъему рабочего движения во всей стране.

которых происходили стачки, часто были членами

гоминьдана, то противники Сунь Ятсена попытались направить стачечное движение против правительства. Гражданский мир на юге был нарушен. Симпатии рабочих к гоминьдану остыли. В такой обстановке проходили в Кантоне празднование 1 Мая и I Всекитайский съезд рабочих союзов.

В день 1 Мая колонны демонстрантов проходили по набережной, самой широкой улице Кантона. На всех лодках и ботах красовались красные флажки с революционными лозунгами.

Шли колонны рабочих. Сотни и сотни знамен. На каждом написано название рабочего союза. Впереди на длинных палках несли тяжелый барабан. В середине, шагая между палками, что есть мочи отбивал такт барабанщик. Пищали свирели, гремели литавры, звенели гонги. Рвались у ног пороховые хлопушки. Демонстранты несли искусно сделанные львиные головы, которые то раскрывали, то закрывали огромные глаза и пасть под хохот людей и треск пороховых хлопушек. Извивались фантастические длиннющие драконы.

В руках у каждого демонстранта красный бумажный флажок с лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Да здравствует Первое мая!»

Мы поднялись на крышу одного из самых высоких домов, чтобы взглянуть на общий вид демонстрации. Поразительное зрелище. Все улицы были запружены рабочими, алели тысячи знамен и ручных флажков. Демонстрация была похожа на красную лавину. Вот идет колонна союза моряков. Впереди плавно покачивается хорошо и красиво сделанный большой пароход, двигающийся при помощи нескольких автомобилей, скрытых внутри судна, разукрашенного знаменами и флажками.

Со всех концов города тянулись со своими оркестрами учащиеся начальных и средних школ. Стройно проходит организация Социалистического союза молодежи. На ее знаменах начертано: «Да здравствует Коммунистический Интернационал!», «Да здравствует Коммунистический интернационал молодежи!», «Да здравствует Советская Россия!»

Мы покидаем крышу и отправляемся в парк — ме

сто сбора демонстрантов. Там члены Социалистического союза молодежи раздавали специальные воззвания и листовки и тут же продавали коммунистическую литературу. По портретам вижу: эта брошюра о Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе, та — о Карле Либкнехте и Розе Люксембург.

Прогуливаюсь в компании коммунистов по аллеям парка. Чувствую на себе внимательные взгляды людей, которые следят

за каждым моим движением. Они удивлены присутствием на митинге иностранца. Им объясняют, кто я, и отношение сразу же меняется: мы обмениваемся дружескими рукопожатиями.

Начался митинг. Пламенные речи. Выступали представители коммунистической партии и Социалистического союза молодежи, руководители рабочих союзов. Я никогда не забуду одного эпизода этого первомайского митинга. С речью выступил рабочий, приехавший сюда из Северного Китая на Всекитайский съезд рабочих союзов.

— Клянемся, что как один будем бороться с буржуазией за интересы рабочего класса...— При этих словах он кладет свой указательный палец в рот, начинает кусать его. Проходят тяжелые секунды. Ему трудно прокусить свой собственный палец, по лицу пробегает выражение сильной боли. Оратор хватает кусок белой материи и кровью выводит иероглифы: «Клянемся, что будем бороться».

Митинг закончен. Демонстранты снова направляются на улицу. Уже пять часов, но всюду по-прежнему царит оживление. К ночи демонстрация вылилась в форму карнавала, затянувшегося чуть ли не до утра.

Демонстрация носила чисто пролетарский характер и проходила исключительно под руководством коммунистической партии.

На всекитайские съезды рабочих союзов и Социалистического союза молодежи в Кантон приехало много коммунистов. Прибыли и два члена Центрального бюро Коммунистической партии Китая: Чэнь Дусю и Чжан Готао. Последний возглавлял созданный партией в 1921 г. Всекитайский секретариат рабочих союзов, который провел всю подготовительную работу по созыву Всекитайского съезда рабочих союзов. Среди делегатов обоих съездов были руководители коммунистических организаций различных провинций.

К тому времени я уже встречался с Сунь Ятсеном. Информировав Чэнь Дусю о моих беседах, я предложил провести совещание с руководящими партийными работниками, приехавшими в Кантон.

На совещании присутствовало человек 20—25. Следует сказать, что в то время членов партии в стране было всего только около 125 человек. Таким образом, здесь была почти пятая часть всей партии. Мы собрались, чтобы обсудить вопрос о партийной линии, которой следует придерживаться на съезде рабочих союзов и съезде Социалистического союза молодежи. Прежде всего стоял вопрос об отношении к правительству Сунь Ятсена и его партии — гоминьдану.

Обстановка в Кантоне крайне осложнилась по двум причинам: в результате поддержки кантонской организацией компартии генерала Чэнь Цзюнмина и ее пропаганды против правительства Сунь Ятсена, во-первых, и воздействия буржуазии на политику гоминьдана в связи с обострением классовой борьбы, во-вторых.

Я выступил на этом важном совещании с докладом. В соответствии с решениями Съезда революционных организаций Дальнего Востока в Москве я говорил о необходимости создания единого национально-революционного антиимпериалистического фронта рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и той части китайской буржуазии, которая заинтересована в национальном освобождении и демократических преобразованиях Китая. Конкретно речь шла о достижении соглашения по этому вопросу с гоминьданом и о поддержке рабочим классом правительства Сунь Ятсена.

Со времени I съезда Коммунистической партии Китая не прошло еще и года. Партия была малочисленной и состояла главным образом из интеллигенции, занимавшейся изучением марксизма и Октябрьской революции в России, но она представляла собой единственную политическую организацию в Китае, которая вела пропаганду среди рабочих, исходя из классовых позиций, ломала старинные цехи и гильдии и создавала, по существу, новые организации китайского пролетариата. Реформистов китайский рабочий тогда не знал.

Теперь партии предстояло сделать крупный шаг вперед и от чисто пропагандистской работы, от замкнутых кружковых методов выйти на арену массового политического действия, стать движущей силой китайской истории. Путь к этому лежал через единый антиимпериалистический национально-революционный фронт с Сунь Ятсеном, с его партией. Стоял вопрос о вхождении коммунистической партии в гоминьдан, но на условиях сохранения организационной и политической самостоятельности. Я хочу подчеркнуть, что при переговорах с Сунь Ятсеном речь шла не об индивидуальном вступлении коммунистов в гоминьдан. Для индивидуального вступления не требовалось согласия Сунь Ятсена. Коммунистическая партия всегда могла предложить тем или иным своим членам, в большем или меньшем числе, персонально вступить в гоминьдан для ведения работы внутри этой партии и воздействия на ее политику. Речь шла о вхождении компартии именно как партии, но на условиях ее политической и организационной самостоятельности. Такое вхождение рассматривалось нами — и об этом мы говорили с Сунь Ятсеном — как конкретная форма единого национально-

революционного антиимпериалистического фронта Китая.

Естественно, что единый фронт предполагал отказ гоминьдана от каких-либо ограничений рабочего движения, признания права рабочих на объединение в союзы, права на стачку.

На совещании коммунистов, состоявшемся в конце апреля — начале мая в Кантоне, вопрос о едином фронте с гоминьданом вызвал оживленные прения. Представители кантонской организации молчали, а практически пытались повернуть съезд профсоюзов в сторону поддержки Чэнь Цзюнмина. Они, как я уже говорил, были противники Сунь Ятсена.

Другие участники совещания, возглавлявшиеся Чжан Готао, были против единого фронта, против, как он говорил, «блока с мелкой буржуазией». Это были «левые» сектанты в китайской компартии. И хотя Чжан Готао на словах признавал, что правительство Сунь Ятсена самое демократическое в Китае, что Чэнь Цзюнмин играет контрреволюционную роль, на деле его позиция была выгодна кантонцам, поскольку по существу она была направлена против поддержки Сунь Ятсена.

Меня поддержали Чжан Тайлэй и Цюй Цюбо. Они исходили из того, что на этапе буржуазно-демократической антиимпериалистической революции необходим широкий единый фронт с мелкой буржуазией, необходим блок с гоминьданом и вхождение в него коммунистической партии.

Прения по этому вопросу затянулись на несколько дней. Чэнь Дусю колебался, но после долгих обсуждений признал необходимость единого фронта. Большинство участников совещания склонялось (со многими оговорками) к тактике единого фронта, но определенной резолюции не было принято, совещание решило продолжить дискуссию.

Несмотря на серьезные разногласия между участниками, кантонское совещание оставило большой след в истории Коммунистической партии Китая. Наступил перелом в ее политике по отношению к гоминьдану. Спустя примерно полтора месяца после этого совещания, 15 июня 1922 г., Центральное бюро КПК выступило с заявлением о политической обстановке в стране, в котором говорилось о готовности партии сотрудничать со всеми демократическими группировками. Это заявление было одобрено на II съезде Коммунистической партии Китая, который состоялся 16—23 июля 1922 г. Однако и в то время партия была еще против вхождения в гоминьдан.

Отсутствие твердой политической линии внутри партии, открытая борьба кантонской организации против Сунь Ятсена отрицательным образом отразились на Всекитайском съезде

рабочих союзов. В свою очередь правительство Сунь Ятсена под воздействием кантонской буржуазии обострило отношения с рабочими союзами. Оно стало на путь регламентации рабочего движения. Сунь Ятсен издал закон, согласно которому рабочие союзы должны были испрашивать разрешение правительства на созыв съездов. Более того, оно присвоило себе право отводить неугодные ему кандидатуры в руководящих органах союзов и назначать туда своих ставленников, даже не членов рабочих организаций.

Это подлило масла в огонь. Единый фронт рабочих, буржуазии, гоминьдана и правительства Сунь Ятсена, сложившийся во время гонконгской забастовки, дал трещину. Более того, отношения между рабочими и правительством вылились в форму конфликта на открытии Всекитайского съезда рабочих союзов.

Началось, конечно, с выборов президиума. На съезде гоминьдан был представлен людьми, которые в большинстве своем были назначены в соответствии с новым законом. Они потребовали избрания в президиум съезда главным образом своих представителей. Это вызвало возмущение делегатов. Рабочие резко критиковали как правительство, так и гоминьдан. В результате требования гоминьдановской группы были отвергнуты абсолютным большинством голосов. В президиум были избраны в основном коммунисты и комсомольцы. Председателем съезда избрали Чжан Готао. Гоминьдановцы демонстративно покинули съезд и больше на нем не показывались. Все это произошло на другой день после торжественного открытия съезда, которое ознаменовалось первомайской демонстрацией.

На съезд собрались представители рабочих союзов со всех концов Китая, но большинство делегатов были южанами, так как приезд из других областей был затруднен недостатком средств и преследованиями полиции. В повестке дня съезда были такие вопросы, как объединение всех рабочих союзов, борьба за улучшение положения рабочих. Особым пунктом повестки дня было рассмотрение тех или иных предложений делегатов.

Съезд рабочих союзов продолжал свою работу. Руководство гуаидунской организации КПК проводило линию на поддержку Чэнь Цзюнмина. Председатель съезда Чжан Готао, вступив в конфликт с кантонцами по вопросу о Чэнь Цзюнмине, саботировал, однако, создание единого фронта. Он самоустранился от руководства съездом, перестав фактически председательствовать на нем.

— Все равно я ничего не могу с ними поделать,— говорил он

мне —Мое северное китайское наречие южане не понимают, а переводы моих речей искажают. Делегаты-северяне меня поддерживают, но они в меньшинстве.

В результате всего этого в политическом отношении съезд проходил без руля и без ветрил. Кантонцы же проводили свою политику поддержки Чэнь Цзюн-мина, и это им удавалось из-за отсутствия твердой политической линии в руководстве коммунистической партии.

Спустя некоторое время после Съезда рабочих союзов кантонская организация партии под руководством Чэнь Гунбо развернула широкую кампанию против Сунь Ятсена. В Центральное бюро компартии в Шанхае поступило предложение об исключении из партии руководителей кантонской организации. Однако ЦБ не решалось пойти на такой шаг. Лишь после того как Чэнь Цзюнмину удалось занять Кантон и изгнать правительство Сунь Ятсена, когда Чэнь Гунбо открыто выступил вместе с Чэнь Цзюнмином и даже хвастался этим, ЦБ постановило исключить его из партии[11]. Позже была распущена и вся кантонская организация коммунистической партии.

Съезд рабочих союзов происходил на противоположном от центра города берегу реки Чжуцзян, в кантонском «Замоскворечье». Мостов через реку не было. Мы сели в лодку и переехали на другой берег. Свернули в шумную, торговую улочку. Наконец выбрались к еще не достроенному четырехэтажному зданию. Там проходили заседания съезда. Зал на втором этаже был украшен знаменами и множеством лозунгов.

Шло обсуждение вопроса о борьбе за улучшение положения рабочих. Выступал делегат из Ханькоу — рикша. Крепкий, широкоплечий, здоровый парень. Он делал доклад о борьбе ханькоуских рикш.

— Коляска принадлежит не рикше, а хозяину. За пользование коляской рикша обязан ежедневно платить хозяину по пятьдесят-семьдесят центов в день. Если он их не заработает, все равно он должен платить. Десять тысяч ханькоуских рикш объявили забастовку, требуя улучшения условий аренды коляски.

Делегат, руководитель этой забастовки, рассказывал съезду, как стойко боролись рикши и как они победили.

Съезд подходил к концу. На повестке дня вопрос о рабочем гимне. Китайские рабочие тогда еще не имели своих революционных песен. Вопрос обсуждался долго. Вот один из делегатов сообщает, что у них рабочие сложили песню. Он читает текст. Песня не всех удовлетворяет.

Наконец после долгих прений постановили: предложить всем организациям представить к следующему съезду проекты песен.

Вскоре на китайский язык был перевёден «Интернационал». Китайские рабочие стали петь этот международный рабочий гимн.

Съезд закончился выборами Центрального совета рабочих союзов. Было решено, что совет будет находиться в Шанхае. Южане с этим охотно согласились, зная, что, если совет будет находиться в Шанхае, они будут независимы от него. Южане были автономистами и противниками централизма.

5 мая 1922 г., в день 104-й годовщины со дня рождения Карла Маркса, в Кантоне открылся I Всекитайский съезд Социалистического союза молодежи. Открытие съезда было специально приурочено ко дню рождения Маркса, чтобы подчеркнуть, что союз — приверженец марксизма.

А это нужно было подчеркнуть, ибо кого только не объединяли в прошлом социалистические союзы молодежи: наряду с коммунистами были тут анархисты, гильдейские социалисты, демократы и просто случайные элементы. В 1921 г. эти ничего общего с коммунизмом не имевшие элементы проявили такую активность, что пришлось распустить целые организации и из немногочисленных приверженцев марксизма создавать новые, на этот раз действительно революционные организации молодежи.

Открылся съезд торжественно в одном из кантонских парков вступительной речью Чжан Тайлэя. Первый день был посвящен чествованию памяти Карла Маркса.

Всюду чувствовался праздник и торжественность; чистенькие, только что выглаженные халаты-костюмы, много девушек, главным образом студенток в коро-

теньких юбочках, рабочие в новых синих костюмах. Было человек пятьсот.

На сцене —стол президиума. Над ним —большой портрет Карла Маркса. Началось торжественное заседание. Представитель Центрального бюро коммунистической партии Чэнь Дусю держал большую речь о Марксе и марксизме. Речь внимательно слушали.

День прошел радостно. В Кантоне, в 15 тыс. км от родины Маркса, тогда в двадцати, а порой и больше, днях езды от Москвы, в далеком Китае, почти у самых тропиков торжественно отмечался день рождения основоположника учения, которое открыло новую эпоху в истории человечества.

В самом съезде участвовало 25 делегатов, представлявших 15 организаций в различных городах Китая. По поручению Исполкома Коммунистического интернационала молодежи я выступил на съезде. В своем выступлении я не только передал привет от ИККИМ, но и рассказал об этой организации, о ее

задачах, подчеркивая те принципы Коминтерна молодежи, которые имели актуальное значение для китайского Социалистического союза молодежи.

Съезд принял программу и устав союза. В программе говорилось, что раздробление Китая на многочисленные дуцзюнаты (военные губернаторства) является прямым результатом господства иностранного империализма, который поддерживается китайцами-предателями, продающими своим иностранным хозяевам богатства страны. Китайский капитализм, говорилось в программе, не лучше своего белого собрата, ибо он заимствовал у него систему эксплуатации. Иностранный империализм и китайский капитализм разоряют народные массы, состоящие из бедных крестьян, мелких торговцев, мелких собственников и всех трудящихся.

Разорение крестьян и мелких собственников толкает их на борьбу с двойным гнетом — иностранного империализма и туземного милитаризма. В программе подчеркивалось, что перед Китаем стоит проблема буржуазно-демократической революции, которая обеспечила бы национальную независимость, свободу печати, собраний, союзов и стачек, выборность центральных государственных органов на основе всеобщего голосования. Рабочий класс, участвуя в этой революции, помогая свергнуть старый режим, тем самым готовит себя для грядущей пролетарской революции.

Далее говорилось, что, хотя рабочий класс извлекает известные выгоды из мелкобуржуазной революции, она —не конечная цель пролетариата. Как только мелкая буржуазия свергнет господство милитаристов, она сама превратится в господствующий класс. Как только закончится буржуазная революция, говорилось в программе, мы должны сейчас же приступить к организации пролетарской революции. Ее цель — передача всей власти в руки Советов рабочих и крестьян. Социалистический союз молодежи ставил своей ближайшей целью развитие классового самосознания и подготовку молодежи к пролетарской революции.

В программе говорилось и об особых задачах и требованиях молодежи. К ним относились установление 6-часового рабочего дня для подростков, воспрещение детского труда (до 12 лет). Выставлялись требования еженедельного отдыха для рабочей молодежи в течение 36 часов и отдыха в праздничные дни, издания государственных законов, предусматривающих охрану труда рабочей молодежи и защиту учеников от эксплуатации хозяев.

Особые требования были выдвинуты в программе в

отношении образования и культурно-просветительной работы среди молодежи. Говорилось о бесплатном образовании, автономии университетов, ликвидации неграмотности населения, создании клубов, кружков самообразования и т. д.

Программа провозглашала равенство национальностей, борьбу с религиозными предрассудками. Считая освобождение колониальных народов интернациональной проблемой, союз декларировал свою солидарность с их борьбой за освобождение. Свой интернационализм Социалистический союз молодежи Китая подчеркнул специальным решением о присоединении к Коммунистическому интернационалу молодежи.

Так завершилась работа по созданию объединенного и централизованного в масштабе всей страны Социалистического союза молодежи с марксистской программой. На съезде был избран Центральный комитет. Секретарем ЦК избрали Чжан Тайлэя.

Съезд закрылся 10 мая 1922 г. Сразу же встал вопрос о местопребывании Центрального комитета. Это был общий вопрос для партии и для союза молодежи. Еще во время съезда я говорил об этом с Чэнь Дусю и членами оргбюро по созыву съезда, Я высказал соображение о целесообразности перевода центра в Кантон, однако товарищи с этим не согласились и решили оставить его в Шанхае. Известную роль здесь сыграл, вероятно, и диалектный барьер. Были случаи, когда мне приходилось быть переводчиком в разговоре между Цюй Цюбо с кантонцами, знавшими английский язык. Цюй Цюбо говорил в этих случаях по-русски, а я переводил на английский, и наоборот.

Уже на третий день после окончания съезда, т. е. 13 мая, я обратился с письмом к Центральному комитету Социалистического союза молодежи с просьбой пересмотреть свое решение. В этом письме я писал, что главная задача союза — превращение его из узких студенческих сект в массовую организацию рабочей молодежи. Об этом говорилось и в решениях только что закончившегося съезда. Большим препятствием на этом пути являлось подполье, конспирация, полицейские преследования на Севере. Союз молодежи, состоявший главным образом из студентов, не имел практического опыта легальной работы, который научил бы его общению с рабочей и крестьянской молодежью. Легальные условия на юге при правительстве Сунь Ятсена открывали в этом отношении широкие возможности. Без опыта работы в массах рабочей и крестьянской молодежи, да еще в нелегальных условиях, всякие разговоры о превращении союза в организацию рабочей молодежи были бы бесплодными.

Между тем становилось все более очевидным, что Кантон превращается в центр текущего этапа антиимпериалистической национально-освободительной революции. Отказ перенести свой штаб в Кантон был результатом негативного в то время отношения Коммунистической партии Китая и Социалистического союза молодежи к правительству Сунь Ятсена, к гоминьдану, к единому национально-революционному фронту. Вопрос о местопребывании центра коммунистического движения был вопросом не организационным, а политическим.

Спустя месяц положение в Кантоне круто изменилось. Это сняло с повестки дня вопрос о местонахождении центра.

10. Первые беседы с Сунь Ятсеном

Сунь Ятсен вошел в историю Китая как вождь китайской буржуазной революции 1911 г., во-первых, и как инициатор ее переориентации после победы Октябрьской революции в России, во-вторых.

Он родился в 1866 г. в крестьянской семье в провинции Гуандун, недалеко от Кантона. Двенадцатилетним мальчиком уехал к своему старшему брату в Гонолулу на Гавайские острова. Здесь он пять лет учился в английской школе.

В 1883 г. Сунь Ятсен вернулся на родину и продолжал образование в медицинском училище в Кантоне, а затем в Гонконге — в медицинском институте, который закончил в 1892 г. По образованию Сунь Ятсен был врачом, однако медицинской практикой он занимался очень короткое время, отдав всю свою сознательную жизнь революционной деятельности.

Уже в 1894 г. Сунь Ятсен создал революционную организацию — Общество возрождения Китая. Первая попытка вооруженного восстания на юге закончилась неудачей, и Сунь Ятсен вынужден был бежать в Европу, а затем перебраться поближе к Китаю — в Японию. Оттуда Сунь Ятсен организует восстание в Гуандуне, которое снова окончилось поражением.

В 1905 г. Общество возрождения объединилось с двумя другими тайными революционными организациями. Была создана новая революционная партия — Союзная лига, которая трижды поднимала восстание: в 1906, 1907 и 1908 гг. По требованию китайского правительства Япония выслала организатора этих восстаний Сунь Ятсена из страны. Он эмигрировал в США. Вскоре было подготовлено новое восстание, на этот раз в Центральном Китае, в Учане. Учанское восстание 1911 г. послужило началом китайской революции. Сунь Ятсен в декабре того же года возвратился в Китай и был избран временным президентом республики.

В 1912 г., после отречения от престола последнего китайского императора,

Сунь Ятсен

Сунь Ятсен совершил большую ошибку — он добровольно отказался от президентского поста, что открыло доступ на этот пост Юань Шикаю, олицетворявшему силы китайской реакции.

Начинается новый период борьбы. В 1912 г.

Союзная лига реорганизуется в гоминьдан (Национальная партия), который под руководством Сунь Ятсена поднимает восстание против Юань Шикая в 1913 и 1914 гг. Оба восстания закончились поражением революционных сил, и Сунь Ятсену снова пришлось бежать в Японию, откуда он вернулся в Китай уже во время первой мировой войны — в 1916 г.

Версальский мир, захват Японией германских колоний в Китае, движение «4 мая», подъем национально-освободительного движения в стране — такова обстановка, которая привела к образованию правительства Сунь Ятсена в Кантоне в 1921 г. Победа была достигнута на зыбкой основе — путем сговора с милитаристом Чэнь Цзюнмином.

Такова в самых кратких чертах биография Сунь Ятсена. Она включает в себя целый ряд неудачных восстаний. Неудачи были следствием прежде всего незрелости экономических и

социальных отношений, слабости китайской буржуазии, которая в условиях господства иностранного империализма оказалась не в состоянии привести революцию к победе.

В то время, когда я приехал в Кантон, правительство Сунь Ятсена переживало новый кризис, причиной которого был конфликт с Чэнь Цзюнмином. Только за несколько дней до моего приезда оставшимся верными Сунь Ятсену войскам удалось занять Кантон и вытеснить оттуда «союзника». Однако это было не разрешением, а углублением кризиса, поскольку войска Чэнь Цзюнмина находились неподалеку.

В самом городе царило уже спокойствие, набережная была полна народа, магазины и лавки открыты, и не верилось, что только несколько дней назад здесь шли военные действия.

На севере Китая в это время уже начались военные действия между У Пэйфу и Чжан Цзолинем. Первого поддерживали Англия и США, второго — Япония. Война между этими двумя милитаристами была отражением борьбы между империалистическими державами за господство в Китае. Было очевидным, что Вашингтонская конференция не смягчила, а обострила противоречия между державами. Япония стояла на позициях «сфер влияния» и была против политики «открытых дверей». «Сфер влияния» придерживалась и Англия, однако теперь экспансия японского империализма угрожала интересам и Англии. В создавшейся обстановке США решили поддержать Англию и тем самым У Пэйфу.

Поскольку Сунь Ятсен допускал в своей борьбе союзы с милитаристами, то наиболее понятным было бы его соглашение с «либеральным» У Пэйфу против Чжан Цзолиня. Однако Сунь Ятсен поступил наоборот. Он хотел воспользоваться войной между северными милитаристами, чтобы нанести удар своему главному противнику, державшему в руках Центральный Китай,— У Пэйфу. Для этой цели и было заключено военное соглашение между Сунь Ятсеном и Чжан Цзолинем.

Союз Суня с реакционнейшим милитаристом Чжан Цзолинем был непонятен для многих, даже для некоторых его друзей. Нечего говорить о его врагах, которые использовали этот союз в своей агитации против Сунь Ятсена.

В такой обстановке начавшейся войны между милитаристами на севере и конфликта между Сунь Ятсеном и Чэнь Цзюнмином в Гуандуне мне предстояло впервые встретиться с Сунь Ятсеном. Это было 27 апреля 1922 г.

К назначенному часу я подъехал вместе с Чжан Тайлэем и Цюй Цюбо к дворцу, где жил в то время Сунь Ятсен и где находилось правительство. Автомобиль остановился у типично

китайских крылатых ворот, которые являлись единственным проходом за высокую стену, окаймлявшую дворец с прилегающими к нему зданиями.

Пока комендант созванивался с кем-то, пока выписывали пропуск, я внимательно осмотрел первый дворик, в котором находились комендатура и, вероятно, не менее батальона солдат.

Первое, что бросалось в глаза,— это многочисленные костры, на которых варилась пища. У костров — группки солдат. Чуть поодаль от костров — винтовки, сложенные в козлы. Это походило на бивак в только что занятой местности.

Все время шла какая-то суетня и беготня. Туда и и сюда бегали офицеры, отдавались какие-то приказания, сменялись караулы. В тени на земле спали солдаты. Чувствовалась всеобщая нервозность и напряженность обстановки.

Пропуск готов. К нам прикомандирован офицер, чтобы провести во дворец, расположенный на высоком холме. Проходим целый ряд внутренних ворот и пустынных двориков и наконец останавливаемся у лестницы. Здесь военная охрана без винтовок, но с маузерами.

Ведущая на гору лестница наглухо со всех сторон взята в деревянный короб и внутри напоминает сумрачный туннель. На площадках всюду посты. Жарко. Подниматься приходится долго. Обливаемся потом. Но наконец выбираемся на «свет божий» — небольшую площадку, обсаженную деревьями. Снова военный пост. Мы входим во дворец. Меня провели в комнату, где должна была состояться встреча с Сунь Ят-сеном. В комнате — столик и четыре стула. Каменный пол устлан обыкновенной тростниковой циновкой, на стенах несколько фотографий, в углах столики с серебряными вазочками для цветов.

Через несколько минут вошел Сунь Ятсен. Среднего роста, серого цвета наглухо закрытый френч со стоячим воротником на запонках, лакированные китайские туфли. Ему было тогда 55 лет. В его лице и жестах выражение невозмутимого спокойствия, медлительность движений создавала впечатление некоторой флегматичности. Это спокойствие и хладнокровие еще сильнее бросались в глаза после первых впечатлений у входа во дворец. Там — горячка, суета, здесь — медлительность и размеренность движений.

Это внешнее спокойствие не вязалось с рассказами о том, что в боевой обстановке Сунь Ятсен сам становился к орудию и стрелял по противнику.

Глаза у Сунь Ятсена были карие, очень живые, с огоньком, напоминавшие глаза В. И. Ленина. Я поразился этому сходству глаз. Живость взгляда также противоречила внешнему

спокойствию.

Сели. Тотчас же был подан чай.

Я вручил Сунь Ятсену письмо, в котором говорилось о моих полномочиях, передал привет от рабочих и крестьян Советской России и пожелания успехов в его работе и борьбе. Обращаясь к нему, я подчеркивал слово «президент» в противовес всей иностранной империалистической прессе, которая не признавала за ним этого звания и называла просто «доктор Сунь».

В ответе на мое приветствие он много говорил о своих симпатиях к Советской России, о том, что будег очень рад ознакомить меня с состоянием дел на юге Китая и получить информацию о положении Советской Республики.

В центре нашей беседы стоял вопрос о Чэнь Цзюн-мине, который, несмотря на вооруженный конфликт, номинально продолжал оставаться военным министром кантонского правительства. Я достоверно знал, что Сунь Ятсен посылал делегацию к Чэнь Цзюнмину для переговоров о ликвидации конфликта и возвращении его в правительство. Результаты переговоров мне не были известны. Я задал вопрос о возможности примирения. Сунь Ятсен вспылил и повышенным тоном сказал:

— Я президент, и министры должны мне подчиняться. Он выступил против меня, президента республики, он выступил против воли народа, если он не подчинится, то будет уничтожен. Ни о каких компромиссах не может быть и речи.

Все же делегации Сунь Ятсена ездили к Чэнь Цзюнмину и после этого разговора. Велись перегово-|)ы, но, как показали события, никаких результатов они не дали.

Мы перешли к вопросу о борьбе с У Пэйфу. Сунь сообщил мне о переброске дополнительных частей на северный фронт и в очень оптимистическом тоне говорил о северной экспедиции и неизбежности скорой победы.

Беседа перешла к положению Советской России. Сунь интересовался численностью Красной Армии, ее организацией и политическим воспитанием. Затем Сунь Ятсен спросил о здоровье В. И. Ленина. В конце беседы мы условились о наших дальнейших встречах.

Впечатление у меня было несколько странное. Чувствовалось, что Сунь Ятсен сдержан и осторожен. С другой стороны, желание возможно чаще встречаться со мной говорило о его намерениях установить контакт с Советской Россией.

Причины двойственного отношения ко мне Сунь Ятсена разъяснились во время одной из следующих встреч, которая была посвящена исключительно программным вопросам. Мы говорили о проблемах русской и китайской революций.

В центре беседы сперва стоял вопрос о диктатуре пролетариата. Сунь Ятсен долго расспрашивал меня об этом. Мы говорили о Советах, о Красной Армии, о значении свободы для народных масс. Сунь внимательно слушал, а потом обратился ко мне со следующим предложением: «Я дам вам самый дикий, горный уезд, не развращенный современной цивилизацией. Жители его принадлежат к народности мяо. Они более способны воспринять коммунизм, чем жители наших городов, где современная цивилизация сделала их противниками коммунизма. Вот в этом уезде организуйте Советскую власть, и, если ваш опыт будет удачным, я применю эту систему для всего Китая».

На такое предложение мне оставалось ответить лишь шуткой. Я сказал, что один уезд — слишком малый плацдарм для коммунизма с его мировыми масштабами. Но я понял значение его предложения. Сунь Ятсен знал, что я коммунист, знал, что кантонские коммунисты стоят в оппозиции к нему, что я встречаюсь с ними, знал, что рабочие союзы в Кантоне отошли от него. Естественно, что первое время Сунь Ятсен питал ко мне некоторое недоверие, ибо мои слова расходились с делами кантонских коммунистов.

Неожиданное предложение «организовать» Советскую власть в одном из уездов было прощупываниехМ моих намерений. Вот почему, ответив шуткой на это предложение, я изложил Сунь Ятсену нашу точку зрения на тогдашний этап китайской революции, говорил о необходимости создания единого национально-революционного фронта и его возможной программе! Эти проблемы стали главными в наших беседах.

Сунь Ятсен оживился, напряженность в выражении его лица исчезла, в глазах вспыхнул огонек, и он стал рассказывать о программе своей партии, автором которой он являлся. Эта программа была изложена в двух его речах: «О трех принципах» и «Конституции пяти степеней».

В этих документах чувствовалась та американская школа буржуазной демократии, которую основательно прошел Сунь Ятсен. Принципы американской буржуазной демократии он пытался приспособить к китайским условиям. Американское происхождение «трех принципов» Сунь Ятсен не скрывал. В своей речи он говорил: «Принципы президента Линкольна вполне совпадают с моими. Он сказал: „правительство народа, избранное народом и для народа" Эти принципы как для европейцев, так и для американцев были вершиной их достижений. Слова, имеющие тот же смысл, можно найти в Китае. Я их перевел: „национализм, демократия и народное благоденствие”»[12].

Национализм Сунь Ятсен трактовал тогда как слияние пяти

национальностей, населяющих Китай (китайцы, маньчжурцы, тибетцы, монголы, мусульманские народы), в единую национальность путем ассимиляции китайцами остальных народностей. В этой части своей программы Сунь Ятсен еще ничего не говорил об освобождении Китая от гнета иностранного империализма. Он считал это само собой разумеющимся, ибо новый Китай, организованный на основе «трех принципов», должен был стать независимой страной, привлекающей иностранный капитал на выгодных для себя условиях.

Под «народным благоденствием» Сунь Ятсен подразумевал прежде всего осуществление «пропорционального» налога на землю. В центре этой части программы лежал аграрный вопрос. Частичный выкуп земли, распределение ее между бедными крестьянами, пропорциональный цене земли налог на землю — вот сущность аграрной программы, изложенной в «Трех принципах». Характерно, что частная собственность на землю при этом не отменяется, государство лишь должно установить пропорциональный налог, который тормозил бы процесс образования крупной земельной собственности.

Об аграрной программе Сунь Ятсена В. И. Ленин еще в 1912 г. писал: «Теория эта, если рассматривать ее с точки зрения доктрины, есть теория мелкобуржуазного „социалиста“-реакционера. Ибо совершенно реакционна мечта о том, что в Китае можно „предуп-редить“ капитализм, что в Китае, вследствие его отсталости, легче „социальная революция[44] и т. п.». Далее В. И. Ленин продолжает: «Спрашивается, защищает ли Сунь Ят-сен на основании своей реакционной экономической теории действительно реакционную аграрную программу?

В том-то и дело, что нет. В том-то и состоит диалектика общественных отношений Китая, что китайские демократы, искренне сочувствуя социализму в Европе, переделали его в реакционную теорию и ***на основании*** этой реакционной теории о „предупреждении" капитализма проводят ***чисто капиталистическую,*** максимально-капиталистическую аграрную программу!»[1]. В. И. Ленин указывал на сходство аграрной программы Сунь Ятсена с программой русских народников. Аграрная программа Сунь Ятсена являлась реакционной, поскольку ставила своей целью предотвратить развитие капитализма, между тем как на деле такая аграрная реформа ускорила бы его развитие. В условиях тогдашнего Китая это было бы все же буржуазно-демократическим преобразованием.

Сунь Ятсен стремился тогда опереться в деревне не на бедноту, не на кулацкие, капиталистические элементы, а на китайского середняка, на мелкое парцеллярное крестьянство.

Крестьянские интересы отразились на этой программе главным образом в части упорядочения налоговой системы. Если бы Сунь Ятсен в пределах только гуандунской провинции, которую он занимал, немедленно и последовательно провел эту налоговую реформу, он привлек бы на свою сторону миллионы крестьян, с помощью которых мог бы победоносно продолжать борьбу. Но он этого не делал.

Когда я спрашивал Сунь Ятсена, почему он не проводит в жизнь свою аграрную программу, он отвечал, что сейчас перед ним стоят военные задачи. Он должен освободить от милитаристов весь Китай, и только тогда можно будет провести в жизнь аграрную программу. Это было основной ошибкой всей его предыдущей борьбы. Опираясь на крестьянство, Сунь Ятсен не потерпел бы тех неудач и не понес бы тех поражений, которыми так часто сопровождалась его борьба.

Сунь Ятсен не понимал, чьи классовые интересы отражаются в его собственной программе, он не знал поэтому, на кого именно опереться в борьбе и как привлекать массы на свою сторону. Он думал, что сами по себе его идеи и его имя заставят врагов сложить оружие. Сунь Ятсен считал возможным предотвратить развитие капитализма в Китае и тем самым избежать классовой борьбы. Он понимал ее происхождение, понимал, что ее порождает капитализм. В этом, как говорил он, все зло Европы и Америки. Там «непропорционально распределяются продукты», там массы нищи, а в руках капиталистов находится все богатство страны.

«Дело в том,— говорил Сунь Ятсен,— что в Европе и Америке все несчастья происходят от чрезвычайно неправильного распределения продуктов. В Китае же нет крупных капиталистов». Отсюда он делал вывод, что в Китае не может быть классовой борьбы. Но опасность, по его мнению, заключалась в том, что крупные капиталисты могли появиться. С этим нужно бороться. Не нужно допускать частной собственности на крупные промышленные предприятия, железные дороги, шахты, копи. Это вызовет «непропорциональное распределение продуктов», и в Китае повторится то, что происходит в Европе и Америке.

«Непропорциональность в распределении продуктов в Европе и Америке — для нас худший пример. Поэтому я агитирую за народное благоденствие, за социализацию земли и капитала».

Таково, коротко говоря, было в то время учение Сунь Ятсена о народном благоденствии. В основе его лежала идеализация древней китайской общины. Он сам говорил, что «старокитайская земельная система отчасти соответствует пропорциональности распределения земли».

Учение о национализации капитала сводилось к недопущению развития крупного частного производства, разоряющего китайское ремесло, мелкую торговлю, крестьянство. Вместе с тем Сунь Ятсен, хорошо знавший Англию и США, понимал превосходство современной техники над отсталой средневековой китайской, превосходство крупной машинной индустрии над ручным трудом. Он считал необходимым перенесение передовой современной техники в Китай и разработал грандиозный план экономического развития Китая, но не на основе частной собственности, а на основе национализации капитала, на основе государственной собственности на железные дороги, портовые сооружения и т. д. По существу, это была программа государственного капитализма.

Покрыть Китай сетью железных дорог было его заветной мечтой, о которой он очень любил говорить. Сунь Ятсен посвятил этому вопросу специальную книгу «International Development of China», в которой писал о необходимости достижения Китаем международного уровня экономического развития. Книга эта была переведена на русский язык и издана Госиздатом под названием «Капиталистическое развитие Китая» (новый перевод см. в кн.: Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1968).

Сунь Ятсен часто спрашивал меня, не смогла бы Советская Россия помочь реализации его плана, т. е. взяться за огромное железнодорожное строительство в Китае. Первой и основной задачей при проведении в жизнь этого плана он считал строительство железной дороги, которая соединила бы Москву и Кантон через советский Туркестан[2]. Сунь считал постройку этой железной дороги самым срочным делом китайской революции. Теперь он имел все основания рассчитывать на помощь Советской России экономическому развитию Китая.

Принцип «демократизма», как его в то время понимал Сунь Ятсен, был изложен в его «Конституции пяти степеней». По существу, эта конституция представляет собою идеальную буржуазно-демократическую конституцию, которая во время борьбы с китайским абсолютизмом и реакцией, поддерживавшимися иностранным империализмом, была прогрессивной программой политического развития Китая. Следует учесть, что китайский пролетариат начал складываться в «класс для себя» только в самом конце жизни Сунь Ятсена. Поэтому подойти по-новому к проблемам китайской революции Сунь мог лишь на закате своих дней.

Пока же он действовал старыми методами, опираясь главным образом на армию.

11. Военная экспедиция на север

Юг по многим причинам поддерживал Сунь Ятсена: он был демократ, оказывал помощь рабочим во время гонконгской забастовки, был противником английского засилья в Южном Китае. Следует также учесть, что, хотел этого Сунь Ятсен или нет, сохранение в Кантоне его власти, противопоставленной милитаристам Центрального Китая, на данном этапе его борьбы совпадало с интересами южных автономистов. Основой автономизма была мелкая промышленность полумануфак-турного, полуремесленного типа, поставлявшая товары главным образом на местный рынок, боязнь конкуренции крупного иностранного и китайского капитала.

Между тем Сунь Ятсен был фигурой всекитайского масштаба, он — вождь революции 1911 г., свергнувшей господство маньчжурской династии, столицей которой был Пекин. Для Сунь Ятсена Южный Гуандун был лишь трамплином для завоевания власти гоминьданом во всем Китае. Тенденция к объединению и централизации Китая, присущая Сунь Ятсену, сталкивалась с партикуляризмом, автономистскими тенденциями юга. Поэтому мелкая буржуазия на юге отрицательно относилась к северным экспедициям Сунь Ятсена. Играя на автономистских тенденциях юга и способствуя интересам иностранного империализма, проводившего политику раздробления Китая, Чэнь Цзюнмин усиливал на юге Китая свои позиции.

Другой причиной шаткого положения Сунь Ятсена было отсутствие четкой и действенной социальной программы. Никакой программы по рабочему вопросу он не имел, роль крестьянства в революции вообще недооценивал, буржуазию запугивал национализацией, открыто против иностранного империализма еще не выступал.

Во время одной из бесед с Сунь Ятсеном я высказал свои соображения в пользу замены на данном этапе китайской революции программы национализации капитала вообще требованием национализации иностранного капитала. Мы беседовали по этому вопросу много. Сунь Ятсен говорил, что он не может пойти на это, ибо, будучи социалистом, является противником капитализма вообще, как туземного, так и иностранного. Это была отговорка. Он не выступал тогда против иностранного империализма и вместе с тем отпугивал от себя национальную буржуазию лозунгом национализации капитала.

Отсутствием конкретной и актуальной, а не абстрактной

социальной программы объясняется вся его тактика: в прошлом это были чисто военные восстания, а теперь — сговор с теми или иными китайскими милитаристами, создание своей армии, достижение военной победы и только после этого — социальные реформы.

Армия в Китае была наемной. Воинской повинности для всех граждан не существовало. Каждый дуцзюнь (военный губернатор) имел свое собственное войско, которое он содержал на доходы, выколачиваемые главным образом из крестьян своей провинции путем налогов. Китайское крестьянство разорялось от беспрерывных гражданских войн, разорялось от налогов, от неурожаев, от ростовщиков, разорялось от гнета иностранного империализма. Слаборазвитая промышленность не могла поглотить огромную массу рабочей силы, выбрасываемой деревней.

Миллионы разоренных и нищих крестьян бродили по всей стране в поисках горстки риса. Они превращались в люмпен-пролетариат, создавали бандитские шайки, которые грабили города, деревни, облагали поборами целые районы. Другие разоренные крестьяне нанимались в армии дуцзюней.

На юге, в Гуандуне, у Сунь Ятсена была т'акая же наемная армия. Впечатление от нее было самое безотрадное. Наемниками были у Сунь Ятсена не только солдаты, но и командиры — от младшего офицера до генерала. Люди эти были в большинстве случаев чужды идее национальной революции. Это карьеристы, взяточники, рассматривавшие свою военную профессию исключительно как источник дохода.

Я говорил Сунь Ятсену, что такая наемная армия не может стать носителем национальной революции, что на такую армию трудно полагаться. Говорил с ним о создании революционной национальной армии.

Соглашаясь с этим, Сунь отвечал, что «сперва нужно очистить страну от милитаристов, а затем создать в Китае единую национальную армию». Это было еще одной его ошибкой.

Сунь Ятсен все же видел отрицательные стороны своего войска. Позже, по рекомендации наших советников, он организовал военную школу в Вампу, чтобы создать костяк будущей Национально-революционной армии.

Говорили мы и о гоминьдане. Организационно партия была очень слаба и расплывчата, трудно было назвать ее партией в современном смысле этого слова. Я поинтересовался ее численностью. Сунь Ятсен назвал невероятно большую цифру. Заметив мое удивление, он пояснил:

— Вот, например, съезд студенчества в Шанхае высказался за

меня, а одних студентов в Китае ведь сколько? Прибавьте к этому мою армию, которая признает все принципы гоминьдана и насчитывает сто тысяч человек.

Эту сотню тысяч наемных солдат Сунь Ятсен считал членами своей партии!

Гражданская война была в полном разгаре. На севере шли бои между войсками У Пэйфу и Чжан Цзо-линя. Момент был самый благоприятный для начала северной экспедиции Сунь Ятсена против У Пэйфу. Но этому выступлению по-прежнему мешал конфликт с Чэнь Цзюнмином. Помню, как кровью налилось его лицо и, потрясая кулаками, Сунь Ятсен сказал мне: «Мой лучший друг Чэнь Цзюнмин оказался изменником, он подкуплен У Пэйфу, подкуплен англичанами из Гонконга».

В такой обстановке Сунь Ятсен решил все же выступить на север. Революция, с его точки зрения, была только войной, после которой начинаются великие реформы. Она не была еще для Сунь Ятсена сочетанием революционной войны с социальными преобразованиями.

Он выступил со своей армией на север, не имея на юге прочного тыла ни с военной точки зрения, ни с социальной, ни с политической. В тылу не был разрешен конфликт с Чэнь Цзюнмином, конфликт, который вызвал скрытый раскол в гоминьдане. Часть членов партии определенно симпатизировала Чэнь Цзюнмину. Неустойчивым было отношение к Сунь Ятсену со стороны кантонской буржуазии. Правительство Сунь Ятсена не имело и полной поддержки рабочих.

Таким образом, социальная база, на которую опирался Сунь Ятсен, была непрочной, и для решения главной задачи северной экспедиции он мог рассчитывать лишь на свои военные силы, прежде всего на только что набранную армию, численностью около 50 тыс. солдат, которыми командовали офицеры, ничего общего с гоминьданом не имевшие. Он рассчитывал также на поддержку милитаристов других провинций, которые по тем или иным причинам были против У Пэйфу, стремившегося прибрать к своим рукам весь Китай.

Военный союз Сунь Ятсена с Чжан Цзолинем не давал возможности У Пэйфу перебросить все войска против Сунь Ятсена. К этому нужно добавить заключение кантонским правительством военного союза с родственной Чжан Цзолиню по прояпонской ориентации аньфуистской кликой, державшей в своих руках две

Солдаты У Пэйфу в окопах под Учаном

провинции, Фуцзянь и Чжэцзян, с общей численностью войск около 60 тыс.[13] Наконец, и сычуаньские милитаристы отстаивали независимость своей провинции от У Пэйфу и поэтому находились в военном блоке с Сунь Ятсеном. Часть милитаристов Шэньси, дуц-зюнь которой во что бы то ни стало хотел изгнать своего соперника из другой половины этой провинции, также поддерживала Сунь Ятсена. Остальные провинции, за исключением пяти нейтральных (Юньнань,. Гуйчжоу, Гуанси, Шаньси и Хунань), были на стороне У Пэйфу.

Взглянув на карту Китая, легко установить, что ни одна из союзных с Сунь Ятсеном провинций не примыкала непосредственно к Гуандуну. Перед Сунь Ятсеном прежде всего возникла задача соединиться со своими ближайшими союзниками. Таким образом, в начале экспедиции Сунь Ятсен практически опирался лишь на 50-тысячную армию в провинции Гуандун, на территории которой рядом с Кантоном находились также 50 тыс. войск Чэнь Цзюнмина.

Первый пункт стратегического плана Сунь Ятсена заключался в занятии провинции Цзянси, только после этого должно было начаться общее наступление союзных сил против У Пэйфу с четырех сторон: с юга — войск провинций Сычуань, Хунань и Цзянси, с севера— армии Чжан Цзолиня, с запада — войск провинции Шаньси, с востока — войск провинции Аньхуэй. Однако этот план был расстроен с самого начала: не успел Сунь Ятсен выступить, как войска его наиболее сильного в военном отношении союзника Чжан Цзолиня были разбиты войсками У Пэйфу.

Сунь Ятсен решил выполнить свой военный план без Чжан Цзолиня, рассчитывая, что к моменту общего наступления союзных сил Чжан Цзолинь оправится и все же ударит с севера по У Пэйфу.

Сунь Ятсен выехал на фронт. Наступление его войск на провинцию Цзянси, где армии милитаристов были очень слабы, шло успешно. Когда половина провинции была занята, Сунь Ятсен с триумфом вернулся в Кантон, чтобы заняться делами политическими.

В это время я снова встретился с президентом. Он познакомил меня со своей женой Сун Цинлин. Ей было тогда 32 года, но она выглядела еще моложе. С мужем говорила по-английски: китайского языка не знала, ибо выросла за границей. Выйдя замуж за Сунь Ятсена в 1914 г., она до конца жизни мужа была его секретарем и помощником.

Сунь Ятсен был теперь в восторге от дел на фронте и уверял меня, что через две недели, максимум месяц, он займет Ханькоу.

— Тогда я официально признаю Советскую Россию,— оживленно сказал он мне.

Разговор на эту тему у нас уже был. Сунь Ятсен с большой симпатией относился к Советской России. Теперь мы говорили о документе, в котором декларировалось бы отношение гоминьдана к Советской России. Сунь Ятсен мне шепотом на это ответил:

— Вы думаете, что все члены партии гоминьдан симпатизируют Советской России? Ничего подобного, даже в моем правительстве и в парламенте есть враги Советской России, — и тут же дал мне понять, что к таким людям принадлежит доктор У Тинфан, бывший китайский посол в США, который теперь был министром иностранных дел правительства Сунь Ятсена и гражданским губернатором Кантона.

— Более того,— продолжал Сунь Ятсен,— не забывайте, что рядом Гонконг, не забывайте того, что, если я сейчас признаю Советскую Россию, англичане начнут действовать против меня.

Вот почему мои встречи с Сунь Ятсеном держались в строжайшем секрете даже от некоторых членов правительства и парламента. Он говорил обо мне только самым близким своим друзьям.

Мы снова перешли к военному вопросу. Сунь Ятсен неожиданно спросил:

— Не может ли Советская Россия произвести такой же переворот в Маньчжурии, как и в Монголии?

Я был несколько огорошен таким вопросом.

Он продолжал:

— У нас общий враг — Япония, которая захватила ваш

Владивосток с помощью Меркулова и нашу Маньчжурию с помощью Чжан Цзолиня. Как только У Пэйфу будет мною разбит, наступит очередь Чжан Цзолиня. Тогда помощь Советской России была бы чрезвычайно важна.

Итак, Сунь Ятсен отдавал себе полный отчет о характере своего союза с Чжан Цзолинем и имел определенные планы в отношении него. Однако вопрос о Монголии требовал внесения ясности.

Я рассказал Сунь Ятсену историю монгольских событий, о которых он был информирован исключительно из английской прессы в Китае. Я говорил ему о том, что современная революционная Монголия, созданное монгольским народом государство по духу родственно революционным силам в Китае.

Сунь Ятсен решил снова отправиться на фронт. Перед отъездом он познакомил меня со своими ближайшими сотрудниками, которые, по его словам, были друзьями Советской России и которым он поручил держать меня в курсе разворачивавшихся событий.

Это были: Цзэн Ци — министр внутренних дел кантонского правительства, Линь Сэнь — президент сената, Цзэн Дабэй — военный представитель провинции Сычуань при правительстве, которого Сунь Ятсен хвалил и которого по политическим соображениям очень выдвигал. Действительно, это был очень энергичный и

деловой человек, который брался за дело «смотря в корень». Среди этих людей был Сы И — главный инспектор арсенала в Кантоне. Пост был важным, ибо арсенал снабжал армию оружием.

Самой оригинальной фигурой был министр внутренних дел Цзэн Ци. С ним я чаще всего встречался. Он жил в одной из больших гостиниц на набережной, где занимал одну комнату. По царившему в ней беспорядку видно было, что сюда приходили только ночевать, здесь мимоходом встречались, чтобы вскоре уйти. На столе валялись газеты и окурки, стояли пустые бутылки из-под лимонада и чашечки с недопитым чаем. Все это было как-то не по-китайски — без церемонности, просто.

Меня познакомили с одним местным банкиром. Он все время уверял, что является большим другом Советской России. Однажды он пригласил меня на обед в одну из гостиниц, чтобы ближе познакомиться и «поговорить по душам». На обеде этом был и Цзэн Ци и еще несколько видных деятелей кантонского правительства. Они очень подробно расспрашивали меня о Советской России, и мои ответы вылились в целый доклад о нашей революции. Присутствовавшие слушали с большим вниманием, и перевод моих слов сопровождался все время

возгласами: «хо, хо» (хорошо).

Я решил поддеть банкира и сказал ему, что банки мы национализировали. Он рассмеялся и ответил, что он революционер, всю жизнь отдал революции, и рассказал свою биографию. В ранней молодости, как и Сунь Ятсен, он эмигрировал на Малайский архипелаг. Там разбогател и средства свои отдавал делу китайской революции. Затем вернулся в Кантон. Здесь он банкир и субсидирует гоминьдан, активным членом которого состоит уже давно. Это был представитель новой китайской буржуазии, на которую опирался гоминьдан во время революции 1911 г.

Познакомившись с некоторыми присутствовавшими на банкете, я понял, почему Сунь Ятсен жаловался мне на недостаток работников. Он говорил, что очень нуждается в организаторах тыла, в администраторах, в работниках государственного, а не частного хозяйства. Сунь Ятсен расспрашивал меня, как решаются эти вопросы в Советской России, и высказал пожелание получить помощь в лице советских специалистов.

Сунь Ятсен снова вернулся в Кантон. Операции на фронте развивались успешно. Правительство нуждалось в деньгах и оружии, ибо фронт расширялся, нужны были новые соглашения с милитаристами, росли военные расходы. Сунь Ятсен обратился за помощью к американцам.

Мы уже знаем, как сильно сказалось влияние США на политической программе Сунь Ятсена. У него там было много личных друзей. Проводя свою политику в Китае, США не прочь были одно время в пику Японии и Англии поддержать Сунь Ятсена. На эту поддержку Сунь Ятсен возлагал теперь большие надежды. Не случайно на пост министра иностранных дел кантонского правительства был назначен старик У Тинфан — ярый американофил и враг Советской России.

Правительство Сунь Ятсена, испытывая финансовые затруднения, обратилось за помощью к США. Последние, однако, решили теперь, что У Пэйфу более подходящая для них фигура, чем Сунь Ятсен. США поддержали У Пэйфу в его борьбе против Чжан Цзо-линя, за спиной которого стояла Япония.

При таком положении можно было заранее предвидеть итоги, переговоров Сунь Ятсена с США. Американцы не отказались от переговоров, но всячески уклонялись от предоставления займа и оказывали на Сунь Ятсена давление по другим вопросам. В частности, США потребовали приглашения американского советника в правительство. Сунь Ятсен согласился, однако денег все же американцы не давали.

Несмотря на то что переговоры с США держались в строгом секрете, шила в мешке не утаишь, и я был в той или иной степени о них информирован. При очередной встрече с Сунь Ятсеном я задал ему несколько вопросов по этому поводу. Сунь Ятсен подтвердил факт приглашения американского советника и сказал мне, что советник не будет иметь влияния на политику правительства.

Об остальных деталях переговоров Сунь Ятсен не говорил. Он сказал лишь, что среди американцев у него много друзей, с которыми он иногда встречается.

Я перевел разговор на другие темы. Сунь Ятсен теперь отказывался от того, о чем мы с ним прежде договорились. Чувствовался сильный нажим со стороны США. Принял он меня на этот раз холодно.

Прощаясь, я сказал Сунь Ятсену, что собираюсь уехать из Кантона. Он просил меня ни в коем случае этого не делать и посвятить мое время детальному изучению положения на юге. Я опять почувствовал какие-то коЛёбания Сунь Ятсена.

Переговоры с США тянулись чуть ли не до момента падения правительства Сунь Ятсена на юге, но никакой помощи от них он не получил. Мне говорили, что «американцы надули президента».

Это был страшный удар для Сунь Ятсена, который так верил в американскую демократию и так надеялся на помощь США.

С этого момента начался крутой перелом во взглядах Сунь Ятсена, началась «переоценка ценностей» *. Этому способствовали и последовавшие события.

Недалеко от Кантона находится город Макао (Аомынь), который уже давно был захвачен португальскими купцами, превратившими его в португальскую колонию. Там был свой португальский губернатор, португальские войска и полиция, но население — китайское. В ночь с 28 на 29 мая 1922 г. португальский солдат на одной из темных улочек пытался изнасиловать китаянку. На ее крики прибежал китаец, который вступил в борьбу с насильником. Солдат выхватил оружие и убил защитника. Огромная возмущенная толпа китайцев вышла на улицы с протестом против насилия и убийства. Отряд португальских солдат открыл огонь и устроил форменное побоище, в результате которого около ста китайцев были убиты. Зверство португальцев дошло до того, что солдаты штыками добивали раненых.

Когда наутро это стало известно в Кантоне, негодованию не было конца. На улицах стихийно возникли многолюдные митинги, началось бурное антиимпериалистическое движение, руководимое кантонской Дипломатической ассоциацией, куда

вошли коммунисты и члены Социалистического союза молодежи.

В тот же день в одном из парков Кантона состоялся массовый митинг, на котором была принята следующая' резолюция:

«1. Просить правительство Сунь Ятсена вернуть Макао Китаю и послать туда флотилию для защиты китайских граждан.

2. Объявить всеобщий бойкот португальцам, прекратить работу во всех португальских домах, мастерских и фабриках, бойкотировать португальские товары, отправить согражданам в разные города телеграммы с призывом о помощи семьям убитых и раненых, прекратить подвоз продуктов и других предметов первой необходимости в Макао, прекратить снабжение свежей водой и откачку грязной воды».

Правительство Сунь Ятсена в свою очередь направило португальским властям ноту-протест, содержавшую пять требований, среди которых были: официальное извинение, строгое наказание виновных, материальное обеспечение семей убитых. Власти Макао отказались принять эти требования, что вызвало еще большее негодование китайцев в Макао и Кантоне. Началось формирование добровольческой армии. Отряды этой армии блокировали Макао. Китайское население решило покинуть город и переехать в Кантон. Макао превратился в осажденную крепость.

В Кантоне были созданы комиссии помощи беженцам. Шел сбор пожертвований, который принес большие суммы.

Блокада Макао продолжалась вплоть до падения правительства Сунь Ятсена. Все это время днем и ночью происходили беспрерывные митинги в закрытых помещениях и на улицах.

События в Макао вновь сплотили рабочих, городскую бедноту и значительную часть буржуазии в единый антиимпериалистический фронт вокруг правительства Сунь Ятсена. Несмотря на то что Макао остался в руках португальцев, последние убедились, что времена безнаказанных расправ с китайским населением прошли.

Таким образом, успешные военные операции Сунь Ятсена на севере совпали с подъемом антиимпериалистического движения в тылу. Однако это продолжалось недолго.

12. Переворот в Кантоне

После поражения в войне с У Пэйфу Чжан Цзолинь вынужден был возвратиться из Северного Китая в Маньчжурию. Он провозгласил независимость Маньчжурии и уже не претендовал на Пекин и господство во всем Китае.

Военная победа У Пэйфу означала усиление позиций английского и американского империализма в Китае и ослабление роли Японии. Англия и США рассчитывали с помощью У Пэйфу распространить свое господство на весь Китай. Стремясь привлечь на свою сторону общественное мнение, У Пэйфу выдавал себя за либерала и широко пользовался демагогией. Он заговорил о гражданском мире, объединении страны, сокращении армии и созыве парламента. На буржуазию Центрального Китая эти заявления оказывали большое влияние. Пресса много писала о предстоящих реформах. У Пэйфу говорил даже о своем согласии на созыв в Пекине старого парламента, того самого, который был собран Сунь Ятсеном в Кантоне и который провозгласил Суня в 1921 г. президентом Китая. Распространялась версия, согласно которой У Пэйфу подчинится, если этот парламент, собранный в Пекине, подтвердит избрание Сунь Ятсена президентом.

3 июня 1922 г. я беседовал по этим вопросам с Сунь Ятсеном. Он говорил, что заявления У Пэйфу являются признанием преступления, выразившегося в свое время в разгоне парламента. Поэтому условием возвращения парламента в Пекин должно быть наказание виновников роспуска этого высшего законодательного органа республики, а также разоружение армии У Пэйфу. Другим условием был пропуск воинских частей Сунь Ятсена в Пекин. Все это должно было, по его словам, обеспечить нормальную работу парламента и служить гарантией того, что он не будет вновь разогнан. Что же касается повторного избрания парламентом президента, то Сунь Ятсен отвергал это, поскольку он только недавно был избран на этот пост.

Между тем китайская буржуазная пресса продолжала свою кампанию в пользу У Пэйфу, который теперь заговорил о социальных реформах и демократии. Это была чистейшая демагогия, при помощи которой иностранный империализм и крупная китайская буржуазия пытались выбить почву из-под ног Сунь Ятсена и подготовить общественное мнение к свержению этого «нарушителя мира в Китае».

Кампания в прессе была настолько сильна, что 6 июня 1922 г.

Сунь Ятсен вынужден был выступить со специальной декларацией о положении в стране. В этом документе он описывал бедствия китайского народа от войн и междоусобиц, начавшихся в 1917 г. после незаконного роспуска парламента северными милитаристами. Он выражал надежду, что намерения У Пэйфу окажутся искренними, и выдвигал ряд предложений и требований.

Прежде всего Сунь Ятсен требовал наказания виновников роспуска и гарантий безопасности для парламента, о чем он говорил и в беседе со мной. Он предлагал реорганизовать армии милитаристов в трудовую армию, заменив орудия смерти орудиями труда, с тем чтобы солдаты работали по шесть или восемь часов в день на строительстве дорог и других сооружений. Половина доходов от трудовой деятельности армии, по предложению Сунь Ятсена, должна была пойти в пользу государства, другую же половину следовало разделить поровну между рабочими и солдатами. «Таким образом,— говорилось в заявлении Сунь Ятсена,— в самое короткое время дело войны превратится в дело труда. Солдаты не потеряют средств к существованию и не будет места для отчая-

ния, при этом станет возможным мощное развитие производительных сил».

Одновременно Сунь Ятсен предлагал создать национальную армию в 200—300 тыс. человек на основе всеобщей воинской повинности с продолжительностью службы два года. «Если все эти меры будут проведены в жизнь,— заявлял Сунь Ятсен,— то тем самым все находящиеся в Китае противозаконные военные группировки лишатся возможности опираться на свою собственную силу и тогда исчезнет опасность нового попрания закона». Армии У Пэйфу, по предложению Сунь Ятсена, должны были наполовину разоружиться и реорганизоваться в трудовую армию, что явилось бы доказательством мирных намерений У Пэйфу.

На этих условиях Сунь Ятсен обязывался отдать приказ по всей стране о прекращении военных действий, восстановить мир и сообща приступить к разработке плана восстановления порядка и спокойствия в Китае.

Понятно, что для милитариста У Пэйфу и стоявших за его спиной империалистических держав эти условия были совершенно неприемлемы. Как бы в ответ на эту декларацию У Пэйфу назначил президентом, вместо бежавшего в Тяньцзинь японофила Сюй Шичана, отъявленного реакционера Ли Юаньхуна, бывшего заместителя диктатора Юань Шикая.

В Китае Ли Юаньхуна знали как безвольную личность,

предателя республики и одного из виновников гражданской войны. В своем манифесте при вступлении на пост президента в Пекине он и сам признавал: «Я, Ли Юаньхун, во многом виноват перед парламентом».

10 июня 1922 г. бывший сподвижник Ли Юаньхуна, ставший членом кантонского правительства, Го Тайци в специальном обращении к Ли Юаньхуну разоблачал его контрреволюционную роль после смерти Юань Шикая. Затем последовали декларация У Тинфана и, наконец, заявление Сунь Ятсена иностранным державам с требованием не признавать Ли Юаньхуна президентом.

Тем временем войска Сунь Ятсена успешно продвигались вперед в провинции Цзянси, а английские империалисты тайно готовили вооруженный мятеж Чэнь Цзюнмина в тылу армии Сунь Ятсена.

У Пэйфу опубликовал декларацию о том, что хочет мира, конституции и порядка в стране, а на самом деле связался с Чэнь Цзюнмином, чтобы нанести удар Сунь Ятсену. Агенты У Пэйфу вели агитацию на юге и уговаривали членов парламента, находившихся в Кантоне, возвратиться в Пекин.

В этой обстановке вспыхнула забастовка рабочих на соляных запрудах и скотобойнях Юга. Рабочие требовали повышения заработной платы. Соль — государственная монополия — один из источников доходов правительства, бойни снабжали город мясом. Сообщали, что хозяева пожертвовали крупные суммы «для нужд северной экспедиции», с тем чтобы полиция стала на их сторону и подавила забастовку. Гай Попин, начальник кантонской полиции, реакционер, взяточник, отвратительная личность, человек, который после переворота первым изменил Сунь Ятсену, начал расправу с рабочими. Руководителей забастовки арестовывали, избивали в полиции, рабочие союзы закрывались.

Результатом расправы явилась солидарность всех рабочих союзов с забастовщиками. Кантон находился под угрозой всеобщей забастовки. Стачечное движение потеряло чисто экономический характер и вылилось в политическую борьбу: рабочие требовали убрать Гай Попина.

Я говорил по этому поводу с Сунь Ятсеном, обращал его внимание на опасность борьбы правительства против рабочих, доказывал необходимость союза гоминьдана с рабочими массами. Сунь Ятсен молчал, а затем ответил мне, что ему ничего не известно об избиениях рабочих, что он выяснит это. Гай Попин не был смещен. Все это вновь ослабило поддержку народных масс правительства Сунь Ятсена, усилившуюся в связи с событиями в Макао. Действия Гай Попина были выгодны Чэнь Цзюнмину и У

Пэйфу.

В это время из Советской России вернулся в Кантон Чжан Цюйбо— член парламента, который был на Съезде народов Дальнего Востока в Москве. Там мы с ним познакомились. Его немедленно принял Сунь Ятсен. Чжан Цюйбо был в восторге от Советской России. Он рассказывал мне, что ведет здесь кампанию за союз китайского народа с Советской Россией, пишет книгу о своей поездке в Москву. Его информация оказала большое влияние на Сунь Ятсена.

Во время очередной нашей встречи Сунь Ятсен высказывал глубокое сожаление, что Гуандун находится так далеко от границ Советской России. Мы говорили недолго, условившись встретиться в ближайшие дни. Больше мы уже не встречались.

В ночь с 15 на 16 июня 1922 г. я проснулся от орудийных выстрелов и ружейной перестрелки. Утром пытался выйти из дому, но меня предупредили, что в городе идут бои.

В ту ночь Чэнь Цзюнмин окружил своими войсками Кантон и подверг бомбардировке дворец, в котором жил Сунь Ятсен. Войска Чэнь Цзюнмина вступили в город, не встречая особенного сопротивления, ибо армия Сунь Ятсена находилась на северном фронте. Сунь Ятсену удалось бежать на оставшееся ему верным военное судно. Его жена и ближайший товарищ по работе Сун Цинлин переоделась амой (няней) и скрылась в Шамяне. Там же скрывалась жена Ляо Чжун-кая, старого друга и соратника Сунь Ятсена. Вскоре обе они уехали в Шанхай.

На следующий день часть города еще находилась в руках правительственных войск. На набережной шла перестрелка.

Я все же пробрался в Дуншань. Там, в квартире Стояновича царил переполох. Сунь Ятсен обстреливал со своего военного судна позиции противника, и вот уже шесть снарядов разорвались в Дуншане, вблизи дома, где мы сейчас находились. Стекла дрожали и звенели.

Мы говорили о Сунь Ятсене. Он допустил много ошибок, которые привели его к поражению. Мне часто приходилось спорить с ним о путях китайской революции, но это был спор с революционером, пережившим много поражений в своей борьбе, но никогда не падавшим духом, с человеком, который в полном смысле слова болел и страдал, глядя на свою родину, которую грабили китайские милитаристы и иностранные империалисты.

Он делал ошибки, они были порождены существовавшими тогда в Китае экономическими и общественными отношениями. Но Сунь Ятсен всегда оставался революционером не только по существу своей деятельности, но и по всему своему духу, по своим субъективным качествам.

Теперь, в часы, когда мы говорили о Сунь Ятсене, этот мужественный человек не поддался панике. Он оказывал упорное сопротивление мятежникам. Находясь на своем военном судне, Сунь Ятсен не покидал Кантона, продолжал бороться, бомбардировал войска Чэнь Цзюнмина.

Уже стало темно. Я решил пересечь весь Кантон и пойти из Дуншаня в Шамянь, где жил в те дни. Город казался мертвым. На улицах были устроены баррикады из поленьев, которые можно было перешагнуть. У баррикад стояли солдаты. На каждом перекрестке— патруль в полной боевой готовности. Пулеметы. Это были части Чэнь Цзюнмина. Откуда-то, как видно со стороны набережной, доносилась ружейная перестрелка.

Иду, и пока благополучно. На непонятные окрики патрулей отвечаю «Шамина» !, предоставляя солдатам понять, что я иностранец, возможно даже англичанин.

Наконец в этой тьме кромешной добрался до широкой улицы, ведущей на набережную. Здесь уже хорошо слышалась перестрелка. Злобный окрик с военной заставы. Ничего, конечно, не понимаю, но знаю: спрашивают, кто идет. Кричу снова: «Шамина» — не помогает, слышу щелчок затвора винтовки. Еще раз кричу: «Шамина», толку мало. Из окна дома, у которого я стоял, высунулась голова какого-то обывателя. Он посмотрел на меня и что-то крикнул. Тогда я увидел, что один из солдат куда-то побежал. Через минуту ко мне подошел чэньцзюнминовский офицер. В темноте быстро наступающей тропической ночи я едва разглядел его лицо, но хорошо заметил белые перчатки. Убедившись, что я иностранец, он отдал мне честь, улыбнулся, извинился (не знаю, за что) и на ломаном английском языке спросил меня, куда я иду. Я сказал ему о своем направлении. Он тотчас же приказал какому-то унтер-офицеру провести меня в Шамянь. Унтер через узенькие китайские улочки благополучно довел меня до мостика, ведущего на остров. Он не знал, что спустя несколько дней на улицах будут развешаны объявления Чэнь Цзюнмина, обещавшие награду — 20 тыс. юаней— за мою голову.

На следующий день снова пошел в город. Все было наглухо закрыто и забито. Жители попрятались. На улицах одни лишь солдаты, заставы и караулы. Бросилось в глаза, что над всеми китайскими магазинами, расположенными на набережной, развевались английские, американские и японские флаги. Это объяснялось тем, что имущество иностранцев в Китае подлежало особой охране. Купцы и предприниматели в Кантоне обратились к иностранным консулам за покровительством. За определенную мзду консулы выдавали разрешения водрузить над китайскими

магазинами иностранные флаги, чтобы уберечь их от разгрома.

Но не надеясь только на иностранные флаги, хозяева крупных магазинов оградили свои владения колючей проволокой, через которую был пропущен электрический ток. На проволоке — дощечка с черепом и перекрещенными костями. Надпись — «смертельно».

Все же солдаты Чэнь Цзюнмина занимались грабежом. Грабили в узеньких улочках старого города. Для того чтобы обезопасить себя, жители забаррикадировали входы в кварталы.

Вскоре я получил записку с просьбой срочно прибыть в Дуншань. Меня ждал здесь Евгений Чэнь (Чэнь Южэнь), ближайший друг Сунь Ятсена, один из активных деятелей гоминьдана. До тех пор я не был с ним знаком, но слышал о нем, как о крупном китайском журналисте, получившем образование за границей и только что приехавшем из Англии.

Чэнь скрывался сейчас в Дуншане и каждую ночь пробирался к Сунь Ятсену на военное судно. Он рассказал мне подробности переворота, поддержанного У Пэйфу и англичанами из Гонконга. Чэнь интересовался моим отношением к перевороту. Нечего и говорить, что наши взгляды в этом вопросе целиком совпали. Я просил передать Сунь Ятсену пожелания успеха в его борьбе.

Сунь Ятсен через Чэня передал мне, что все документы, касавшиеся наших переговоров, он захватил с собою на судно. Меня поразило хладнокровие Сунь

Ятсена, который в момент неожиданного переворота, когда каждая минута промедления могла стоить ему жизни, не растерялся и захватил с собой те материалы, которые не должны были стать известны его противникам.

Мы расстались с Евгением Чэнем, условившись о месте и времени наших дальнейших встреч.

Вскоре мы встретились снова. Сунь Ятсен еще не терял надежды. Флот был ему верен. Он отдал приказ войскам, участвовавшим в северной экспедиции, возвратиться в Кантон к нему на помощь. Сейчас он ждал свою армию. Трагизм положения заключался в недостатке угля и продовольствия на судне. Успеют ли войска подойти к Кантону прежде, чем иссякнут запасы угля и риса,— вот вопрос, который волновал Сунь Ятсена.

Между тем армия северной экспедиции, узнавшая, что Сунь Ятсен потерпел поражение в Кантоне, быстро разлагалась. Наемники, прежде всего из командного состава, изменяли президенту и переходили на сторону врагов. Положение становилось более чем тяжелым. Сунь Ятсен на своей канонерке отошел к острову Вампу. Продовольственный кризис удалось ликвидировать путем реквизиции нескольких барж с рисом. Но

угля не было. Сунь Ятсен говорил, что будет бороться до последней капли крови.

Настроение в Кантоне было подавленное. В город вошла английская военная эскадра из Гонконга «для защиты жизни и имущества иностранцев». Сразу же раскрылся союз Чэнь Цзюнмина с английскими империалистами, против которых так единодушно боролся весь Кантон во время гонконгской забастовки моряков. Хозяйственная жизнь в городе была нарушена, предприятия закрыты, и прежде всего пострадали рабочие. Они лишились работы. Буржуазия начинала жаловаться, что Чэнь Цзюнмин мешает торговле. Уже на четвертый день после переворота обнаружилось недовольство населения и разочарование в Чэнь Цзюн-мине.

В это время скончался У Тинфан — один из видных деятелей революции 1911 г., а в самое последнее время— министр иностранных дел в правительстве Сунь Ятсена. Не разделяя многих демократических идей

Сунь Ятсена, он все же не изменил ему в трудную минуту. Белый как лунь старик был так потрясен переворотом, что заболел и умер. Он был очень известной фигурой в Китае. Население Кантона считало Чэнь Цзюнмина виновником, его смерти. Похороны У Тин-фана вылились в демонстрацию сочувствия Сунь Ятсену, в протест против мятежа Чэнь Цзюнмина.

Члены иностранного консульского корпуса в полном составе были на похоронах У Тинфана. Представители империалистических держав недаром отдали (‘.му свой последний долг. Ведь он был первым, кто в дни революции 1911 г. по поручению Сунь Ятсена обратился к державам с нотой, в которой заверял, что революция ни в какой мере не затронет интересов иностранцев. Казалось, что вместе с У Тинфаном они провожали теперь в могилу и это заверение. Они словно чувствовали, что этот период китайской истории ушел в прошлое вместе со смертью У Тинфана. Начался новый этап революции — антиимпериалистический.

Мы снова встретились с Евгением Чэнем. Он повторил слова Сунь Ятсена, которые тот просил передать мне: «Много я думал в эти дни о судьбе китайской революции. Я разочаровался почти во всем, во что раньше верил. И теперь убедился, что единственным действительным и искренним другом китайской революции является Советская Россия».

Сунь Ятсен изъявил тогда желание поехать в Советскую Россию. Держаться на судне уже не было возможности, запасы угля кончались, помощи неоткуда было ждать.

Я сообщил Сунь Ятсену, что покидаю Кантон, и просил

передать ему мою уверенность в том, что, несмотря на этот печальный эпизод, дело китайской революции восторжествует.

Накануне отъезда я снова встретился с Евгением Чэнем. Сунь Ятсен передал мне следующее: «Если бы у меня не было возможности поехать в Советскую Россию, я теперь не уехал бы даже в Шанхай, а боролся здесь до конца своей жизни. Но я убедился, что Советская Россия является моим единственным другом, даже в беде. Я решил уехать в Шанхай и продолжать борьбу. В случае неудачи я уеду в Советскую Россию».

Тут же Евгений Чэнь вручил мне письмо Сунь Ят-сена народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину. Письмо было написано наспех, на четвертушке бумаги, вырванной из ученической тетради. Сунь Ятсен писал, что я расскажу Чичерину о том положении, в котором сейчас он, Сунь Ятсен, находится, что он не прекратит своей борьбы и просит передать свои дружеские чувства В. И. Ленину.

Так совершился великий поворот в мировоззрении Сунь Ятсена. Он был вождем буржуазно-демократиче-ской революции, которой удалось свалить монархию, но не удалось вывести Китай на путь независимого капиталистического развития. Теперь .в стране созрели новые движущие силы революции: рабочий класс, крестьянство, интеллигенция. Попытки добиться победы при помощи только наемных и милитаристских комбинаций уже не соответствовали новому соотношению социальных сил в Китае. Решающим для победы революции стало движение народных масс. Никакая комбинация из наемных милитаристов не могла привести к победе.

Стало очевидным, что нельзя рассматривать революцию только как военную борьбу, откладывая глубокие социальные реформы до полной военной победы. Революция могла победить как сочетание социальных реформ с военной борьбой против внутренней реакции и иностранного империализма, борьбой, в которой армия должна опираться на движение народных масс.

Величие Сунь Ятсена выражалось в том, что в последние годы своей жизни он разглядел новые движущие силы китайской революции. Он понял, что без активного участия рабочего класса и крестьянства не может победить теперь буржуазно-демократическая революция. На закате своих дней он совершил переоценку ценностей. Сунь Ятсен пошел на союз с Коммунистической партией Китая, с тем чтобы опереться отныне в своей борьбе на народные массы.

Сунь Ятсен понял, что после того как Октябрьская революция в России расколола старый мир на две противоположные социальные системы, иностранный империализм во всех

колониях и полуколониях усилил свою помощь самым реакционным силам. Надежда на поддержку революции в Китае какой-либо иностранной империалистической державой превратилась в ил-,/позию, жертвой которой стал теперь он сам. Советская Россия оказалась единственной страной, которая поддерживала китайскую революцию. Сунь Ятсен увидел, что в лице Советской России китайский народ имеет подлинного друга и союзника.

Наступил час прощания с Евгением Чэнем. Мы крепко пожали друг другу руки и расстались. Я уехал ***н*** Шанхай, где встретился с руководством коммунистической партии и Социалистического союза молодежи. Я информировал их о положении в Кантоне, о роли Чэн Гунбо и его компании во время контрреволюционного переворота в Кантоне. Мы обменялись мнениями по всем этим вопросам.

Из Шанхая я уехал в Пекин, где из газет узнал, что Сунь Ятсен прибыл в Шанхай.

13. На IV Конгрессе Коминтерна.

III Конгресс КИМ

На обратном пути из Китая мне уже не надо было останавливаться в Иркутске: в феврале 1922 г. Дальневосточный секретариат Коминтерна был ликвидирован. Он успешно выполнил свою миссию, и теперь руководство работой коммунистических партий в Японии, Корее и в Китае было перенесено в Исполком Коминтерна. Что касается Монгольской народной партии, то, хотя в то время она еще формально не присоединилась к Коммунистическому Интернационалу, вопросы революционного движения в Монголии также рассматривались теперь в Коминтерне. Соответствующие изменения произошли и в организационной структуре Исполкома Коминтерна молодежи. Там решено было создать восточный отдел.

В Москву я вернулся в августе и вскоре уехал в Германию, откуда возвратился в начале ноября, когда уже началась работа IV Конгресса Коммунистического Интернационала. Его торжественное открытие состоялось 5 ноября в Петрограде, а теперь в Кремлевском дворце шли уже рабочие заседания.

В Москве мне сообщили, что ЦК Социалистического союза молодежи Китая включил меня в состав своей делегации на III Конгресс Коминтерна молодежи.

Как делегат конгресса КИМ, я присутствовал и на заседаниях IV Конгресса Коминтерна. Коммунистическую партию Китая на IV Конгрессе представляли Чэнь Дусю с решающим голосом и Лю Жэньцзин — с совещательным; на III Конгрессе Коминтерна молодежи Социалистический союз молодежи Китая был представлен Чжан Тайлэем с решающим голосом и мною с совещательным.

Созыв IV Конгресса был приурочен к пятой годовщине Октябрьской революции. Тяжелые годы гражданской войны и иностранной интервенции остались позади. 25 октября 1922 г. Красная Армия освободила Владивосток. Теперь на территории от Белого моря до Черного, от Балтийского моря до Тихого океана развевалось красное знамя. Тяжелые годы — длинные годы, и сейчас после окончания гражданской войны и иностранной интервенции страна, народ смогли облегченно вздохнуть полной грудью. Теперь можно было вспомнить и рассказать делегатам IV Конгресса Коммунистического Интернационала о том, что 4 февраля 1919 г. советское правительство сделало империалистическим державам предложение о прекращении гражданской войны на следующих условиях: 1) Советская Россия

признает царские долги капиталистическим странам; 2) в качестве гарантии выплаты займов и процентов по ним она соглашается отдать в залог некоторые сырьевые ресурсы; 3) предоставит концессии по их выбору; 4) готова пойти на территориальные уступки в форме военной оккупации некоторых областей вооруженными силами Антанты или ее русских агентов.

Эти предложения были расценены Англией, Францией, США, Японией и белыми армиями как доказательство нашей слабости. Им казалось тогда, что стоит только сделать еще одно усилие и Советская власть падет. Иностранные державы отказались принять эти предложения. Они расширили интервенцию и усилили поддержку белым армиям. Теперь, в пятую годовщину Октябрьской революции, можно было подвести итоги и установить, кто вышел из гражданской войны победителем и кто потерпел поражение.

Центральное место в повестке дня IV Конгресса занимал доклад В. И. Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Остановившись на наших ошибках и ошибках капиталистических держав, Ленин сказал, что наши промахи ничтожны по сравнению с их просчетами. «Это нетрудно доказать,— говорил В. И. Ленин.— Возьмите, например, договор с Колчаком, заключенный Америкой, Англией, Францией, Японией... Они обещали Колчаку помощь, не сделав подсчета, не размышляя, не наблюдая. Это было фиаско, которое, по-моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рассудка»[14]. Тут же он привел другой пример величайшей глупости империалистических держав — Версальский мир. «Как могут они теперь найти выход из этого хаоса и бессмыслицы?» [15] — спрашивал Ленин.

Доклад В. И. Ленина на IV Конгрессе Коминтерна состоялся 13 ноября 1922 г. Через неделю, 20 ноября, он выступил в Большом театре на пленуме Московского совета. Эта речь также была посвящена пятой годовщине Октябрьской революции, итогам и задачам. В зале театра присутствовали все делегаты IV Конгресса Коммунистического Интернационала. Владимир Ильич говорил с большим воодушевлением. Во время речи он не стоял у трибуны, а ходил по сцене, обращаясь то к одной части зала, то к другой. У всех нас, слушавших Ленина, создалось впечатление, что он беседует с каждым в отдельности, что он обращается лично к вам. От этого речь его и он сам становились еще более близкими для слушателей.

Он ходил по сцене Большого театра и говорил: «Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и

сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский) (продолжительные аплодисменты), показали нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР»[16].

Мы знали, что Владимир Ильич Ленин в последнее время болел, что врачи строго ограничили продолжительность его рабочего дня. Но теперь он стоял перед нами, казалось, совершенно здоровый, оживленный, в приподнятом, хорошем настроении. Ведь это была пятая годовщина революции, завершившейся полной победой. И никому в голову не могло прийти тогда, что это была последняя речь В. И. Ленина, что больше мы не услышим его на конгрессах, съездах, рабочих собраниях, на которых он так часто выступал.

Владивосток был освобожден, но принадлежавшая России северная половина Сахалина оставалась еще в руках Японии. Нет сомнения, что это было сделано с согласия США, что это было «возмещением» за расторжение англо-японского союза на Вашингтонской конференции. На IV Конгрессе Коминтерна по предложению японской и китайской делегаций была принята резолюция протеста против оккупации Японией русской части Сахалина.

32 заседания было проведено на IV конгрессе. Его повестка была обширной. Помимо докладов, посвященных пятилетию Октябрьской революции, здесь обсуждались такие большие вопросы, как наступление капитала и задачи коммунистических партий, программа Коммунистического Интернационала, колониальный и аграрный вопросы, Версальский договор, кооперативное движение, а также целый ряд вопросов, связанных с деятельностью отдельных партий — французской, итальянской, чехословацкой, норвежской. Оживленные прения развернулись по докладу о деятельности Исполкома Коминтерна в промежутке между III и IV конгрессами.

За несколько дней до открытия IV Конгресса Коммунистического Интернационала в Италии произошли события, искривившие ход мировой истории. 31 октября 1922 г. банды Муссолини вступили в Рим и захватили власть. Это было новым проявлением наступления капитала, о котором В. И. Ленин говорил на предыдущем конгрессе. Наступление буржуазии сопровождалось теперь переломом в конъюнктуре капиталистической экономики. Циклический кризис 1920—

1921 гг. закончился, и после фазы оживления наступил новый подъем капиталистической экономики. В обстановке циклического подъема оживились реформистские иллюзии, и на

этой почве произошло объеди-пение II и IIV2 Интернационалов. Центристы, отколовшиеся в период революционного подъема от правых социалистов, вернулись в лоно открытого соглашательства с буржуазией. Это стало препятствием на пути образования единого рабочего фронта против перешедшей в наступление буржуазии. Между тем захват фашистами власти в Италии еще более настоятельно требовал единства рабочего класса и создания единого фронта. В своей приветственной телеграмме открывшемуся в Петрограде IV Конгрессу Коминтерна

В. И. Ленин писал, что «главная задача по-прежнему состоит в завоевании большинства рабочих»[17].

Проблема единого фронта, образования рабочего правительства с участием в нем коммунистов, программа частичных требований в обстановке наступления капитала стояли в центре внимаиия конгресса. Перед лицом угрозы фашизма, естественно, возник вопрос о единстве и координации действий коммунистических партий, об усилении централизма и дисциплины в рядах Коммунистического Интернационала, который рассматривался тогда как единая мировая коммунистическая партия, а ее организации в различных странах — как национальные секции Коминтерна. Г. Зиновьев особенно настаивал на централизации, на превращении Коминтерна в централизованную всемирную партию. Чрезмерное «закручивание организационных гаек» внутри Коммунистического Интернационала вызвало опасения у В. И. Ленина. Поэтому в своем докладе на IV Конгрессе он специально остановился на этом вопросе и сказал: «В 1921 году на III конгрессе мы приняли одну резолюцию об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, то есть все взято из русских условий. В этом ее хорошая сторона, но также и плохая... Не потому, что она написана по-русски... а потому, что она насквозь проникнута русским духом... У меня создалось впечатление, что мы совершили этой резолюцией большую ошибку, а именно, что мы сами отрезали себе путь к дальнейшему успеху»2.

Теперь, когда я пишу свои 'Воспоминания о работе в Китае, я часто думаю, что мы не всегда прислушивались в должной мере к этим словам В. И. Ленина и подчас механически переносили на иную почву свой опыт работы. Тем не менее в главных вопросах стратегии на Востоке Коминтерн был прав. Речь идет о едином национально-революционном антиимпериалистическом фронте. Здесь в спорах со многими китайскими товарищами мы были правы, когда выступали против Чэнь Цзюнмина в поддержку Сунь

Ятсена, были правы, когда настаивали на едином фронте с гоминьданом в борьбе против внутренней реакции и с иностранным империализмом.

На IV Конгрессе Коминтерна колониальный вопрос снова был одним из главных. В отличие от II Конгресса, на котором при непосредственном участии В. И. Ленина были разработаны проблемы национально-революционного антиимпериалистического движения в теоретическом и стратегическом аспектах, на IV Конгрессе обсуждался уже имевшийся практический опыт работы на Востоке, что дало возможность решить целый ряд тактических вопросов. К концу 1922 г. коммунистические партии организовались в таких странах, как Китай, Индия, Турция, Персия. Большое значение для революционного движения на Дальнем Востоке имело образование коммунистической партии в Японии. В Корее консолидация корейских коммунистов в единую партию тормозилась обостренной борьбой различных эмигрантских групп. Монгольская народная партия участвовала в IV Конгрессе Коминтерна с правом совещательного голоса.

По колониальному вопросу на IV Конгрессе было заслушано три доклада: голландского делегата Ван-Равенстейна, индийского — Роя и японского — Сен Ка-таямы.

Равенстейн много и долго говорил об истории восточного вопроса с начала XIX в. Его доклад исходил из ошибочной теории Розы Люксембург о накоплении капитала. По его мнению, отпадение колоний лишало капитализм источников накопления и поэтому дальнейшее существование империализма становилось невозможным. Отпадение колоний, по мнению Равен-стейна, должно было автоматически привести империализм к гибели. В. И. Ленин, как известно, указал на ошибочность теории Розы Люксембург. Дальнейший ход исторического развития целиком подтвердил правоту В. И. Ленина. Следует отметить, что принятые

IV Конгрессом Коминтерна тезисы по колониальному вопросу не содержали ошибочных теоретических положений Равенстейна.

Доклад Роя был посвящен главным образом положению в Индии, однако в нем была учтена обстановка и в других странах Азии, особенно в Китае и Турции. Главным выводом доклада была необходимость образования в колониальных и полуколониальных странах единого антиимпериалистического фронта.

Сен Катаяма в своем докладе говорил о японском империализме и об угрозе, которую он несет всем народам Дальнего Востока.

В прениях по докладам выступил и китайский делегат Лю Жэньцзии. Он подверг заслуженной критике гоминьдан за то, что эта партия не опирается на массы, не ведет пропаганду среди масс и стремится достичь победы только военным путем. Его выступление, однако, было противоречивым: -с одной стороны, он утверждал, что большинство этой партии — реакционеры. С другой — признавал, что гоминьдан поддерживают много организованных рабочих. Естественно, возникал вопрос: почему рабочие поддерживают гоминьдан, если большинство его членов является реакционерами? Это противоречие в выступлении Лю Жэньцзина отражало разногласия внутри коммунистической партии по вопросу о гоминьдане. Тем не менее он говорил на Конгрессе от имени Коммунистической партии Китая о необходимости образования единого антиимпериалистического фронта и о целесообразности вступления коммунистов на индивидуальных началах в гоминьдан. Как я уже говорил, вопрос стоял иначе: о вхождении не на индивидуальных началах, а всей партии на условиях сохранения ее политической я организованной самостоятельности.

Для обсуждения тезисов по восточному вопросу конгресс образовал специальную комиссию. Я участвовал в ее работе как представитель КИМа. Заключительное заседание комиссии происходило под председательством В. И. Ленина в одной из гостиных, примыкавших к бывшему тронному залу, в котором проводились пленарные заседания конгресса. За большим овальным столом нас сидело человек 15. Ленин вел заседание на французском языке. Поскольку все вопросы были уже согласованы, заседание прошло очень быстро, без прений. Тезисы были одобрены комиссией.

Таким образом, несмотря на то, что В. И. Ленин не участвовал в обсуждении восточного вопроса на пленарных заседаниях конгресса, тезисы по этому пункту повестки дня были разработаны при непосредственном его участии.

Принятые IV Конгрессом Коминтерна тезисы по восточному вопросу содержали ряд важных положений, которыми должны были руководствоваться коммунисты.

«Если на Западе,— говорилось в этих одобренных единогласно тезисах,— в обстановке переходного периода, связанного с организованным накоплением сил, был выдвинут лозунг единого рабочего фронта, то на колониальном востоке в настоящее время необходимо выставить лозунг единого антиимпериалистического фронта».

Наряду с этим в тезисах содержалось предупреждение об «опасности сделки между буржуазным национализмом и одной

или несколькими из враждующих империалистических держав».

Учитывая социальную неоднородность единого антиимпериалистического фронта, тезисы подчеркивали, что «рабочее движение колониальных и полуколониальных стран прежде всего должно завоевать положение самостоятельного революционного фактора в общем антиимпериалистическом фронте» и что «должна быть проведена решительная борьба за максимальную демократизацию режима» в этих странах.

Тезисы отмечали, что антиимпериалистическая революция может победить лишь в сочетании с аграрной революцией. В этом документе было подчеркнуто, что «боязнь аграрных лозунгов со стороны буржуазных националистов (Индия, Персия, Египет) свидетельствует о тесной связи туземной буржуазии с крупным феодальным и феодально-буржуазным землевладением и об идейно-политической зависимости ее от послед-*го». Дальнейший ход событий показал, что этот ункт целиком относился и к Китаю.

Конгресс указал коммунистическим партиям на редность попыток «устраниться от борьбы за насущ-ые и повседневные интересы рабочего класса во имя национального единства" или „гражданского мира" буржуазными демократами». Одновременно тезисы одчеркивали, что «требование тесного союза с проле-арской Советской республикой является знаменем диного антиимпериалистического фронта».

Таким образом, уже в 1922 г., при жизни В. И. Лесина и при его участии, Коммунистический Интернационал разработал программу единого национально-эволюционного антиимпериалистического фронта.)на содержала ответы на многие вопросы, которые фиобрели актуальное значение для развития китайской революции.

Заключительное заседание IV Конгресса Коммунистического Интернационала состоялось 5 декабря

1922 г. Днем раньше, 4 декабря, в Большом театре торжественно открылся III Конгресс Комму нистиче-жого интернационала молодежи. В нем принял уча-:тие 121 делегат из 38 стран. Зал Большого театра до этказа был заполнен представителями комсомольских организаций московских заводов и фабрик. Здесь можно было встретить членов районных комитетов, Московского и Центрального комитетов РКСМ.

Под бурные аплодисменты было оглашено приветствие В. И. Ленина, в котором он писал: «Дорогие товарищи! Сожалею, что не могу приветствовать вас лично. Шлю вам самые лучшие пожелания успеха в вашей работе. Надеюсь, что, несмотря на высокое звание, вы не забудете самого главного —

необходимости деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и ученье. С самым лучшим коммунистическим приветом В. Ульянов (Ленин)»[1].

Выступая на собраниях молодежи, В. И. Ленин всегда призывал ее учиться. Так было на Всероссийском съезде учащихся-коммунистов в апреле 1919 г., на

III съезде комсомола в октябре 1920 г. Его призыв учиться был далек от менторского наставления пожилого человека юнцам. В слово «учиться» Ленин вкладывал более глубокий и широкий смысл: не только овладение грамотой и основами науки, что было предварительным условием любой подготовки молодежи, но главным образом учиться строить социализм. Ведь эту науку никто тогда не знал, ни взрослый, ни тем более юнец. Вот и в своем докладе на IV Конгрессе Коминтерна Ленин говорил: «Я полагаю, что самое важное для нас всех, как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что мы после пяти лет российской революции должны учиться. Мы теперь только получили возможность учиться. Я не знаю, как долго эта возможность будет продолжаться. Я не знаю, как долго капиталистические державы предоставят нам возможность спокойно учиться. Но каждый момент, свободный от военной деятельности, от войны, мы должны использовать для учебы, и притом сначала» ***К***

На торжественном открытии III Конгресса Коммунистического интернационала молодежи выступали М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, итальянский коммунист Бордига — от имени только что закончившегося

IV Конгресса Коминтерна — и многие другие.

В дальнейшем заседания Конгресса молодежи проходили в Митрофаньевском зале Кремлевского дворца.

В отчетном докладе Исполкома Коминтерна молодежи Л. Шацкин отметил, что за истекший год наибольшие успехи в коммунистическом движении молодежи были достигнуты на Дальнем Востоке, особенно в Китае, Монголии и Японии.

На этом конгрессе вновь встал вопрос о программе Коммунистического интернационала молодежи, которая была принята на первом конгрессе в Берлине. К моменту принятия программы лишь закладывались основы коммунистических организаций молодежи, причем только в Европе. Тогда в колониальных и полуколониальных странах комсомольских организаций еще не существовало, и вопрос о работе на Востоке не нашел отражения в программе. Теперь же, спустя три года, для всех стало очевидно, что программа должна занять определенную позицию по колониальному вопросу, равно как и по ряду других.

Доклад о новой программе сделал Л. Шацкин. Он информировал конгресс о содержании проекта новой программы и о принципиальном ее отличии от программы Социалистического интернационала молодежи. Поскольку КИМ являлся секцией Коминтерна, он тем самым разделял его программу. Однако разработка программы Коминтерна не была еще закончена, и принятие ее было отложено. По этой причине решили прений по докладу Л. Шацкина не открывать, разослать проект программы для обсуждения в комсомольские организации различных стран и вернуться к ее утверждению после принятия программы Коминтерна.

Что же касается конкретных вопросов работы среди молодежи Востока, то для их обсуждения и подготовки решения была создана специальная комиссия. 15 декабря Конгресс заслушал доклад этой комиссии и утвердил предложенную ею резолюцию. В ней определялись задачи союзов в различных странах на ближайшее время. Социалистическому союзу молодежи Китая было рекомендовано сосредоточить свои силы на вовлечении в союз рабочей молодежи и превращении его в массовую организацию. Учитывая наличие в различных провинциях и районах Китая автономистских тенденций, резолюция рекомендовала китайскому союзу усилить централизацию его организационной структуры.

На другой день состоялось заключительное заседание конгресса. В состав Исполкома Коминтерна молодежи был избран Чжан Тайлэй.

14. 1923 год

После окончания заседаний обоих конгрессов я был оставлен в Москве для работы в Исполкоме Коминтерна молодежи заместителем заведующего восточным отделом. Там я по-прежнему занимался Дальним Востоком, хотя зачастую приходилось переключаться и на другие страны, не только Азии, но и Африки.

Исполком Коминтерна молодежи занимал один этаж в здании Коминтерна, которое находилось на Манежной площади, рядом с Кутафьей башней Кремля.

В первом этаже этого здания теперь расположены билетные кассы Большого театра и Кремлевского Дворца съездов. В прошлом это был жилой дом, теперь коридоры соединили прежде изолированные частные квартиры.

Жил я, как говорилось, в «Люксе» на Тверской улице (ныне гостиница «Центральная» на улице Горького). Это была гостиница Коминтерна, и здесь разместились постоянно работавшие в Москве члены Исполкома и сотрудники Коминтерна. Здесь жили О. В. Куусинен со своей семьей, В. Коларов, Г. Димитров, Марио Эрколи (П. Тольятти), А. Грамши, Б.Шме-раль, Е. Варга, В. Ульбрихт, К. Готвальд, М. Торез, Хо Ши Мин, много французов и итальянцев, немцев и испанцев, индусов и американцев. Рядом со мной жил со своей семьей ближайший помощник Г. Димитрова

С. Сапунов, дальше по коридору Сен Катаяма, который старательно изучал русский язык. Здесь же жили Г. Войтинский, С. Брикке, занимавшийся Арабским Востоком, Рихард Зорге — всех не перечтешь. Это была дружная интернациональная коммуна, и многие комнаты этой гостиницы вошли в биографию выдающихся деятелей международного рабочего движения. В комнатах «Люкса» обсуждались события, писались проекты решений, согласовывались те или иные вопросы. Здесь не было грани между местом работы и местом жительства.

Вскоре после окончания IV Конгресса, в январе

1923 г., в Исполкоме Коминтерна обсуждался вопрос

об отношении Коммунистической партии Китая к гоминьдану. Эта проблема долго не решалась, ибо в партии, несмотря на определенные сдвиги в сторону единого антиимпериалистического фронта, все еще сильно было негативное отношение к гоминьдану. В принятой в январе Исполкомом Коминтерна резолюции гоминьдан трактовался как единственная серьезная национально-революционная партия,

опирающаяся на либерально-демократическую буржуазию, мелкую буржуазию и частично на интеллигенцию и рабочих. Эта трактовка существенно отличалась от той, которую дал Лю Жэньцзин на IV Конгрессе Коминтерна. Исходя из указанной социальной характеристики, Исполком Коминтерна рекомендовал Комму-мистической партии Китая оставаться внутри гоминь-,ана.

В феврале 1923 г. Сунь Ятсену при помощи войск [понофильской аньфуистской группировки удалось >азбить армию Чэнь Цзюнмина, изгнать ее из про-;инции Гуандун. 21 февраля Сунь Ятсен возвратился Кантон и образовал здесь новое гоминьдановское [равительство. На этот раз оно оказалось несравнен-ю более прочным, чем в 1921 —1922 гг. Победа Сунь 1тсена в Кантоне усилила позиции гоминьдана в по-штической жизни Китая.

Одновременно на севере произошло событие пряло противоположного характера. 1 февраля в городе 1жэнчжоу должна была состояться конференция рабочих союзов Пекин-Ханькоуской ж. д. Конференция 5ыла совершенно легальной, и о ее созыве сообщаюсь в «больших» газетах. «Либерал» У Пэйфу приказал войскам и полиции не допускать открытия и разогнать конференцию. В ответ на это рабочие союзы объявили забастовку на всей железной дороге. Зтачка была подавлена военной силой. 7 февраля зойска стреляли в забастовщиков и убили 37 рабо-шх. Вслед за этим началось преследование всех рабочих союзов на севере.

Расстрел рабочих войсками У Пэйфу имел последствия двоякого рода. До тех пор рабочее движение в стране было на подъеме, особенно после гонконгской забастовки. Всюду создавались рабочие союзы, успешно проводились стачки. После февральского расстрела рост рабочих союзов приостановился, а число членов коммунистической партии уменьшилось.

Второе последствие расстрела было иным. Он сорвал маску либерала с лица У Пэйфу, от которого отвернулись интеллигенция и мелкая буржуазия. Симпатии их обратились в сторону Сунь Ятсена, вернувшегося в Кантон. Более того, изменили свое отношение к Сунь Ятсену и гоминьдану большинство коммунистов.

В этой обстановке с 10 по 19 июня проходил III съезд Коммунистической партии Китая. Уже сам факт, что он состоялся в Кантоне, был достаточно показательным. В центре повестки дня стоял вопрос аб отношении к гоминьдану. На этот раз большинство делегатов во главе с Чэнь Дусю выступили в поддержку резолюции Исполкома Коминтерна. Чжан Готао

возглавил меньшинство съезда, выступавшее против вхождения партии в гоминьдан. По этой причине Чжан Готао не был избран в состав ЦК.

В июле 1923 г. в Нанкине состоялся II съезд Социалистического союза молодежи Китая. На этом съезде речь прежде всего шла о превращении союза в организацию главным образом рабочей и крестьянской молодежи. Было принято решение о создании ячеек на заводах и фабриках и борьбе за улучшение положения рабочей молодежи на предприятиях. Заслуживает внимания и тот факт, что на съезде подробно обсуждалась работа молодежи в деревне.

Что касается отношения к гоминьдану, то в решении съезда оно формулировалось следующим образом: «Члены Союза коммунистической молодежи должны помочь всеми средствами расширению и упрочению этой революционной партии, все время громко проповедуя коммунистические принципы. Члены союза, входящие одновременно в партию гоминьдан, должны быть все время под контролем ЦК союза и подчиняться его указаниям. Принимая участие в работе гоминьдана, члены союза не должны пренебрегать пропагандой коммунистических идей и во всех случаях выявлять независимость идейную и организационную» ***К***

Как видно из этого, II съезд Социалистического союза молодежи полностью стоял на позициях Коминтерна.

Сближение с коммунистической партией открывало перед гоминьданом возможность перейти от комбинаций чисто военных блоков с различными милитаристами к вовлечению народных масс в национальнореволюционную борьбу. После поражения в 1922 г. Сунь Ятсен совершил крутой поворот во всей своей внутренней и внешней политике.

Уже в конце 1922 г., находясь в Шанхае, Сунь Ятсен опубликовал заявление, в котором признал право

[1] Китай и китайская молодежь. Составлено группой студен-тов-китайдев Коммунистического университета трудящихся Востока под редакцией Нгуен-Ай-Квак (Хо Ши Мина.— С. Д.), перевод с французского. М., 1925, с. 53.

Внешней Монголии на национальное самоопределение. Это заявление китайского руководителя было первым открытым выражением перехода гоминьдана к новым принципам.

Заключение союза с коммунистической партией означало для Сунь Ятсена и дальнейшее сближение с Советским Союзом. В середине 1923 г., после того как укрепилось положение правительства Сунь Ятсена на Юге, он посылает в Москву делегацию во главе с Чан Кайши для ведения переговоров о различных формах помощи кантонскому правительству. Чан

Кайши приехал в Москву в августе 1923 г. и привез просьбу Сунь Ятсена послать в Кантон советских политических и военных советников. В соответствии с этой просьбой главным политическим советником гоминьдана был назначен М. М. Бородин.

М. М. Бородину в то время исполнилось 39 лет. В партию он вступил в 1903 г. Во время революции 1905 г. был секретарем партийной организации и возглавлял боевые дружины рабочих в Риге, был делегатом IV съезда РСДРП в Стокгольме. После поражения революции 1905 г. ему пришлось эмигрировать за границу — в Англию и США. В 1918 г. Бородин вернулся из США и принял активное участие в организации Коммунистического Интернационала. Он был участником I Конгресса Коминтерна. Уехав из США, он поддерживал тесные связи с американской компартией.

Ко времени нашего знакомства М. М. Бородин с семьей жил в «Люксе». Два его сына родились в США и не знали еще русского языка. Обиходным языком в семье был английский. Продолжительное пребывание за границей наложило некоторый отпечаток на манеры Бородина. Высокого роста, с крупными чертами лица, сдержанный и вместе с тем общительный, простой, с живыми глазами, любивший шутку, он был привлекателен и импозантен. В его обществе приятно было находиться. Немногословный, предпочитавший больше слушать, чем говорить, он вместе с тем в коротких фразах и репликах «выдавал» свою точку зрения, свое отношение к событиям, к тем или иным людям. Его особенностью было трезвое, оригинальное, подчас неожиданное суждение по тем или иным вопросам. В. И. Ленин знал Бородина, сохранились ленинские записки, адресованные ему.

М. М. Бородин никогда не был в Китае, не занимался китайскими делами, и, когда его назначили советником" Сунь Ятсена, он, естественно, обратился к нам, к Войтинскому и ко мне, за консультациями, много расспрашивал меня о Сунь Ятсене, гоминьдане, Кантоне и т. д. Эти встречи и беседы происходили главным образом в «Люксе».

В октябре 1923 г. Бородин прибыл в Кантон. Началась работа по реорганизации гоминьдана, которая получила реальные очертания на съезде этой партии в январе 1924 г. На этом съезде была принята новая программа. Отныне «три принципа» — национализм, демократия и народное благосостояние — получили другое содержание. Партия поставила перед собой новые цели: борьбу с иностранным империализмом и китайским милитаризмом, установление демократического строя в Китае,

признание полного равенства всех проживающих на территории страны национальностей, проведение коренных реформ в области аграрных отношений и рабочего законодательства. Это была программа последовательной демократической национальной революции. Она учитывала интересы мелкой буржуазии, крестьянства и отчасти пролетариата.

Заключение блока с коммунистической партией явилось отражением перегруппировки классовых сил китайской революции. Полевение гоминьдана отразилось на положении внутри этой партии. Там после январского съезда консолидировалось правое крыло. В таких условиях вхождение Коммунистической партии Китая в гоминьдан поставило перед коммунистами новую задачу— укрепление позиций левого крыла внутри гоминьдана.

Такова вкратце была хроника китайских событий в 1923 г. и в начале 1924 г.

В конце 1923 г. китайских коммунистов уже не приходилось убеждать в необходимости создания единого национально-революционного антиимпериалистического фронта. От споров, вступать или не вступать в гоминьдан, надо было переходить к конкретной работе внутри этой партии. Сразу же возникли новые принципиальные вопросы. В частности, о создании гоминьдановского союза молодежи.

В марте 1924 г. в Шанхае должен был состояться пленум ЦК Социалистического союза молодежи, на котором предстояло обсуждение задач союза в новой обстановке, сложившейся в Китае. Исполком КИМ принял решение послать меня в качестве своего представителя на этот пленум. В январе 1924 г. я должен был снова поехать в Китай.

Подготовка к отъезду была уже закончена. Директивы были утверждены. На этот раз я собирался ехать в Китай через Владивосток, а оттуда на пароходе в Шанхай. Железнодорожный билет уже лежал у меня в кармане. 20 января 1924 г. за двумя подписями, Чжан Тайлэя и моей, была составлена записка о состоянии и задачах коммунистического движения молодежи в странах Азии и Африки.

Организация коммунистических союзов молодежи наиболее успешно проходила на Дальнем Востоке. В Японии уже был создан Коммунистический союз молодежи, работавший в глубоком подполье, но полицейские преследования и последствия огромного землетрясения в сентябре 1923 г. помешали дальнейшему развертыванию работы. В Корее продолжалась консолидация революционных организаций молодежи на коммунистической платформе. В Китае Социалистический союз

молодежи продолжал численно расти, и, как уже говорилось, в середине 1923 г. состоялся II Всекитайский съезд союза. Однако, несмотря на решения обоих съездов, союз еще оставался организацией главным образом студенческой молодежи. В Монголии уже состоялся II съезд Революционного союза молодежи. В других же странах Азии и Африки работа по созданию революционных союзов молодежи находилась еще в начальной стадии. В Индии был взят курс на организацию сперва не коммунистического, а национально-революционного союза молодежи. Предполагалось, что из его левого крыла впоследствии образуется коммунистический союз молодежи.

Было решено, что ИККИМ вновь вернется к вопросу о революционном движении в Азии и в Африке после моего возвращения из Китая и получения более подробной информации из других стран.

24 января 1924 г. я должен был выехать в Китай, остановившись на некоторое время во Владивостоке, где в это время уже имелись представительства исполкомов Коминтерна и Коминтерна молодежи.

15. Траурные дни

В эти последние дни перед отъездом в Китай мы все были потрясены неожиданной смертью В. И. Ленина. Хотя большевистская гвардия и называла его «стариком», но это относилось к роли Владимира Ильича в создании партии — он был самым старым большевиком,— а не к его возрасту. В. И. Ленину в январе 1924 г. не было еще 54 лет.

Все мы знали о его болезни, но никто не думал о его смерти. Да, он был болен, но он ведь выздоровел, выступал на IV Конгрессе Коминтерна. Как всегда, во время этого выступления он был таким оживленным, анализировал, критиковал допущенные ошибки, ставил новые задачи. После доклада, когда Ленина обступили делегаты конгресса, он шутил, смеялся. Только недавно в Большом театре он с таким подъемом выступил на торжественном заседании Московского совета, посвященном пятой годовщине Октябрьской революции. Еще звучали в ушах его пророческие слова: «Из России нэповской будет Россия социалистическая».

Но вот наступил вторник 22 января 1924 г., когда на утреннем заседании XI Всероссийского съезда Советов М. И. Калинин объявил, что накануне, 21 января, в 6 часов 50 минут вечера в Горках под Москвой умер Владимир Ильич Ленин.

Весть о его смерти быстро разнеслась по Москве, и, как всегда в дни большой тревоги, народ вышел на улицы в ожидании подробностей. Вот появился наконец совместный экстренный выпуск газет «Правда» и «Известия». Правительственное сообщение было кратким: «Ничто не указывало на близость смертельного исхода. За последнее время в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило значительное улучшение. Все заставляло думать, что его здоровье будет и дальше восстанавливаться. Совершенно неожиданно вчера в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило резкое ухудшение. Несколько часов спустя Владимира Ильича не стало».

Люди читали экстренные выпуски газет на улицах и уходили, задумавшись, с суровыми, скорбными лицами. Каждый думал о судьбе революции, о пути в неизвестное будущее — без Ленина. Было тяжело на душе.

Гроб с телом В. И. Ленина должен был прибыть из Горок в Москву на следующий день, 23 января, в час дня на Павелецкий вокзал. Я был в составе делегации Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, направленной для встречи

тела В. И. Ленина. Каждый из нас имел напечатанное на пишущей машинке на бланке Исполкома Коминтерна соответствующее удостоверение за подписью секретаря исполкома О. В. Куусинена.

Когда мы пришли на Зацепу, вокзальная площадь была полна народа. Бросился в глаза выкрашенный в красный цвет катафалк, в который были запряжены покрытые черными, траурными попонами лошади. Гроб с телом Ленина несли на руках. Ненужный катафалк остался на площади. За гробом шли Надежда Константиновна, Мария Ильинична, родные, близкие, члены ЦК партии и Исполкома Коминтерна. Траурные марши военного оркестра раздирали душу.

Процессия, которая шла за гробом Ильича от Павелецкого вокзала до Дома Союзов в Охотном ряду, состояла только из немногочисленных делегаций, которые могли уместиться на небольшой тогда площади у вокзала. Боялись давки и несчастных случаев. Тротуары по пути были заполнены народом. В этот день в экстренных выпусках газет «Правда» и «Известия» было напечатано объявление комиссии Президиума ЦИК Союза ССР по организации похорон В. И. Ленина:

«Сотни тысяч московского населения захотят отдать последний долг Владимиру Ильичу Ленину. Всем желающим будет дана возможность проститься с ним, но только соблюдая строжайший порядок, население Москвы, теснящееся на улицах во время похорон Владимира Ильича, сможет избежать опасной давки и многочисленных несчастных случаев.

Поэтому Комиссия просит провожающих строго исполнять распоряжения и указания распорядителей во время следования тела Владимира Ильича с Павелецкого вокзала в Дом Союзов, а также и в день похорон во время погребального шествия.

Москва, 22 января 1924 г.

Председатель Комиссии Ф. Дзержинский»'.

Путь процессии лежал от Павелецкого вокзала к Балчугу и далее мимо храма Василия Блаженного через Красную площадь к Дому Союзов, в Колонном зале которого был установлен гроб с телом Ильича. Уже вечерело, крепчал мороз.

Доступ к телу В. И. Ленина был открыт в тот же день, 23 января, с 7 часов вечера. Нескончаемый поток людей со всех концов Москвы устремился в Колонный зал Дома Союзов. Очередь огибала Охотный ряд, Тверскую, Георгиевский переулок и со стороны Большой Дмитровки входила в Дом Союзов. Уже наступила суровая морозная ночь, а люди все шли и шли. В Охотном ряду разложили костры. Народ сам поддерживал строгий порядок.

Ночью перед своим отъездом в Китай я дважды прощался с

Лениным. Стоял в лютый мороз в очереди, прошел мимо гроба, вышел на улицу и снова встал в очередь. У гроба все время находилась Надежда Константиновна, мужественная, не проронившая здесь ни одной слезы. Казалось, что она вспоминала теперь всю прожитую вместе с Ильичем жизнь, совместную работу и борьбу.

Я ушел из Колонного зала в четыре часа утра. В тот же день, 24 января 1924 г., сел в поезд Москва — Владивосток. В вагоне было тихо, печально. На рукавах большинства пассажиров были траурные повязки.

27 января мы въехали в занесенную глубокими снегами Сибирь. Наступили сумерки. Наш поезд остановился на каком-то заброшенном безлюдном полустанке, встретившись там с товарным составом. Два поезда остановились и вместе дали продолжительные тревожные гудки. Это были минуты, когда в Москве, на Красной площади, хоронили Ленина.

Все мы вышли из вагонов, траурно зазвучали звуки

«Интернационала». Мыслями были там, в Москве, на Красной площади.

Поезд тронулся вперед. Это был траурный путь. Сибирь уже осталась позади, я снова был в теплом Шанхае, где шли траурные собрания, посвященные памяти В. И. Ленина.. Целый месяц длился в Китае траур, гражданские панихиды, лекции об учении

В. И. Ленина.

Особенно широко отмечались-дни памяти В. И. Ленина в Кантоне, где проходил в те дни Всекитайский съезд гоминьдана. Специальное заседание съезда

25 января было посвящено памяти Ленина. С речью выступил Сунь Ятсен. По его предложению от имени съезда была послана телеграмма с выражением соболезнования, в которой, в частности, говорилось: «Имя Ленина и память о нем будут жить в веках. Люди и впредь будут чтить героические черты его натуры, благодаря которым он стал выдающимся политическим деятелем и вождем огромной творческой силы».

В знак траура по Ленину съезд на три дня прервал свою работу. Повсеместно разъяснялись основы его учения и роль Ленина в истории человечества. Спустя месяц Сунь Ятсен выступил со специальным заявлением по поводу смерти В. И. Ленина, в котором говорил: «За многие века мировой истории появлялись тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин,— исключение. Ты не только говорил и учил, но и претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи

препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем, и хотя мои враги и против этого, но мой народ будет меня приветствовать за это. Ты умер, небо не продлило твоей жизни, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек».

Это заявление отражало совершившийся в мировоззрении Сунь Ятсена крутой поворот, о котором говорилось выше. Под его непосредственным руководством шла политическая реорганизация гоминьдана. В гоминьдан влились новые люди, коммунисты и комсомольцы, которые придали этой партии неизмеримо большую силу. Они несли в народные массы идеи Ленина.

16. Пленум ЦК Социалистического союза молодежи. Разногласия с Мао Цзэдуном

Во Владивосток я приехал в середине февраля

1924 г. Красивый город расположен амфитеатром на сопках вокруг бухты Золотой Рог. Порт — незамерзающий, и после суровых московских морозов удивляли бушующие у мола морские волны. К тому времени переговоры о признании Англией Советского Союза и установлении дипломатических отношений между двумя странами настолько продвинулись вперед, что сюда уже регулярно заходили пароходы под английским флагом.

Во Владивостоке жило тогда довольно много китайских торговцев, а также рабочих, приезжавших на заработки. Еще больше было корейских эмигрантов. Существовали корейские партийная и комсомольская организации. Для местных китайцев и корейцев издавались газеты и брошюры на корейском и китайском языках. Они проникали различными путями в Корею и Китай.

Встретил здесь Тё Хуна, который был теперь представителем ИККИМ по Корее. Групповая борьба в корейской эмиграции продолжалась, и это обстоятельство было большим препятствием для развертывания революционного движения в Корее. В конце февраля во Владивостоке состоялась встреча представителей всех течений и групп в революционном движении молодежи Кореи. Удалось наконец договориться об объединении, и совещание единогласно .приняло соответствующие решения. Коминтерн ориентировался главным образом на революционные организации внутри Кореи, что в значительной степени оздоровило обстановку и способствовало сплочению революционного движения в стране.

Незадолго до моего приезда во Владивостоке побывал представитель ЦК Социалистического союза молодежи Китая Пу Шици (Пролетариев) *К* Здесь ой договорился с уполномоченным

Коминтерна молодежи во Владивостоке Я. Цитовичем о создании в Китае гоминьдановского союза молодежи. Это расходилось с линией Исполкома КИМ. Сам факт постановки такого вопроса говорил о происходивших переменах в Китае. Если до сих пор приходилось убеждать китайских товарищей в необходимости блока с гоминьданом, то теперь, после Всекитайского съезда этой партии, появилась тенденция противоположного порядка— отказа от политической самостоятельности.

Пленум ЦК Социалистического союза молодежи Китая должен был состояться во второй половине марта. Надо было спешить. 3 марта я выехал на английском пароходе в Шанхай. Пароход вместимостью 2 тыс. т был загружен круглым лесом. Море было бурным, и до Шанхая мы плыли пять суток.

Хотя в Шанхае я уже был «старожилом», но без помощи С. Л. Вильде трудно было обойтись. Он работал бухгалтером в шанхайской конторе Центросоюза. Хорошо знал Шанхай и многих его жителей, сочувствовавших Советской России, знал китайских коммунистов — некоторые из них работали в конторе Центросоюза. Я подружился с С. Л. Вильде еще в первый свой приезд в 1922 г., и теперь мы встретились с ним как старые друзья. С его помощью я быстро устроился в одном семейном пансионате.

Прошло полтора года после моей первой поездки в Китай. За это время Социалистический союз молодежи добился больших успехов. Усилилось его влияние на студенческие организации, которые поддерживали теперь контакт с рабочими союзами. Во время забастовки рабочих Пекин-Ханькоуской ж. д. студенческие объединения в Чжэнчжоу, Ханькоу и других городах организовали сбор денег в пользу бастующих.

[1] Пу Шици учился в Москве. Здесь он выбрал себе псевдоним — Пролетариев. Изучил русский язык, на котором довольно свободно говорил. Был руководящим комсомольским и партийным работником. На IV Конгрессе Коминтерна молодежи в 1924 г. был избран в состав президиума. Позже учился в Университете им. Сунь Ятсена в Москве, затем вернулся в Китай. В 1936 г. был арестован чанкайшистскими властями. Купил себе свободу предательством. В шестидесятых годах одно время был министром иностранных дел в правительстве Чан Кайши на Тайване.

Когда весть о расстреле бастующих рабочих пришла в Пекин, она вызвала среди пекинского студенчества взрыв негодования. На митинге студентов была принята резолюция протеста. Редакция студенческой газеты перешла в руки Социалистического союза молодежи.

Вскоре состоялась студенческая демонстрация, на которую напала полиция. В результате побоища 500 студентов были избиты, из них 80 человек оказались тяжелоранеными. Несколько студентов умерли в больнице в результате ранений, что вызвало волнения уже во всем Китае. Был созван Всекитайский съезд студенческих союзов, который принял резолюцию, направленную против иностранного империализма и китайских милитаристов. Съезд заседал на территории французской концессии в Шанхае и после принятия антиимпериалистической резолюции был разогнан французской полицией. Решено было перенести заседания в Кантон. Там в августе 1923 г. продолжались заседания студенческого съезда.

С. Л. Вильде

Прежде студенческое движение было направлено в основном против Японии. Теперь все иностранные державы были «уравнены в правах», на съезде говорилось о борьбе с господством иностранного империализма в целом. Соединенные Штаты Америки, которые в 1919 г. противопоставлялись Японии и назывались «другом Китая», ныне. на кантонском съезде союзов были заклеймены как «смертельный враг китайской свободы». Все это свидетельствовало о полевении студенческого движения.

Вскоре после расстрела рабочих Пекин-Ханькоус-кой ж. д. и кровавого подавления студенческой демонстрации в Пекине антиимпериалистическое движение вспыхнуло с новой силой в связи с так называемым «линьчэнским инцидентом».

Излюбленным приемом империалистических держав в Китае были провокации с целью создания поводов для военной интервенции. Наемные убийцы, подобранные среди китайских бандитов, убивали какого-нибудь иностранца. За этим обычно следовал ввод иностранных войск для «защиты жизни и имущества иностранцев». В «линьчэнском инциденте» не трудно было разглядеть знакомый почерк империалистических держав. Китайские бандиты напали недалеко от станции Линьчэн на пассажирский поезд и увели с собой несколько иностранцев. В августе 1923 г. державы потребовали установления их контроля и охраны на всех железных дорогах в Китае.

В ответ на это пекинский студенческий союз от имени 35 тыс. студентов обратился с воззванием «К народам всего мира, к рабочему классу Англии, Франции, Японии, Америки, Италии, Голландии и других стран, к Советской России, Германии, ко всем другим нациям, угнетенным мировым капитализмом».

В этом воззвании, рассказав о хозяйничанье империалистических держав, о хаосе, который они создали в Китае, студенты писали: «Пекинский студенческий союз открыто и прямо заявляет, что только империалисты и поддерживаемые ими милитаристы ответственны за линьчэнский инцидент. Что касается народа, то он не обязан брать на себя какую-либо вину. Если кто-либо скажет, что китайский народ должен отвечать за все, мы заявим, что народ ответствен только за то, что до сих пор он еще не уничтожил главную причину своих страданий и китайского хаоса — империалистов и их орудие — милитаристов».

Обращение к рабочему классу всего мира, к Советской России, к угнетенным народам, обвинение, брошенное не только японским, но и всем империалистам, а также внутренней реакции, показывает, какой большой шаг вперед сделало студенческое движение по сравнению с 1919 г.

Усиление антиимпериалистического движения сопровождалось кампанией за признание пекинским правительством Советского Союза. Это стало одним из основных требований студенческого движения с конца 1923 г. до середины 1924 г., когда были наконец установлены дипломатические отношения между Москвой и Пекином.

Наряду с этим начался процесс классового расслоения внутри студенчества: буржуазная его часть, а также студенты, вышедшие из семей богатых крестьян и шэньши, отходили от национально-революционного движения. Руководство студенческим движением переходило в руки коммунистической партии и Социалистического союза молодежи. Одновременно из союза

уходили неустойчивые мелкобуржуазные элементы. Численность его ко времени второго съезда в августе 1923 г. сократилась на 500 членов и составляла теперь 2500 человек.

После второго съезда усилилась работа союза среди рабочей и крестьянской молодежи. Вместо одной газеты «Пионер» стали издаваться три центральных органа: «Бюллетень», рассчитанный главным образом на членов союза, «Китайская молодежь», предназначенная в основном для студенчества, и «Молодой рабочий», само название которого говорит о его назначении.

Социалистический союз молодежи принимал активное участие в забастовочном движении. Там, где не было партийных организаций, союз зачастую руководил стачками и организовывал рабочие союзы.

В некоторых провинциях социалистические организации молодежи приняли активное участие в создании крестьянских союзов. Так было в Хунани, где был основан Союз трудового крестьянства. Подобная же организация была создана в Гуандуне.

Таким образом, работа Социалистического союза молодежи продвигалась вперед во всех направлениях. Однако и в 1924 г. он объединял еще главным образом студентов. Именно они руководили всеми организациями союза — сверху донизу.

Изменение ориентации гоминьдана, происшедшее под руководством Сунь Ятсена, реорганизация этой партии на основе новой программы, переход от чисто военных комбинаций к работе среди народных масс, усиление антиимпериалистического движения, образование единого национально-революционного фронта поставили перед Социалистическим союзом молодежи новые задачи. Для их обсуждения и был созван пленум Центрального комитета союза в Шанхае в конце марта 1924 г.

Пленум заседал на территории международного (фактически английского) сеттльмента в типично китайских кварталах в районе улицы Норт Сычуань-род. В лабиринте китайских улочек трудно было найти здание, в котором проходил пленум. Поэтому в условленном месте меня встречал кто-либо из знакомых китайских товарищей, и я следовал за ним на расстоянии нескольких метров. Наконец — нужный дом, второй этаж, сравнительно большая комната, на столах тушь, кисточки, желтоватая тонкая бумага для письма.

Здороваемся, знакомлюсь с представителем ЦК партии Мао Цзэдуном. Сразу бросается в глаза его высокий рост, полнота, розовые щеки, а главное, шелковый светло-серого цвета халат. Все остальные были в обычных синих хлопчатобумажных халатах.

На этом пленуме я выступил с докладом о задачах союза. Еще до начала пленума в органе ЦК союза была напечатана моя статья

о работе среди рабочей молодежи. Участникам пленума был роздан переведенный на китайский язык проект тезисов, которые тогда принимались вместо резолюций. Сохранился и полный текст моего доклада, что дает возможность привести здесь его основное содержание[1].

В докладе говорилось, что, несмотря на большие успехи в работе, Социалистический союз молодежи еще не превратился в массовую организацию рабочей и крестьянской молодежи и состоит главным образом из студентов. Объяснялось это тем, что союз выступал с лозунгами общенационального характера, поскольку ближайшей задачей является освобождение Китая от гнета иностранного империализма и демократизация общественного строя. Это задачи буржуазно-демократической революции. Нельзя перепрыгивать через этапы исторического развития, и совершенно очевидно, что на данном этапе союз не может выступать с лозунгами диктатуры пролетариата и социализма. Общепо-

[1] В 1957 г. он был издан на китайском языке в книге «Материалы по истории движения молодежи в Китае». Т. I. 1915—1924 гг., издание Новодемократического союза молодежи Китая. Пекин, 1957, с. 477—484.

литическая деятельность союза отодвинула на второй план работу, направленную на защиту интересов рабочей и крестьянской молодежи. Общенациональные же лозунги привлекли в союз прежде всего студенческую молодежь. Однако социалистический союз является классовой организацией, стоящей на позициях пролетариата и борющейся за его интересы. Отсюда следует, что он должен состоять главным образом из рабочей и крестьянской молодежи. Для достижения этой цели нужно, по-видимому, создать массовые организации рабочей и крестьянской молодежи, внутри которых работал бы Социалистический союз молодежи.

Я сказал в своем докладе о беседе во Владивостоке, где мы обсуждали с китайскими товарищами вопрос о массовой организации молодежи. Я придерживался мнения, что следовало бы создать союзы рабочей и крестьянской молодежи. Другие товарищи предлагали организовать гоминьдановский союз молодежи. Я был противником этого предложения, полагая, что если до сих пор Социалистический союз молодежи не смог привлечь в свои ряды рабочую и крестьянскую молодежь, то тем более этого не сможет сделать гоминьдановский союз молодежи.

Социалистический союз молодежи еще не имеет опыта работы среди молодых рабочих и крестьян. Поэтому рано решать вопрос о названии массовой организации молодежи. Можно лишь

говорить об основных ее принципах. Что касается рабочей молодежи, то следовало бы начать работу с ней путем создания кружков или клубов. В деревнях же следует организовать союзы крестьянской молодежи. Главное — это найти такие методы работы, которые могли бы заинтересовать рабочую молодежь и привлечь ее в организацию. Не следовало пренебрегать и теми методами, которыми пользуется Христианский союз молодых людей. На первом месте у них стоит культурно-просветительная работа. Мы также должны вести такую работу, читать научно-популярные лекции для молодых рабочих и крестьян, помогать им в самообразовании, заняться ликвидацией неграмотности.

Однако, говорил я, следует учесть, что «чистой культуры», оторванной от политики, не существует. Мы включаем в нашу культурную работу и политику, свою политику. Эти принципы нашей культурно-просветительной работы никогда не следует забывать, иначе союз превратится в организацию, которую нельзя будет отличить от буржуазных и пацифистских.

Культурно-просветительную работу следует сочетать с борьбой за улучшение экономического положения рабочей молодежи, за сокращение рабочего дня, за установление еженедельного выходного дня, за повышение заработной платы. Необходимо вовлечь рабочую молодежь в профессиональные союзы, вести политическую работу в духе классовой борьбы.

В деревне существуют свои проблемы, которые волнуют крестьянскую молодежь, но на переднем плане здесь стоят общие вопросы: борьба за улучшение положения безземельных крестьян, за снижение арендной платы, за уменьшение налогов, за отмену лицзи-ня, т. е. внутренних таможенных поборов в каждой провинции, в каждом уезде.

Создавая кружки рабочей молодежи и союзы крестьянской молодежи в городах и деревнях, не следует спешить с централизацией таких организаций в национальном масштабе. Сперва нужно научиться работать среди этой молодежи, уметь привлекать ее на сторону союза, создавая низовые организации. Лишь после этого можно будет созвать соответствующие съезды, сформировать единую массовую революционную организацию в масштабе всей страны и дать ей определенное название.

Организация кружков или клубов рабочей молодежи, союзов крестьянской молодежи должна быть делом Социалистического союза. Ему должно принадлежать руководство этими организациями.

Решительный поворот Социалистического союза молодежи лицом к молодым рабочим и крестьянам отнюдь не означает прекращения работы среди студенчества. Ее необходимо

продолжать, однако в центре внимания должна быть работа среди рабочей и крестьянской молодежи.

Было бы хорошо, если бы гоминьдан поддержал усилия союза в создании массовых организаций, однако следует стремиться к тому, чтобы клубы или кружки рабочей молодежи, союзы крестьянской молодежи находились всецело под коммунистическим влиянием.

Ныне, продолжал.я, во весь рост практически встал вопрос об отношениях с гоминьданом. На своем январском съезде в Кантоне эта партия приняла некоторые принципы, которые совпадают с коммунистическими. В этих случаях ведется совместная пропаганда. Однако гораздо сложнее обстоит дело, когда принципы коммунистической партии расходятся с принципами гоминьдана.

Некоторые товарищи ошибочно считают, что в этом случае мы не должны пропагандировать свои взгляды. Но это означало бы отход от коммунизма, и на это идти нельзя.

В ближайшие годы предстоит двигаться вперед вместе с гоминьданом. После победы национальной революции пути коммунистической партии и гоминьдана разойдутся. До победы предстоит бороться вместе со всеми национально-революционными организациями. Это следует иметь в виду и не раскалывать единый национально-революционный фронт. Но одновременно нельзя забывать и своих коммунистических принципов, нельзя от них отказываться при любых обстоятельствах, даже тогда, когда они расходятся с принципами гоминьдана.

Мой доклад вызвал оживленный обмен мнениями, перешедший в полемику после выступления Мао Цзэ-дуна. Следует подчеркнуть, что в своем докладе я исходил из решений IV Конгресса Коминтерна по восточному вопросу, решений III Конгресса Коминтерна молодежи, директив ИККИМ. Разумеется, я, принимавший активное участие в разработке этих решений и директив, целиком и полностью их разделял. Было также известно, что III съезд КПК и II съезд китайского соцсомола присоединились к решениям Коминтерна. Между тем выступление члена ЦК партии Мао Цзэдуна шло вразрез с этйми решениями.

В своем выступлении Мао Цзэдун, ссылаясь на новые «три принципа», утверждал, что гоминьдан является революционной рабочей партией, которая должна быть принята в Коммунистический Интернационал. Достаточно сказать, что сам гоминьдан на своем съезде в январе 1924 г. ни словом не заикнулся даже о принятии его в Коминтерн. По уставу

Коминтерна в каждой стране могла существовать только одна коммунистическая партия. Принятие гоминьдана в Коминтерн означало бы признание его коммунистической партией и ликвидацию той, членом ЦК которой являлся Мао Цзэдун.

Мао Цзэдун решительно выступил против классового подхода к китайскому крестьянству, против выдвижения лозунгов, которые противопоставляли одну часть крестьянства (безземельных арендаторов) другой— богатой части. Он трактовал все крестьянство — и арендаторов и земельных собственников, больших и малых — как единый класс, противостоящий капитализму и иностранному империализму.

И наконец, в своем выступлении Мао Цзэдун ничего не сказал по центральному вопросу пленума — о работе среди рабочей молодежи.

После речи Мао Цзэдуна все участники решили выступить. Пленум затянулся на несколько дней.

Под непосредственным впечатлением этого пленума я написал письмо Г. Войтинскому. Он должен был выехать в Китай одновременно со мной, но дела задержали его в Москве. Мы договорились встретиться во Владивостоке. Однако и этого не удалось сделать. Я не мог его ждать, ибо в Шанхае на определенный день была назначена встреча с японскими комсомольцами. Эту встречу уже невозможно было отложить, и поэтому я должен был, не дождавшись Войтинского, выехать в Шанхай.

Теперь после пленума я воспользовался оказией и написал ему письмо. Оно сохранилось, и привожу его здесь текстуально.

«Шанхай, 30 марта 1924 г.

Дорогой Григорий,

Сегодня пленум ЦК молодежи закончился (далее я писал о причинах, по которым не могу ждать его в Шанхае и должен уехать в Москву.— *С. Д.).* Тебе бы здесь не помешало поработать до самого Конгресса (имелся в виду V Конгресс Коминтерна.— С. Д.)... ты услышишь здесь от секретаря ЦК Мао (не иначе как ставленник Маринга[18]) такие вещи, что у тебя волосы дыбом встанут. Как, например, гоминьдан есть и была пролетарской партией и должна быть признана Коминтерном как его секция. По крестьянскому вопросу— классовую линию нужно бросить, среди бедного крестьянства нечего делать, нужно связаться с помещиками и чиновниками (шэныни) и т. д. Этот тип был представителем Партии в Союзе молодежи и эту точку зрения он настойчиво, но к счастью безуспешно, пытался проводить на пленуме Союза. Я послал письмо в ЦК партии с просьбой назначить нового представителя».

Письмо это было написано наспех, карандашом. Было уже поздно, а утром уезжал товарищ, который должен был доставить его по назначению.

Такова была политическая физиономия Мао Цзэ-дуна в начале 1924 г. Больше Мао Цзэдун не представлял Центральный комитет коммунистической партии в Центральном комитете Коммунистического союза молодежи

Вскоре Мао Цзэдун был командирован ЦК партии в Кантон для работы в гоминьдане. Рабочим движением в те годы он никогда не занимался.

В начале апреля 1924 г. я уехал из Китая и к маю был уже в Москве.

В июне 1924 г. проходил V Конгресс Коминтерна. По его окончании с 15 по 25 июля состоялся IV Конгресс Коммунистического интернационала молодежи. На этом конгрессе снова обсуждался вопрос о работе

II Конгресса Коммунистического Интернационала, работал в комиссии по колониальному и национальному вопросам. Мариинг был представителем Исполкома Коминтерна на I и III съездах Коммунистической партии Китая в 1921 и 1923 гг. Он считал, что в колониальных и полуколониальных странах Коминтерн должен ориентироваться не на коммунистические партии, а на буржуазнонационалистические и даже религиозные организации, как, например, Сарикат-Ислам в Голландской Индии. В Китае, по его мнению, следовало опираться на гоминьдан. Он считал Коммунистическую партию Китая преждевременно созданной организацией, не имеющей социально-экономических корней. Против этой точки зрения мы вместе с Войтинским выступали.

В 1927 г. Маринг порвал с Коминтерном и примыкал к троцкистам.

[1] В 1925 г. на III съезде Социалистического союза молодежи было принято решение о переименовании союза в коммунистический.

на Востоке. Было принято решение о создании в колониальных странах помимо комсомола особых массовых национально-революционных организаций молодежи, которые должны работать под руководством коммунистических союзов молодежи. Это решение подтверждало ту директиву, которую я получил в ИККИМ перед своим отъездом на пленум ЦК Социалистического союза молодежи Китая.

На IV Конгрессе Коминтерна молодежи в прениях выступил Чжан Тайлэй. Говоря о необходимости активного участия комсомола в национально-революционном движении, он подчеркнул важность сохранения комсомола в колониальных и

полуколониальных странах как самостоятельной организации. Чжан Тайлэй всегда стоял на позициях Коминтерна. По образу мышления, по всему своему духу Чжан Тайлэй был подлинным интернационалистом.

Эпизод с Мао Цзэдуном на пленуме ЦК Социалистического союза молодежи, его позиция по отношению к гоминьдану были не случайным явлением. После съезда этой партии и ее переориентации некоторые китайские коммунисты в свою очередь переориентировались. Прежде приходилось бороться с группой Чжан Готао, которая трактовала гоминьдан как реакционную силу. Теперь возникла противоположная крайность — кое-кто считал эту партию настолько революционной, что требовал принятия ее в Коминтерн.

Позже Мао Цзэдун обвинил Чэнь Дусю в правом уклоне за его отношение к гоминьдану. Но основоположником этого уклона был сам Мао Цзэдун.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

17. В интервале

В конце июля 1924 г. закончился IV Конгресс Коммунистического интернационала молодежи. Позади остались поездка в Китай, подготовительные работы к очередным конгрессам Коминтерна и Коминтерна молодежи, совещания, комиссии и т. п. Теперь можно было ехать в отпуск. Я подходил к «критическому» комсомольскому возрасту. По уставу предельный возраст пребывания в комсомоле был тогда установлен в 23 года. На основании устава я решил поставить вопрос об освобождении от работы в ИККИМ. Еще будучи на комсомольской работе в Ярославле, я поступил на экономический факультет Ярославского университета, сдал экзамены за первый и был переведен на второй курс. После этого меня назначили на работу в Дальневосточный секретариат Коминтерна. Возможность продолжения учебы тогда отпала. Наступило время, когда можно было поставить вопрос о продолжении образования. Я договорился об этом в соответствующих инстанциях и к осени 1924 г., когда начались приемные экзамены, был освобожден от работы в КИМ.

Однако с учебой ничего не получилось. Вместо этого я попал на работу в Управление Военно-Воздушных сил РККА и вскоре был назначен начальником и комиссаром редакционно-издательского отдела.

Только недавно закончилась гражданская война. Советский Союз был тогда единственной социалистической страной и находился в полном капиталистическом окружении. Надо было перевооружать Красную Армию. Одной из первых задач было

создание воздушного флота, военного и гражданского. У нас почти не было своей авиапромышленности, мало было самолетов. От времен первой мировой, а затем гражданской войны осталась лишь небольшая группа летчиков и механиков, перешедших после Октябрьской революции на сторону Советской власти.

Теперь надо было создавать воздушный флот почти на голом месте. Было выделено несколько заводов для самолетостроения, открыты специальные военноучебные заведения для подготовки летчиков и механиков, сооружались аэродромы, организованы научно-исследовательские центры и т. д. Требовалась литература: техническая, военная, учебная, пропагандистская. Нужно было привлечь молодежь в специальные учебные заведения, заинтересовать писателей и журналистов «воздушной» темой. Работа по изданию технической, военно-тактической, учебной и пропагандистской литературы была возложена на редакционноиздательский отдел Управления ВВС РККА.

Если раньше, в годы гражданской войны, в массы был брошен лозунг «пролетарий, на коня», то ныне лозунгом стал клич «пролетарий, на самолет». В. Маяковский теперь писал: «Буржуи лезут в яри на самый небий свод. Товарищ пролетарий, садись на самолет».

Как далека от китайского вопроса была на первый взгляд эта работа! Однако даже и здесь пришлось заниматься Китаем.

В начале 1925 г. Советское правительство решило организовать перелет наших самолетов по маршруту Москва — Пекин. В перелете приняли участие шесть самолетов: два «юнкерса» германского производства и четыре советских самолета различных типов (однако из наших самолетов только два имели моторы советского производства). Самолеты строились тогда частично из дерева, крылья покрывались парусиной, окрашенной масляной краской и поверх нее лаком.

Следует сказать, что полет в Пекин проходил по совершенно неизведанной трассе. Только европейская часть территории имела более или менее сносные посадочные площадки, в Сибири же надо было лететь тысячу километров над девственной тайгой, перелететь Байкал, горы, дальше пересечь всю Монголию, сделав остановку в Улан-Баторе, миновать пустыню Гоби и достичь Пекина.

Не было тогда современных аэропортов с ремонтными базами, ангарами, хорошо оборудованной навигационной службой, системой сигнализации и связи. Место посадки обозначалось кострами, разводившимися прямо на аэродромах.

Перелет был связан с большим риском для жизни летчиков и механиков. Считалось, что перелет вполне удастся, если до цели

долетят три-четыре самолета. Газеты отказывались посылать своих корреспондентов с этой воздушной экспедицией, ибо представители некоторых газет боялись принять участие в таком рискованном полете.

В перелете приняли участие опытные советские летчики: И. Н. Поляков, М. А. Волковойнов, М. М. Громов, Н. И. Найденов, А. И. Томашевский и А. Н. Ека-тов. Борт-механиками были: И. В Михеев, В. П. Камышев, Е. В. Родзевич, Ф. П. Маликов, В. П. Кузнецов и В. В. Осипов. Начальником перелета был назначен начальник и комиссар военно-воздушных учебных заведений РККА И. П. Шмидт. В самый последний момент выяснилось, что в перелете примут участие три корреспондента газет, в том числе доброволец Зинаида Рихтер, которая уже только в пути получила мандат от редакции «Известий».

Это был необыкновенный перелет, который привлек внимание всего народа. Без преувеличения можно сказать, что вся страна следила за ним так же, как в 1957 г. за первым искусственным спутником Земли, и недаром он вошел в историю нашей авиации под именем «Великий перелет Москва — Пекин». Когда героический экипаж экспедиции благополучно вернулся в Москву, в Большом театре состоялось торжественное заседание. В зале красовался огромный транспарант с надписью «Героям перелета Москва — Пекин привет от трудящихся масс».

Первоначальной целью перелета было испытание наших самолетов и моторов, а также пропаганда советского воздушного флота. Всюду на остановках на аэродромы стекались массы народа, не только горожан, но и крестьян, которые приезжали из далеких деревень посмотреть на самолеты и летчиков, послушать их речи и рассказы о диковинном и рискованном полете. Иностранные буржуазные газеты предвещали перелету полную неудачу, а когда он все же успешно завершился, то сообщалось об «обмане»: самолеты летели якобы не из Москвы, а из пограничного с Монголией города Троицкосавска.

События, развернувшиеся в это время в Китае, придали перелету политический характер. На японских текстильных фабриках в Китае развернулось стачечное движение. Рабочие требовали повышения заработной платы и улучшения условий труда. На одной из фабрик в Шанхае во время столкновения с рабочими японские надсмотрщики убили одного рабочего и ранили 30 других. Это вызвало негодование во всей стране и послужило непосредственной причиной нового бурного подъема антиимпериалистического движения.

30 мая 1925 г. в Шанхае состоялась демонстрация, организованная рабочими и студентами в знак протеста против

убийства японцами рабочих. Когда демонстрация проходила по территории иностранной концессии, английская полиция обстреляла демонстрантов. Было убито 16 человек, много было раненых. Кроме того, английская полиция арестовала 40 человек.

Расстрел демонстрации в Шанхае вызвал подлинную антиимпериалистическую бурю во всей стране. В знак протеста против расстрела в Шанхае забастовали 150 тыс. рабочих. Забастовки, митинги и демонстрации прокатились по всем городам.

Борьба китайских рабочих за свои права в условиях засилья иностранного империализма привела, таким образом, к новому подъему антиимпериалистического движения. Борьбу рабочих поддерживала теперь китайская буржуазия, особенно в приморских городах, где иностранный капитал вытеснял национальный из промышленности.

Антиимпериалистическое движение, вызванное событиями 30 мая, получило новый импульс после инцидента 23 июня 1925 г. в Кантоне. Здесь английские империалисты с территории своей концессии также обстреляли демонстрацию протеста. Было убито 52 и ранено 117 человек. В ответ на новый расстрел был объявлен бойкот английских товаров. Китайские рабочие забастовали, а затем покинули остров — колонию английского империализма — Гонконг. На Юге страны начался всеобщий бойкот этой английской колонии.

Таким образом, в середине 1925 г. по всему Китаю развернулось бурное антиимпериалистическое движение, которое охватило самые широкие массы народа: рабочих, студентов, торговцев, интеллигенцию. Застрельщиком был теперь рабочий класс.

В таких условиях перелет Москва — Пекин должен был продемонстрировать солидарность советских трудящихся с борющимся против иностранного империализма китайским народом, выразить чувства дружбы советских людей китайскому народу.

Перелет начался 10 июня 1925 г., т. е. через десять дней после событий 30 мая. Наши самолеты прибыли в Китай 9 июля, были задержаны властями в пограничной полосе и смогли поэтому опуститься на пекинском аэродроме только 13 июля. Это было спустя три недели после кантонского расстрела. Длительность перелета объяснялась тем, что тогда самолеты в ночное время не летали. Продолжительные митинги на каждой остановке и незначительные технические неполадки, которые ликвидировались на месте, также затягивали перелет.

Расстояние до Пекина составило 6566 км, на преодоление

которых было потрачено 49 часов 20 минут чистого летного времени. Средняя техническая скорость полета составила 137 км в час, или 166 км в сутки, если считать все время с остановками.

Из Пекина наши самолеты полетели в Кайфын, который находился в руках генерала Фын Юйсяна, заключившего в то время блок с гоминьданом, а затем в Шанхай — центр национально-революционного движения. Всюду, где останавливались наши самолеты, их встречали помимо официальных лиц делегации рабочих и студентов, которые несли транспаранты с приветствиями Советскому Союзу. На митингах и собраниях в Китае выступал начальник перелета И. П. Шмидт.

В Пекине он собрал группу рикш, возил их на советской автомашине по городу, а затем повел в кино и, несмотря на протесты администрации, сидел с ними на лучших местах, отведенных для иностранцев.

И. П. Шмидт, в прошлом рабочий, вступивший в партию в 1916 г., рассказывал нам немало забавных эпизодов из своего пребывания в Китае. Мы издали его брошюру о перелете, в которой он так описывает банкет, который был дан в честь советских летчиков в Кайфыне.

«Бесконечные банкеты с преобладающим присутствием мандаринов порядком нам надоели. К тому же недопустимо было и то, что многочисленные рабочие делегации, нас встречавшие, абсолютно не привлекались на эти банкеты. Торжества по поводу нашего перелета были целиком в руках администрации. Мы сказали дубаню, что хотели бы видеть на банкете не только администрацию, но и рабочих и общественные организации. Нам было обещано провести это на следующем банкете. В тот же день советник обратился к переводчику с вопросом:

Есть ли у нас в провинции какая-нибудь рабочая организация?

Это спрашивает революционный советник революционного губернатора.

Долго искали, наконец нашли рабочую организацию. Приглашают их на банкет в честь нашего прилета.

Банкет устроили грандиозный, музыка гремит. Человек 30 рабочих сидят в синей одежде, но загнали их к самой кухне, а все чиновничество сидит в стороне. Как увидели мы такую картину, то, конечно, про дипломатию сразу забыли. Какая тут может быть дипломатия— рабочие пришли нас встретить со знаменами, а их послали буквально в поварскую, а мы будем сидеть где-нибудь у черта на куличках на банкете. Конечно, мы передали губернатору, что мы очень рады, тронуты его вниманием, но все-таки мы хотели бы с рабочими вместе сидеть.

— Если это невозможно по вашим обычаям, тогда или разрешите мне с ними сесть, или если меня не пустите, то большинство моих товарищей все равно с ними сядут. Как угодно.

Словом, они посоветовались между собой, неудобно обидеть гостей — прием гостей у них очень высоко стоит. Взяли в середку всех тридцать человек. Стало тесно. Смотрим, вместо шелковых юбок и кофточек перед нами сидят -синие куртки [19]. Рабочие тотчас же хотели выступить против того, что дубань уволил одного рабочего, не дает прибавки и т. п. Много усилий понадобилось, чтобы они не выступали. Но обед закончили. Никогда не забуду братского прощания с рабочими по окончании банкета»[20].

Подъем национально-революционного движения в Китае поставил перед Коминтерном вопрос о помощи Коммунистической партии Китая в подготовке партийных кадров, пропагандистов, а также работников для революционного государственного аппарата. Решено было учредить в Москве Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена.

Сунь Ятсен умер 12 марта 1925 г. от рака. Накануне своей смерти, 11 марта, он обратился к правительству Советского Союза с посланием, в котором писал:

«Меня одолел неизлечимый недуг. Мысли мои обращены сейчас к вам, обращены к моей партии и к будущему моей страны.

Вы возглавляете Союз свободных республик. Этот Союз свободных республик есть то подлинное наследие, которое бессмертный Ленин оставил миру угнетенных народов. Опираясь на это наследие, народы, изнывающие под гнетом империализма, отстоят свою свободу и добьются освобождения от существующего в мире строя, издревле основанного на рабстве, войнах и своекорыстии.

Я оставляю после себя партию и надеюсь, что гоминьдан, завершая свою историческую работу по освобождению Китая и других павших жертвой агрессии государств от империалистического строя, объединит свои усилия с вами».

Это обращение к Советскому Союзу было не только завещанием гоминьдану, но и политической программой университета его имени в Москве.

Решено было, что студентами университета могут быть члены Коммунистической партии Китая, члены Коммунистического союза молодежи и члены гоминьдана, имеющие практический опыт в революционной работе.

Ректором университета был назначен К. Радек, а его

заместителем — Павел Миф, который до этого работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Мы все понимали, что П. Миф был политическим комиссаром при ректоре, который еще в 1923 г. стал одним из лидеров троцкистской оппозиции. П. Миф выполнял свою функцию с большим политическим тактом и обеспечил нормальный ход учебного процесса. В конце 1927 г. он был назначен ректором университета.

К работе в университете были привлечены прежде всего такие китаеведы, как профессор А. А. Иванов (Ивин), М. Г. Андреев, а также много экономистов, историков, философов, окончивших Институт красной профессуры в Москве. Уже сам состав преподавателей говорил о профиле университета, который ставил своей целью теоретическую подготовку китайской революционной молодежи. Следует отметить, что большинство обучавшихся в Университете имени Сунь Ятсена были до этого студентами китайских университетов.

Осенью 1925 г. начались занятия. Вскоре и я был привлечен к преподавательской работе в порядке совместительства с основной работой в Красной Армии.

Работал я на кафедре истории общественных формаций. Кафедрой был разработан очень интересный курс, который с большим вниманием слушали все студенты. В основе курса лежало учение К. Маркса и Ф. Энгельса о развитии человеческого общества от первобытной общины до наших дней. Каждая общественная формация анализировалась с точки зрения состояния и развития производительных сил, экономической и социальной структуры, классовых противоречий и закономерностей перехода одной формации в другую.

Самое главное, что в этом аспекте освещались не только все прошлые человеческие цивилизации, но и китайская история в особенности. Мы, преподаватели, знавшие так или иначе историю Древнего Востока, Греции и Рима, средневековую и новую историю Европы, засели теперь за изучение экономической истории Китая. Мы штудировали книги Марко Поло, лорда

Маккартнея, сочинения Бичурина, Кунова, Захарова, Георгиевского, К. А. Скачкова, мы изучали английские и немецкие работы по экономической и политической истории Китая, его аграрным отношениям и т. д. Все это делалось для того, чтобы иллюстрировать курс и китайскими примерами.

Заседания нашей кафедры выливались в оживленные научные дискуссии, на которые приходили преподаватели не только других кафедр, но и других московских университетов и институтов. Эти дискуссии порождали много интересных идей,

будили творческую мысль как преподавателей, так и студентов.

До сих пор я считаю, что специальный курс истории общественных формаций является необходимым введением во все общественные науки — историю, политическую экономию и философию.

Так прошел 1925/26 учебный год. Встал вопрос о новом наборе студентов на первый курс, о приобретении для университета китайской литературы, о связи с университетами в Китае и много других организационных и политических вопросов, которые можно было решить только на месте, в Китае. Так как было известно, что я «старый китаец», лично знаком с руководителями коммунистической партии, комсомола и гоминьдана, то вскоре последовало решение Коминтерна о моей командировке в Китай.

Я был демобилизован из армии и снова двинулся в дальний путь. Теперь кроме указанных поручений у меня была и своя чисто научная задача — сбор материалов по истории тайпинской революции, изучением которой я увлекся.

18. Снова в Шанхае

Я прибыл в Шанхай в конце августа 1926 г., когда гоминьдановская армия успешно продвигалась из Кантона на север, одерживая одну победу за другой. Со времени моего последнего пребывания в этом городе прошло немногим более двух лет, но за это время здесь произошли большие перемены. Город вырос, появилось много новых больших зданий, банков, отелей. На главной улице Нанкин-род стало тесно, беспрерывно раздавались велосипедные звонки и резкие звуки автомобильных клаксонов.

В 1842 г., после первой англо-китайской войны, англичане навязали Китаю так называемый Нанкинский договор, по которому небольшой расположенный вблизи моря город Шанхай был открыт для иностранной торговли, а для самих иностранцев был выделен в качестве концессии участок земли вдоль берега реки Хуанпу.

Незначительный некогда городок превратился теперь в большой город. Однако даже в 1926 г. там проживали только 25 тыс. иностранцев, из которых 15 тыс. были русские белогвардейцы. На иностранных концессиях Шанхая жили в то время сотни тысяч китайцев. Одних рикш было 60 тыс.

В это время здесь функционировала самая крупная в Азии биржа, которая диктовала всему миру — и Лондону, и Нью-Йорку — цены на серебро. Не говоря об иностранных, здесь было теперь 80 крупных китайских банков.

Океанские пароходы со всех концов мира приходили в этот порт, разгружались, вновь нагружались и снова отплывали в порты Европы, Америки, Азии и Австралии. Шанхайский порт занимал в 1926 г. третье место в мире по грузообороту.

Теперь вместо одетого в халат китайского купца здесь блистала новая, европеизированная китайская буржуазия. Она одевалась по-европейски в модно сшитые костюмы. Она построила для себя на иностранных концессиях Шанхая роскошные виллы с гаражами для дорогих автомашин. Богатые китаянки в сопровождении своих европеизированных поклонников появлялись в ресторанах и кинотеатрах, осыпанные бриллиантами и другими драгоценностями. Они причесывались по последней парижской моде, красили губы, подводили глаза, сидели за рулем автомобиля. В ˆчасов ночи китайские пары приезжали в английский отель «Мажестик», где пили дорогие европейские вина и танцевали фокстрот и чарльстон.

Появились и кинофильмы, рассчитанные на вкусы этой новой буржуазии. С большим успехом прошла, например, в Шанхае картина «Сыновняя почтительность».

Конфуцианская мораль требует беспрекословного подчинения детей родителям, которые обручают их с самого раннего возраста. Когда жених и невеста, друг друга никогда не видевшие, вырастают, они обязаны беспрекословно исполнить волю родителей. Это и есть одно из проявлений конфуцианской «сыновней почтительности к родителям». Фильм и открывается соответствующей цитатой из Конфуция.

Молодой китаец, окончивший за границей университет, возвращается на родину. На пароходе он знакомится с молодой европеизированной китаянкой, воспитывавшейся также в Европе. В пути завязывается роман. Они приезжают в Шанхай. Здесь любовь этой пары расцветает. Образ жизни ведется европейский — с файф о'клоками и вечерними фокстротами. Девица живет у своих родителей: европейский дом, европейская обстановка, рояль. Все же мать предлагает ей одеть китайское платье. Девица отказывается. Молодой китаец становится постоянным гостем в этом доме и скоро делает предложение. Все идет как по маслу, парочка счастлива, но вдруг герой получает письмо от отца с требованием немедленно приехать домой в деревню. Он понимает, в чем дело. Еще в детстве его обручили с соседкой, и сейчас он должен ехать, чтобы жениться на той, которую он даже не видел, которая никогда не выезжала из деревни, которая ходит в штанах и не танцует фокстрота.

Драма начинается: происходит борьба между фокстротом и Конфуцием. В этот момент гораздо интереснее смотреть на зрителей в зале, чем на экран. По лицам вы видите, что это личная драма каждого сидящего здесь китайца. К неудовольствию публики, побеждает Конфуций, и молодой европеизированный буржуа отправляется к отцу в далекую от Шанхая деревню. Герой оказался в старинной патриархальной богатой семье. Зрителям явно не нравятся закоснелый быт, нравы, обычаи. Они смеются не над героем, затянутым в смокинг, а над патриархальной семьей, строго придерживающейся китайских обычаев и конфуцианской морали. Приводят невесту — типичную, не тронутую европейской цивилизацией китаянку. Жених, влюбленный в шанхайскую героиню, не обращает на свою нареченную никакого внимания. Но Конфуций обязывает, и происходит бракосочетание. Конфуций победил европейскую фокстротную культуру. Зрители — иностранцы и европеизированные китайцы — явно недовольны. Но ведь кино рассчитано на эту публику — и драма еще не закончена. Молодая чета отправляется в путешествие, в город.

Там на едущую в коляске пару налетает автомобиль, и молодая жена погибает. Этот эпизод встречают с удовлетворением. Финал ясен. Герой, к всеобщему удовольствию, снова сходится с европеизированной китаянкой. И Конфуций не обижен, и европейская буржуазная культура торжествует. Такова была идеология новой китайской буржуазии. Довольны были и сидевшие в зале иностранцы.

Несколько месяцев спустя эта драма, виденная нами в кино, разыгралась на арене китайской революции.

Новая китайская буржуазия в Шанхае опиралась на новую производственную базу. Это были современные заводы и фабрики. Правда, большая их часть принадлежала иностранному капиталу, но и доля китайской буржуазии была немалой.

В Шанхае действовали тогда 250 заводов и фабрик, на которых работали 300 тыс. рабочих. Помимо них 150—200 тыс. человек были заняты на мелких фабриках, в мастерских, на транспорте, работали в качестве кули.

На 58 текстильных фабриках было 2 млн. веретен. Там работали 117 тыс. человек. 22 фабрики принадлежали китайским капиталистам, остальные — японцам и англичанам.

На 80 шелкоткацких фабриках, где полностью хозяйничал китайский капитал, были заняты 120 тыс. женщин и детей. На табачных фабриках, большая часть которых находилась в руках одной англо-американской компании, работали 25 тыс. рабочих. На спичечных фабриках, которыми владели китайские предприниматели, трудились около 10 тыс. человек. Помимо этого в Шанхае имелись машиностроительные заводы, железнодорожные мастерские и депо, мельницы, бумажные фабрики, доки и т. д.

Еще сильнее были позиции китайского капитала в торговле. За исключением нескольких крупных европейских магазинов, все остальная торговля — крупная, средняя и, конечно, мелкая — находилась в руках китайской буржуазии.

Особую роль в Шанхае, да и вообще в Китае, играл китайский посреднический капитал. Все операции по сбыту иностранных товаров и закупке китайского сырья совершались при посредстве китайских купцов. Их называли компрадорами. Компрадорская буржуазия была органически сращена с иностранным империализмом.

Положение китайских рабочих как на китайских, так и на иностранных фабриках и заводах было ужасным. Шервуд Эдди, международный секретарь Христианского союза молодых людей, которого никак нельзя было заподозрить в предвзятости и пристрастии, так описывал положение рабочих на шанхайских

текстильных фабриках: «Ранним утром мы посетили современную хлопчатобумажную фабрику, находящуюся под управлением иностранцев. Мальчики и девочки от 7 до 12 лет работают здесь в дневных и ночных сменах, получая за это по 8 центов в день. Рядом с ними работают их матери, которые получают заработную плату чуть больше, чем дети. Тут же время от времени нам попадались на глаза маленькие дети. Они или спали на кучах брака, или играли около тех самых машин, на которых их матери работали всю ночь напролет».

Тот же Шервуд Эдди описывал жилищные условия шанхайских рабочих: «Мы посетили одну комнату, размером в 10 квадратных футов, где живет десять человек; половина спит во время ночной смены, другая половина — во время дневной. В комнате нет ни печи, ни вытяжной трубы. Огонь разводится прямо на земляном полу под железным котлом, в котором семья готовит себе пищу». Эти описания почти дословно совпадают с отчетами английских фабричных инспекторов, на которые ссылается К- Маркс в «Капитале». Разница заключалась лишь в том, что в Англии это происходило в начале XIX в., а в Китае — в первой четверти XX столетия.

Шанхайские рабочие самоотверженно боролись за улучшение своего положения. Это были далеко не чисто экономические стачки. Так как большинство фабрик и заводов принадлежало иностранному капиталу, главным образом английскому и японскому, то каждая стачка превращалась в антиимпериалистическое выступление.

Вспоминаются августовские и сентябрьские дни 1926 г. На японском пароходе администратор убил китайского рабочего. В ответ на это была объявлена забастовка на всех японских текстильных фабриках в Шанхае. Полиция, которая находилась в руках англичан, повела борьбу с забастовщиками. Тогда немедленно забастовала самая крупная английская текстильная фабрика «Ewo». Остановились и другие английские предприятия. Постепенно стачки стали перебрасываться из одной отрасли иностранной промышленности в другую. Чем быстрее продвигалась Национально-революционная армия на север, тем сильнее развивалось рабочее движение, пока в один прекрасный день английская газета с тревогой не сообщила, что Шанхай находится накануне всеобщей забастовки. Начались аресты. Рабочие организовывали боевые дружины — рабочие пикеты.

Это было уже в первые дни сентября. Близилось 7 сентября, день национального позора, день 25-летия подписания протокола, по которому империалистические державы наложили на Китай огромную контрибуцию после подавления ими так называемого

боксерского восстания.

Совет профессиональных союзов дал директиву не выступать в этот день, беречь силы для того момента, когда Национально-революционная армия подойдет к Шанхаю. Однако часть рабочих все же выступила вместе со студентами.

Улицы Шанхая в этот день напоминали боевые позиции. На Нанкин-род у каждого квартала стояли крупные наряды английской полиции с пулеметами. По городу разъезжали броневики иностранного волонтерского корпуса. Несмотря на это, на улицах все время шли летучие митинги, разбрасывали прокламации антиимпериалистического содержания. Боясь повторения 30 мая, полиция не открывала огня, но, угрожая оружием, разгоняла собравшихся. Разогнанные в одном месте, они немедленно собирались в другом. Митинги происходили в стороне от широких улиц (подальше от пулеметов), у дверей китайских лавок. В дверях на скамейке стоял студент, произносивший до исступления зажигательную речь. Как только появлялся полицейский патруль, студент прятался в лавке, а толпа расходилась, чтобы через несколько минут собраться в другом квартале, у другой лавки.

Несмотря на директиву профсоюзов не выступать, несмотря на то, что город был фактически на военном положении, рабочие все же провели 10-тысячный антиимпериалистический митинг.

В отличие от прежних лет, когда антиимпериалистическое движение возглавлялось студентами, теперь в Шанхае во главе движения стояли рабочие. Переломным моментом в этом отношении явились события 30 мая 1925 г. С тех пор национально-освободительное движение превратилось здесь в подлинную революционную антиимпериалистическую борьбу, возглавлявшуюся рабочими союзами. Это было то новое, что бросалось в глаза в Шанхае 1926 года. Оно проявлялось во всем, даже в поведении иностранцев.

Как-то мы выходили из кино и столкнулись с обычной для прежнего Шанхая сценой. Какой-то англичанин ударил по лицу рикшу. Новым было то, что англичанина окружили иностранцы и устроили ему скандал. «Вы забыли тридцатое мая!» — вот что они говорили ему.

В памяти иностранцев кошмаром стояли кровавые события 30 мая. После них иностранные империалисты поняли наконец, что продолжение старой политики, грубые издевательства и расстрелы стали опасными. Под напором рабочего движения и все более и более растущего политического самосознания масс иностранный империализм вынужден был в условиях национально-революционного подъема отказаться от старых

приемов своего господства. Они боялись теперь трогать китайцев. Тронь — и Шанхай окажется перед угрозой «30 мая».

Еще недавно у входа в шанхайские парки висели таблички «Вход китайцам запрещен». Их сняли и заменили новыми — «Китайцы допускаются в европейском платье», это была уступка китайской буржуазии и интеллигенции. Но теперь шанхайский кули решил, что после 16-часового рабочего дня, при грошовой заработной плате можно выспаться, за неимением квартиры, на скамейке парка. Явочным порядком кули забирались туда ночевать или отдыхать. На пристани в Шанхае тоже стояли скамейки, но «только для иностранцев». После 30 мая кули решили использовать для отдыха и эти скамейки. В английских газетах, выходивших в Шанхае, печатались такие, например, письма в редакцию: «Уважаемый редактор! Шел по парку с женой и краснел, не мог смотреть жене в глаза, ибо на скамейках лежали кули». Газеты занялись обсуждением вопроса: как поступить? Русские белогвардейцы дали совет: взимать плату при входе в парк, а за плату пускать всех. Денег у кули нет, и в парки они поэтому не пойдут. И этого решили пока не делать. Лишь когда стихла волна рабочего движения, полицейские снова отважились не пропускать в парки китайских рабочих.

События 30 мая всколыхнули весь рабочий класс, широкие народные массы. Они послужили началом событий, которые вошли в историю как революция 1925—1927 гг.

Положение в Шанхае отражало общую обстановку в стране, которая характеризовалась наступлением Национально-революционной армии. Державы декларировали, что будут соблюдать строгий нейтралитет, однако Англия и США высадили свои войска в Шанхае «для защиты жизни и имущества иностранцев», а иностранные власти заявили, что они не допустят никаких революционных демонстраций на территории сеттльмента.

Китайский город с прилегающими к нему районами находился в руках реакционного генерала Сунь Чуаньфана, который пока не примкнул ни к одной из борющихся сторон. Тогда он колебался: выступить за или против Чан Кайши, с которым он был связан узами личной дружбы еще с тех пор, как они вместе учились в японской военной академии. Однако под воздействием иностранных держав Сунь Чуаньфан все более склонялся на сторону противников гоминьдана, а затем открыто выступил против наступавшей кантонской армии.

Объявив нейтралитет, иностранные власти в Шанхае заключили соглашение с Сунь Чуаньфаном и разрешили ему перебрасывать свои воинские части из одного китайского района

в другой через территорию иностранного сеттльмента. Почта на иностранном сеттльменте перлюстрировала всю корреспонденцию и в политически «подозрительных» случаях осведомляла тайную полицию китайского города.

Мне пришлось посетить в это время одного известного китайского профессора, человека, пользовавшегося большим уважением и среди иностранцев. Он жил на французской концессии. Было уже поздно, часов одиннадцать вечера. Вдруг кто-то стал настойчиво стучать в дверь. Это прибежали студенты с митинга протеста и сообщили, что французская полиция при помощи 70 китайских шпионов арестовала всех участников митинга. Большинство было тут же отпущено, но организаторы задержаны и не выпускались французской полицией до внесения залога. Старик профессор тотчас же поспешил в город и через полчаса принес требуемую французской полицией сумму. Ожидавшие его возвращения студенты с негодованием рассказывали мне, что 70 китайских шпионов служат не во французской полиции, а в суньчуаньфановской и что по соглашению с французской и английской полицией они допущены для «работы» на иностранных концессиях. Таков был «строгий нейтралитет» империалистических держав.

В этой напряженной обстановке я встречался с самыми разнообразными людьми: не только с руководством коммунистической партии и Коммунистического союза молодежи, которое по-прежнему находилось в Шанхае, с представителями Коминтерна, но и с шанхайским центром гоминьдана, с профессорами Шанхайского университета, со студентами и т. д.

Между тем английская секретная полиция в иностранной части Шанхая усилила слежку за советскими людьми, занималась провокациями, вела тщательное наблюдение за советским консульством. Начальником английской тайной полиции в Шанхае был некий Гивенс, изучивший русский язык. К его услугам были многочисленные русские белогвардейцы, готовые пойти на любую антисоветскую акцию.

Я жил в доме добропорядочного буржуа. В большой трехэтажной квартире было слишком много китайских слуг: поваров, боев — отдельно для чистки обуви, отдельно — для чистки одежды, уборщиков, посыльных и т. д. Труд их был дешев, поэтому буржуа на слугах не экономили. Говорили, что среди них полиция имеет своих осведомителей. Однако никаких неприятностей по этой причине у меня не возникало. Хозяин квартиры был человеком, который никогда не интересовался, чем я занимаюсь, где провожу время, почему так поздно возвращаюсь.

Квартира не внушала никаких опасений. Я был спокоен.

Жил я в Шанхае уже дней 10—15 и как-то днем возвращался домой. Я был уже недалеко от того места, где нужно было свернуть на улицу, на которой находилась моя квартира. Вдруг из стоящего у тротуара автомобиля выскочил человек, схватил меня за руку и втащил в машину. Сам он сел за руль, и мы помчались вперед. Я сразу же его узнал. Это был сотрудник нашего консульства И. В. Мильграм. Насколько я мог понять, он занимался предотвращением антисоветских акций белогвардейцев против нашего консульства и немногочисленной группы советских граждан, проживавших в Шанхае. Мильграм сообщил мне, что только что Гивенс подписал ордер на мой арест. Поводом для этого послужила вышедшая в Москве незадолго до отъезда в Китай моя книга «В рядах китайской революции».

Оказывается, не успел Гивенс подписать ордер, как

об этом уже стало известно Мильграму. Он позвонил по телефону ко мне домой, узнал, что меня нет, и, предполагая, что я должен вернуться к обеду, решил перехватить меня на улице, ибо полиция могла в любой момент явиться на квартиру. Было очевидно, что полиции стало известно о моем пребывании в Шанхае от какого-то студента-гоминьдановца, желавшего поехать учиться в Университет имени Сунь Ятсена. Много таких студентов обращалось ко мне с просьбами направить их для этой цели в Москву.

И. В. Мильграм отвез меня в какой-то дом, провел в мансарду, рекомендовав не выходить оттуда. До этого случая я его, по существу, не знал. Как-то в консульстве нас познакомили, но больше мы не встречались. Не знал, кто он, когда приехал в Шанхай. И даже теперь не задавал ему таких вопросов.

Лишь спустя шесть лет я встретил его в Москве в Институте красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики, где я тогда учился. Я был уже на третьем курсе, когда однажды в коридоре столкнулся лицом к лицу с Мильграмом. Встреча была неожиданной, ведь я никак не мог предполагать, что увижу его здесь. И вот тогда я узнал необыкновенную биографию этого человека.

И. В. Мильграм был членом ВКП(б) с 1916 г. Его партийный стаж исчислялся с момента ареста за участие в антивоенной демонстрации спартаковцев в Берлине, на Потсдамской площади 1 мая 1916 г.

Родился он в 1896 г. в Калите на территории Российской империи недалеко от русско-германской границы (ныне Польская Народная Республика). Следовательно, когда он спасал меня от

ареста в Шанхае, ему было 30 лет, но он уже успел прожить такую жизнь, которой другому хватило бы лет на пятьдесят. Отец его был рабочим, а затем мастером на кружевной фабрике, и сын с десяти лет уже работал там же сперва подручным, а потом в слесарной мастерской. В 1913 г. И. В. Мильграм уехал в Германию, где был рабочим сперва на угольной шахте в Саксонии, а затем на одном из заводов Круппа в Рурской области. Там вступил в Социал-демократическую партию Германии. Перед началом первой империалистической войны он вернулся в Россию, но после оккупации немцами Варшавы снова пробрался в Германию, где работал слесарем на берлинской городской железной дороге. После ареста за участие в первомайской демонстрации и нескольких месяцев пребывания в тюрьме был отправлен на принудительные работы на один из заводов Круппа. Оттуда бежал в Голландию, где примкнул к группе левых, руководимых Паннекуком, Гортером и Роланд-Гольст. После Октябрьской революции в России за просоветскую деятельность в Голландии был арестован в 1918 г. и просидел девять месяцев в тюрьме. Затем попал в Бельгию, где вступил в Коммунистическую партию Бельгии. Лишь летом 1920 г. И. В. Мильграм смог, наконец, приехать в Советскую Россию, там сразу же пошел добровольцем в Красную Армию и был отправлен на польский фронт. Служил в военной разведке в тылу у белополя-ков. В декабре 1920 г. И. В. Мильграм вернулся в Москву, где работал некоторое время в Народном комиссариате иностранных дел. После этого учился на рабфаке, а затем в 1925 г. был командирован в Шанхай. Там я с ним и познакомился.

После возвращения из-за границы И. В, Мильграм работал в Минске, где на XII съезде Коммунистической партии Белоруссии был избран членом Центральной контрольной комиссии. Здесь с большим трудом он добился отпуска для продолжения образования, поступил в 1930 г. на подготовительное отделение, а затем в сентябре 1932 г.— в Институт красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики, где мы снова встретились.

Мы вспоминали теперь нашу шанхайскую эпопею. 10—12 дней прятал меня И. В. Мильграм в получер-дачном помещении, заботился о моем пропитании, а затем, как говорится, в один прекрасный день явился ко мне, отвез на своей машине на шанхайскую пристань и посадил на пароход, отплывавший в Кантон (без захода в Гонконг).

Чувство благодарности к И. В. Мильграму сохранилось у меня на всю жизнь. До сих пор стоит перед глазами образ этого мужественного и отважного человека.

19. Кантон в дни Северного похода

Пароход причалил к пристани Кантона. Прошло только четыре года с тех пор, как после контрреволюционного переворота Чэнь Цзюнмина я покинул этот город. Много перемен произошло в нем за это короткое время. Кантон трудно было узнать.

Еще в 1921 г. Сунь Ятсен начал реализацию своего плана реконструкции города. Его стараниями была проложена автомобильная дорога из Кантона в ближайшую деревню. Это была первая широкая магистраль. Сейчас в городе было уже несколько таких улиц, освещенных электричеством, увеличилось число многоэтажных домов. Кантон из старинного китайского города с узенькими улочками превращался в город современный. Не было трамвая, но о нем уже говорили. Пока же. по городу сновали небольшие автобусы.

Там, где прокладывалась новая улица, сразу же открывалось автобусное движение.

Пока решался вопрос о квартире, я остановился на несколько дней у М. М. Бородина. Двухэтажный дом, в котором он жил и работал, находился в Дуншане. Первый этаж был занят служебными комнатами советников, переводчиков, технических сотрудников. Наверху помещалась квартира, в которой Бородин жил со своей семьей. Тут же были приемные комнаты.

Дом М. Бородина представлял собою подлинный штаб. Сюда приезжали министры кантонского правительства, члены ЦИК гоминьдана, китайские коммунисты. Долго здесь не задерживались. Переговорив с кем нужно, уходили. Приходили новые люди, и так с утра до позднего вечера в этом доме шло беспрерывное движение.'Жена Бородина с трудом извлекала мужа на обед.

Здесь я встретился с Хо Ши Мином, с которым познакомился еще в Москве. Мы жили тогда на одном этаже в гостинице «Люкс» (ныне — «Центральная»). Некоторое время Хо Ши Мин работал в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), где занимался, в частности, коммунистическим движением молодежи в Китае. В 1924 г. Хо Ши Мин был делегатом V Конгресса Коммунистического Интернационала (входил в состав французской делегации). Индокитай был тогда французской колонией, и Хо Ши Мин приехал теперь в Кантон, поближе к своей родине, для работы по созданию индокитайской коммунистической партии.

Встретился я здесь и со своим старым другом Чжан Тайлэем. Мы вспоминали о начале его революционной деятельности, когда он был студентом юридического факультета тяньцзиньского университета.

В 1920 г. в Китай приехал, известный английский философ Бертран Рассел, который читал там лекции в университетах. Его взгляды отражали концепцию так называемого «кооперативного социализма», одной из разновидностей реформизма. На фоне тогдашней китайской действительности лекции Рассела звучали довольно радикально, тем более что он выражал в них и симпатии к Советской России. Однако главным содержанием его выступлений была пропаганда реформизма. Он говорил, например, что не пролетариат, а интеллигенция должна возглавить переустройство общества. Будучи противником революции, он проповедовал мирный переход к социализму.

На одной из этих лекций с критикой Рассела выступил Чжан Тайлэй. К тому времени он успел уже изучить тогда единственное переведенное на китайский язык сочинение К. Маркса и Ф. Энгельса — Коммунистический манифест — и объединить вокруг себя революционную часть тянцзиньского студенчества. Выше я уже рассказывал о его дальнейшей революционной деятельности. Это был один из первых организаторов Социалистического союза молодежи в Китае, один из первых китайских коммунистов, до мозга костей интернационалист. Спустя примерно год после этой встречи, в мае 1927 г., Чжан Тайлэй был избран в состав политбюро ЦК Коммунистической партии Китая.

Вспоминая теперь его рассказы о полемике с Бертраном Расселом, нельзя было пройти мимо того факта, что не только Расселу, но и ни одной реформистской социалистической партии в Европе не удалось в те годы найти своих приверженцев в Китае и объединить их в особую социал-демократическую партию.

В ставке М. Бородина работала группа советских политических советников. Здесь был О. Тарханов, которого я знал по работе в РКСМ, а затем в ИККИМ. Он познакомил меня с молодым советским синологом Е. Иолком, М. Волиным, с Н. Калачевым. Тут были и советник кантонского правительства по финансовым вопросам В. М. Штейн и его помощник М. Е. Шасс. Тут же я встретился с В. В. Вишняковой.

Военные советники — В. Акимов, И. Зенек, И. Зиль-берт, Н. Кончиц, М. Куманин, Ф. Мацейлик, В. Рогачев, Е. Тесленко, А. Черепанов и другие — находились вместе с В. К. Блюхером на севере, в войсках Национально-революционной армии.

\0. Тарханов и Е. Иол к издавали здесь печатавшийся на пишущей машинке журнал «Кантон», в котором публиковались

ценные материалы по экономическим и политическим проблемам китайской революции.

Жена М. Бородина Фаня Семеновна собирала у себя жен руководящих деятелей гоминьдана. В ее «салоне» я вновь встретился с Сун Цинлин, познакомился с ее сестрой Сун Мэйлин, теперь женой Чан Кайши, породнившегося таким образом с семьей Сунь Ятсена. Здесь я встретился с Хэ Сяннин, вдовой Ляо Чжункая.

М. М. Бородин находился в Кантоне уже три года. Он проделал здесь огромную работу и пользовался большим авторитетом и влиянием. Его любили и уважали даже те, кто не всегда согласен был с его точкой зрения по тому или иному вопросу. Человек с большим тактом, интересный собеседник, располагавший к себе одним своим видом, он изучил стиль и манеры гоминьдановских руководителей, их взаимоотношения, китайские церемонии и дипломатию. За отдельными исключениями все эти люди были словно в масках: всегда спокойны, не повышали голоса, всегда улыбались и учтиво кланялись. Но у них была особая символика, которой выражалось отношение к тому или иному событию, предложению, к тому или иному человеку. В этих чисто китайских условностях М. Бородин уже разбирался.

Сунь Ятсен был человеком другого склада, чем его коллеги. Как истый революционер, он не скрывал своего отношения к людям, к событиям. Вспоминается его письмо к Чан Кайши, написанное в 1924 г. вскоре после окончания съезда гоминьдана. Сунь Ятсен писал: «Сегодняшнюю революцию мы должны провести, как в России. Ху Ханьмин потерял веру в революцию и не должен поэтому вступать в партию... Ван Цзин-вэй тоже не революционер; если он в партию не вступит, то не беда. Мы должны учиться у России, иначе наша народная партия не сможет провести революцию».

Сунь Ятсен подружился с М. Бородиным. Вместе они разрабатывали план реорганизации гоминьдана. Этой дружбой в значительной степени объяснялся авторитет и влияние М. Бородина в гоминьдане и правительстве.

В последние годы жизни Сунь Ятсена гоминьдан становился на путь антиимпериалистической буржуазно-демократической революции. На основе новой программы сплачивались силы единого фронта рабочих, крестьян, интеллигенции, мелкой буржуазии. Однако партия была неоднородной. Как я уже рассказывал, еще в 1922 г. Сунь Ятсен говорил мне, что в его окружении много врагов Советской России и противников коммунизма. При таком положении ничего удивительного не

было в том, что превращение гоминьдана в революционную партию единого фронта одновременно вызвало и консолидацию правого крыла партии, объединившего буржуазные элементы и крупных земельных собственников, которые с самого начала были противниками единого революционного фронта с коммунистической партией.

После смерти Сунь Ятсена в 1925 г. подталкиваемые английским империализмом реакционные силы предприняли несколько попыток свергнуть революционную власть в Кантоне. Она тогда, по существу, возглавлялась революционным демократом Ляо Чжун-каем, про которого М. Бородин говорил мне, что это был подлинный якобинец китайской буржуазно^демо-кратической революции.

Формально после смерти Сунь Ятсена правительство возглавил Ван Цзинвэй, которому, как это видно из приведенного только что письма, Сунь Ятсен уже не доверял. Не Ван Цзинвэй, а Ляо Чжункай был подлинным вождем реорганизованного на революционных началах гоминьдана. Его знали народные массы.

Весь 1925 год прошел в борьбе за очищение провинции Гуандун от реакционных сил. Это удалось осуществить благодаря тому, что правительство опиралось на народные массы, на союз с коммунистической партией.

Победа над реакционными силами в Гуандуне была одержана в обстановке подъема антиимпериалистического национально-революционного движения, вызванного событиями 30 мая в Шанхае и 23 июня

1925 г. в Кантоне. Однако кантонской реакции удалось вскоре после этого нанести удар революционным силам. Был убит Ляо Чжункай.

В Кантоне упорно говорили, что к убийству Ляо Чжункая был причастен правый гоминьдановец Ху Ханьмин, который до событий 20 марта 1926 г. был главнокомандующим гоминьдановской армии в Гуандуне.

Убийство Ляо Чжункая усилило позиции правых и ослабило положение Ван Цзинвэя, которого в прошлом поддерживал Ляо Чжункай. Отсюда у Ван Цзинвэя создалась репутация левого в гоминьдане.

20 марта 1926 г. Чан Кайши, тогда начальник гоминьдановской военной академии Вампу близ Кантона, совершил переворот и устранил правительство Ван Цзинвэя. Чтобы завуалировать подлинную природу переворота, Чан Кайши дал шлепок по ультраправому крылу гоминьдана, но всеми силами набросился на левых гоминьдановцев и коммунистов, стремясь расколоть рабочее движение. Бывший бандит Ли

Фулинь, командир 5-го корпуса Национально-революционной армии «охранял порядок» в деревне и старался разогнать крестьянские союзы.

ЦК КПК направил тогда в Кантон для переговоров с Чан Кайши члена ЦК Чжан Готао, который пытался «устранить недоразумение». Тем не менее Чан Кайши удалил из 1-й армии, находившейся под его личной командой, из военной академии Вампу, начальником которой был он сам, а также из аппарата ЦИК гоминьдана ряд коммунистов, занимавших ответственные посты, в том числе и Мао Цзэдуна, до событий 20 марта заведовавшего отделом пропаганды в ЦИК гоминьдана. В результате переговоров Чан Кайши все же согласился вернуть оружие рабочим пикетам гонконгского стачечного комитета, но в академии Вампу поступил более хитро: он распустил не только Союз молодых офицеров, руководимый коммунистами, но и существовавшее там махрово правое «Общество Сунь Ятсена».

Переворот 20 марта произошел в обстановке подъема антиимпериалистического движения, в обстановке бойкота Гонконга, во время подготовки Северного похода, успех которого был возможен лишь при поддержке со стороны народных масс, и особенно крестьянства. В этих условиях Чан Кайши вынужден был поддерживать бойкот Гонконга и произносить антиимпериалистические речи. Он оказался не в состоянии одним ударом расправиться с рабочим и крестьянским движением, разгромить левых гоминьданов-

Кантон. Штаб рабочих пикетов

дев и коммунистов. Поэтому переворот 20 марта

1926 г. не был доведен им до конца. Это обстоятельство многим тогда помешало разглядеть истинную сущность событий.

Когда осенью 1926 г. я приехал в Кантон, о перевороте 20 марта почти не говорили. Всюду царил подъем в связи с победами на фронте. Коммунистическая партия проводила большую работу в народных массах. Ежедневно в закрытых помещениях и на улицах проходили митинги. Издано было много популярной революционной литературы. Листовки и плакаты были расклеены повсюду, даже в самых глухих закоулках. Политическая жизнь била ключом. Улицы Кантона всегда были запружены: то демонстрацией забастовщиков, то манифестацией в честь побед Национально-революционной армии, то демонстрацией торговцев, то уличными митингами. Все это двигалось лавиной расцвеченной синими гоминьдановскими флагами, красными государственными знаменами и белыми транспарантами и лозунгами.

Власть в Кантоне в те дни находилась под воздействием революционной улицы. Вопросы здесь порой

разрешались не декретами, а уличными стычками борющихся сторон. ЦИК гоминьдана и правительство превратились в какую-то арбитражную комиссию. У ворот ЦИК гоминьдана вечно толпились то рабочие, то торговцы, но больше, конечно, рабочие.

Вот идет демонстрация купцов. Чистые, толстые, приглаженные, принаряженные, с государственными флагами и гоминьдановскими знаменами впереди, они идут в ЦИК гоминьдана с петицией: подавить бандитское движение в деревнях. Часть разорившихся крестьян превратилась в бандитов. Купцы жалуются на грабежи и невозможность торговать в дальних уездах и деревнях.

Вот под тем же гоминьдановским знаменем марширует корпус рабочих пикетов. Впереди трубач ровняет музыкой шаг пикетчиков. Они одеты в военную форму, на фуражках — гоминьдановская сине-белая звезда, в руках — винтовки. Они идут к забастовавшим рабочим помочь им победить несдающихся предпринимателей.

Бойкот Гонконга проводили рабочие пикеты. Официально бойкот был отменен, но массы все еще продолжали борьбу. Поэтому пароход, на котором я ехал из Шанхая, в Гонконг не зашел, проплыл мимо него и вошел прямо в устье реки Чжуцзян. Продолжали бойкот после его официального прекращения и в Сватоу. Председатель сватоуского рабочего союза сказал нам, что отмена забастовки означает усиление, а не ослабление борьбы против англичан. До сих пор бойкот контролировался рабочими

пикетами, которые не допускали ни погрузки товаров на английские пароходы, ни торговли с англичанами. Теперь, говорил он, рабочие пикеты снимем, но обратимся с призывом к рабочим, купцам, ко всем жителям: пусть без всяких пикетов рабочий сам не работает на англичан, пусть купец сам не ведет дел с англичанами, пусть обыватель сам не покупает английских товаров. Вместо пикетов пусть сама масса проводит бойкот. Так расценили в Сватоу распоряжение о снятии пикетов.

Даже в Кантоне прекращение бойкота проходило далеко не гладко. Министром иностранных дел кантонского правительства был теперь Чэнь Южэнь, через которого поддерживалась моя связь с Сунь Ят-соном в 1922 г. во время переворота Чэнь Цзюнмина. После официального прекращения бойкота Гонконга в кантонских газетах появилось интервью с Чэнь Южэ-нем, в котором он заявил, что это решение есть поворот в политике национального правительства в сторону установления нормальных, дружественных отношений с Англией. Интервью было напечатано и в английских газетах в Гонконге. Журналист-интервьюер, зная, что бойкот проводили рабочие, сказал Чэнь Южэню, что он не сомневается в благих намерениях правительства, но не верит в столь же благие намерения рабочих, от которых зависит прекращение бойкота. На это Чэнь Южэнь.якобы ответил, что если рабочие будут противиться прекращению бойкота, то их заставят подчиниться силой.

Когда кантонские рабочие узнали об этом интервью, в городе начались волнения. 16 месяцев бастующие рабочие Гонконга вместе с кантонскими рабочими были в авангарде антиимпериалистической борьбы. 16 месяцев рабочие блокировали Гонконг, а теперь правительство угрожало им применением силы. Интервью сразу же вызвало демонстрации протеста. Оно так взволновало массы, что Чэнь Южэнь дал в газеты опровержение, в котором отрицал свою угрозу по адресу рабочих. Но это не внесло успокоения. Рабочие потребовали открытого заявления правительства о том, что прекращение бойкота не является переменой политики по отношению к английским империалистам. И только тогда, когда Чэнь Южэнь вторично выступил с опровержением, заявив, что интервью ложно,— только тогда рабочие успокоились.

Больше всего в Кантоне 1926 г. поражали беспрерывные забастовки. Рабочие разгромили отряды контрреволюционных компрадоров, отряды, которые получили тогда ироническое и презрительное название «бумажные тигры». Они помогли гоминьдану справиться с контрреволюцией в те дни, когда власть этой партии в Кантоне висела на волоске. Рабочие были самым

верным оплотом правительства при проведении революционных мероприятий; многие из них вступили в гоминьдан. Борясь против иностранного империализма, за власть гоминьдана, они вместе с тем хотели улучшить свое положение.

За последние десять лет и без того нищенская реальная заработная плата упала в среднем на 10%; были профессии, у которых падение составило 35%. Вот почему, как только национальное правительство укрепилось и опасность контрреволюции уменьшилась, рабочие начали борьбу за улучшение своего положения. Следует учесть, что за ничтожную заработную плату рабочим приходилось работать от 11 до 15 часов в день; не все рабочие имели еженедельный отдых; ученики работали от зари до поздней ночи даром, получая от хозяев лишь скудное питание. Левые в гоминьдане им сочувствовали, но провести повышение зарплаты законодательным путем было невозможно: буржуазия такому закону не подчинилась бы. Вопрос решался поэтому стачечной борьбой. Не было ни одного дня в Кантоне без забастовок.

Когда готовился Северный поход, ЦИК гоминьдана обратился к рабочим со специальным воззванием, в котором говорилось:

«Дорогие рабочие! Вы самые несчастные и угнетенные существа на свете. Подумайте и еще раз подумайте: разве национальное правительство не является вашим правительством? Разве Национально-революционная армия, на которую возложены задачи очищения страны от милитаризма и иностранного империализма, разве она не борется за ваше освобождение? Мы надеемся, что вы глубоко задумаетесь, прежде чем начать те забастовки, которые будут неприятны правительству... Пусть в одной цели объединятся все угнетенные: рабочие, крестьяне, купцы, студенты и солдаты... Пусть не будет между вами разногласий и вражды. Товарищи-рабочие, вы — авангард национальной революции, помните, что Северный поход — единственный путь к вашему освобождению. Становитесь под знамя „белого солнца на голубом небе“, чтобы единодушно поддержать Северный поход!»

Все своеобразие положения заключалось в том, что гоминьдан и правительство Чан Кайши, обращаясь к рабочим с призывом о поддержке, ничего не делали, чтобы в законодательном порядке хотя бы в минимальном размере регламентировать условия наемного труда, принять какое-то рабочее законодательство: установить продолжительность рабочего дня, ограни-чить применение детского труда и определить условия женского труда, узаконить права профессиональных союзов. Такое куцее рабочее законодательство

было установлено в капиталистических странах Европы еще в середине XIX в. Совершенно очевидно, что буржуазно-демократическая революция в Китае в XX столетии должна была так или иначе решить рабочий вопрос, дать что-то конкретно рабочему классу, улучшить его положение. То же самое касается крестьянского вопроса, и прежде всего условий аренды. Ничего этого не было сделано гоминьданом и правительством Чан Кайши в законодательном порядке. При таком положении создание единого национальнореволюционного антиимпериалистического фронта неминуемо должно было сопровождаться обострением классовой борьбы в городе и деревне, а коммунистическая партия должна была в этой борьбе выступать вместе с рабочими и крестьянами. Что касается гоминьдана, то, обращаясь к рабочим с призывами о поддержке, правительство одновременно угрожало подавить силой борьбу рабочих и крестьян.

Кантонские рабочие откликнулись на призывы гоминьдана. Они вступали в Национально-революционную армию в качестве солдат или военных носильщиков-кули, без которых она не могла продвигаться. Однако вместе с призывом к классовому миру во имя победы Северного похода был издан и приказ о военном положении, девятый пункт которого запрещал собрания и забастовки как препятствующие военным операциям.

Ничего с этим приказом, конечно, не получилось. Рабочие не прекратили стачечной борьбы с капиталистами, ибо не могла, например, кантонская чулоч-ница жить на зарплату в два юаня в месяц. Когда же рабочим арсенала пригрозили локаутом, если забастовка не будет прекращена, они под гоминьданов-скими знаменами пришли в ЦИК гоминьдана и заявили, что в случае локаута будет объявлена всеобщая забастовка. После этого власти не решились пойти на такую меру в борьбе против рабочих.

Кантонский рабочий бастовал, не слушая речей о классовом мире,— не потому, что он был против гоминьдана, а потому, что он хотел быстрого и после-дователы-юго проведения в жизнь гоминьдановской программы, исполнения гоминьданом его широковещательных деклараций.

Но среди многочисленных стачек были и такие, которые заставляли задуматься, которые озадачивали. Я говорил уже о реконструкции Кантона, начатой еще Сунь Ятсеном. Сносились одноэтажные дома, прокладывались и асфальтировались широкие улицы, муниципалитет закупил автобусы и организовал автобусное движение в городе. Но это вызвало сопротивление со стороны рикш.

Рикши в Кантоне были хорошо организованы. Как-то полицейский по старой памяти ударил палкой одного возницу.

На другой день забастовали все кантонские рикши. Они устроили демонстрацию, вышли на нее гуськом со своими колясочками и добились того, что полицейский был уволен.

Теперь рикши вели борьбу против автобусов. Когда муниципалитет решил расширить автобусное движение и впредь до постройки трамвая увеличить количество автобусных маршрутов, рикши начали забастовку, протестуя против этого плана муниципалитета. Под давлением рикш он вынужден был отказаться от своих намерений.

Возникал вопрос: была ли эта борьба доиндустри-альных рабочих прогрессивной? Рикша был арендатором колясочки, на которой он вез своих пассажиров. Когда он вел борьбу против хозяина за улучшение условий аренды, эта борьба была справедливой. Но справедлива ли борьба рикш против автобуса, не напоминает ли она борьбу луддитов в Англии против машин в начале XIX в.?

Старое и новое причудливо переплеталось в Кантоне. Мы были свидетелями двух массовых празднеств: 7 ноября — в день Октябрьской революции и 12 ноября — в день рождения Сунь Ятсена.

7 ноября, день победы Октябрьской революции в России, являлся тогда в гоминьдановском Китае нерабочим днем. Накануне, 6-го вечером, состоялись специальные собрания, посвященные Октябрьской революции. Собрания проходили всюду: у рабочих, студентов, в организациях гоминьдана. Были случаи, когда после докладов рабочие выступали с заявления-mii такого рода: «Пора уж и нам последовать примеру русского пролетариата, ибо только его путь несет освобождение рабочему классу».

В девять часов вечера повсюду на улицах шли праздничные представления, посвященные Октябрьской революции в России. В наиболее оживленных мостах были установлены открытые сцены, на которых, к нашему изумлению, мы увидели артистов, загримированных под русского буржуа, белогвардейца, рабочего и крестьянина. Мы не знали китайского языка, но все было понятно в их игре. Днем на следующий день состоялась огромная манифестация на площади Кантонского университета имени Сунь Ятсена. Здесь преобладали гоминьдановские знамена и транспаранты с пролетарскими лозунгами. Много было и красных знамен с серпом и молотом.

Массовые митинги обычно организовывались по классовому признаку. На одной и той же площади устанавливалось несколько трибун. Одна предназначалась для оратора, выступавшего перед рабочими, другая — перед купцами, третья — солдатская трибуна

и, наконец, четвертая, вокруг которой собирались студенты.

7 ноября 1926 г. на площади больше всего было рабочих, но немало народа толпилось и у студенческой и солдатской трибун. Купеческой трибуны на этот раз не было. Мы собрали на этом митинге кипу воззваний, листовок, газет и журналов, посвященных Октябрьской революции.

Речи М. Бородина и левого гоминьдановца Сюй Цяня, выступавших на центральной рабочей трибуне, все время прерывались восторженными возгласами «хэнь хао!» (очень хорошо!). С каким вниманием, как напряженно слушал кантонский рабочий эти речи!

Больше всего мы восторгались кантонскими пионерами. Незабываемая картина. Мал мала меньше, они пришли на митинг со своими знаменами. Дети рабочих, маленькие оборвыши, босые, едва прикрытые ветхой, залатанной одеждой, с красными галстуками на шее, огромными соломенными шляпами-зонтиками на спине, они, эти маленькие санкюлотики, приветствовали нас поднятием сжатых кулачков и пели по-китайски «Молодую гвардию». Они прошли маршем, поотрядно, с серьезными личиками и поднятыми кулачками,— «всегда готовы к борьбе». У каждого отряда девушка-вожатый, сиреной отбивавшая такт марша. И были эти девушки, их походка, стиль их одежды, плоть от плоти комсомолок Москвы.

День рождения Сунь Ятсена был также отмечен многочисленными собраниями и манифестацией. Мы присутствовали на целом ряде гоминьдановских собраний. Здесь выработался и прочно укоренился особый церемониал. Обыкновенно в зале, где происходило собрание, висел портрет Сунь Ятсена, а по бокам портреты Маркса и Ленина. Так было повсюду, начиная с зала заседаний Политбюро ЦИК гоминьдана и кончая уездными организациями. Под портретами висел плакат с текстом политического завещания Сунь Ятсена. Каждое собрание — будь это огромный митинг, в котором участвуют тысячи людей, или маленькое деловое заседание — открывалось тем, что присутствовавшие вставали и председатель громко читал завещание Сунь Ятсена. После прочтения все трижды низко кланялись портрету Суня. Затем избирался президиум и начиналась деловая часть. Когда собрание заканчивалось, все снова вставали и хором провозглашали лозунги в честь национальной революции.

12 ноября 1926 г. манифестация носила более широкий характер, чем 7 ноября. Помимо рабочих было много студентов и торговцев. Накануне ночью состоялось большое факельное шествие по улицам. В нем преобладали рабочие. Они шли с

портретами Сунь Ятсена, под гоминьдановскими знаменами с символическими изображениями их профессий, с лозунгами, эффектно написанными на китайских фонарях. И снова провозглашалось: «Долой капитализм!», «Долой иностранный империализм!», «Вся власть рабочим и крестьянам!», «Да здравствует диктатура пролетариата!». Это было именно так, несмотря на то что компартия не выступала тогда с лозунгом диктатуры пролетариата.

Пять лет назад на демонстрациях преобладали атрибуты традиционного народного празднества: львиные головы, чудовища и страшилища, огромные барабаны для изгнания злых духов. Теперь их заме-пили оркестры и знамена. Вырос кантонский рабочий, и это чувствовалось даже во внешнем облике демонстраций.

Многое изменилось и в гуандунской деревне. И Кантоне работали курсы подготовки руководителей крестьянского движения. Курсанты ездили как-то обследовать одну деревню. Крестьяне им пожаловались на местного землевладельца, который вел борьбу против крестьянского союза. Были случаи убийства членов союза. Курсанты с помощью крестьян поймали деревенского богатея, отвезли в Кантон и держали у себя в школе под арестом.

Трудно описать Кантон тех дней. Что-то общее было здесь с незабываемым 1917 годом в России. Я всегда чувствовал, что человеческий язык слишком беден для того, чтобы передать силу эмоций: гнев и радость, любовь и ненависть народных масс, вышедших на улицы, на площади, масс, творящих революцию,— не только грозного людского потока в целом, по и выражение лиц, глаз, движения рук каждого его участника, готового отдать свою жизнь за общее дело. Здесь, в Кантоне, была колыбель массового революционного движения китайского народа. Я, знавший Кантон в 1922 г., своими глазами увидел теперь, как за последние годы поднялись народные низы, как стали вершить историю людские массы, как обострились классовые противоречия, увидел, как социальные проблемы сплошь и рядом решались на улице.

20. Рабочие союзы

Прошло только четыре года, с тех пор как состоялся первый Всекитайский съезд рабочих союзов. За эти годы индустриальное лицо Китая мало изменилось. Не изменился и состав рабочего класса. Всюду преобладал ручной труд и самая примитивная техника. Работа в мастерской требовала большой выучки и искусства. Это был хотя и ручной, но вместе с тем высококвалифицированный труд. В старинных мануфактурах и

мастерских рождались художественные изделия из фарфора, слоновой кости, серебра, янтаря, дерева, шелка, вытканные на шелку пейзажи, искусно сделанные вещи, которые приобрели мировую известность. Рядом с ними стояли многочисленные портняжные, обувные, гончарные, кузнечные, столярные и множество других мастерских. Умение и мастерство переходили из поколения в поколение. Рядом с рабочим зачастую работал и сам хозяин, особенно в небольших городках, однако большая часть предпринимателей занималась торговлей. Они были одновременно и купцами.

Преобладающая часть китайского пролетариата, подавляющее его большинство состояло из неквалифицированных рабочих: грузчиков, обычных строительных рабочих, кули — людей тяжелого физического труда.

Наряду с этим в каждом городе были и современные индустриальные рабочие: машинисты, слесари, электрики, металлисты и т. д. Они составляли незначительное меньшинство, получали несравненно более высокую заработную плату и образовали слой рабочей аристократии. В целом состав китайского рабочего класса, как и во всех странах, был неоднороден, но его особенностью было преобладание профессий, в основе которых лежал ручной труд. Другой особенностью была занятость главным образом в небольших мастерских, третьей — преобладание неквалифицированных рабочих, людей тяжелого физического труда, только вчера пришедших из деревни.

Если состав рабочих почти не изменился, то иначе обстояло с его организованностью. В этом отношении был сделан большой шаг вперед. В Кантоне почти все рабочие были объединены в союзы. Рабочие союзы имели цеховой характер и были поэтому очень раз* дроблены.

Еще недавно здесь были сильны старые, средневековые гильдии, объединявшие как предпринимателей, так и рабочих. Развитие классовой борьбы привело к распаду гильдий. Они лопались как мыльные пузыри, рабочие уходили из них и создавали рабочие союзы. Но гильдия имела столетние традиции, свои особые приемы привязывания к себе трудящихся, свой религиозный культ, с которым трудно было расставаться. Мне рассказали об одном характерном случае.

В одном из уездных городков провинции Гуанси происходило собрание плотников с целью создания рабочего союза. Докладчику и организатору нетрудно было доказать рабочим необходимость объединения в союз. Собрание проходило поэтому очень гладко. Но неожиданно выступил один старик и заявил, что

рабочий союз — вещь хорошая, но неизвестно, как посмотрит на это бог — покровитель плотницкого ремесла, имевший здесь свой храм. Спокойное до тех пор собрание превратилось в бушующее море. Рабочие успокоились только тогда, когда один не лишенный остроумия коммунист предложил зачислить бога первым членом рабочего союза плотников. Только когда богу был выписан членский билет, плотники согласились вступить н союз и зарегистрироваться. Однако после этого встал вопрос о храме, построенном гильдией. Им заправляли богатые хозяева. После организации рабочего союза плотников, т. е. раскола старой гильдии, между рабочими и предпринимателями началась борьба за храм. Так зачастую выглядел процесс ломки и гибели средневековых гильдий в глубинных уездах, вдали от железных дорог и пароходных линий.

Кантонский рабочий был уже иным. Его не смущал вопрос о том, как отнесется гильдейский бог к рабочему союзу. Однако гильдия имела и другие способы удерживать от классовой борьбы часть рабочих, в особенности верхушечную, выше оплачиваемую. Как только стачка ломала гильдию и объединяла рабочих в классовый союз, предприниматели немедленно организовывали еще один, «хозяйский» союз, куда привлекали верхушку рабочих, часть безработных и штрейкбрехеров.

Во время стачек хозяева увольняли бастующих, а затем нанимали новых рабочих из «своего» союза. В бытность мою в Кантоне хозяевам удалось организовать 26 таких союзов, объединявших около 28 тыс. человек. «Хозяйские» союзы входили в так называемую Гуандунскую федерацию профсоюзов. Эта организация существовала уже давно и объединяла гильдии и цеховые союзы. Во главе ее стоял уголовный преступник Чэнь Шэн.

В журнале «Гуандун уоркерс гайд», органе Совета рабочих делегатов Кантона, Чэнь Шэну давалась такая характеристика; «С момента его рождения до са

мых последних дней, когда он взял себе новую наложницу, мы не можем найти ни одного действия, которое было бы совершено им во имя интересов рабочих. Чэнь Шэн... поехал в деревню, из которой он происходит, и купил там большой участок земли... Он играл большую роль во время последних выборов мэра Кантона ***К*** В результате Чэнь Шэн стал еще более богатым и жирным... Он получает деньги от капиталистов и в благодарность защищает их интересы, мешая рабочим бастовать и добиваться увеличения заработной платы... Основное занятие Чэнь Шэна — помогать капиталистам организовывать свои «рабочие союзы»... Рабочие, входящие в Гуандунскую федерацию профсоюзов, ни

разу не получили какого-либо повышения зарплаты... Он убил троих товарищей из союза работников ресторанов и помог предпринимателям убить членов союза рабочих мастерских зубных щеток».

Убийство членов союза работников ресторанов было организовано Чэнь Шэном еще в июле 1925 г. Неоднократно союз требовал от правительства наказания убийцы. Прошел год. Союз ознаменовал годовщину убийства однодневной стачкой, а Чэнь Шэн свободно разгуливал по Кантону, пока рабочие ресторанов и мастерских зубных щеток сами не арестовали его.

Таким образом даже в Кантоне, в центре революционного движения, еще сильно было воздействие купеческих гильдий на некоторую часть кантонских рабочих. Однако подавляющее большинство примкнуло к революционным ассоциациям.

В 1926 г. в Кантоне числилось 200 тыс. рабочих, из которых 170 тыс. были объединены в рабочие союзы, примкнувшие к Профинтерну. Но и эти союзы были построены по цеховому признаку. Так, например, транспортники имели 22 рабочих союза с общим количеством членов 39 тыс. человек. Из них только два союза (1100 человек) примыкали к «желтой» Гуандун-ской федерации. Плотники имели 16 рабочих союзов, из которых четыре входили в эту федерацию.

Раздробленность союзов по цеховому признаку до-

[1] Мэром был избран правый гоминьдановец Сунь Фо (сын Сунь Ятсена от первого брака).

ходила до того, что имелся, например, отдельный союз рабочих, занятых в мастерских головных уборов европейского образца, и союз рабочих, изготовлявших китайские головные уборы.

В Кантоне было 176 революционных рабочих союзов. Их объединял Совет рабочих делегатов, который был создан в 1924 г.

Вместе с ростом классового самосознания рабочих появилась тяга к созданию производственных союзов.

Но процесс этот шел медленно и болезненно.

На особом положении в Кантоне находились индустриальные рабочие. Они получали заработную плату и несколько раз большую, чем обычные рабочие. Средний заработок последних составлял от 6 до 20 юаней в месяц. Индустриальный же рабочий получал от 30 до 75, а иногда и больше. Рабочая аристократия имела свой особый союз механиков. В него входили шесть рабочих союзов с общим числом членов около 8500 человек. Это были главным образом металлисты. Из

10 500 кантонских металлистов 7000 входили в союз механиков, который не присоединился ни к Гуандунской

федерации, ни к Совету рабочих делегатов и играл самую реакционную роль в рабочем движении.

Два процесса определяли положение рабочих: разорение деревни и введение машин. Разоряющаяся деревня гнала в Кантон тысячи крестьян. Они искали работу и соглашались на любую оплату, лишь бы иметь две-три чашки риса. Разоренные крестьяне вливались в армию городских кули и снижали и без того низкие заработки неквалифицированных рабочих. Машина же вытесняла квалифицированного кустаря.

Оба процесса приводили к одному и тому же результату: ухудшали положение занятых рабочих и увеличивали безработицу. К этому прибавлялся рост цен вследствие бумажноденежной инфляции. Поскольку никакого трудового законодательства не было, рабочие добивались улучшения своего положения путем стачек. Забастовки стали повседневным явлением.

В целях ликвидации стачечного движения правительство, прикрываясь своей якобы надклассовостью и беспристрастностью, учредило государственный арбитраж для разбора конфликтов между рабочими и предпринимателями. На деле же государственные арбитры становились на сторону хозяев, которые брали рабочих измором. Примером может служить проходившая во время нашего пребывания в Кантоне стачка на спичечных фабриках. Поводом к ней явилось увольнение на одной из фабрик 16 работниц. Рабочие этой фабрики забастовали, и стачка немедленно перебросилась на все спичечные фабрики в городе. В течение последних девяти лет заработная плата рабочих этих фабрик ни разу не повышалась, между тем цены на продукты за это время выросли вдвое. Рабочие требовали повышения оплаты труда. Забастовка продолжалась 35 дней. Не получавшие заработной платы рабочие под давлением голода вынуждены были отступить и прекратить стачку. Другим примером была забастовка рабочих швейных мастерских, которая тянулась более полугода, а арбитражная комиссия так и не смогла разрешить конфликта.

Хозяева швейных мастерских организовали свой союз предпринимателей. На собрании этого союза был принят текст петиции, и под гоминьдановским знаменем хозяева в полном составе отправились вручить ее национальному и провинциальному правительствам, отделу торговцев при ЦИК гоминьдана и бюро общественной безопасности (полиция). Предприниматели требовали: 1) приказать полиции охранять швейные предприятия от беспорядков; 2) сурово наказывать тех рабочих, которые вызывают беспорядки, и 3) в случае если

рабочие пикеты арестуют какого-либо предпринимателя и приведут его в полицию, он должен быть немедленно освобожден.

Газета «Гильд-Пресс» — орган кантонской торговой палаты— Л октября 1926 г. сообщила о том, как развернулись последующие события: «По получении петиции директор бюро общественной безопасности приказал полицейским участкам усиленно защищать швейные предприятия и в случае конфликта между хозяевами и рабочими немедленно посылать отряд полиции для подавления беспорядков. Если кто-либо не будет подчиняться приказаниям полиции, он должен быть препровожден для расследования в бюро общественной безопасности».

Во время забастовки швейников на всех предприятиях висели плакаты: «Единодушная забастовка в целях повышения заработной платы». Рядом развесил | пои плакаты и союз предпринимателей: «Угнетенные рпоочими, мы с сожалением закрыли предприятия».

В петиции предпринимателей имелся еще и такой пункт: «Приказать рабочему союзу швейников не бороться с теми рабочими, которые объявили себя хо-шевами и вышли поэтому из рабочих союзов». Иначе тиоря, хозяева набрали штрейкбрехеров и предложили им вступить в союз предпринимателей. Они стремились расколоть союз рабочих-швейников и организо-и.тгь штрейкбрехерский союз. Именно на этой почве и происходили нарушения «общественной безопасности».

Забастовки продолжались очень долго, а правительственный арбитраж был сплошным издевательством. Мели рабочие не соглашались пойти на уступки, то заседание арбитражной комиссии откладывалось на три дня, а затем еще и еще, пока рабочие, сидящие без денег, не сдадутся. Одновременно предприниматели терроризировали рабочих, организовывали убийства руководителей стачек.

Понятно, почему каждый рабочий союз в Кантоне имел свой вооруженный отряд пикетчиков. Он охранял бастующих от нападений, организуемых предпринимателями, охранял фабрики от штрейкбрехеров.

Буржуазия распространяла по всему Китаю клевету о терроре рабочих пикетов. Владельцы спичечных фабрик обсуждали вопрос о переводе своих фабрик в Гонконг и Макао под крылышко иностранного империализма, мотивируя это «рабочим террором». Владельцы некоторых типографий перебирались со своим имуществом в уездные города. «Рабочий террор» заключался в том, что рабочие создавали союзы и предприниматель должен был иметь дело с ними, а не с отдельными рабочими.

В октябре 1926 г. клевета о «рабочем терроре», усиленно распространяемая буржуазией, приняла настолько большие размеры, что пришлось созвать специальную конференцию Совета рабочих делегатов, которая выпустила обращение к населению с разъяснением создавшегося положения.

Конференция, на которой присутствовало 150 делегатов, отвергла обвинение в «рабочем терроре». Го-миньдановская газета «Гоминь синьвэнь» 19 октября 1926 г. напечатала следующий отчет об этой конференции: «Делегаты заявили, что вследствие растущей дороговизны рабочие были вынуждены требовать увеличения заработной платы, бастовать и т. п. Очень часто предприниматели расправлялись с рабочими и выбрасывали их из предприятий. В таких случаях рабочие были вынуждены блокировать предприятия. Конечно, во время происходящего сейчас Северного похода поддержание мира и порядка является самым важным. Поэтому рабочие при каждом конфликте или беспорядке очень хотели бы, чтобы контролирующие власти брали на себя задачу разрешения этих конфликтов, но факты показали, что очень часто, несмотря на то что забастовки тянутся месяцами, власти не обращают на них внимания. В заключение делегаты заявили, что если бы местные власти поняли положение рабочих, они безусловно не издавали бы таких жестоких распоряжений».

«Жестокое распоряжение» заключалось в том, что еще 6 августа 1926 г. главнокомандующий Национально-революционной армией Чан Кайши издал приказ

о разоружении рабочих, об арестах и военных судах над рабочими, применяющими оружие.

В декабре 1926 г., уже после отъезда правительства и ЦИК гоминьдана из Кантона в Ухань, снова было издано распоряжение о борьбе с забастовками. Оно мало чем отличалось от предыдущих, но на этот раз действительно стали разоружать рабочих, и для этой цели была использована военная сила.

Совет рабочих делегатов снова послал провинциальному правительству письмо, в котором писал: «Многочисленные конфликты могли создать представление о том, что рабочие сумасбродны. Но если мы станем на почву реальности и тщательно рассмотрим требования рабочих, то увидим, что эти требования являются минимальными для улучшения их бедственного существования.

Что же делают хозяева? Они неискренне обещают рассмотреть просьбы рабочих. Даже на самую маленькую просьбу никогда не дают тут же ответа. Это не все. Они закрывают предприятия или увольняют рабочих. Они организуют «желтые

союзы», нанимают бандитов для избиения бастующих или используют штрейкбрехеров для срыва стачек.

Лишь в исключительных случаях рабочим приходилось арестовывать нарушителей забастовок, бойкотировать фабрики и магазины, держать арестованные товары на складе союза, возвращая их после разрешения конфликта. Они делают это не для своего удовольствия. Ответственные представители власти не разбирают конфликтов с желаемой быстротой. Например, когда бывший руководитель отдела труда и земледелия правительства ушел со своего поста, он оставил после себя 1700 неразрешенных конфликтов рабочих с предпринимателями».

Рабочее движение в Кантоне бурно разрасталось. Буржуазия боролась против рабочих не только путем измора, но главным образом путем раскалывания рабочего движения.

В сентябре 1926 г. на овощных предприятиях Кантона шла забастовка. Предприниматели создали «желтый» рабочий союз, примкнувший к Гуандунской федерации. На средства предпринимателей штрейкбрехе-ровский союз организовал отряд из двухсот хулиганов и вооружил их. Было совершено нападение на бастующих рабочих. На улице произошло побоище. Пять рабочих было убито, трое — тяжело ранено, и, кроме того, были захвачены два руководителя стачки. Их повели в помещение предпринимательского «рабочего» союза и по дороге избили палками.

Уличные побоища рабочих союзов с наймитами гильдий или же с членами «хозяйских» союзов чуть ли не ежедневно описывались в рабочей печати.

Мои китайские друзья сделали попытку подсчитать число таких столкновений. Им не удалось собрать полных данных, так как не все инциденты были отмечены в газетах. И все же неполные данные показали, что с июля 1925 г. по июнь 1926 г. произошло 54 побоища, или в среднем не менее одного в неделю. В большинстве случаев они кончались убийствами.

Во время моего пребывания в Кантоне, во второй половине 1926 г., побоища участились. Бои велись по всем правилам военного искусства и проходили на широкой улице Тайпин. Враждующие стороны выходили со знаменами. Начинался ожесточенный бой. Рабочие гибли из-за того, что власти, заявляя о своем нейтралитете, фактически поддерживали предпринимательские союзы.

Правительство признавало и Совет рабочих делегатов, и Гуандунскую федерацию. Поэтому борьбу и раскол среди рабочих в Кантоне невозможно было изжить. Правые гоминьдановцы, разумеется, поддерживали Гуандунскую федерацию. Они

опирались еще на одну организацию. Это был союз механиков.

В сентябре и октябре 1926 г. происходила стачка на железных дорогах в Гуандуне. Рабочие требовали увеличения заработной платы и человеческого отношения к себе со стороны администрации.

Союз механиков играл по отношению к союзу железнодорожников предательскую роль, срывая их борьбу. Другие союзы поддержали железнодорожников и объявили бойкот союзу механиков. Печатники, например, отказались печатать что бы то ни было для союза механиков.

Союз механиков находил поддержку в правом гоминьдане и у его представителей, стоявших у власти. После отъезда в ноябре 1926 г. национального правительства в Ханькоу кантонские власти открыто выступили против союза железнодорожников и поддержали союз механиков.

Гоминьдан выдавал себя за «всеклассовую организацию», защищающую одинаково как интересы рабочих, так и купцов, как пролетариата, так и буржуазии. В гоминьдане имелся рабочий отдел и параллельно— купеческий. Из одной и той же организации исходили противоположные директивы: рабочий отдел, который зачастую руководился коммунистами, организовывал рабочих, поддерживал их в борьбе против буржуазии, а в это время буржуазия через купеческий отдел боролась против рабочего движения. Обстановка была сложной и противоречивой.

Все забастовки проходили под гоминьдановским знаменем, под гоминьдановскими лозунгами; буржуазия давала отпор рабочим под тем же гоминьдановским знаменем. Это была классовая борьба внутри единого национально-революционного фронта. Неоднородность китайского рабочего класса, живучесть гильдейских традиций среди ремесленного пролетариата, привилегированное положение индустриальных рабочих на периферии Китая давали возможность гоминьдану раскалывать рабочее движение, но, несмотря на это, основная масса китайских рабочих шла за коммунистами,

21. Кантонские купцы

С давних времен Кантон рос и развивался как город торговли и ремесла. Уже в XVIII в. он имел большой торговый флот. Ходили корабли из Кантона не только вдоль морского побережья на север и на юг, но и по всему Малайскому архипелагу, заходили и в Индию. Росту города способствовала и торговля с Западной Европой. Начиная с XVIII в. Кантон стал единственным китайским портом, открытым для торговли с португальцами, голландцами, англичанами. Однако жить внутри окруженного стенами города им не разрешалось. Лишь в определенное короткое время, раз в году, они имели право привозить свои товары и вести торговлю с кантонскими купцами за пределами городской стены, где временно могли располагаться европейские купцы. После продажи своих и закупки китайских товаров иностранцы обязаны были немедленно покинуть город.

Внешняя торговля Кантона находилась в руках специальной гильдии, состоявшей только из 13 самых богатых купцов. По указу императора никто, кроме членов этой гильдии, не имел права торговать с заморскими купцами. Тщетно иностранцы пытались до англо-китайской войны 1840—1842 гг. прорвать эту монополию внешней торговли. Купцы, входившие в гильдию заморской торговли, платили большие налоги пекинскому двору, но, имея монополию на внешнюю торговлю, неслыханно богатели.

После «опиумной» войны, вторжения иностранного капитала в Китай, открытия и других портов для торговли с иностранцами Кантон стал постепенно терять свое значение центра внешней торговли. Его место постепенно занял Шанхай, но все же Кантон сохранил свою роль в торговле шелком и дорогими сортами риса. В городе стало развиваться ремесло, и товары отсюда шли в Гуанси, Южную Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу. Так рос Кантон, богатели его купцы.

Купцы не любили вмешательства властей в их дела и, для того чтобы оказать им сопротивление, еще в 1692 г. объединились в кантонский Генеральный коммерческий союз. Под таким названием этот союз просуществовал 223 года, пока наконец спустя четыре года после революций 1911 г. не рухнули патриархальные средневековые устои этого союза и не был разработан более демократический устав. Тогда Генеральный коммерческий союз был переименован в Кантонскую генеральную торговую палату.

Генеральный коммерческий союз объединял не отдельных купцов, а купеческие гильдии. Такие гильдии существовали в Китае с давних времен, но особенную силу они приобрели во времена последней маньчжурской династии.

Купеческие гильдии сохранялись еще в двадцатых годах нашего века, и не только в глухих, далеких, поч* ти отрезанных от мира китайских уездах, но и в Тяньцзине, Шанхае, Ханькоу и Кантоне —этих капиталистических центрах Китая.

Гильдии в китайских уездах представляли собой главным образом объединения мелких торговцев, совместно боровшихся против поборов милитаристов. Зачастую эти гильдии торговцев шли за коммунистической партией. Так, например, в середине 1926 г. в уездном городе Учжоу провинции Гуанси коммунисты руководили борьбой не только рабочих, но и мелких торговцев против генералов армии Чан Кайши, занимавшихся произвольными налоговыми поборами.

Даже в Шанхае в то время были уличные союзы мелких торговцев, которые нередко поддерживали шанхайских рабочих в их борьбе. Уличные союзы торговцев— это территориальные объединения, гильдия же — объединение известного вида торговли или производства, как, например, «гильдия торговцев солью» или «гильдия гробовщиков».

Гильдии в Тяньцзине, Шанхае, Ханькоу, Кантоне сохранили лишь свою средневековую оболочку, но содержание их деятельности изменилось: если прежде они боролись против властей, то теперь в Шанхае или Кантоне — против рабочих.

В Кантоне в 1926 г. было 140 официально зарегистрированных гильдий. Помимо них существовали и другие, избегавшие регистрации по налоговым соображениям. Некоторые кантонцы утверждали, что общее число гильдий доходило до 200. Как раздроблены были по многочисленным своим гильдиям купцы и предприниматели, так раздроблены были и рабочие организации в этом городе. В Кантоне был союз рабочих ресторанов и наряду с ним или, вернее, против него— гильдия владельцев ресторанов и чайных домов; рабочий союз табачников — и гильдия табачников. Рабочие, конечно, не могли противопоставить свои союзы таким объединениям, как гильдия банкиров, гильдия экспортеров шелка, чайная гильдия, гильдия торговцев свининой или же гильдия торговцев человеческими волосами, которые скупали у всех парикмахеров «отходы» и продавали их крестьянам на удобрение. Наряду с такими «товарными» гильдиями существовали и земляческие, как, например, гильдия тяньцзиньских купцов в Кантоне или же шанхайских банкиров в Ханькоу. Земляческие гильдии играли

большую роль в торговле; будучи крепко связаны с купцами у себя на родине, они выполняли представительские функции и совершали переводные банковские операции.

Сплошь и рядом гильдии имели характер объединений для продажи или же закупки товаров по определенным ценам. Особенно сильны были в этом отношении гильдии, объединявшие скупщиков. Договариваясь между собой о закупочных ценах, эти гильдии безжалостно грабили крестьян.

Гильдии обычно объединялись в так называемые торговые палаты. В 1926 г. в Кантоне существовали пять купеческих объединений: три городских и два провинциальных. До 1924 г. в Кантоне была лишь одна Генеральная торговая палата — та самая, которая родилась в 1692 г. За два года правления гоминьдановского правительства вместо одной появилось пять купеческих организаций, объединявших различные гильдии или непосредственно торговцев. Самой сильной из них оставалась Генеральная торговая палата, куда вступали исключительно гильдии, хотя в последнее время появились и индивидуальные члены. Это были крупнейшие капиталисты, которые порой были богаче торговцев целой гильдии, вместе взятых.

Генеральная торговая палата объединяла в Кантоне 72 самые крупные гильдии и держала в зависимости от себя остальные четыре палаты, которые были маломощными в финансовом отношении. Силу Генеральной торговой палаты можно себе представить хотя бы по одному тому, что членом ее являлась банковская гильдия, объединявшая все банки и кредитовавшая всю торговлю и промышленность в Кантоне.

Палата определяла ход экономической жизни всей провинции; она выполняла судебные функции, ибо члены гильдий, входившие в торговую палату, разрешали в ней все свои конфликты, за исключением сугубо уголовных.

Огромной была политическая мощь Генеральной торговой палаты: ни один милитарист не мог удержаться в Кантоне без ее поддержки, ибо от нее зависело финансовое положение того или иного властителя. Торговая палата поддерживала генерала Чэнь Цзюнмина, когда он в 1922 г. сверг правительство Сунь Ятсена в Кантоне. Крупный земельный собственник Чэнь Цзюнмин был своим человеком в торговой палате. Его семья держала в руках целый уезд Хай-фын.

До 1921 г. торговая палата избирала председателя и его заместителя пожизненно. В 1915 г., когда Генеральный коммерческий союз был реорганизован в торговую палату, председателем был избран Чэнь Ляньбо, который руководил палатой до конца 1924 г. Чэнь Ляньбо был крупнейшим банкиром

в Кантоне и в своей банкирской деятельности тесно связан с самым сильным в Китае английским Гонконг-Шанхай-ским банком, основным экономическим орудием английского империализма в Китае.

Когда в 1922 г. Чэнь Цзюнмин сверг правительство Сунь Ятсена в Кантоне, это означало, что против Сунь Ятсена выступали Гонконг и китайские компрадоры.

Когда правительство Сунь Ятсена снова укрепилось в Кантоне, торговая палата организовала свои военные отряды и подняла в 1924 г. вооруженное восстание против Сунь Ятсена. Руководил им глава кантонской торговой палаты Чэнь Ляньбо, финансировал восстание Гонконг-Шанхайский банк.

Кантонская торговая палата была одновременно и объединением купеческих гильдий, и контрреволюционной организацией компрадорской буржуазии. После подавления восстания Чэнь Ляньбо бежал в Гонконг, но его соратники руководили торговой палатой и в 1926— 1927 гг. Председателем палаты после Чэнь Ляньбо стал крупный банкир и одновременно компрадор. Его заместителем — богатый рыбопромышленник. Из двенадцати директоров палаты четверо были крупнейшими банкирами, в их числе компрадор японского банка на Тайване.

Торговая палата все время оказывала противодействие национальному правительству. Несмотря на это, правительство не решалось распустить эту контрреволюционную организацию кантонской крупной буржуазии.

Другая купеческая организация — Гуандунская федерация торговых палат была объединением торговых палат различных городов провинции. В нее входили главным образом гильдии мелких купцов, но в целях привлечения обладателей больших капиталов устав этой организации допускал и индивидуальное членство. Федерация объединяла 38 торговых союзов в различных городах провинции. Типичными членами этой организации были гильдии местных банкиров-ростовщиков. Наряду с ними большую роль в ней играли компрадоры.

Гуандунская федерация торговых палат была организована Чэнь Ляньбо в 1924 г. До этого никогда в Китае не существовало купеческих объединений в масштабе целой провинции. Города имели торговые палаты, не связанные организационно между собой. Когда в 1924 г. кантонская торговая палата подготавливала восстание, Чэнь Ляньбо решил обеспечить себе поддержку не только в самом Кантоне, но и во всех городах провинции. Для этой цели и была создана федерация. Ее возглавил ставленник Чэнь Ляньбо. Этой организации удалось поднять контрреволюционные восстания компрадоров в ряде

городов провинции и поддержать войска Чэнь Цзюнмина в восточной части Гуандуна. Так, например, в уезде Чжуншань они сумели вовлечь в восстание через местную торговую палату всех начальников волостей и войска местных милитаристов, примыкавших до этого (на словах) к Национально-революционной армии. Директорат федерации состоял из крупных гуандунских банкиров-ростовщиков, торговцев чаем, хозяев пароходных компаний, а также импортно-экспортных фирм.

Таким образом, Гуандунская федерация торговых палат имела контрреволюционное происхождение, состояла из крупной буржуазии, действовавшей на периферии провинции, и была органически связана с кантонской торговой палатой.

Рост национально-революционного движения в стране, победы гоминьдана на юге не могли не отразиться на буржуазии. Внутри нее шла глухая борьба. Ремесленно-мануфактурная буржуазия, средние и мелкие торговцы, не связанные с иностранным империализмом, выражали недовольство компрадорами, агентами иностранного империализма, открытыми контрреволюционерами. Эти слои буржуазии склонялись к поддержке национального правительства.

В конце сентября и начале октября 1924 г. эта часть кантонской буржуазии организовалась в Ассоциацию поощрения и развития торговли, членами которой стали уже не гильдии, а отдельные торговые или промышленные фирмы. Членские взносы в размере одного юаня вступительного и 50 фэней ежегодного делали ее доступной для широких слоев мелкой буржуазии.

Правительство официально утвердило эту организацию и переименовало ее в Муниципальную купеческую ассоциацию, которая должна была выполнять функции муниципальной торговой палаты в противовес контрреволюционной кантонской торговой палате.

Муниципальная ассоциация организовала широкую вербовочную кампанию для привлечения торговцев в свои ряды. Она награждала каждого привлекшего в ассоциацию 30 членов серебряной медалью, привлекшего 60 — полузолотой и свыше 100 членов — золотой медалью. К середине 1926 г. ассоциация эта объединяла 1500 фирм, а всего 10 тыс. членов, которые одновременно входили и в кантонскую торговую палату. В муниципальную ассоциацию вступали и крупные банкиры и купцы,, но не связанные тесно с иностранным империализмом. Примкнула к ней и незначительная группка компрадоров, не имевшая влияния в этом объединении. Муниципальная ассоциация поддерживала национальное правительство и была

связана с городскими властями. В кантонском муниципалитете, во главе которого стоял министр путей сообщения Сунь Фо, эта организация пользовалась большим влиянием, и по ее настояниям муниципалитет распустил уличные союзы торговцев — боевые организации мелкой буржуазии, часто блокировавшиеся с рабочими.

Эти три купеческие организации принадлежали к разряду тех, которые трудящиеся называли «хищными». Хищники рьяно боролись против революционной части гоминьдана и рабочего движения.

Коммунисты и левые гоминьдановцы решили привлечь на свою сторону мелкую буржуазию, мелких торговцев и ремесленников. С этой целью были созданы еще две купеческие организации в Кантоне: Городская федерация купцов и Гуандунская (т. е. провинциальная) купеческая федерация.

Городская федерация, созданная по инициативе левых гоминьдановцев в июле 1926 г., объединяла уже не гильдии, не фирмы, а торговцев персонально. Сюда вошли члены гоминьдана, занимавшиеся главным образом мелкой торговлей. К федерации примкнули также возвратившиеся эмигранты-купцы. Они представляли среднюю, а порой крупную буржуазию, но были гораздо революционнее своих местных собратьев. Зарубежная китайская буржуазия всегда финансировала Сунь Ятсена.

Городская федерация купцов не смогла объединить широкие слои мелкой буржуазии и насчитывала только 300—400 человек. Характерно, что такое же явление наблюдалось и в другом портовом городе провинции Гуандун — Сватоу. Объясняется это тем, что мелкие торговцы всецело зависели от «хищной» буржуазии, ибо вся оптовая торговля, все банки, следовательно и кредиты, находились в ее руках. Мелкие торговцы и ремесленники боялись поэтому разрыва с «хищными» палатами.

Иначе обстояло дело с Гуандунекой купеческой федерацией. Инициатива создания федерации, которая объединила бы купцов, торговцев и ремесленников уездов, волостей и маленьких городков, принадлежала коммунистам и левым гоминьдановцам.

Подготовительная работа по созданию такой организации началась в мае 1926 г. К августу в провинции было сформировано уже около ста купеческих союзов, которые объединили примерно 40 тыс. мелких торговцев. Особенно быстро и легко были организованы торговцы в деревнях и волостях. В некоторых уездах, например в Чжуншане, федерация имела 6 тыс. членов. Собственно говоря, гуандунская федерация была не чисто купеческой, в нее входили приказчики и другие торговые служащие. Хозяева же, вступившие в этот союз, представляли

собой типичных мелких городских и деревенских лавочников. Для этой организации были характерны специфические внутренние и внешние противоречия: между хозяином и его служащими и между хозяином, который зачастую был деревенским кулаком, и крестьянской беднотой.

Как бы то ни было, в ту пору это была единственная массовая организация мелкой буржуазии, которая активно поддерживала национально-революционное движение. Ее удалось создать только благодаря тому, что эти торговцы жили в дальних городках и деревнях и не имели непосредственной связи с крупной буржуазией; В портовых городах, как Кантон и Сватоу, попытки вырвать мелкую буржуазию из-под влияния организаций контрреволюционной буржуазии оказались безуспешными. Гуандунской купеческой федерацией руководили ЦИК и провинциальный комитет гоминьдана. В руководство самой федерации входили главным образом политические работники, среди которых было много коммунистов. Федерация целиком и полностью поддерживала левое крыло гоминьдана.

Все мелкие торговцы и кустари жаловались на лицзинь. Лицзинь — бич китайской торговли, промышленности, крестьянства. Когда в 1853 г. тайпины заняли Нанкин, маньчжуро-китайская бюрократия в целях сбора средств для подавления крестьянской революции установила лицзинь. На торговых дорогах учредили таможенные заставы, и все провозимые товары

Складывались пошлиной в размере одной тысячной их стоимости.

Тайпинов маньчжурам удалось подавить при помощи иностранных империалистов, но лицзинь остался и после того, как в 1911 г. были низвергнуты сами 1аньчжуры.

Вся страна была заставлена таможнями. Не только между провинциями, но внутри каждой провинции имелись сотни таможенных пунктов. Таможни эти находились в руках шэньши [21] которые при сборе лицзиня сплошь и рядом не выдавали купцам квитанций, и весь сбор шел в таком случае в их карманы. Если же квитанция и выдавалась, то в ней полученная пошлина указывалась в размере одной тысячной стоимости товаров (как в давние времена), в то время как на самом деле она взималась в сумме, во много раз превышавшей цифру, обозначенную в квитанции. То, что обозначено в квитанции, шло властям, а остальное — в карман чиновникам.

Страдали от лицзиня в первую очередь мелкие торговцы; для крупной буржуазии он не был так страшен. Сплошь и рядом крупная буржуазия обходила закон, объявляя свои товары

проданными иностранцам (иностранные товары освобождались от уплаты лицзиня). Но больше всего, конечно, тяготил лицзинь крестьянство. Прежде чем крестьянские продукты попадали на городской рынок, они несколько раз на различных заставах облагались лицзинем. Между тем китайский крестьянин если и мог оплатить лицзинь, го во всяком случае после, а не до продажи своих продуктов на рынке. Лишенные возможности самостоятельно вывозить продукты на рынок, крестьяне попадали в цепкие лапы скупщиков, которые диктовали им низкие, разорительные цены. Таким образом, в сохранении лицзиня был заинтересован огромный слой скупщиков, но еще более — чиновничество.

В октябре 1926 г. группа левых гоминьдановцев и коммунистов обследовала вопрос о лицзине в провинции Сычуань. Картина получилась вопиющая. Например, на пути из Чунцина в Цзычжун (расстояние 175 км) каждый мешок сахара стоимостью примерно 26 юаней проходил 21 таможню с общим обложением в 13 юаней. На пути из Фулина в Чунцин (расстояние 100 км) груз, состоящий из 96 кож стоимостью около 300 юаней, 16 раз облагался лицзинем на общую сумму 145 юаней. Между Мэйчжоу и Чунцином, отстоящими друг от друга на 30 км, все грузы проходили через 78 таможенных застав.

Все это происходило в пределах одной только провинции. Нетрудно представить себе, как дорожали товары, если их везли через несколько провинций. Тогда количество таможенных застав исчислялось уже сотнями.

Лицзинь был петлей на шее китайского хозяйства. Он стал поэтому национальной проблемой; требование его уничтожения вы могли услышать из уст купцов, крестьян и рабочих. Уничтожение лицзиня было провозглашено в программе гоминьдана, а на деле национальное правительство не сделало даже попытки отменить его. Напротив, в августе 1925 г. доходы правительства от лицзиня составили 275 тыс. юаней, а в сентябре 1926 г. они возросли до 2130 тыс. юаней, заняв в доходной части бюджета первое место (на втором месте были доходы от публичных и игорных домов).

Лицзинь мог быть отменен только при условии уничтожения господства шэньши, в чьи карманы текла большая часть доходов. И поскольку правительство Чан Кайши не собиралось уничтожать аппарат уездной власти, находившейся все время в руках шэньши, постольку и невозможно было отменить лицзинь.

Остро нуждаясь в деньгах, кантонское правительство решило впервые в Китае установить налог на недвижимое имущество, прежде всего на земельную собственность в городах. Эта попытка

встретила резкий отпор всех трех «хищных» купеческих организаций. В результате пришлось отказаться от этого налога. А когда правительство установило гербовые пошлины на сделки и тому подобные операции, то взбунтовались все пять купеческих организаций. В некоторых уездных городах купцы устроили даже забастовки.

Таково было отношение купечества к новым финансовым мероприятиям кантонского правительства.

Гуандунское купечество было типичным представителем китайской буржуазии в целом. За немногочисленными исключениями она была именно купечеством,

а не современной промышленной буржуазией. В массе своей китайская буржуазия состояла из представители торгового капитала и ростовщиков. Но она уже успела прибрать к рукам крупное ремесло и мануфактуру. Отсюда был один шаг до превращения ее в современную промышленную буржуазию. В Шанхае такое превращение уже произошло.

В целом китайская буржуазия была крайне неоднородной. Количественно в ней преобладали мелкие и средние лавочники, коробейники, скупщики, ростовщики, хозяйчики ремесленных и кустарных мастерских. Господствующее положение занимали компрадоры, крупные купцы, ростовщики — банкиры, хозяева мануфактур и современных промышленных предприятий.

Все эти слои и прослойки были представлены в гоминьдане, куда помимо разношерстной буржуазии входила не только интеллигенция, но и некоторая часть рабочих. Вместе с тем гоминьдан никогда не был крестьянской партией. Купцы и ростовщики в деревне выступали в качестве крупных и средних землевладельцев. После смерти Сунь Ятсена руководство гоминьданом все более и более переходило в руки крупной буржуазии, землевладельцев, компрадоров.

22. Северный поход

Занятие при помощи одной лишь военной силы Кантона и провинции Гуандун, превращение ее в трамплин для военного похода на север и завоевания власти во всем Китае лежало в основе всей стратегии Сунь Ятсена и гоминьдана. Как только удавалось захватить Кантон, сразу же начиналась подготовка Северного похода путем сговора с различными группировками милитаристов, находившимися в оппозиции к другим военным кликам, господствовавшим в Центральном Китае и командовавшим правительством в Пекине.

Мы уже знаем, как печально кончилась военная

экспедиция Сунь Ятсена на север в 1922 г. И когда в 1923 г. при помощи аньфуистской клики Сунь Ятсен снова занял Кантон, тут же началась разработка планов нового Северного похода. Но на этот раз был учтен опыт прошлого; поход готовился и на новой социальной основе.

1924 год ознаменовался переориентацией гоминьдана, укреплением блока с коммунистической партией, подавлением контрреволюционных восстаний в Кантоне и в провинции Гуандун, очищением ее от войск враждебных генералов. В 1925 г. блеснула надежда на объединение Китая без гражданской войны путем соглашения между Пекином и Кантоном. Сунь Ятсен уехал для этой цели в Пекин, где вскоре умер.

В Кантоне после этого произошли внутренние пертурбации: убийство Ляо Чжункая, события 20 марта 1926 г., устранение от власти Ван Цзинвэя. Все это настораживало. Однако ставший у власти Чан Кайши клялся в верности новым «трем принципам» Сунь Ятсена и единому национально-революционному фронту. Ему поверили. Более того, вопреки действительности события 20 марта изображались в некоторых кругах как подавление попытки контрреволюционного восстания, организованного Гонконгом и правыми гоминьда-новцами. Подобные оценки объяснялись тем, что пойти на разрыв с Коммунистической партией Китая Чан Кайши тогда еще не мог, тем более что он готовил новый Северный поход и рассчитывал на поддержку народных масс. Наряду с этим Чан Кайши боялся тогда ухудшения отношений с Советским Союзом и прекращения его военной помощи.

В этой обстановке гоминьдан выступил с декларацией, в которой провозглашались цели Северного похода. В ней говорилось об иностранном империализме, о некоторых экономических мероприятиях, ставивших своей целью

привлечение буржуазии, крестьянства и рабочих всего Китая на сторону гоминьдана. Декларация призывала их оказать поддержку Северному походу.

Что касается крестьянства, то радикального разрешения аграрного вопроса в декларации не предлагалось, говорилось об облегчении условий аренды земли, об ограждении крестьян от произвола шэньши и т. п.

Гораздо большее значение имела политическая часть декларации. Она предусматривала ликвидацию института военных губернаторов, дуцзюней и дубаней—этих полновластных хозяев провинций; политическое объединение страны, ее демократизацию, сформирование выборных органов власти на местах, прежде всего муниципалитетов в городах, разграничение прав военных и гражданских властей.

Наемная армия должна быть заменена национальной, комплектуемой на основе всеобщей воинской обязанности. В армии учреждался институт политических комиссаров.

В декларации говорилось и о женском равноправии, расширении системы народного образования, улучшении материального положения учителей. Гарантировалось «различным национальным меньшинствам, проживающим на территории Китая, право на самоопределение»— важный пункт программы, который гоминьдан долгое время не хотел принять.

По существу, это была декларация о восстановлении нарушенного событиями 20 марта единого национально-революционного фронта и сотрудничества гоминьдана с коммунистической партией.

Май и июнь 1926 г. прошли под знаком подготовки к Северному походу. В Кантоне ежедневно происходили антиимпериалистические митинги, на улицах были расклеены революционные плакаты и листовки, велась большая революционная пропаганда. Эта работа проводилась главным образом коммунистами, комсомольцами, левыми гоминьдановцами.

В Кантоне в это время находился хунаньский генерал Тан Шэнчжи, армия которого была разбита У Пэйфу. Тан просил поддержки у Чан Кайши для борьбы против У Пэйфу. Было достигнуто соглашение, по которому военные силы Тан Шэнчжи переименовывались в 8-ю национально-революционную армию, а сам он вступал в гоминьдан. «Молодой» гоминьдановец, генерал Тан Шэнчжи заменил на фуражках своих солдат пятиконечные кокарды гоминьдановскими звездами.

Поход на север начался в июле 1926 г. Впервые гоминьдановская армия опиралась на поддержку рабочих, мелкой

буржуазии и интеллигенции. Что касается крупной и средней буржуазии, то она заняла выжидательную позицию. Компрадорская часть буржуазии всегда была тесно связана с иностранным империализмом и поддерживала тех или иных реакционных милитаристов. Другая часть буржуазии была связана с крупными землевладельцами, вела борьбу со стачками и боялась крестьянского движения. Чем большие массы приходили в движение, тем острее становилась борьба внутри единого национально-революционного фронта.

Народ по-своему оценил значение похода. Рабочие и крестьяне надеялись, что победа Национально-революционной армии повлечет за собой улучшение их положения.

В Южном Китае широких дорог, по которым могла бы проехать хотя бы телега, не было. Армия двигалась по узким межам залитых водой рисовых полей. Солдаты шли гуськом, один за другим, по тропинкам, переходили реки и каналы по жердям-перекладинам, проложенным с одного берега на другой. Так двигались целые армии с пулеметами, патронами, амуницией, продовольствием. Все это переносилось на спинах людей — не солдат, а так называемых военных кули. На каждого солдата в армии приходилось не менее од-ного-двух кули. Пулеметы разбирались, и в разобранном виде их несли на коромыслах в мешках и корзинах. Без помощи кули, рабочих и крестьян трудно было рассчитывать на победу.

Революционный подъем народных масс совершенно изменил облик Национально-революционной армии. Большую роль в привлечении симпатий народных масс сыграли созданные в армии политотделы, особенно в тех случаях, когда они находились в руках коммунистов или левых гоминьдановцев. Не всегда это было так. Бывало и иначе, когда во главе политотдела стоял какой-нибудь правый деятель.

Все же основное ядро Национально-революционной армии, сложившееся в Гуандуне в начале Северного похода, было в какой-то мере прообразом действительно революционных войск.

В то время как солдаты реакционных армий имели апатичный вид, а зачастую были одетыми в военную форму бандитами, солдат Национально-революционной армии выгодно от них отличался. У него было другое настроение, и чувствовалось, что он осознает, зачем вступил в армию, за что борется. Так было в тех частях, которые первыми выступили в Северный поход.

Когда части реакционных армий проходили через города, купцы закрывали лавки и наглухо запирались в своих домах; когда солдаты этих армий шли через деревни, крестьяне

организовывали отряды самообороны, чтобы защищать от них свое имущество.

Иначе обстояло дело с Национально-революционной армией. Мы говорили с крестьянами, горожанами, спрашивали у них, не было ли случаев грабежей. Крестьяне на солдат не жаловались, встречали их всюду дружелюбно, кормили. Если обижались, то не на солдат, а на власти, забиравшие из деревень кули для армии.

Торговцы в городах сперва боялись солдат НРА, как всякого одетого в военную форму, а потом, убедившись, что кантонцы не грабят, держали лавки открытыми до поздней ночи. Они рассказывали нам, что при У Пэйфу или Сунь Чуаньфане в военное время открывали лавки лишь днем, а когда городок оказывался вблизи фронта, когда через него проходило много солдат, лавки вообще наглухо запирались.

Хунаньские крестьяне снабжали Национально-революционную армию продовольствием, оказывали помощь раненым, проводили солдат по известным только им горным тропинкам. Части Национально-революционной армии врывались неожиданно в тыл противника, окружали и разбивали его. Во фронтовой полосе в тылу противника поднимались крестьянские восстания; восставшие вступали в бой с войсками У Пэйфу и зачастую разоружали их.

Армия У Пэйфу, находившаяся между двух огней — Национально-революционной армией и враждебным крестьянством,— разбегалась и отступала.

Кантонцы активно наступали вопреки старинной китайской военной тактике, которая заключалась в том, чтобы вытеснить армию противника из провинции, не вступая по возможности в бой. Теперь же Национально-революционная армия стремилась разбить противника, преследуя его огнем. Она врывалась в города, наступая на пятки бежавших воинских частей реакции. В сентябре кантонцы захватили Чанша — столицу провинции Хунань. Это была неслыханная по быстроте и стремительности победа. Армия У Пэйфу была разбита и откатывалась к Учану.

В Хунани начался подъем рабочего и крестьянского движения. Теперь нужно было подробнее объяснить массам, за что борется Национально-революционная армия.

Чан Кайши издал длинный манифест под названием «Искреннее обращение к народу всей страны». В первой его части говорилось о борьбе с иностранным империализмом, который поработил всю страну и, используя милитаристов для разжигания гражданской войны, разрушил национальную промышленность. Далее перечислялись все преступления китайских милитаристов на протяжении последних 12 лет, указывалось, что «иностранные

империалисты и китайские милитаристы в своем существовании зависят друг от друга. Поэтому для успешного завершения революции необходимо уничтожить до основания господство иностранного империализма, необходимо прежде всего разбить при помощи силы народа милитаристов и всех контрреволюционеров». Манифест призывал массы поддержать Национально-революционную армию в достижении этой цели. Далее Чан Кайши клялся, что он верен принципам Сунь Ятсена, верен гоминьдану, верен революции, верен народу, верен, верен...

Манифест не содержал ничего конкретного. Ни слова не говорилось о снижении арендной платы за землю, об установлении хотя бы 9-часового рабочего дня. Но в нем был пункт о «предоставлении народу полной свободы собраний, организаций, печати, убеждений и выражения своего мнения». Не ожидая обещанного созыва национального собрания, массы воспользовались этим пунктом немедленно, как всегда бывает, когда старые законы еще не отменены, а новые не изданы.

В общем, это был все же документ в духе программы гоминьдана, принятой после заключения единого фронта с коммунистической партией. Манифест этот распространялся в сотнях тысяч экземплярах, развешивался на стенах домов в деревнях и городах. Рабочие и крестьяне поднялись на борьбу, чтобы добиться того, о чем не было сказано в этом манифесте, они требовали улучшения своего положения.

Так с помощью крестьян в деревнях и рабочих в городах проходило стремительное наступление Национально-революционной армии.

После взятия Чанша действия армии велись по двум направлениям: из Чанша прямо на север в Ухань с целью окончательного разгрома армии У Пэйфу, и на восток — с целью освобождения приморских провинций и Шанхая.

В октябре революционные войска не только заняли всю провинцию Хунань, но, преследуя бежавшего противника, дошли до сердца Китая — Учана и Ханькоу.

Здесь У Пэйфу собрал все свои оставшиеся силы, чтобы приостановить наступление. Особенно трудно было взять Учан, Революционные войска применили единственно правильную тактику. Вместо того чтобы ввязаться в бой за Учан, они переправились на другой берег реки Янцзы, заняли ханьянские высоты с лучшим в Китае арсеналом и захватили город Ханькоу. Таким образом Учан был окружен. Он долго не сдавался, но был обречен. Блокированный, окруженный со всех сторон и лишенный продовольствия и снабжения военными припасами, город рано или поздно должен был пасть.

Несколько раз ходили кантонцы в атаку на Учан, но безуспешно. Наконец в наступление пошел коммунистический полк. Коммунисты и комсомольцы под градом пуль штурмовали стены города. Здесь погибли лучшие, беззаветно храбрые коммунисты Китая. Об их храбрости рассказывали в народе легенды, которые наводили потом мистический ужас на реакционные армии.

Учан был взят в октябре, и вскоре под напором восточного фланга Национально-революционной армии пала столица провинции Цзянси — город Наньчан.

Одновременно, продвигаясь-по прибрежным областям, Национально-революционная армия заняла провинцию Фуцзянь.

В ноябре военные действия приостановились. К тому времени лицо Национально-революционной армии совершенно изменилось. Из Кантона вышли всего 5—7 корпусов, сейчас их было около 30, но это уже не были прежние революционные корпуса. Чан Кайши после занятия Чанша отказался от революционной тактики, заключавшейся в том, чтобы наносить решительные удары по реакционным армиям. После Чанша он стремился к тому, чтобы перетянуть реакционных генералов на свою сторону. В этом заключался теперь центр тяжести его военной тактики. И вместо того чтобы бить врага, пускались в ход деньги для подкупа противника. Наемные генералы, палачи революционных рабочих и крестьян, переходили со своими армиями на сторону Чан Кайши, надевали гоминьдановские кокарды и трехцветные галстуки.

Из пленных солдат немедленно формировались новые гоминьдановские части. Пленные зачастую ничего не знали о целях гоминьдана и, как обычно, нанимались в «новые дуцзюньские армии». Вместе с тем 50—70% подлинно революционных кадров солдат и командного состава основных корпусов НРА выбыли из строя в боях.

Так постепенно перерождалась гоминьдановская армия. Вчерашние реакционные милитаристы, перешедшие под гоминьдановские знамена, продолжали и теперь бороться с рабочим и крестьянским движением. Новые «революционные» генералы жгли революционные деревни, расстреливали вожаков крестьянского движения и готовили удар по рабочему классу.

Но был и другой важный результат Северного похода. К началу 1927 г. Коммунистическая партия Китая насчитывала 50 тыс., а комсомол — 40 тыс. членов. Из маленьких кружков по изучению марксизма, из оторванных от реальной действительности сект за каких-нибудь пять лет выросли крупные коммунистические организации, которые научились работать

среди рабочих и крестьян, создавать рабочие союзы, возглавлять стачки, организовывать крестьянские союзы, вести крестьян на борьбу с богатыми землевладельцами и, наконец, поднимать народные массы во время Северного похода.

Это был лучший показатель правильности тактики единого национально-революционного фронта, вхождения коммунистической партии и комсомола в гоминьдан, благодаря которой коммунистическая партия и комсомол превратились в большую политическую силу, воздействующую на ход событий.

23. Гуандунские деревни

В конце октября 1926 г., когда гоминьдановская армия овладела Учаном, было решено, что правительство переедет из Кантона в Ханькоу, расположенный напротив Учана, на северном берегу Янцзы. Путь туда лежал через Наньчан, где находилась ставка главнокомандующего армией Чан Кайши. Мне было предложено совершить это путешествие вместе с М. М. Бородиным и членами кантонского правительства.

Обычно из Кантона в Ханькоу ездили на пароходе— сначала в Шанхай, оттуда по реке до Ханькоу. Все путешествие продолжалось около восьми суток, а если прибавить к этому остановку в Шанхае, то максимум десять.

Однако Шанхай находился в руках Сунь Чуань-фана, и поэтому предстояло продвигаться сухопутным путем по территории, занятой Национально-революционной армией. Из Кантона на север железная дорога была проложена на расстояние только немногим более 200 км. Затем дней десять надо было идти пешком до Ганьчжоу, а оттуда плыть на гребных сампанах до Наньчана.

Приготовления к такому сложному пути были наконец закончены, и отъезд назначен на 16 ноября. День отъезда выдался пасмурным, серым. В семь часов утра завыла под окном автомобильная сирена. Пришли кули, забрали вещи, уложили их в автомобиль и двинулись к пристани. Мы пошли туда пешком. Катер уже ждал нас. Вот и прощальные сценки: старуха с забинтованными ногами приехала на рикше проводить своего сына. Он отправлялся с нами в качестве переводчика. Сын кланялся почтительно и грациозно, мать что-то шептала, но не было никаких поцелуев и объятий. В Китае это не принято.

Все были одеты в походные костюмы цвета хаки, в военных фуражках, кое у кого на поясе болтались кобура и походный планшет, у многих были фотографические аппараты и термосы.

Катер затрещал, осел кормой в воду, запенил в мутно-желтой воде и повез нас в сторону вокзала, который находился на противоположном берегу реки Чжуцзян. Ни моста, ни широкой улицы не было, и подъехать к вокзалу можно было только на лодке или на катере.

Вокзальная площадь была заполнена народом. Шпалерами стояли войска, провожать правительство пришли рабочие и служащие государственных учреждений. Реяли красно-голубые знамена, суетились фотографы и кинооператоры, министры

отдавали последние распоряжения по своим ведомствам.

Но вот оркестр заиграл национальный гимн. Взорвались пороховые хлопушки, и поезд тронулся. Кантон для нас остался позади в прямом и переносном смысле слова.

Салон-вагон. Чэнь Южэнь даже здесь оставался министром иностранных дел: в черном штатском костюме, в английском дождевике. Дочь его, только что вернувшаяся из Англии, как и ее отец, китайского языка не знала и говорила по-английски.

Старик Сюй Цянь, министр юстиции, ехал с женой и презабавной семилетней дочкой, которую все, даже китайцы, называли по-русски «маленький Китай». Это прозвище она получила в Москве, откуда вернулась недавно с отцом и матерью. Шалунья и драчунья была одета по-московски.

Главным распорядителем и организатором путешествия был министр финансов Сун Цзывэнь. В военной форме, непоседливый, он носился из одного угла в другой. Сестра его Сун Цинлин — вдова Сунь Ятсена — угощала нас фруктами, сэндвичами и горячим чаем.

Все железнодорожные станции были разукрашены гоминьдановскими флагами, встречали нас почетные караулы, всюду на станциях с оглушительным треском рвались пороховые хлопушки.

В восемь часов вечера мы были уже в Шаогуане, том самом Шаогуане, до которого в апреле 1922 г. Чжан Тайлэй, Цюй Цюбо и я хотели добраться из Сватоу на джонке и пешком, чтобы оттуда на поезде приехать в Кантон, обогнув таким образом Гонконг. Теперь мы совершали как бы обратный путь: из Кантона в Шаогуань на поезде, а затем пешком, но не на северо-восток к берегу моря в Сватоу, а прямо на север — к берегам великой Янцзы. Это большой уездный город —конечная станция железной дороги, которая должна была соединить Кантон с Ханькоу, но еще не была закончена строительством. Путь от Шаогуаня до Ханькоу пешком и водой, с незначительными остановками в Наньчане и Кулине, занял двадцать пять дней.

Шаогуань — старый город: об этом говорят его каменные стены, башни и бойницы. Он расположен на реке Бэйцзян, прорезывающей всю провинцию Гуандун. По этой реке сплавляются товары, перегружаются в вагоны и направляются в Кантон. Этим же путем следуют товары из Кантона в провинцию. Вот почему, с тех пор как проложили железную дорогу, Шаогуань превратился в крупный торговый город.

Было уже темно, когда поезд подошел к заполненному народом перрону. Нас пригласили в город на митинг и банкет. Пошли. На плоту переправились на другой берег реки,

протекавшей недалеко от вокзала, а затем стучали каблуками по плитам темных, глухих и вымерших ночью улиц; охрана освещала путь электрическими фонариками. Шли долго, пока не достигли древних каменных ворот. Это шаогуаньский ямынь (присутственные места). Здесь, в типично китайском дворце с портиками и лабиринтом двориков, выложенных камнем, жил когда-то начальник уезда. Сейчас тут находился штаб дивизии и располагались местные власти. Дворец был разукрашен знаменами. Два полотнища с лозунгами, висевшие у входа, врезались в память: «Правый гоминьдан — орудие в руках иностранного империализма»; «Только левый гоминьдан является наследником Сунь Ятсена и защищает интересы народа».

Было уже поздно, но, несмотря на это, народ стал собираться на митинг в один из залов. Здесь присутствовали представители всех организаций. Впереди, в первом ряду, в белых кофточках и черных юбочках сидели местные школьницы во главе с учительницей, сзади — чиновники, немного рабочих, купцы в шелковых халатах и небольшая группа солдат. Над трибуной висели портреты Сунь Ятсена, Ленина и Маркса. Под аккомпанемент церковного органа, завезенного сюда иностранными миссионерами, пели школьницы.

Это был первый митинг в пути. Речи были посвящены победам Национально-революционной армии и причинам переезда правительства в Ухань. После митинга состоялся банкет. Это был обильный китайский ужин, с супом из плавников акулы, вкусно приготовленными курами и утками, китайскими пряностями, ласточкиными гнездами. После ужина, часа в два ночи, двинулись обратно на вокзал. Утром должен был начаться наш долгий пеший переход.

Шаогуаньские власти, предупрежденные о перебазировании правительства, еще с вечера мобилизовали всех местных кули. Они приходили со своими коромыслами, к их одежде прикрепляли номер, записывали имена. Процедура была шумной.

Затем выяснилось, что носильщиков не хватает. Офицеры для поручений суетились, убегали в город и порой за шиворот приволакивали людей. Галдеж, брань, тут же кинооператор, ловивший улыбку министров. А кули все же не хватало. Тогда умчался в город главный организатор — министр финансов Сун Цзывэнь. К часу дня наконец привели отряд военных кули. Они отличались от остальных своей теплой военной формой. «Кульный» вопрос был таким образом разрешен. Сейчас не хватило коромысел. Снова суета. Наконец достали и коромысла.

Так в суете, шуме и крике прошло семь часов, пока наконец в два часа дня не тронулись.

Паланкины были еще заранее приготовлены в Кантоне. Они были легкие, бамбуковые, с навесом, предохранявшим от дождя. Каждый паланкин несли восемь кули, по четыре человека в смене. Два кули были прикомандированы к каждому чемодану или корзине. Паланкинов было не более тридцати, а процессия растянулась километра на три.

Каждый министр помимо восьми кули для паланкина имел не менее двадцати кули для своих вещей. Повара, няни, слуги шли пешком. Четыре телохранителя, вооруженных маузерами, бегали все время вокруг паланкина вверенного им министра. В общем, каждый паланкин обслуживало не менее сорока человек. Особые кули переносили мелкое серебро для дорожных расходов. Гуандунские бумажные деньги за пределами провинции не имели хождения. Нужно было платить звонкой монетой. И для этого министр финансов возил с собой свою казну в мешках. Кули под охраной солдат таскали мешки с монетами. А охрана нужна была. Не было уверенности в том, что носильщик с денежным мешком не свернет с пути. Нельзя сказать, чтобы у министра финансов была большая уверенность и в охране. Поэтому он больше всех переволновался в дни нашего путешествия.

Вся процессия в целом охранялась батальоном солдат, разделенным на авангард и арьергард. Всё и все передвигались гуськом, длинной цепью, причем не было видно ни ее начала, ни конца. Шли сперва по железнодорожной насыпи, по которой предполагалось в будущем проложить рельсы из Шаогуаня в Чанша. Хорошо утоптанная насыпь вскоре оборвалась у холмика. Мы шагнули вправо, перескочили через канаву и пошли по едва заметной в траве тропинке. Это был великий путь из провинции Гуандун в Цзянси. При потере равновесия вы попадали ногой в грязь залитого водой рисового поля. Темнело. Тропическая ночь наступает сразу. Дождь становился сильнее, тропинки — более скользкими. Ни одного огонька не было видно в окрестности. В темноте потерялись отдельные части нашего каравана: некоторые отстали, некоторые ушли далеко вперед. Паланкинщики зажгли фонари, но ветер беспрестанно тушил их. Пустили в ход электрические фонарики. Тропинки стали перекрещиваться, и если мы не сбивались с пути, то только благодаря электрическим фонарикам. Пользуясь ими, кули находили на перекрестках поросший травой камень, на котором был высечен указующий путь иероглиф.

Наличие таких каменных указателей было единственным признаком того, что это не случайная тропинка, а «государственный путь».

Проходили через деревни. Тропинка расширялась в метровую

по ширине дорогу, вымощенную камнем. По обеим сторонам дороги — глухие стены с навесами, под которыми едва заметны накрепко закрытые двери. Ни окон, ни света, ни звука, ни лая. Мертво, как на кладбище.

Так шли долго, пока наконец не прибыли в маленькую волостную деревню Дачао. Здесь стоял неописуемый шум. Число пришедших кули и солдат в несколько раз превышало население деревни, мест для ночевки не хватало.

Мы ночевали в храме предков. Он стоял у подошвы довольной высокой, покрытой лесом горы. Это было единственное кирпичное здание в деревне. В храме уже было полно народу. Передние два помещения были заложены вещами. Одна комната занята телохранителями министров. Остался алтарь и рядом с ним двухъярусная комната. Страшные, золоченые и запаутиненные боги сердито смотрели на нас, когда мы уселись под ними завтракать, обедать и ужинать — все сразу, ибо целый день ничего не ели, 'прошли же 40 ли (примерно 20 км).

Клонило ко сну. Мы разложили свои походные койки, легли и, только проснувшись рано утром, заметили, что наш храм не подметался, не очищался от пыли, паутины и плесени, наверное, со времени его основания. Ночевать в храме, затащить туда вещи — было бы богохульством в Европе. В Китае это не так, в Китае храмы прежде всего являлись приютом для странствующих, для приезжающих на деревенские ярмарки, происходящие обычно у храма.

Утром начались первые неприятности. Сбежали кули. Это было неопровержимым доказательством того, что в Шаогуане власти перестарались, набирая людей насильно, и, вероятно, сорвали кое-кого с постоянной работы. Согнанные силой люди воспользовались первой возможностью и ночью сбежали домой.

И так бывало каждое утро, после каждой ночевки. Взамен убегавших под конвоем приводились на каждой остановке новые партии кули, которые по примеру предыдущих убегали следующей же ночью. Немногим удалось добраться из Шаогуаня в Ханькоу с теми же кули.

Принудительный набор кули, то есть носильщиков багажа, мелких грузов и паланкинов, в которых восседали государственные чиновники, был обычным явлением на Востоке с древних времен. Натуральные налоги и государственная трудовая повинность, кото* рыми облагались все деревенские общины, лежали в основе того общественного строя на Востоке, о котором мы расскажем ниже. Повинности выполнялись в порядке государственного принуждения. Но в XX столетии капитализм

уже настолько разложил основы восточного общества, что кули разбегались даже тогда, когда они нужны были непосредственно правительству.

Вскоре мы снова двинулись в путь. Дорога здесь была лучше, ширина ее местами позволяла идти вдвоем рядом. Местность была гористая, мы двигались между горами, кружили и, пройдя почти без остановок 60 ли, пришли к ночи в большую деревню, которая на местном наречии называлась Чжанкоу.

Мы остановились здесь в помещении военного склада. Это большое каменное здание, конечно без окон, оказалось чище и просторнее, чем храм предков. Власти приготовили к нашему приходу обильный ужин: кадки с рисом, китайскую лапшу, рубленную на мелкие куски курицу.

Мы уже освоились и свободно орудовали палочками, запихивая ими в рот отваренный рис. Повар сварил целый котел кофе, и мы черпали кружками согревающий напиток. Походный образ жизни, быт, простота нравов напоминали нам наш 1919 г Чувствовали мы себя в этой обстановке как рыба в воде, и порой казалось, что мы вовсе не в Китае. Министры же хандрили от этой «революции в быту».

Ночь прошла, и многокилометровый обоз тронулся. Закачались на мускулистых плечах зеленые паланкины, затрубили впереди солдатские горны, собрались у дверей жилищ с любопытством смотревшие на нас жители.

Опять горы и уступами расположенные рисовые поля. Рис был уже снят, и на гладких, сухих теперь полях правильными рядами торчали остриженные на вершок от корней рисовые кустики. Поля здесь были дробные, маленькие, похожие на огороды. На этих крохотных кусочках земли уже готовился новый посев. Примитивный деревянный плуг медленно полз за тихим, лениво шагавшим буйволом. В ноздри его было продето кольцо, и посредством .привязанной к нему веревки крестьянин управлял этим выносливым животным.

Деревеньки были серые, голые, бедные. Вступаем в одну такую деревню. Сперва проходим мимо ряда расставленных по обеим сторонам дороги уборных, сложенных из глиняных необожженных плит. Уборные сооружены для проходящих по дороге и принадлежат всей общине. Деревеньки эти счастливы, что стоят на большом тракте, по которому из Цзянси в Гуандун ежедневно проходят сотни людей. Путники пользуются уборными, а крестьяне получают драгоценное удобрение, которое делится между членами общины.

За уборными выстроился ряд глухих хижин. Нет окон. Темно, с трудом можно было разглядеть стоявших в дверях обитателей

хижин.

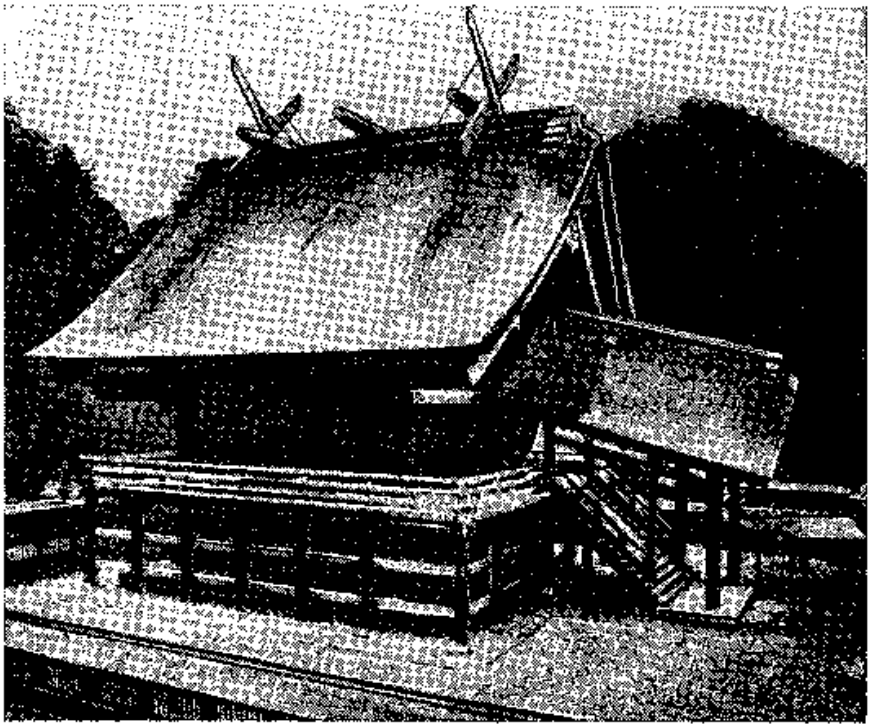
Бросалось в глаза отсутствие молодых парней и девушек. Их в деревнях мы не видели: кто ушел в город в поисках работы, кто был забран в кули или солдаты. В деревне преобладали старики и маленькие дети. Лица жителей выражали безысходное горе, нищету и безнадежность. Пройдешь шагов сто-двести — деревня остается позади. Снова ряд уборных, суживающийся сразу путь, и снова дробные поля.

Встречался и другой тип деревень, жители которых, казалось, не занимались земледелием, а содержали харчевни. Чуть ли не каждая семья здесь чем-то торговала. Женщины сидели под навесами харчевен и торговали земляными орехами, вареным сладким картофелем, семечками и изредка мандаринами. Нищета и здесь бросалась в глаза и сливалась с однообразным серым цветом жилищ как снаружи, так и внутри. Никаких украшений в домах, лишь над входом — дощечка с иероглифами, охраняющими от злых духов.

В этих двух типах деревень ремесло почти совершенно отсутствовало. Начиная с шапки и кончая туфлями— все покупалось. Всюду было много нищих: старух и детей, бегавших за каждым прохожим и вымаливавших подаяние. И здесь заметно было отсутствие девушек и юношей. Не видели мы их и в полях за работой.

В деревне манеры и церемонность крестьян при разговоре с пришедшими из Кантона людьми ничем не отличались от вежливой манерности городского обывателя. Но сладкие улыбки и складывание рук наблюдались только при общении с начальством; с кули крестьяне говорили просто, без манер и улыбок, деловито. Значит, церемонность была вколочена палкой чиновников в продолжение веков и предназначена для обращения с ними.

На пути встречались и другие селения, где велась оживленная торговля. В них было несколько улиц, много харчевен, но больше всего лавок и ремесленных мастерских. Улочки узенькие, выложенные камнем,



Кумирня

были как бы прикрыты сверху навесами крыш настолько, что в яркий солнечный день здесь было тускло и сыро. В селах этих имелись маленькие кумирни, и перед изображением богов тлели тоненькие свечки. Часто кумирня была мала и грязна, но местами встречались небольшие, выложенные из кирпича и заботливо убранные, чистые не то кумирни, не то храмы предков.

В деревнях такого типа были и опиекурильни. Мы обнаружили это случайно, зайдя в одну из хижин. В темноте разглядели лежащего на кане человека со специальной лампочкой у головы и с длинной трубкой в зубах. Надетый на проволоку белый шарик опиума накаляется на лампочке до кипения и затем кладется в трубку. Две-три затяжки, и человек уже витает в заоблачных высях. Глаза мутны, и под ними вздуты мешки. Он смотрит на вас в упор, но вы чувствуете, что он не соображает, где он и чего от него хотят.

Опиум —бич китайской деревни. Он пришёл в Китай из Индии, завезенный англичанами, которые име-

ли «монопольное право» на отравление китайского народа опиумом. Сперва опиум привился среди аристократии и особенно был распространен при дворе императора. Позже опиум стал «демократизироваться», и города наполнились опиекурильнями. Самые фешенебельные рестораны в Кантоне представляли собой

игорные, публичные и опиекурильные дома. Рестораны не имели общих залов, это сплошные отдельные кабинеты, и в каждом кабинете — твердая лежанка для курения опиума. Из городов он проник в деревню, и. чем больше была нищета в деревне, тем больше здесь курили опиум. Курили мужчины, женщины и даже дети.

Ремесленники в деревнях изготовляли обувь, платье, ткани на деревянных станках, сами красили первобытным способом ткань. Все это предметы домашнего обихода. Ремесленник одновременно был и хозяином лавки, в которой продавались произведенные им товары. В ремесле была занята вся семья от мала до велика. Но были и наемные рабочие, главным образом «ученики». Это дети деревенских бедняков, работавшие от зари до зари и получавшие за свой труд пищу и жалкое рубище. Эксплуатировали их нещадно, а эксплуатация прикрывалась патриархальными обычаями.

Классовое расслоение в этих деревнях легко обнаруживалось. Здесь было довольно много рабочих в кустарных мастерских, кузницах, много кули, занятых переноской товаров. Наряду с этим — много зажиточных торговцев, сдававших свою землю в аренду.

Казнокрадов здесь также было немало. Они обитали в ямыне (управлении). Власти не столько следили за порядком, сколько грабили всякого, кто попадал под руку. Если даже в революционном Кантоне мы были свидетелями того, как шофер машины, поломавшей коляску рикши, был оштрафован полицией на три юаня в пользу рикши, из которых два юаня полицейский тут же положил в карман, то можно представить себе, что делалось здесь, в этих волостных деревнях, где власти никем и никогда не контролировались. Кстати сказать, местные власти, несмотря на приход революционных войск, не были сменены. Их обязали только вступить в гоминьдан.

Во всех деревнях политработники армии расклеили плакаты и воззвания. Удивлялись мы тому, что власти не срывали их, ибо сплошь и рядом они были направлены против шэньши. Зачастую мы видели плакаты с серпом и молотом и призывом к крестьянам организовываться в крестьянские союзы. Мы видели плакаты с лозунгами в честь Коммунистического Интернационала и мировой революции. Это была работа коммунистов и комсомольцев.

Мы подходили сейчас к довольно крупному волостному центру, городку Маши. Выяснили, что 85% крестьян этого района, будучи абсолютно безземельными, арендовали землю у крупных собственников.

В Маши нам была организована торжественная встреча. Кажется, это было первое место после Шаогуаня, где власти подготовили такой прием. За стеной городка, по обеим сторонам дороги, выстроились школьники со смешанным оркестром из европейских и китайских музыкальных инструментов. При появлении нашей процессии школьники воспользовались возможностью вдоволь позабавиться пороховыми хлопушками.

За школьниками, по обеим сторонам улицы, с красными бантами или красными бумажными цветами стояли власть имущие в тяжелых шелковых халатах и в кофтах поверх них. Они встречали нас почтительными поклонами и совали в руки свои визитные карточки. За ними стояли купцы; кто побогаче (это можно было видеть по одежде)—ближе к властям, кто победнее — подальше от них, и, наконец, в самом конце толпился трудящийся люд, который пришел сюда, судя по всем признакам, просто из любопытства, и если плебс начинал работать локтями, чтобы убедиться воочию, что это не кто иной, как министр, то улыбка на лицах людей в шелковых халатах сменялась гневным выражением.

Здесь нам рассказали и о встречах другого рода. В какой-то гуандунский уезд назначили нового уездного начальника. Все в округе знали, что это отъявленный взяточник и вор. И вот, когда новый начальник торжественно подплыл во главе целой процессии кули, которые несли на паланкинах его самого, жен и вещи, ворота в городок оказались запертыми. Перед ними выстроились двести плакальщиц, встретивших новое начальство похоронными причитаниями и стенаниями. Так начальство в городок не было впущено и вынуждено было повернуть обратно.

Дорога из Маши пролегала по скалистым берегам реки Бэйцзян, чередовалась с трудными переправами. Местами высеченные в скалах узкие ступени вели нас вверх. Путь был крутой, и даже министры, которые обыкновенно не сходили с паланкинов, на этот раз вынуждены были подниматься пешком.

Мы подходили к последнему уездному городу провинции Гуандун. Здесь встреча была торжественнее, состоялись митинги, произносились революционные речи. Стены домов были оклеены рукописными антиимпериалистическими плакатами.

Городок по имени Наньсюн был старинный. Об этом говорили его стены, башни и дворцы. В давние времена он был славен своими философами. И когда командир второго корпуса Национально-революционной армии, ученый и воин Тан Янькай занял его, он в первую очередь установил мемориальные доски в их честь.

Мы остановились здесь в каменных башнях общественного

сада и, отдохнув, пошли бродить по узким улицам городка. На дворе ямыня стояли большие каменные плиты в человеческий рост. Плиты были старые, покрытые зеленой плесенью. Мы сумели очистить одну плиту; сохранившиеся иероглифы указали на то, что это земельный закон первых императоров династии Мин. Прочесть текст не удалось, ибо слишком был стар этот, более чем пятисотлетний камень.

Наньсюн — бойкий торговый городок с развитым ремеслом. На дверях каждого жилища висели таблички, охранявшие от злых духов, а рядом — расклеены плакаты, призывавшие к бойкоту английских товаров. Колодцы в городке аккуратно выложены камнем, и над ними в выдолбленных в камне нишах находились скульптуры Будды, перед которыми теплились свечки.

Из Наньсюна дорога шла в горы. Нам предстояло перевалить через горный хребет, который отделяет провинцию Гуандун от Цзянси. Дорога шла сперва по межам рисовых полей, а потом расширилась и круто пошла вверх.

Вот и последняя гуандунская деревенька, последние харчевни и последний отдых перед перевалом.

Чем выше поднимаешься по этой выложенной камнем и пробитой в скалах дороге, тем больше расширяется панорама с горными вершинами, водопадами и прилепленными к склонам гор деревнями.

Чем выше, тем чаще кумирни. Вот наконец и каменная арка. Вы входите в ворота Мэйлинского перевала, и перед вами раскрываются чарующие пейзажи Цзянси с горными хребтами и межгорными долинами. Вдали виден Даюй, первый уездный город провинции Цзянси, расположенный отсюда на расстоянии 15 км.

Мы вступали в новую, только недавно приобщившуюся к национальной революции провинцию. Позади лежал Гуандун— провинция, которой национальное правительство уже управляло, хотя и с перерывами, несколько лет.

Проходя по деревням и городкам Гуандуна, мы не чувствовали там революционного подъема. Население здесь уже «привыкло» к национальному правительству. Всюду мы сталкивались там с малоземельными крестьянами, бедностью, нищетой. С точки зрения крестьян положение вещей не изменилось. Тот же земельный собственник, сдававший на кабальных условиях землю в аренду крестьянам, тот же шэньши, те же налоги, то же взяточничество. Отсюда — разочарование крестьянства и безразличие к национальному правительству.

24. Нанькан

Иначе было в Цзянси, а затем в Хубэе и вообще во всех только что освобожденных провинциях. Они переживали революционную весну. Здесь поднялись миллионы, которые верили, что Национально-революционная армия и национальное правительство дадут им все, о чем они мечтали: арендатор верил, что избавится от гнета землевладельца и чиновников; рабочий — что получит менее продолжительный рабочий день и достаточную для скромной жизни заработную плату; нищие — что они будут сыты; мелкая буржуазия — что она будет спокойно торговать и богатеть.

Бурлило людское море на митингах, где гоминьдан не скупился на безответственные обещания. Все кипело, горело, всюду чувствовалась потенциальная мощь масс, вышедших на улицы и площади с портретами Сунь Ятсена и В. И. Ленина.

Массы еще не разглядели врагов революции, они с триумфом несли на руках своих завтрашних палачей, правых гоминьдановцев, которые теперь нацепили на себя ярко-красные банты и разглагольствовали о национальной революции.

Мы спустились с гор в цзянсийские долины. Вниз идти было легко, но дрожали колени, и казалось, вот-вот они подогнутся. Издалека уже слышалась музыка и видны были толпы народа, которые вышли из Даюя встречать нас. Это была действительно всенародная встреча.

Мы остановились в торговой палате и ждали, когда кончатся банкеты, обмены визитными карточками, поклоны и улыбки, чтобы отдохнуть после тяжелого перехода. Однако, несмотря на поздний час, состоялся большой митинг, на который пригласили и нас.

Поразительно, как здесь резко очерчены провинциальные границы. Даюй лежал примерно в 15 км от провинции Гуандун, а жители его не понимали гуан-дунского наречия; в Гуандуне мы не встретили ни одного мужчины с косой, здесь же, в Цзянси, косы встречались часто, хотя уже попадались мужчины с бритыми головами — признак того, что и здесь старый обычай начинал исчезать. Женщины в цзянсийской деревне носили другой костюм, в прическе у них были другие украшения. В полях не было гуандунской дробности. Чаще встречался зажиточный крестьянин со своим отдельно стоящим домом. И даже рабочий скот здесь был другой.

Видели мы здесь и отличные от гуандунских картины,

характеризовавшие быт цзянсийской деревни и небольших городов. Вот, например, толпа вокруг столика, за которым сидит гадальщик. В том же Даюе по улицам ходили монахи с литаврами и изгоняли из каждого дома, из каждой лавки злых духов. Монах заходил в жилище и поджигал бумажный мешочек с самодельным порохом. Порох вспыхивал ярким пламенем, облако дыма застилало жилище. Так «выжигались» и изгонялись злые духи, что сопровождалось неугомонным и сокрушительным боем в литавры.

Снова день перехода, и мы в другом уездном центре— Нанькане. Городок этот был занят Национально-революционной армией 6 сентября 1926 г. Мы пришли в конце ноября. И здесь за короткое время пробудилась общественная жизнь. Уже были организованы рабочие союзы, созданы комитеты гоминьдана, однако компартия и комсомол, несмотря на освобождение провинции от суньчуаньфановских войск, еще не вышли из подполья.

Нанькан — это бойкий торгово-ремесленный городок, насчитывающий около трех тысяч семей. Здесь заметно было иностранное влияние:, выросли за последние годы европейского типа здания, встречались и вполне современные китайские магазины с иностранными товарами и вывесками на английском языке. В городе имелась электрическая станция.

Когда мы подходили к Нанькану, нас поразило обилие намалеванных красавиц. Местный чиновник разъяснил нам, что это обитательницы наньканских публичных домов и что таких женщин здесь около трехсот.

В Нанькане у нас была остановка на весь день, прошедший в бесконечных банкетах и митингах. Мы воспользовались возможностью и бродили по тесным улочкам.

Чтобы ознакомиться с жизнью городка, я собрал расклеенные на стенах домов объявления, особенно такие, на которых были официальные печати местных властей. Среди объявлений, действительно, оказались ценные материалы, вплоть до уставов только что организовавшихся рабочих союзов. Но поразившим меня более всего документом было объявление новых гоминьдановских властей о продаже с торгов права на сбор налогов. Привожу это объявление гоминьданов-ской администрации полностью.

«Объявление Южноцзянсийского финансового комитета.

11 ноября получена телеграмма от директора провинциального финансового комитета, в которой он сообщает о решении продать купцам с торгов управление всеми объединенными налоговыми учреждениями. Торги на продажу

провинциального налогового управления, а равно и налоговых управлений, расположенных в других городах, будут производиться в здании Провинциального собрания. Продажа остальных (т. е. уездных) управлений должна быть произведена на месте. Инструкции высылаются, а телеграмма посылается для того, чтобы местные финансовые комитеты немедленно установили сроки торгов. При покупке налоговых учреждений деньги должны быть уплачены наличными.

В соответствии с этим распоряжением мероприятие это проводится здесь, в Нанькане. Срок и условия торгов будут сообщены позже. Мы надеемся, что все купцы, знакомые с положением различных объединенных налоговых управлений и желающие по контракту купить их, придут в ямынь для ознакомления с соответствующими инструкциями».

Власть, как известно, принадлежит тому, кто собирает налоги. Гоминьдановское правительство в Цзянси, действуя таким образом, продавало эту власть с торгов купцам. Если купцы вкладывают свои капиталы в такое предприятие, как налоговое управление, то они прежде всего стремятся получить прибыль, и, судя по некоторым данным, прибыль составляла не менее ста процентов. Она выколачивалась в первую очередь из крестьян и рабочих.

Когда купцы покупали налоговые управления по контракту, то армия, полиция и суд обязаны были помогать купцам сдирать с трудящихся семь шкур, ибо половина сбора шла органам власти, а другая — составляла доход купцов.

Прочтя этот документ, мы невольно подумали о народных массах, которые возлагали такие большие надежды на национальную революцию. Этот документ, расклеенный в ноябре на узеньких улочках Нанькана и обнаруженный нами на улице имени Сунь Ятсена, лучше всего говорил о классовой природе нового правительства в Цзянси.

Между тем рабочие в Нанькане, которых насчитывалось 500 семей, уже организовались. Они успели провести ряд забастовок и добились частичного успеха. В процессе борьбы они создали свои рабочие союзы, названия которых давали представление о преобладавших в Нанькане ремеслах и занятиях. Здесь были союзы плотников, парикмахеров, служащих, серебряных дел мастеров, кузнецов, ткачей, служащих чайных домов, сапожников, красильщиков и портных. Вступительный взнос, например, по союзу плотников был равен для рабочего пятидесяти фэням, для хозяина — двум юаням. Ученики освобождались от уплаты. Ежемесячный взнос был установлен в размере десяти фэней для хозяев и пяти — для рабочих.

Каждый союз избирал комитет, который состоял из четырех отделов: секретариата, организационного, финансового и пропаганды. Каждый союз объединял рабочих и хозяев как в самом городе, так и во всем уезде. В городе были созданы уличные отделения союзов, которые проводили собрания не реже одного раза в месяц. Если среди членов отделения возникал конфликт, то он разбирался в общем комитете союза.

Собрание комитета союза созывалось раз в две недели, а общее собрание всего союза — раз в шесть месяцев. На этом собрании избирался комитет союза.

Союз плотников расклеил на улицах свой устав, отпечатанный в местной типографии, вместе со следующей резолюцией:

«1. С 30 сего месяца (октябрь.— ***С. Д.)*** заработная плата всех членов союза увеличивается не менее чем на 5 фэней в день.

2. Срок обучения учеников — членов союза — ограничивается тремя годами.

3. Все плотники, независимо от того, состоят ли они членами союза или нет, обязаны внести в кассу союза по одному юаню».

Или вот, например, расклеенный на улицах устав союза швейников. Первый пункт этого устава гласил: «Союз организован рабочими и хозяевами швейных мастерских и по своей сущности является профессиональной организацией». Пункт второй: «Союз ставит своей целью объединить усилия своих членов и установить между ними хорошие отношения, поднять производство и расширить дела, положить конец лишениям, поддержать благополучие членов». Вступительные взносы в этом союзе были установлены такие же, как и у плотников, но, кроме того, в пользу союза взимался с каждой швейной машины один юань. Организационная структура была такой же, что и у союза плотников. Председатель уличного отделения назначался комитетом. В комитет союза входили семь человек, из которых четыре являлись деревенскими портными.

Таким образом, наньканские рабочие союзы по существу представляли собой гильдии, которые, по-видимому, являлись в Китае неизбежным этапом на пути создания классовых рабочих союзов.

Гоминьдановская организация была создана здесь местной организацией компартии и комсомола еще в мае, т. е. за три-четыре месяца до занятия Нанькана Национально-революционной армией. Во всем уезде подпольная гоминьдановская организация насчитывала около 100 членов, из которых 30 работали в самом Нанькане. С приходом Национально-революционной армии гоминьдан вышел из подполья. Во время нашего посещения в

уезде было 600 членов гоминьдана.

Нелегальная городская организация в тот период, когда она насчитывала в своих рядах 300 человек, состояла из учителей, учащихся, нескольких рабочих и крестьян. В ноябре 1926 г. в гоминьдановскую организацию в Нанькане входили: крестьян— 16, рабочих— 6, купцов (к ним относились главным образом приказчики) — 25, учителей — 29, учащихся — 13, врачей — 2 и шэньши—19. Таким образом, почти половина всей городской организации состояла из шэньши и купцов.

Как и все китайские уезды, наньканский был уездом крестьянским. В нем было 27 тыс. хозяйств с населением от 150 до 200 тыс. человек. Некоторые утверждали, что жителей насчитывалось больше — 300 тыс. человек. Уезд делился на 41 волость примерно, по 10 деревень в каждой. Таким образом, в уезде имелось более 400 деревень.

Большинство крестьян были безземельными. Цифры о социальном составе населения мы получили из двух разных источников. Не рискуя признать абсолютно верными данные только одного из них, приводим оба варианта;

Крупных землевладельцев Самостоятельных крестьян Полуарендаторов Арендаторов

1 080 хозяйств

3 240 9 720

12 960 810 хозяйств

2 720 *

13 820 » 9 650 »

В обоих вариантах подсчета полуарендаторы и арендаторы составляли примерно 80% общего количества хозяйств. Среди полуарендаторов была в основном деревенская беднота, но в этой категории встречались и крестьяне, расширявшие путем аренды свое хозяйство.

Очень расходились данные о батраках. Если общее количество населения в уезде доходило примерно до 200 тыс. человек, то, по одним подсчетам, количество батраков составляло 34 тыс., по другим — лишь 4 тыс. человек. Если бы первый вариант был реальным, то это означало бы наличие развитого капиталистического сельского хозяйства в уезде, но, как мы увидим ниже, типично капиталистические хозяйства в уезде встречались редко. Вот почему эту цифру можно без колебаний отбросить, но вместе с тем и вторая цифра была тоже безусловно преуменьшенной, ибо наличие множества деревенских кули в уезде бросалось в глаза.

Крупных землевладельцев, владевших по 2 тыс. му земли (около 125 га) и больше, во всем уезде имелось только четыре

человека. В среднем же крупные собственники владели участком от 100 до 300 му. Обычно они сами землю не обрабатывали, а сдавали ее крестьянам в аренду. Но наряду с этим уже появились и типично капиталистические хозяйства. Нам называли одного собственника, владевшего участком в 200 му, который не сдавал свою землю в аренду. Работала вся его семья, состоявшая из 10 человек, и кроме них—12 наемных батраков. Но подобных хозяйств в уезде было очень мало.

Интересно было и происхождение наньканских крупных собственников земли. Это не были потомки родовитых феодалов. Они вышли почти исключительно из семей шэньши и торговцев. Сдававший в аренду не всегда был крупным земельным собственником. Иногда земля сдавалась в аренду из нужды, из-за недостатка рабочих рук, невозможности ее обработать.

По китайскому закону наследования земля делилась поровну между всеми сыновьями. В результате земельные участки все время дробились. Но дробление имеет известные пределы. Зачастую наследник получал настолько мизерный участок, например 3—5 му, что занятие исключительно сельским хозяйством обрекало бы его семью на голодное существование. При таком положении крестьянин бросал свой голодный участок, уходил в город в качестве кули, ремесленника, а иногда и мелкого торговца, а землю свою сдавал в аренду.

Самостоятельные крестьяне — это мелкие собственники, владевшие в среднем 10—15 му земли. Собственно говоря, в Цзянси не было исчисления земли по площади, расчет здесь велся по весу снятого урожая. Самостоятельным крестьянином в Нанькане считался тот, кто снимал урожай примерно в 50 даней зерна *. Один му давал обыкновенно 4—5 даней зерна.

Категория самостоятельных крестьян не однородна. К ней относились все крестьяне, владевшие от 10 до 100 му земли. В Нанькане обладатель 100 му земли считался не крупным землевладельцем, а богатым крестьянином. Это крупный кулак. Таким образом, к категории самостоятельных крестьянских хозяйств относились различные прослойки — от бедняка до кулака.

Полуарендаторы, которые наряду с арендаторами составляли преобладающую часть наньканского крестьянства, имели свой собственный, очень незначительный участок земли, на котором семья не могла прокормиться и поэтому вынуждена была приарендовывать землю. Полуарендатором обычно считался тот крестьянин, который собирал со своего участка в среднем 20 даней зерна (4—5 му) и около 30 даней с арендованного (6—7 му). Но наряду с такой формой существовала еще и

капиталистическая аренда. В уезде имелись кулаки, владевшие участком в 100 му и приарендовывавшие еще му 50.

Наконец, третий тип хозяйства — арендаторский. Собственно говоря, это были субарендаторы, ибо безземельный бедняк арендовал землю у крупного земле-

владельца не прямо, а через посредника — обычно богатого купца. Арендаторами считались кулаки или шэньши, которые и сдавали землю безземельным крестьянам (ростовщическая форма аренды). Кулак или шэньши выступал перед крупным земельным собственником как поручитель, за что получал от крестьянина известную долю урожая в виде подарков и различных подношений по случаю семейных или других праздников поручителя. Таким образом, арендатор эксплуатировался вдвойне: собственником земли и поручителем.

Земля в уезде делилась на неорошаемую и орошаемую. За неорошаемую землю арендатор платил деньгами, примерно 4 юаня за му; арендная же плата за орошаемую землю взималась натурой, в зависимости от качества земли. Орошаемые земли принято было делить на три категории. За первую кулак-арендатор платил землевладельцу минимум половину урожая, но для крестьянина арендная плата за этот вид земли доходила местами до 80% урожая, за вторую категорию арендная плата взималась в размере 40% и за третью— в размере 30% урожая. В размере 30% урожая взималась арендная плата и за общинные и храмовые земли. Общинных земель в Наньканском уезде было немного: всего лишь 2 тыс. му. Формально доходы от этих земель шли на нужды всей общины или же на содержание деревенских детей, посланных учиться в города. Их так и называли: студенческие земли. Фактически же общинные земли находились в руках шэньши, главным образом их дети и учились в городах.

Храмовая земля составляла в уезде 10% всей обрабатываемой земельной площади. Происхождение храмовых земель довольно интересно и связано с родовыми отношениями в наньканских деревнях. Когда умирал богатый крестьянин, он зачастую завещал часть своей земли на постройку храма. Построенный храм начинал обрастать землей благодаря тому, что умиравшие члены рода основателя храма завещали небольшие участки и в его пользу. Так постепенно храмы обрастали крупными земельными участками. Это была в известной мере родовая собственность, управлявшаяся старейшиной рода. Практически храмовые земли находились в руках богатых крестьян и крупных землевладельцев, которые сдавали их в аренду.

Сдача любой земли в аренду производилась по особому договору, причем срок обыкновенно в договоре не фиксировался,

так что собственник мог в любое время согнать арендатора с земли.

Помимо земли в аренду сдавался и скот. Вˆтом уезде беднота, как правило, не имела своего скота для обработки полей. Самостоятельные крестьяне имели по одной голове рабочего скота, кулаки — по 5—6 голов, а крупные землевладельцы — целые стада, которые сдавались по головам в аренду. Основным видом рабочего скота был буйвол, недоступный бедному крестьянину из-за слишком дорогой цены (буйвол стоил 80 юаней). Не имея своего буйвола, крестьянин брал его в аренду, за что платил 5 даней риса в год (урожай с одного му земли). Один дань риса стоил здесь от 4 до 7 юаней, в зависимости от времени года. 5 даней риса стоили в среднем 25 юаней. Следовательно, «амортизация» буйвола совершалась примерно в 3—4 года, между тем как продолжительность его жизни 15—20 лет. Вот почему вложение капитала в покупку скота считалось у местных купцов очень прибыльным делом.

Батраки были здесь двоякого рода: годовые и поденные. Годовые получали от 15 до 40 юаней в год, поденные рабочие: мужчины получали от 15 до 40 фэней в день, женщины — от 3 до 10 фэней. Во всех случаях харчи были хозяйские.

В Наньканском уезде крестьянство возделывало рис, бобы, земляные орехи, картофель, овощи, табак, индиго, хлопок и лен. Преобладала, конечно, культура риса. Площадь под продовольственными культурами— рисом и бобами — все время увеличивалась, между тем как посевы технических культур — индиго, хлопка — сокращались. Объяснялось это растущим из года в год ввозом иностранных красок и хлопка и общим обнищанием крестьянства, думавшего только о хлебе насущном. Исключение составлял табак. Площадь под табаком росла, что объяснялось растущим спросом местной табачной промышленности.

Развитие капитализма как иностранного, так и национального уже сказалось и на наньканской деревне. Сократилось число кустарных мастерских, увеличились отхожие промыслы. Вместе с тем развивались и денежные отношения: крестьяне продавали рис, ореховое масло и табак, а покупали на рынке ткани, сельскохозяйственные орудия, посуду и удобрения. Одежда крестьян была тоже покупной.

Все крупные землевладельцы и купцы занимались здесь ростовщичеством. Денежные займы на год давались неохотно. Более распространены были займы на несколько месяцев, причем крестьянин платил 15% в месяц. За годовые займы взималось до 150%. При займах натурой взималось, как правило, 100%. За

неплатеж по займу грозил арест или увод дочерей крестьянина к кредитору в качестве заложниц.

В Наньканском уезде собирались следующие официально установленные налоги: земельный, на табак и вино, за убой скота, сампанный (лодочный) налог, гербовые пошлины, налог на содержание полиции, особый налог на содержание школ. Налоги взимались начальником уезда и откупщиками при посредстве деревенских старост и шэныни.

Но это были только официальные налоги. Помимо того крестьян грабили под тем или иным предлогом местные шэньши и милитаристы, которые налагали на крестьян дополнительные поборы вроде «обувного налога», предназначенного на приобретение обуви для солдат.

В результате грабежа крестьянство разорялось распродавало свою землю. Самостоятельный крестьянин превращался в полуарендатора, полуарендатор — в арендатора. В Наньканском уезде ежегодно происходили земельные ярмарки, на которых продавалось значительное количество земли. Скупали землю преимущественно городские купцы.

Политический строй деревни был довольно сложен. Очень сильны были пережитки родовых отношений. В уезде имелись роды численностью до 10 тыс. человек. Во главе рода стоял старейшина, имевший нескольких помощников. До сих пор еще запрещался брак между членами одного и того же рода. Между отдельными родами зачастую происходила борьба на почве главным образом земельных споров.

В каждой деревне имелись жители, принадлежавшие к различным родам. Они объединялась в родовые общины, в группы домов по родовому признаку, во главе которых стоял родовой староста. Это была первичная административная единица в наньканской деревне. Старосты по родовой линии были подчинены старейшине всего рода, а по административной — деревенскому старосте, который назначался волостйыми властями. Во главе волости стояли 3—5 шэньши, назначенные начальником уезда, который в свою очередь назначался провинциальными властями, а фактически державшим в руках провинцию милитаристом. Начальник уезда был одновременно и начальником полиции. В Наньканском уезде имелись 3 полицейских отделения с 50 полицейскими. Помимо полиции в деревнях существовали особые отряды, находившиеся в распоряжении крупных землевладельцев и шэньши. Эти отряды были известны под названием «минь-туань» (здесь они назывались «сянтуань»). Сянтуани были не особенно сильны; каждый отряд имел лишь по одной винтовке, а остальное оружие

— холодное.

Различные споры и судебные дела разбирались сперва в родовой инстанции. Если соглашение не было достигнуто, дело переходило к деревенскому старосте, волостным шэньши и, наконец, к начальнику уезда. Суда, как специального учреждения, не было. Административные инстанции являлись одновременно и инстанциями судебными, что открывало еще более широкий простор для злоупотреблений и вымогательств.

В деревнях сохранялись остатки круговой поруки. Если преступника не удавалось обнаружить, то отвечали те семьи, члены которых когда-либо совершили подобное преступление.

Таковы были остатки родового быта в наньканской деревне. Они были еще достаточно сильны и поддерживались наличием родовой собственности, концентрировавшейся вокруг родового храма предков, на средства которого не только содержались деревенские школы, но и оказывалась порой поддержка обедневшим членам рода. Однако родовая община уже не была в состоянии противодействовать развивающемуся процессу разорения крестьян.

Во главе рода прежде стоял самый старший из его членов; в наше время золото подточило и этот обычай. Все чаще и чаще главой рода становился самый богатый. Так в руки крупных земельных собственников попала не только родовая собственность, но и родовое управление, авторитет родовых старейшин. Когда в сентябре 1926 г. сюда пришла Национально-революционная армия, был назначен новый начальник уезда, так как старый бежал вместе с суньчуаньфановской армией, на местах же, т. е. в деревнях, остались те же шэньши и деревенские старосты.

Приближение революционных войск вызвало подъем крестьянского движения. Ко времени нашего прихода здесь уже существовали 22 крестьянских союза, объединявшие 2500 семей. Крестьянские союзы организовали свои отряды самообороны — баотуань и начали разоружать отряды сянтуань. Отнятое у сянтуа-ней оружие находилось в комитете гоминьдана, которым руководили коммунисты. Разоружив эти отряды, крестьянские союзы стали свергать старую власть в деревнях и в целом ряде мест захватили ее в свои руки. Взяв же власть, крестьяне выставили новые требования, прежде всего уменьшение арендной платы. Велась также борьба с ростовщиками, с вербовкой в армию деревенских кули. Крестьяне требовали изменения системы брака (в Китае выплачивался большой выкуп за невесту: в городе он доходил до 1000 юаней, в деревнях — до 400. Крестьяне требовали отмены выкупа).

Лозунга конфискации помещичьей земли еще не было. Крестьянство, которое только-только начало подыматься, было еще настолько угнетено, настолько забито, что еще не дошло здесь, да и всюду, где мы проходили, до требования конфискации земли крупных землевладельцев.

25. Экскурс в историю

Мы проходили по деревням, знакомились с крестьянской жизнью, и над многими вещами приходилось задумываться. Вот перед нами гуандунская деревня. Она состоит из двух стоящих друг против друга одноэтажных, крытых черепицей или рисовой соломой до-

Группа крестьян

мов, длиною во всю улицу. Каждый дом под одной крышей, каждый разгорожен на отдельные комнаты, двери которых выходят прямо на улицу. Сразу же возникали вопросы: почему дом под одной крышей? Почему крестьянская семья не живет в отдельном доме, в своей избе? Совершенно очевидно, что под одной крышей жило более широкое объединение, чем семья в привычном для нас смысле слова. И действительно, в длинном доме жили все родичи, целая родовая община.

Купля и продажа земли практиковались уже давно. И все же крестьянин считал землю не своей личной собственностью, а семейной, родовой. Продать землю, унаследованную от отца, и не передать ее по наследству сыновьям даже в двадцатых годах считалось большим грехом. Поэтому разорившийся крестьянин предпочитал сдавать свой небольшой участок земли в аренду, но не продавать.

Я уже говорил об общинных и храмовых землях и общинных уборных. Наряду с этим в некоторых местах сохранялись и

общинные зерновые амбары, служившие страховым фондом на случай неурожаев по

причине засухи, наводнений и т. п. Эти фонды создавались путем натуральных взносов всех членов общины. Ясно, что перед нами были остатки прежних общественных отношений. Но каких именно? Феодальных? Однако мы не встречали в пути характерных для Европы феодальных замков, типичных помещичьих усадеб, князей, графов, дворян и т. д.

Крупных земельных собственников было довольно много. Но это были главным образом купцы и ростовщики, которые скупали землю и сдавали ее в аренду крестьянам. Шэньши, которые занимались тем же, представляли собою как бы нижний этаж бывшего сословия ученых. Они знали определенное количество иероглифов, могли прочесть распоряжения вышестоящих властей и письменно сообщить им о положении дел в деревне; они знали какой-то минимум законов. В сущности, это были занимавшиеся лихоимством деревенские чиновники. И хотя англичане по звуковой аналогии называют шэньши «джентри», однако ничего общего с мелкопоместным дворянством они не имели. Не было здесь феодалов, аристократов, родовой старейшина имел больше власти, чем шэньши.

И вместе с тем мы всюду видели, как в деревню проникали капиталистические отношения, как процветала купля-продажа, как широко было распространено ремесло с наемным трудом. На место натурального пришло товарное хозяйство, и только один шаг требовался для его превращения в капиталистическое — переход к наемному труду. На этот путь вступила уже и деревня, а город и подавно.

В Университете имени Сунь Ятсена в Москве мы преподавали студентам курс развития и смены общественных формаций: от первобытной общины через рабовладельческий, затем феодальный строй к капитализму, за которым следует социализм как первая фаза коммунизма. Мы трактовали общественные отношения в Китае (не в Шанхае) как переходные от феодализма к капитализму. Теперь, пройдя пешком более 300 километров по китайским деревням, по местам, где, возможно, нога европейца не ступала, я усомнился в правильности того, чему мы учили своих студентов. Мы видели здесь остатки не феодального, а того строя, который К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин называли азиатским способом производства, или восточным обществом. В основе его лежит отсутствие частной собственности на землю. Номинально земля принадлежит государю как представителю неба, бога или верховному жрецу, олицетворяющему высшую власть в государстве. Следует отличать владение землей или

землепользование от частной собственности на землю. «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» [22].

Фактически земля находилась во владении главным образом крестьянских общин, сложившихся сперва по родовому признаку. В основе земледелия лежит система искусственного орошения, питающаяся водой из главных водных артерий, будь это Нил в древнем Египте, Ганг — в Индии, Янцзы — в Китае. Сооружение плотин и каналов, от которых зависит земледелие, является главной экономической функцией государства. Большая длина естественных водных артерий, большие размеры территорий государства, проведение общественных работ и переброска рабочей силы в принудительном порядке влекут за собой централизацию государственной власти и превращение ее в деспотию, освященную каким-либо культом.

На этом держалось господство в одних странах сословия ученых, в других — жрецов, в одних — бюрократии, в других — теократии, деспотическая власть императора, повелевающего и принуждающего крестьян сегодня строить плотины и каналы, завтра — грандиозные египетские пирамиды, величественные дворцы и храмы, Великую китайскую стену и т. п. На родовой общине держался культ предков и учение о сыновней почтительности и послушании отцу, родовому старосте, старейшине рода, власти, императору и система круговой поруки.

Отсутствие частной собственности на землю, общинное землевладение, общественные амбары, в которых хранились страховые запасы зерна на случай стихийных бедствий, веками сложившиеся общественные отношения идеализировались некоторыми идеологами и изображались чуть ли не как коммунистический строй. К. Маркс подверг критике такую идеализацию сельской общины. Он писал: «Мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы» ***К***

Теперь уже известно, что азиатский способ производства не был присущ только Азии, он существовал всюду, где земледелие держалось на централизованной системе искусственного

орошения. Так было в империи инков и ацтеков в Южной Америке, а также в древнем Египте, где земледелие зависело от разливов Нила и требовало принудительных работ. Недаром фараон Тутанхамон изображен в статуэтке держащим в руках плетку — символ власти и принуждения.

Совершенно очевидно, что восточное общество в каждой стране в отдельности имело свои разновидности. Даже в таких рядом расположенных странах, как Индия и Китай, имелись существенные отличия. В Китае нет следов тех кастовых отношений, которые сохранились до сих пор в Индии. Но для всех стран с азиатским способом производства был характерен принудительный труд, на основе которого производились все общественные работы, сооружения храмов и т. п. Там, где существует принудительный труд, может возникать и рабство, однако оно никогда не являлось основой хозяйственной системы. В противном случае это был бы не азиатский способ производства, а рабовладельческий строй. В Китае, например, рабство существовало в форме домашнего рабства у представителей господствующего класса или же в порядке наказания.

Сословие ученых или жрецов образует в этом об-

ществе высший господствующий класс, за ним следует сословие воинов, затем купцов и ремесленников, и все эти классы существуют главным образом за счет крестьянства, из которого состоит почти вся масса населения.

Но если по тем или иным причинам плотины и каналы приходят в упадок, наводнения и засухи поражают сельское хозяйство, а голод — крестьян, тогда вспыхивают крестьянские революции. Китай — классическая страна таких революций, возникавших в результате разложения общественного строя торговоростовщическим капиталом, узурпации общинной земли господствующими классами, заботившимися о своем богатстве, своей роскоши, а не о каналах и плотинах, которые приходили в упадок, что влекло за собой засухи в одних местах, наводнения — в других, неурожаи, голод, смерть. Крестьянские революции восстанавливали в большей или меньшей степени старые общественные отношения, и исторический цикл повторялся снова. Так было до вторжения иностранного капитала и развития капитализма в Китае. Тайпинская революция 1850—1864 гг. была последней крестьянской революцией этого типа. И если тайпины восприняли у европейцев христианство, то только потому, что первоначальный христианский коммунизм соответствовал отрицанию частной собственности на землю и общинному укладу китайского крестьянства.

Выше уже говорилось, что, будучи теперь снова в Китае, я занимался и сбором материалов по истории тайпинской революции. В одном из городков, через которые мы проходили, с помощью китайских товарищей мне удалось достать ценные материалы о тай-пинах, в том числе текст их земельного закона. Я привез его в Москву, где он был переведен на русский язык и опубликован в одном из номеров «Материалов по китайскому вопросу», издававшихся научно-иссле-довательским институтом при Университете им. Сунь Ятсена. В этом законе говорилось: «Если есть земля, ее обрабатывают совместно; если есть пища, ее совместно едят; есть платье — его совместно носят; есть деньги — их совместно расходуют. Повсюду должно быть равенство и не должно быть человека, который не был бы сыт и одет... все — одна большая семья небесного отца, верховного господина, верховного императора, и все люди во вселенной не должны держать лишнего. Когда все идет верховному господину, у него есть способ направить всё так, чтобы все во вселенной были сыты и находились в тепле».

Это и был закон о восстановлении азиатского способа производства, разложенного в XIX столетии уже не только торгово-ростовщическим капиталом, история которого восходит в Китае к древним временам, но теперь уже капиталистическим развитием, ускоренным вторжением иностранного капитала.

Тайпинский закон о земле четко формулирует сущность производственных отношений восточного общества. Внизу — крестьянская община, наверху — государство как верховный собственник земли. Государство это — класс жрецов, шэньши, военачальников. Весь прибавочный продукт крестьянина изымается и перераспределяется сперва самой общиной (собственные страховые фонды), а затем государством. Часть централизованного прибавочного продукта образует государственные страховые фонды, другая — потребляется господствующим классом. Так выглядит восточное общество в чистом виде. Изменения вносятся ремеслом и торговлей, которые предполагают, что какая-то доля произведенного в сельском хозяйстве продукта идет на обмен в частном порядке. Рынок и частный обмен — самое глубокое противоречие азиатского способа производства, в основе которого лежит натуральное хозяйство.

В середине XIX в. в обмен была уже втянута значительная часть крестьянства, которую не устраивали общинно-уравнительные отношения. Тем более они не устраивали купечество. В этом заключается главная причина поражения тайпинов, главная, но не единственная.

В двадцатых годах XX в. тайпинская революция была еще жива в памяти пожилых людей, особенно на юге. Ее уроки необходимо было учесть в момент, когда поднялось крестьянское движение. Без изучения аграрных отношений, господствовавших в Китае, нельзя было разобраться в движущих силах революции 1925—1927 гг.

Уже в 1926 г., перед своим отъездом в Китай, готовясь к лекциям в Университете им. Сунь Ятсена об общественных формациях, я обратил внимание на высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса об азиатском способе производства. Это было интересно, но в нашей литературе тех лет никаких разъяснений по этому вопросу я не нашел. Более того, мне казалось, что это имеет отношение к глубокой древности, более близкой к первобытной общине, чем к рабовладельческому строю, а тем более к феодализму. Поэтому тогда у меня не было сомнений в том, что капиталистическому развитию Китая предшествовал феодальный строй, тем более что китайский дуцзюнат легко вписывался в систему феодализма. Так просто было представить каждого дуцзюня феодалом, а систему дуцзюната выражением феодальной раздробленности Китая. Каждый из нас, занимавшийся Китаем, именно так представлял себе в двадцатых годах социальную структуру Китая. В действительности же дуцзюнат был порождением неудавшейся буржуазной революции 1911 г. и борьбы различных империалистических держав за сферы господства в Китае.

Сомнения в отношении феодализма возникли у меня именно теперь, во время перехода из Кантона в Наньчан, когда я натолкнулся на явные остатки азиатского способа производства, когда своими глазами увидел в неприкосновенности ту систему искусственного орошения, ту старинную технику, при помощи которой вода подавалась на рисовые поля.

Вернувшись в Москву в начале 1927 г., я обратился к сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса и извлек из них все, что основоположники марксизма писали о восточном обществе на протяжении по крайней мере

14 лет —с 1853 по 1867 г. Собранные вместе высказывания классиков представляли собой цельное учение

об этом особом общественном строе, отличном как от рабовладельческого, так и от феодального. Теперь, когда я располагал материалами, собранными в Китае, это учение К. Маркса и Ф. Энгельса приобрело для меня особо важное значение. Проблема тайпин-ской революции выступила передо мной в совершенно новом свете. С большим увлечением я засел за работу по истории этой революции. Я закончил ее и дал

рукописи отлежаться в ящике письменного стола. Занятый другими делами, я так и не смог подготовить ее к опубликованию. Спустя несколько лет она погибла вместе с другими материалами. Однако некоторые следы этой работы все же сохранились.

Забегая несколько вперед, хочу рассказать о жарких дискуссиях об азиатском способе производства и тайпинской революции на протяжении 1927—1928 гг.

В Университете им. Сунь Ятсена в Москве в 1927 г. я выступал несколько раз после своего возвращения из Китая с докладами о революции 1925—1927 гг., в которых обращал внимание на остатки азиатского способа производства, на их роль в крестьянском движении, их значение при решении аграрного вопроса в Китае.

В ходе обсуждения возникла проблема сущности азиатского способа производства, его существования или несуществования в историческом прошлом, встал вопрос о том, какой общественный строй был в Китае: азиатский способ производства или феодализм, с остатками какой общественной формации сталкивалось революционное движение в Китае XX в. Так началась дискуссия об азиатском способе производства.

В начале 1928 г. заместитель директора Международного аграрного института С. М. Дубровский предложил мне выступить у них с докладом по этому вопросу.

Международный аграрный институт находился на Воздвиженке (ныне проспект Калинина) в особняке, который в настоящее время занимает Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами. Секретарем института была Н. С. Аллилуева. Она занималась, в частности, организационной подготовкой заседания, на котором мне предстояло выступить с докладом. Так я познакомился с этой приятной женщиной, от которой веяло добротой и сердечностью, коммунисткой, которая поражала своей простотой, деликатностью и величайшей скромностью. Никто не мог бы подумать, что она — жена И. В. Сталина.

С. М. Дубровский, мой товарищ с гимназических лет, с которым я встречался чуть ли не до последних дней его жизни, историк-аграрник, был хорошо знаком со спорами вокруг русской общины. Поскольку производственные отношения азиатского способа про-

изводства характеризовались общинным землепользованием, С. М. Дубровский подошел к восточному обществу с «русской» точки зрения. Дело в том, что существование феодализма в России очень долго оспаривалось. Еще в 1902 г. В. И. Ленин,

критикуя формулировку Г В. Плеханова, говорившего о феодальноремесленном периоде в России, писал: «Тут чуть ли не нарочно выбрано такое выражение, которое наименее приложимо к России, ибо применимость к нашим средним векам термина „феодализм" оспаривается» Имелась точка зрения, согласно которой в Московской Руси существовал азиатский способ производства. Особенно настойчиво выступали против феодализма в России славянофилы, утверждавшие, что здесь существовал самобытный, совершенно особый общественный строй, в основе которого лежала община. На этой же точке зрения стояли русские народники, доказывавшие отсутствие в России не только феодализма, но и капитализма. Полемика вскоре переключилась в другую плоскость: теперь речь шла уже не об азиатском способе производства или феодализме, а о наличии или отсутствии в России капитализма. Как известно, против славянофилов и народников решительно выступил В. И. Ленин, доказавший, что Россия давно уже вступила на путь капиталистического развития. Спустя несколько лет с совершенно неожиданной стороны пришли доказательства того, что развитию капитализма в России предшествовали чисто феодальные отношения, а не азиатский способ производства. Доказал это буржуазный русский историк Н. Павлов-Сильванский, опубликовавший в 1907 г. свою книгу «Феодализм в древней Руси». Он раскрыл, правда чисто юридически, идентичность русских удельных князей и боярщины с иерархией и системой землевладения французского феодализма.

В 1924 г. книга эта была переиздана с предисловием М. Н. Покровского, который писал, что Н. Павлов-Сильванский «открыл в древней России те формы феодального права, которые были знакомы Западной Европе и существование которых у нас отрицалось всеми предшествующими историками... Пав-

лов-Сильванский, не марксист по убеждениям и кадет но своей партийной принадлежности, сделал из вопроса о русском феодализме один из аргументов в пользу марксистского объяснения русской истории... В этом огромное методологическое значение работ Павлова-Сильванского».

С. М. Дубровский, ученик М. Н. Покровского, никогда не занимался историей Китая вообще и его аграрными отношениями в особенности. Но отрицание феодализма в Китае и концепцию азиатского способа производства он воспринял в аспекте тех споров, которые велись по этому вопросу применительно к России. Поэтому его выступление по моему докладу в Международном аграрном институте имело чисто методологический характер, опиралось на исторический опыт

России и не базировалось на конкретном материале, почерпнутом из истории аграрных отношений в Китае.

Из полемики с С. М. Дубровским следовало лишь то, что община и общинное землевладение были характерны не только для азиатского способа производства, но и для феодализма. Следует отметить, что русская община в том виде, в каком она существовала в XVII—XIX вв., отличалась от китайской. Последняя была родовой, то есть более древней, чем русская община, которая была территориальной, следовательно, уже трансформировавшимся видом общины.

Вместе с тем стало очевидным, что не община является решающей основой азиатского способа производства, а специфические географические и климатические условия, при которых земледелие было невозможно без системы искусственного орошения, каналов и плотин, водяного колеса, подымавшего воду на определенную высоту. Без всего этого плодородные земли превращались в пустыни.

Дискуссия об азиатском способе производства или феодализме не была чистой схоластикой и не носила характера археологических раскопок. Она имела в высшей степени актуальное значение при решении проблем новейшего времени, определении характера

П. П а в л о в - С и л ь в а и с к и й. Феодализм в древней Руси. Изд-во «Прибой». Пг., 1924, с, 3—5,

тайпинской революции, извлечении из нее уроков при разработке аграрной программы Коммунистической партии Китая. Отсюда — большой интерес к вопросу о характере тайпинской революции. Дискуссия об этом состоялась осенью 1928 г. в Научно-исследовательском институте по Китаю.

Несмотря на перемену места работы (в 1928 г. заведовал отделом в редакции газеты «Известия»), я был членом ученого совета Научно-исследовательского института по Китаю (тогда это называлось иначе — «действительный член Института») и принял активное участие в дискуссии. Тезисы моего доклада о тайпинской революции были размножены и розданы участникам обсуждения.

Почти все докладчики и выступавшие в прениях придерживались той точки зрения, что общественный строй Китая в середине XIX в. был феодальным. На этой точке зрения стоял основной докладчик М. И. Щу-карь, а также выступившие по докладу А. С. Поляков, М. Волин, А. И. Скорпилев, В. С. Колоколов, М. И. Барановский, В. Н. Широков, П. А. Гриневич, Л. Мадьяр (о нем я скажу особо). В этой дискуссии я выступил с оценкой тайпинской революции с позиций азиатского способа

производства.

Товарищи, придерживавшиеся феодальной концепции при характеристике исторического развития Китая, расходились между собой в оценке тайпинской революции, борьбы между вождями тайпинов и т. д., но сходились за отдельными исключениями на том, что эта революция была буржуазной и даже буржуазнодемократической, следовательно, для того времени прогрессивной. Такая оценка казалась логичной: на смену разложившемуся под воздействием китайского торгово-ростовщического и иностранного капитала феодализму шел капитализм, носителями которого, как полагали эти исследователи, были тайпины. Однако никто из стоявших на этой позиции не мог объяснить, почему «буржуазное» крестьянство провозгласило общинную, а не частную индивидуальную собственность на землю, почему городская буржуазия выступала против тайпинов.

Мое выступление сводилось к тому, что в середине XIX в. Китай созрел для капиталистического разви

то тия. Азиатский способ производства был разложен китайским торгово-ростовщическим и иностранным капиталом. Тайпинская революция была антикапиталистической революцией крестьян, стремившихся не к коммунизму, а к восстановлению отношений, присущих азиатскому способу производства, и прежде всего к восстановлению общины и ликвидации частной собственности на землю. Поэтому тайпины не смогли найти общего языка с купеческой организацией «Общество триады». По этой же причине значительная часть крестьянства не присоединилась к тайпинам. Рабочий класс находился в одних цехах и гильдиях с купцами и не был еще «классом для себя». В таких условиях судьбу тайпинов решила иностранная военная интервенция.

В дискуссии принял участие и Л. Мадьяр, венгерский коммунист, прибывший в 1922 г. в Советскую Россию и принявший советское гражданство. В 1926 и 1927 гг. он работал в

советских консульствах — сперва в Ханькоу, а затем в Шанхае. Там он занимался аграрными отношениями в Китае. Собрав обширный материал по этому вопросу, он написал книгу «Экономика сельского хозяйства в Китае». В этой книге Л. Мадьяр показал, что частная собственность на землю возникла на базе разложения азиатского способа производства. В этом отношении мы были с ним единомышленниками, и у нас установились на этой почве дружеские отношения. Я написал рецензию на его книгу, которая была опубликована в 1928 г. в одном из октябрьских номеров «Известий».

Во время дискуссии о тайпинской революции осенью того же года Л. Мадьяр занимал несколько противоречивую позицию. Считая, что в середине XIX в. Китай уже стал на путь капиталистического развития, он трактовал тайпинскую революцию как буржуазную, а земельный закон тайпинов расценивал как реакционную утопию.

Дискуссия о тайпинской революции продолжалась и после 1928 г. В марте 1929 г. в том же Научно-исследовательском институте по Китаю состоялось новое обсуждение этой проблемы. На этот раз докладчиком был А. И. Скорпилев. За этим последовали новые дискуссии об азиатском способе производства.

В них я уже не участвовал, ибо в 1929 и 1930 гг. работал за границей.

Дискуссия об азиатском способе производства продолжается до сих пор — факт, говорящий о том, что не так легко и просто опровергнуть его существование в историческом прошлом и отрицать наличие остатков этого общественного строя вплоть до середины XX столетия. Сторонникам феодальной концепции следовало бы применить методологию Н. Павлова-Сильван-ского, дополнив его юридическую аргументацию экономической. Следует помнить, что после Павлова-Сильванского прекратились споры о том, был ли в России феодализм или нет. Его метод исследования пригоден и для решения того же вопроса в отношении китайской истории.

Со времени начала дискуссии об азиатском способе производства прошло уже больше 50 лет. За эти годы мировой революционный процесс охватил весь земной шар. Колониальная система империализма потерпела крушение, и народы Азии, Африки и Латинской Америки, добившись политической независимости, ведут борьбу за преодоление той экономической и культурной отсталости, на которую обрек их империализм.

Всем ходом мировой истории страны этих континентов поставлены перед дилеммой: по какому пути идти дальше — по

пути капитализма или социализма. Растет количество стран, придерживающихся в своем развитии социалистической ориентации. Но даже в тех странах, которые так или иначе оказались привязанными к колеснице капитализма, обнаружилось стремление к независимости от иностранного империализма, к установлению нового экономического порядка, свободного от неоколониализма.

По мере расширения и углубления революционного процесса в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки все актуальнее становится проблема изучения и понимания особенностей исторического развития каждой из этих стран в отдельности. Во многих из них еще сохранились и играют определенную роль родовые и племенные отношения, которые пред-шествовали не только феодализму, но и азиатскому способу производства.

Этим объясняются огромный интерес к истории народов Азии, Африки и Латинской Америки и появление большого количества исследований прошлой и современной социальной структуры развивающихся стран.

В нашей литературе преобладает характеристика докапиталистических отношений в этих странах как феодальных. При этом часто упускается из виду, что в основе феодализма лежит земельная собственность, принадлежащая особому классу феодалов. Отсюда — специфические формы эксплуатации крестьянства (в России, например, крепостничество), а также политическая раздробленность страны, слабость центральной власти и т. д. Образование абсолютной феодальной монархии, централизация политической власти происходили на завершающей стадии этого общественного строя, когда начинался уже переход к капитализму.

Между тем Ф. Энгельс, изучая землевладение на Востоке, обратил внимание на тот факт, что: «На всем Востоке, где земельным собственником является община или государство, в языке отсутствует даже самое слово „помещик"». При этом Энгельс задался вопросом: «Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности?»[23]. К- Маркс и Ф. Энгельс объяснили это особенностями земледелия в тех странах, где оно зависит от системы искусственного орошения, создание которой оказывалось не под силу даже самому крупному земельному собственнику.

Азиатский способ производства существенно отличается от феодализма. Вопрос о восточном обществе вновь стал актуальным в последнее время в связи с событиями в Кампучии, господством

там маоистов во главе с Пол Потом и Иенг Сари в 1975—1978 гг., пытавшимися построить «новое общество», а на деле возродить азиатский способ производства.

Следует прежде всего отметить, что основные черты азиатского способа производства сохранялись в Кампучии дольше, чем в Индии и в Китае. До установления французского колониального господства в этой стране, то есть до 1863 г., земля там была не частной, а государственной собственностью. Она не являлась предметом купли-продажи. Земля в Кампучии передавалась крестьянам не в частную собственность, а во владение (в пожизненное пользование). Лично крестьянин был свободным и пользоваться землей мог только в том случае, если он ее обрабатывал. Если же по каким-либо причинам он прекращал заниматься земледелием и в течение трех лет не обрабатывал землю, то она возвращалась государству, а затем безвозмездно передавалась другому крестьянину.

Господствовавшая в Кампучии религия, буддизм, наиболее четко сформулировала суть аграрных отношений, присущих азиатскому способу производства: «Земля бога доверена на сохранение государю, который предоставляет ее в распоряжение всех людей, имеющих в ней надобность».

Кампучийский «сдать» (король), вступая на престол, приносил клятву, что он не обратит землю в свою частную собственность, а передаст ее в пользование народу: «Вода, земля, леса и горы, которые есть в областях государства, не могут быть нами взяты. Я их оставлю монахам, всем людям народа, всем живым существам с тем, чтобы они нашли там средства для добродетельного существования».

Земледелие, прежде всего культура риса, требовало централизованной системы искусственного орошения. Плотины и каналы, а также дороги, равно как государственные зернохранилища, храмы, дворцы, крепости, сооружались крестьянами в принудительном порядке. Государственная трудовая повинность и натуральные налоги были неотъемлемой частью всей экономической системы.

Землепользование в Кампучии носило семейный характер, однако самые трудоемкие работы, такие, как пересадка риса и сбор урожая, проводились сообща, силами деревенской общины («иок-дей») в порядке взаимопомощи. Четко вырисовывались три класса кампучийского общества: внизу крестьянство, наверху — духовенство и бюрократия. Таким образом, государственная собственность на землю, централизованная государственная власть, особый класс бюрократии, ведавший общественными работами и сбором натуральных налогов, государственная

трудовая повинность, деревенская община, коллективно выполнявшая наиболее трудоемкие сельскохозяйственные работы — все это представляло собою наиболее характерные черты азиатского способа производства, сохранившиеся в Кампучии вплоть до середины прошлого столетия.

Наряду с этим налицо были уже и признаки разложения формации: семейное землепользование и на этой основе переход некоторых земель в частную собственность, появление денежных налогов (наряду с натуральными или взамен их), ростовщичество, долговая кабала и т. п. Французское господство во второй половине прошлого и в первой половине нынешнего столетия усилило процесс разложения старого общественного строя и ускорило развитие капитализма в этой стране.

Подъем национально-освободительного движения после второй мировой войны, ликвидация господства французского империализма в Индокитае, а затем проамериканского правительства Лон Нона в Кампучии сменились приходом к власти пропекинской группировки Пол Пота — Иенг Сари, которая превратила страну в опытный полигон для строительства «нового общества», во имя которого было истреблено почти три миллиона человек.

7 января 1979 г. в результате народного восстания была свергнута тирания последователей Мао Цзэдуна в этой граничащей с Китаем стране. После их изгнания раскрылась вся правда о «великом эксперименте» построения «нового общества» в Кампучии.

Основой экономики при режиме Пол Пота было провозглашено сельское хозяйство. Философия человеческого существования свелась к четырем словам: «будет рис — будет все». Население, проживавшее в городах, было изгнано оттуда и насильственно отправлено в деревни. За ненадобностью были закрыты не только университет, но даже средние учебные заведения, больницы, почта, телеграф, ликвидирован городской транспорт и т. д.

Была запрещена не только частная собственность на землю и средства производства, но и личная собственность на домашнюю утварь, вплоть до посуды. Деньги были отменены и изъяты из обращения.

Все население страны было согнано в деревенские коммуны, разбито на подразделения по военному образцу и ежедневно отправлялось на ирригационные и сельскохозяйственные работы. Рабочий день продолжался от восхода до захода солнца. Дважды в день раздавалась пища, состоявшая из риса и вареных овощей. Приготовленное на общей кухне мясо полагалось два раза в

неделю. Раз в год выдавалась одежда — рубаха и штаны.

Браки заключались в порядке распределения по парам молодежи брачного возраста, свидания мужа с женой допускались раз в десять дней. Была «отменена» семья, а вместе с ней и семейное землепользование, восстановлена более древняя форма обработки земли — всей деревней под командованием старосты.

Депортация городского населения в деревни означала и ликвидацию городской промышленности — заводов и фабрик, что предопределило уровень сельскохозяйственной техники в полпотовских коммунах. Это были ручные орудия ручного изготовления, главное из них — мотыга.

Если сопоставить этот режим с общественным устройством, провозглашенным в законе о земле тайпинов, о котором говорилось выше, то не трудно установить их сходство. «Новое общество» представляло собой ***старое*** восточное общество в его наиболее отсталой форме. Характерны в этом отношении черты «нового общества», общие и со строем государства инков на территории нынешнего Перу до проникновения туда испанцев (т. е. относящиеся к XV в.). И у инков одежда выдавалась из государственных складов, и инки не знали денег, и у инков был азиатский способ производства.

«Эксперимент Пол Пота» был возвратом к первобытному коммунизму древней деревенской общины, ничего общего с научным коммунизмом не имеющим. В. И. Ленин, словно предвидя полпотовское «новое общество», говорил: «Социализм без почты, без телеграфа, машин — пустейшая фраза»[24]. На III конгрессе Коммунистического Интернационала в 1921 г., развернув программу социалистического строительства в Советской России, В. И. Ленин сказал: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие... Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны»[25].

В этом суть противоположности марксизма-ленинизма и маоизма. Первый представляет собою идеологию индустриального пролетариата, стремящегося вперед, к замене капитализма коммунизмом, базирующимся на более высоком, чем при капитализме, уровне развития производительных сил. Второй — представляет собою попытку восстановить первобытный коммунизм деревенской общины, разложенной развитием капитализма. Маоисты в Кампучии тянули общество назад к давно отжившему свой век азиатскому способу

производства с его принудительным трудом, палочной дисциплиной, деспотизмом и тиранией.

В. И. Ленин всемерно стремился привлечь к строительству социализма буржуазную интеллигенцию— ученых, профессоров, учителей, врачей, инженеров, писателей, художников. Это было особенно важно в стране, где 75 процентов населения не умели ни читать, ни писать.

Маоисты в Кампучии считали, что деревенская община должна жить так, как тысячу лет назад. Ей не нужен ни учитель, ни врач, ни агроном, ни инженер, ни машины. Они считали интеллигентов вредоносным порождением капитализма и физически истребили почти всю интеллигенцию.

«Эксперимент», во имя которого полпотовцы зверски уничтожили почти треть населения страны, стал трагедией народа и кровавым уроком истории для всех развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки...

Китай является одной из самых древних стран с особенностями своего исторического развития, которые следует учитывать. О таком учете говорил В. И. Ленин на IV Конгрессе Коминтерна. Но наряду с особенностями у всех социалистических стран имеются общие принципы, лежащие в основе пролетарского интернационализма. Однако враждебная политика китайского руководства по отношению к СССР и другим социалистическим странам и тот альянс, который оно заключило с империализмом, представляют собой разрыв с марксизмом-ленинизмом.

Я возвращаюсь теперь снова в Китай 1926—1927 гг. Коммунистическая партия создавала в эти годы крестьянские союзы, вела борьбу с шэньши и тухао, выставляла целый ряд требований, направленных на улучшение положения крестьянства, но вряд ли я ошибусь, если скажу, что научно обоснованной аграрной программы у КПК тогда еще не было.

26. Ганьчжоу.

На сампанах в Наньчан

Наступил день, когда мы расстались с Наньканом.

Снова поля, скалистые берега реки, деревни, волости. Здесь процветает рыбный промысел с прирученными бакланами. Крестьянин плывет на плоту, сделанном из четырех длинных связанных вместе бамбуковых стволов. В середине его он стоит сам с веслом, на одном конце плота — корзина для пойманной рыбы, на другом — птица. Прирученный баклан ныряет, ловит в свой перевязанный зоб рыбу и подплывает к плоту. Рыбак вытаскивает из зоба добычу, а птица с криком снова мчится на охоту. Встречали мы на реке и бурлаков, тащивших баржу против течения.

Мы шли уже восьмой день, а до Ганьчжоу, где должны были пересесть в сампаны, еще оставалось два перехода. На узких тропках нельзя было идти рядом хотя бы вдвоем, беседовать, обмениваться мнениями. Министров, женщин кули носили в паланкинах. М. Бородин обзавелся пони и передвигался верхом. Коммунисты, как правило, шли пешком, за ними кули носили пустые паланкины, на толстых бамбуковых жердях переносились чемоданы. Двигались все молча, ибо при строе «гуськом» не разговоришься. Лишь в деревнях, в харчевнях делились «впечатлениями.

Иногда дорога расширялась до метра шириной, тогда можно было к кому-нибудь присоединиться и поговорить.

Чжан Тайлэй в дни перехода в Наньчан

Вот идет мой старый друг Чжан Тайлэй. Похудел в пути, осунулся. На митингах он переводил речи Бородина, который говорил по-английски. Кто мог тогда подумать, что ровно через

год, в декабре 1927 г., Чжан Тайлэй сложит голову в бою за Кантонскую коммуну, одним из вождей которой он стал.

Поздно вечером мы пришли на ночевку в какую-то волость и остановились в полицейском участке. Там было сравнительно тепло, полицейские заботились о нас с таким раболепием, что порой становилось неудобно. Это были старые сунь-чуаньфановские полицейские, не получавшие, как правило, жалованья. Жили они на взятки, вымогательства и т. п. доходы.

Полицейские таскали нам еду из какого-то ресторана. Мы просили позвать хозяина, чтобы расплатиться, но добиться этого не смогли. Пришел какой-то мальчик, которому мы уплатили за ужин. Вряд ли эти деньги попали в руки хозяина ресторана.

Но вот и последний переход. Мы подходили к Ганьчжоу — административному центру целого района.

Уже километров за пять до Ганьчжоу при какой-то речной переправе была организована массовая встреча правительства и русских советников (эго гувэнь). На реке стояли разукрашенные джонки, которые салютовали нам канонадой пороховых хлопушек. На другом берегу рядами выстроились делегации общественных организаций Ганьчжоу и расположенные здесь войска. Самым интересным было присутствие отряда старинной крестьянской боевой организации. Это были молодые парни, одетые в черные с перламутровыми пуговицами костюмы, с пиками, у острия которых были прикреплены красные кисти. Они имели грозный и воинственный вид.

В сопровождении встречавших нас делегаций мы двинулись один за другим по узкой дороге в Ганьчжоу. Скоро была уже слышна приветственная музыка и трескотня хлопушек. Здесь состоялась самая массовая, самая восторженная встреча, в которой приняли участие даже союзы нищих и слепых. Люди требовали, чтобы гости остались на несколько дней. Два дня шли беспрерывные митинги.

По городу были расклеены и распространялись специальные листовки, приветствующие Бородина и других русских советников. Подобные листовки в честь советских людей, выпущенные гоминьдановскими и рабочими организациями, распространялись в каждом городке. Бородин был одной из самых популярных фигур в Китае. Здесь, в Ганьчжоу, его буквально рвали на части, просили, чтобы он выступал на каждом митинге.

Ганьчжоу — Довольно большой торговый город. Он в несколько раз больше Нанькана, и, когда мы шли по его улицам, создавалось впечатление, что он состоит из сплошных лавок и ремесленных мастерских. Но даже здесь чувствовалось

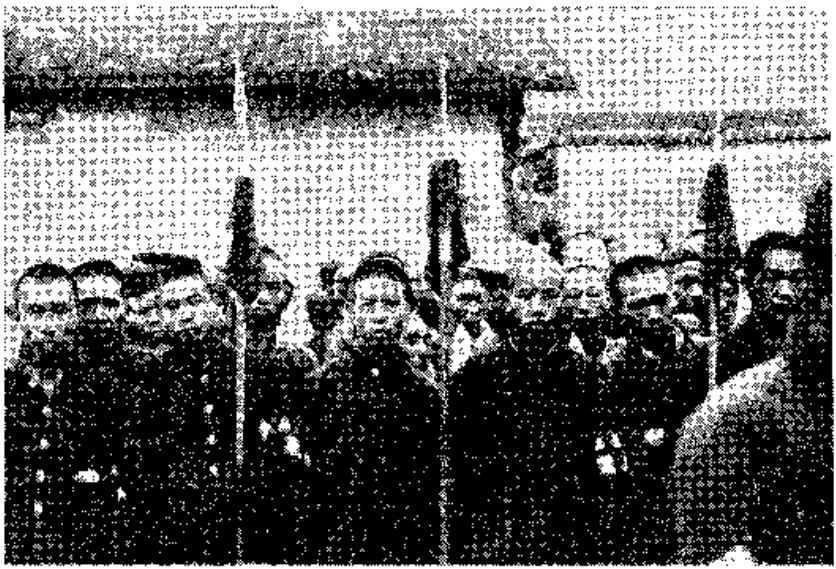
иностранное влияние. Выросла целая улица с европейскими трехэтажными домами, первые этажи которых были заняты крупными магазинами и ресторанами. По выстроенным, правда в полукитайском стиле, крепким бетонным одноэтажным палатам, спрятанным за такими же крепкими воротами, не трудно было узнать, где живет буржуазия.

Здесь имелись свои крупные банкиры-ростовщики, перед которыми пресмыкались местные власти. В Ганьчжоу насчитывалось 1400 торгово-промышленных предприятий. В ганьчжоуских магазинах было много иностранных товаров, много вывесок на английском языке, хотя вряд ли иностранец забредал сюда чаще одного раза в три года. Вывеска на иностранном языке являлась здесь символом солидности фирмы, точно так же как банкеты с иностранными блюдами, тарелками, ножами, вилками и ложками стали признаком хорошего тона в среде местной буржуазии и крупных чиновников. Раз появилась в городе такая потребность, появился и большой трехэтажный, только что выстроенный ресторан с иностранной кухней. Увлечение иностранными товарами, иностранной кухней, иностранными манерами в тот период стало характерным для купеческо-чиновничьей среды даже в таких городах, как Ганьчжоу.

Город был центром не только торговли, но и кустарной промышленности. Мы бродили по мастерским и поражались техническим приемам производства. Вот, например, текстильное предприятие. Станки деревянные, мало чем отличавшиеся от наших старинных деревенских станков. Суровье идет в особые красильные мастерские. Способ окраски допотопный. Примитивные глиняные чаны, натуральное индиго, посредством которого по особому китайскому способу ткань окрашивается в синий цвет. Впрочем, имелись здесь и иностранные краски различных цветов. Крашеная ткань подвергается потом полированию, наводится глянец. Вот эта операция заставила нас изумиться. В помещении, куда свет проникал только через дверь, в земляной пол был вкопан большой прямоугольный камень с овальной выемкой, поверхность которой была тщательно отполирована. Над ним на трапеции висел на канате такой же огромный камень, овально выпуклый соответственно выемке в нижнем камне. Крашеная ткань наматывается на крепкую круглую палку и кладется в выемку. Верхний камень опускается на катушку ткани. Молодой парень становится ногами на оба конца верхнего камня и, держась руками за столбы трапеции, начинает попеременными движениями ног раскачивать камень. Камень, лежащий на катушке, плавно движется из стороны в сторону, а ткань таким образом полируется обоими камнями.

Толкание камня ногами — тяжелый труд, а между тем рабочий был занят этим по 11 —12 часов в сутки.

За два месяца, которые прошли со времени заня-



Крестьянская боевая организация

тия Ганьчжоу Национально-революционной армией до нашего прихода, в городе организовалось уже 13 рабочих союзов. К декабрю 1926 г. были организованы следующие рабочие союзы:

Все эти союзы вместе объединяли тогда более 5600 рабочих, т. е. немногим более половины всех рабочих, Ганьчжоу.

Как и в Нанькане, в рабочие союзы входили и хозяева. Несмотря на это, союзы провели уже целый ряд забастовок, в результате которых работай день

в Ганьчжоу был ограничен 11—12 часами, а заработная плата поднялась в среднем до 15—20 фэней в день.

Гоминьдановская организация во всем уезде насчитывала 400 членов, из которых 300 жили в городе. Городская организация состояла главным образом из учащихся средних школ. В местной организации гоминьдана их было 150 человек, за ними шли служащие (30 человек), затем чиновники, вступившие в организацию по принуждению, в том числе четверо шэньши. Рабочих в организации было только трое. В комитете нам сообщили, что в последнее время кое-кто записывается в организацию гоминьдана в надежде получить чиновничье место. Организационный комитет партии (выборного комитета тогда еще не было) состоял из семи человек: четырех чиновников, одного шэньши и двух адвокатов. Председателем бюро был директор ганьчжоуского торгово-промышленного комитета.

Характерно, что купечество группировалось здесь вокруг

реакционной организации, издававшей свою ежедневную газету тиражом 800 экземпляров. Редактором был преподаватель местной педагогической школы. Газета вела пропаганду против СССР, утверждала, что только первый принцип Сунь Ятсена (национализм) правилен, вела травлю союза учащихся как «красного». Редактор был связан с исключенными правыми гоминьдановцами в Шанхае, от которых получал статьи для своей газеты. В связи с нашим приходом в Ганьчжоу газета была временно закрыта.

Во всем уезде тогда имелось только девять коммунистов. Трое из них — местные рабочие, остальные были командированы сюда из центра. Это была очень активная группа, которая вела здесь большую работу, особенно в области печатной пропаганды.

Начальник уезда был новый, назначенный командованием Национально-революционной армии. Нам дали такую его характеристику: к гоминьдановской работе относится безразлично, но не чинит препятствий левым гоминьдановцам и коммунистам. Всюду на местах власть осталась старой, и по-прежнему в городе процветали опиекурильни, игорные и публичные дома, принадлежавшие местным шэньши.

Мы уходили из Ганьчжоу под впечатлением рабочего митинга, устроенного местной организацией компартии. Митинг состоялся в храме Будды поздно вечером, когда все лавки в городе были уже закрыты. Большой храм был набит до отказа. На стене висели красные знамена с пролетарскими лозунгами. Тусклый свет керосиновых ламп едва освещал лица рабочих. Здесь были и пожилые люди, но в первых рядах сидела молодежь, ученики. Все пришли сюда прямо с работы, в рабочих костюмах. Лица были усталые и угрюмые.

Выступал с докладом приехавший с нами китайский коммунист, интеллигент, по-европейски одетый. Когда он начал речь, рабочие насторожились и отнеслись к нему сперва недоверчиво, насупили брови,— одним словом, «не наш человек».

Докладчик оказался блестящим агитатором, умело втягивавшим аудиторию в живое обсуждение. Послышались первые возгласы «хао, хао!» («хорошо, хорошо!»), и постепенно лица рабочих стали проясняться. Коммунист кончил доклад, сопровождаемый бурей аплодисментов и возгласами «хао, хао!».

Это был другой мир. Здесь не было этих надоевших слащавых улыбок и поклонов, не было торговли у каждой двери: кому первому пройти, не было лицемерных речей о верности «трем принципам» Сунь Ятсена. Нет, это был другой, подлинно революционный Китай.

В Ганьчжоу закончился наш утомительный пешеходный путь.

Мы пересаживались здесь в сампаны. Вот теперь мы поняли одну из причин, в силу которых иностранному империализму так трудно было проникнуть в глубь Китая. Страну спасли наряду с другими факторами пути-дороги. Десять дней мы шли гуськом по узким тропинкам — «великому пути» из Гуандуна в Цзянси. По обеим сторонам тропинок лежали залитые водой болотистые рисовые поля. Когда дорога уходила в горы, то она представляла собой высеченные в камнях уступы. Мостов через реки не было, переправляться нужно было на лодка-х. Иногда через речку на зыбких подпорках были проложены несколько тонких жердей. Наши переходы по этим перекладинам редко кончались благополучно. Раз кто-то упал в воду вместе со следовавшим за ним пони. Воевать в такой огромной стране иностранным империалистам было трудно. Узкие тропинки мешали действовать большими войсковыми соединениями. Воинские части вынуждены были рассыпаться на жидкие цепи, следовавшие друг за другом. Не то что тяжелую, но даже легкую артиллерию протащить здесь было невозможно. И не случайно прямая интервенция иностранцев в Китае ограничивалась на севере Маньчжурией и Пекином, в центре — долиной реки Янцзы (от Шанхая до Ханькоу), а на юге — только Кантоном. В остальном Китае им приходилось использовать силы китайских милитаристов.

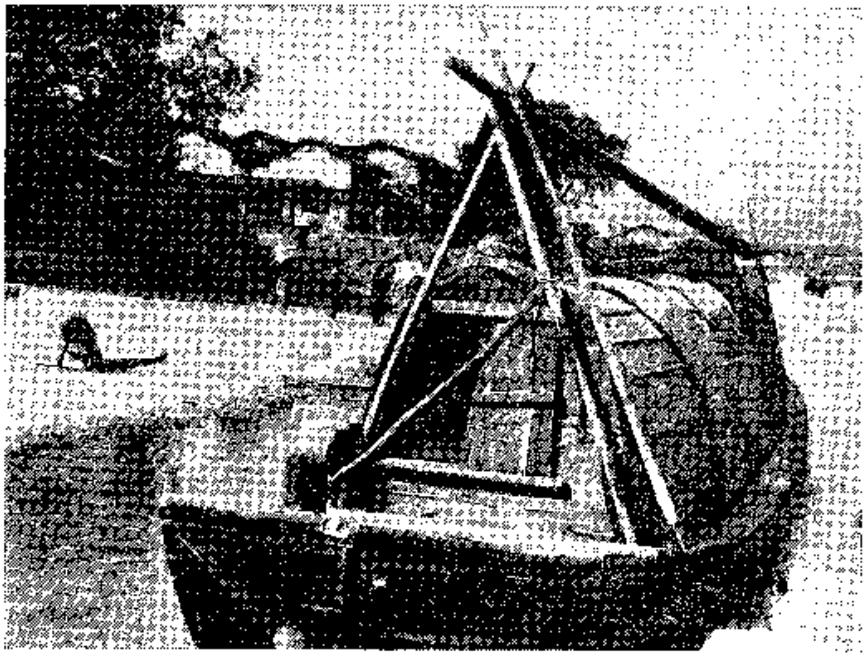
В речных сампанах мы должны были плыть по реке Ганьцзян до самого Наньчана. Сампаны приспособлены для перевозки товаров. Наши маленькие сампаны могли брать 10—15 т груза. Они имели для этого очень вместительные трюмы, крытые досками, на которых мы расставили свои походные койки. На каждом сампане легко уместилось пять-шесть коек, и, несмотря на это, было довольно просторно. В середине лодки стояла защищенная от ветра кирпичная печь, на которой мы стряпали. Нам помогал работавший здесь двенадцатилетний мальчик-ученик, выполнявший также обязанности повара, кормившего всю команду. Джонка была хорошо защищена от дождя овальной крышей из плетеных бамбуковых матов. Раздвигая маты сверху, мы получали окно, раздвигая снизу — дверь.

Хозяин сампана, одновременно капитан и рулевой, жил здесь постоянно в трюме с женой и пятилетним сынишкой. Шестеро гребцов, по трое на каждое работавшее по винтовому принципу огромное весло, да упомянутый поваренок составляли команду.

Это была маленькая джонка, но Китай имел большой флот парусных джонок, вмещавших иногда по 400 — 500 т и выходивших в прибрежное морское плавание.

Из Ганьчжоу до Цзианя, расположенных друг от друга на

расстоянии 150 км, мы плыли пять суток, столько же времени, сколько при переходе такого расстояния пешком. Все время дул встречный ветер, и поэтому невозможно было развернуть паруса. Шли по



Наш сампан

течению только на веслах. Ночью бросали якорь и стояли где-нибудь посреди реки, опасаясь в темноте сесть на мель. Вода в это время была малая. Летом же река здесь настолько многоводна, что в Ганьчжоу заходят маленькие пароходики из Цзианя.

В сампане, кроме команды, нас было четверо: О. Тарханов, Е. Иолк, один китайский товарищ и я. Е. Иолк знал китайский язык, и благодаря этому мы теперь воспринимали окружающее не только глазами, но и ушами. Много путевых заметок делалось при помощи Е. Иолка, который переводил нам не только живую речь, но и собранные в пути документы.

О. Тарханов, который проделал в Китае большую научно-исследовательскую работу, собирал в пути материалы для своих прекрасных «Китайских новелл». Я давно знал его как даровитого человека, но никто не подозревал тогда, что в нем скрывается и талант писателя-новеллиста.

После утомительных переходов мы чувствовали себя в сампанах точно в комфортабельных квартирах. Было тепло и уютно, а главное, можно было пи-

сать и читать, приводить в порядок путевые записки. Много помогал нам ехавший на сампане наньканский коммунист, рассказывавший о своей работе в деревнях.

Китайский коммунист резко выделялся среди окружающих даже по своему внешнему виду, не говоря о манерах и обычаях, которые мало чем отличались от наших. Это был родной нам человек не только по убеждениям, но и по духу. Узелок вещей, пачка книжек— так странствовал он из деревни в деревню, ведя революционную пропаганду, организуя крестьянские союзы, руководя их работой. Он ехал сейчас в Цзианьский уезд, куда его направила партийная организация. Из Наньканa он двинулся пешком, и по просьбе коммунистов Ганьчжоу мы с удовольствием взяли его к себе в сампан. Товарищ этот впервые в жизни видел русских коммунистов и немедленно взялся практически изучать русский язык.

Молодой вдумчивый человек, он резко отличался от той гоминьдановской среды, к которой мы уже достаточно привыкли. Никаких поклонов, накаких церемонных улыбок — деловитость. И такими были они все — китайские коммунисты. Когда мы приходили в гоминьдановские организации и комитеты, можно было по общему облику и манерам присутствовавших безошибочно определить, кто из них коммунист, кто истый гоминьдановец.

Беседуя с нашим попутчиком — низовым провинциальным, к тому же деревенским работником, мы еще раз убедились, каких замечательных людей имела китайская компартия. Это были подлинные товарищи, люди исключительной самоотверженности и аскетизма, большой моральной чистоты и беззаветной преданности делу китайского пролетариата.

Не помню, на второй или на третий день нашего речного путешествия мы приближались к маленькому уездному городу Ваньань. Вдали, на самом высоком месте гористого берега показалась пагода — признак того, что мы подъезжаем к городу.

Вот перед нами уже стены Ваньаня. Приблизившись к ним, мы увидели большую надпись, сделанную огромными черными иероглифами на только что побеленной части стены. Надпись гласила: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами. Ленин».

В городе в связи с нашим приездом состоялся большой митинг, который закончился пением «Интернационала» и

«Молодой гвардии» на китайском языке. А ведь это было не в Шанхае и не в Ханькоу; это было в Ваньане, далеком городке, связанном с внешним миром только протекающей здесь небольшой рекой; это было в Ваньане, который не обозначен на карте, потому что в нем было всего лишь 3 тыс. жителей.

Во всем уезде было 16 тыс. жителей, главным образом крестьян. Земельные отношения здесь были уже иными. Самостоятельных крестьян — 50%, полуарен-даторов — 30% и арендаторов — только 20%. Полу-арендаторы здесь богаче самостоятельных крестьян, которые владеют крошечными участками, в среднем по 4—5 му. Полуарендатор же помимо такого собственного участка арендует еще добавочную землю. В общем, в ваньаньском уезде преобладало мелкое бедняцкое крестьянское хозяйство.

Крупных землевладельцев здесь не было, а богатым считался тот, кто владел 50 му, т. е. в десять раз больше самостоятельного крестьянина. Арендная плата была ниже, чем в других местах,— не более 40% урожая. Земельный налог был установлен в размере примерно 5% стоимости одного урожая (здесь снимается два урожая в год). Помимо него взимался целый ряд других налогов. Так, например, специальный налог в размере 3 фэней с каждого собранного даня риса уплачивался в уезде на содержание минь-туаней.

Широко развито было ростовщичество, которым занимались местные шэньши, бравшие за заем 30% в месяц.

В Ваньане имелись четыре городских купеческих гильдии и одна общеуездная. Гильдии в городе объединяли 400 торговцев. К гоминьдану они относились в первое время безразлично, но потом в связи с ростом крестьянского и рабочего движения стали проявлять политическую активность, поддерживая правые элементы.

В дни нашего пребывания в этом городе было уже три рабочих союза, объединявших 70 человек. Значительная часть рабочих еще входила в старые гильдии. Заработная плата составляла в среднем 10—15 фэней в день.

Имелись здесь и союзы учащихся, объединенные в масштабе всего уезда.

Гоминьдановская уездная организация раньше была небольшой подпольной группой, ставшей легальной с 20 августа 1926 г. За несколько месяцев она успела довести количество своих членов до 700. Торговцев в организации было мало, менее 1%, большинство членов организации — 60% —учителя, учащиеся и служащие, крестьян было 30%, а рабочих— 10%.

Власти здесь остались прежние. Начальник уезда и начальник

полиции были в тех же должностях и при Сунь Чуаньфане. Они даже и сейчас не вступили в гоминьдан и препятствовали его работе. Начальник уезда получил кличку «Рисовая корзина» — так в Китае называется человек, который думает исключительно о своем брюхе и кармане. Во главе четырех из шести расположенных в уезде отрядов миньтуаней стояли шэньши. В ваньаньской деревне уже в то время началось крестьянское движение. Крестьянские союзы были организованы в 72 деревнях и объединяли 2600 семей.

Основные требования крестьянских союзов, в которые здесь входили главным образом самостоятельные крестьяне, заключались в установлении новой революционной власти, в лозунге «Долой шэньши и миньтуаней, взимающих незаконные налоги и поборы!». Крестьяне требовали также уменьшения ростовщического процента.

Рабочим и крестьянским движением, союзами учащихся, а равно и самой организацией гоминьдана всецело руководили здесь коммунисты и комсомольцы. Местная организация коммунистической партии насчитывала только 30, а комсомол 20 человек. Обе эти организации вели за собой рабочие союзы и крестьянские организации.

Мы глазам и ушам своим не верили, когда покидали крошечный Ваньань. Как глубоко пустила корни китайская революция!

Теперь мы плыли в Цзиань. Стоял конец ноября. Солнце хорошо грело, и, когда мы высаживались на берег, чтобы отправиться в тот или иной городок, становилось жарко. Но на воде было прохладно, особенно когда дул ветер. Тогда приходилось одеваться во что-нибудь потеплее. Здесь на пути в Цзиань случилось происшествие, которое вновь заставило меня призадуматься.

Я говорил уже, что с нами ехала семья хозяина сампана — его жена и пятилетний мальчик. Было прохладно, и мать одела сына в теплый ватный костюм. Как-то мальчик бегал по палубе сампана, оступился и упал в воду. Упал и даже не вскрикнул. Отец стоял рядом и что-то громко сказал. Прибежала мать. Ватник, пока он еще не пропитался водой, держал мальчика на воде, но было ясно, что как только одежда промокнет, ребенок пойдет ко дну. Течение реки было здесь быстрое, и мальчика стало относить от сампана. Родители стояли на палубе и не шелохнулись. На лицах у обоих было выражение сожаления, печального прощания, но не ужаса. Спасти своего ребенка они даже не пытались. Спасли его мы и, когда подняли мальчика на борт сампана, не услышали от родителей ни слова

благодарности. Они были даже как-то ошарашены.

Все это было так непонятно, что мы попросили нашего китайского товарища объяснить поведение родителей. Он сказал нам, что спасать утопающего — грех.

Тогда в моей памяти всплыли многочисленные сцены, которые приходилось наблюдать в Тяньцзине, Шанхае, Кантоне. По улице бежит рикша с пассажиром. Сзади его нагоняет автомобиль. Шофер начинает сигналить. Рикша не обращает никакого внимания на сигналы, даже не поворачивает головы и не уступает дороги автомобилю. Сперва я думал, что это озорство рикши, борьба старого с новым. Но потом я наблюдал эти картинки ежедневно. Вот два кули, держа на плечах бамбуковую дубину, несут привязанную к ней кладь. Сзади — автомашина, следует сигнал. Никакого внимания. Машина объезжает рикшу или кули, но они не уступают ей дороги. Сигналы машины никогда не вызывали на их лицах какой-либо реакции.

Я много думал о родителях, стоявших неподвижно, когда тонул их ребенок, о рикше и кули, не реагирующих на сигналы автомашины, и пришел к заключению, что все это сложилось веками, освящено религиозными верованиями и обычаями.

Китай всегда был страной с самым большим населением и с быстрым его приростом. Стихийные бедствия— засухи и наводнения — еще недавно, даже в начале XX столетия, уносили десятки миллионов человеческих жизней. В течение тысячелетий стихийные бедствия регулярно повторялись. Постоянно повторяющееся явление входит в религиозные представления как веление неба, которому нельзя сопротивляться. Поэтому спасать тонущего ребенка — грех, поэтому за тысячелетия сложилось отсутствие инстинкта самосохранения. И может быть, стихийные бедствия являлись в древнем Китае регулятором роста населения.

29 ноября, после пятидневного путешествия, мы прибыли в город Цзиань.

На высокой старинной набережной собрались делегации всех политических организаций со своими знаменами. Мы поднялись на узкую набережную, выложенную каменными плитами. Здесь ждали пони, которые должны были доставить нас в город.

Мы прибыли во дворец, где состоялся большой банкет с речами и тостами. Выступали здесь все, в том числе и девушки-школьницы. Самым интересным на банкете были длинные плакаты-лозунги, развешанные в зале. Это были требования, адресованные присутствующим здесь членам правительства. Содержание требований вызвало замешательство среди министров.

Вот эти лозунги.

Дух Ленина живет среди нас!

Дух Ляо Чжункая живет среди нас!

Отмените все незаконные и грабительские налоги!

Требуем уничтожения лицзиня!

Крестьяне и рабочие имеют право сопротивляться налоговому гнету!

Установите максимальную норму арендной платы за землю!

проводите политику в интересах рабочих и крестьян!

Улучшите положение рабочих и крестьян!

Народ имеет право на свободу слова, собраний и печати!

Организуйте хорошее провинциальное правительство!

Примите меры к снио/сению цен на товары и урегулируйте денежное обращение!

Увеличьте жалованье учителям низших школ!

В этих лозунгах чувствовалось недовольство притеснениями властей, ибо никто никогда не требует того, что он уже имеет. В то же время на основании этих лозунгов можно было заключить о значительном влиянии коммунистов на местное население.

Национально-революционная армия пришла вЦзи-ань 24 сентября 1926 г. До этого здесь господствовали шэньши, находившиеся в союзе с наньчанскими милитаристами. Приход Национально-революционной армии всколыхнул народные массы, которые прежде всего заставили бежать из города двух наиболее лютых шэньши по имени Ма и Мэнь. Уже тот факт, что не успели мы приехать, как немедленно узнали об этой паре, достаточно говорит о том, как натерпелось от них население.

Эти шэньши убежали из города к... командиру 2-й дивизии Национально-революционной армии, который взял их под защиту. Они даже писали письма в Цзиань, в которых сообщали, что скоро возвратятся в город под охраной частей 2-й дивизии.

С тех пор как население узнало об угрозе возвращения этих двух шэньши, гоминьдановская работа затруднилась. Люди боялись, что Ма и Мэнь возвратятся и расправятся с теми, кто проявит себя революционно.

Члены местного комитета гоминьдана просили нас передать эти опасения правительству и предотвратить возвращение шэньши. Перед нашим отъездом они снова подали петицию правительству по этому же вопросу.

В Цзиане мы еще раз убедились в том, что там, где гоминьдан проявляет себя как действительно революционная организация, он не имеет никакой власти, которая по-прежнему принадлежит или старым чиновникам, или сомнительным элементам, назначенным командованием Национально-революционной

армии. В Цзиане, например, ни один член комитета гоминьдановской организации не занимал административных должностей. Там же, где гоминьдановские комитеты держали власть в своих руках, они представляли собою сборище «перекрасившихся» старых шэньши или разного рода негодяев, являвшихся врагами китайской революции.

Приход Национально-революционной армии, изгнание Ма и Мэня дали возможность гоминьдановской организации, которой руководили местные коммунисты, развернуть активную работу. К декабрю 1926 г. гоминьдан здесь насчитывал уже 1200 членов, из которых 700 состояли в цзианьской городской организации. Основное ядро ее составляли учащиеся местных школ. В гоминьдан вступили также около 100 рабочих. Однако в последнее время уже наблюдался приток в гоминьдановскую организацию местных шэньши.

Коммунистическая организация существовала в Цзиане уже около двух лет и насчитывала 170 членов во всем уезде. Комсомол имел здесь более 200 членов. Большинство членов компартии (около 80%) были рабочие; молодежная же организация, напротив, состояла главным образом из учащихся, и только 20% ее членов были молодыми рабочими. Небольшой процент рабочей молодежи в комсомольских организациях уездных городов объяснялся тем, что ученики и подмастерья, занятые в кустарно-ремесленной промышленности, находились еще под пятой своих хозяев.

В комсомольской организации была только одна девушка, в местной же организации компартии не было ни одной женщины. Компартия, работая здесь в нелегальных условиях, всегда выступала не от своего имени, а от имени гоминьдана, так что население совершенно не знало о существовании коммунистической организации. Первое выступление коммунистов и комсомольцев от собственного имени состоялось в день нашего приезда, когда наряду с гоминьданом компартия и молодежь обратились со своим особым воззванием в связи с приездом правительства и русских советников.

Рабочих здесь насчитывалось около 10 тыс. человек. Это был исключительно ремесленный пролетариат. В городе имелось всего лишь шесть индустриальных рабочих, занятых на электрической станции и получавших 50 фэней в день. Они составляли местную рабочую аристократию и наотрез отказались вступить в рабочий союз.

Рабочие получали в среднем от 10 до 18 фэней в день, ученики старших возрастов — 5 юаней в год, а более юные ученики, кроме скудного стола, ничего не получали. Рабочий

день продолжался с 6 утра до 10 вечера с короткими перерывами для еды.

События 30 мая 1925 г. в Шанхае получили здесь большой отклик. Под руководством компартии были созданы тайные рабочие союзы, которые просуществовали нелегально до прихода Национально-революционной армии. Нелегальным рабочим союзам удалось про-вести в июне и июле 1926 г., т. е. еще в сунь-чуаньфановские времена, ряд забастовок, которые явились первым открытым выступлением цзианьских рабочих.

После занятия города Национально-революционной армией начался быстрый рост рабочих союзов. К декабрю здесь было уже 24 союза, объединявших, 4300 человек. Кроме того, удалось организовать союз торговых служащих и мелких торговцев, который объединил 2 тыс. человек.

Рабочие союзы и здесь допускали в свои ряды хозяев, но принимали в союз, как нам объяснили, только «хороших» хозяев. Рабочие успели уже организовать свои вооруженные пикеты, насчитывавшие около 500 человек. Их официальное название было «рабочие отряды для борьбы с бандитизмом».

Началось здесь и женское движение. Женский союз, который объединял только 20 учениц местной средней школы, был еще очень слаб. Жаловались нам на недостаток руководителей женской организации.

Как и в Ваньане, 80—90% всего крестьянства в районе — самостоятельные крестьяне и полуарендато-ры. Крестьян, работающих только на арендованной земле, здесь было очень мало. Самостоятельный крестьянин владел участком в 4—5 му. Встречались и капиталистические хозяйства, где землю обрабатывали

наемные батраки. Большинство крупных землевладельцев были городскими купцами, сдававшими землю в аренду крестьянам. Арендная плата составляла 50% урожая.

Широко распространено было ростовщичество. За займы платили от 20 до 30% в месяц. Одалживая крестьянам под такие неслыханно высокие проценты деньги, ростовщики требовали к тому же уплаты займа и процентов не деньгами, а рисом по осенним дешевым ценам, т. е. примерно по 4 юаня за дань, в то время как весной цена на него доходила до 7 юаней за дань. При таком расчете фактический процент по займу составлял 60% в^месяц.

Крестьянское движение в цзианьском районе началось еще в феврале 1926 г. Под руководством коммунистов возникли нелегальные крестьянские союзы, которые сыграли значительную роль в изгнании армии Сунь Чуаньфана. К декабрю крестьянские

союзы существовали уже легально. Было организовано 60 крестьянских союзов, которые объединили 5 тыс. семей. Они создали свои отряды самообороны, которые приступили к разоружению миньтуаней, руководимых шэньши. В деревне началась гражданская война.

27. В ставке Чан Кайши.

Совещание в Кулине

Уже пять суток плыли мы на сампанах по реке Ганьцзян, прорезывающей с юга на север всю провинцию Цзянси, направляясь в ставку Чан Кайши.

По три человека напрягались над каждым веслом, укрепленным на корме, весла скрипели, медленно уходили назад обрывистые берега реки, и казалось, что конца не будет нашему путешествию. Понятие о времени, о часах исчезло. Дни и ночи чередовались, а сколько раз день сменялся ночью, не каждый помнил.

Но вот где-то ниже города Цзиань вдали показались шедшие навстречу разукрашенные многоцветными флажками моторные лодки. Мы встретились с ними на стоянке у одной деревеньки. Моторки ознаменовали встречу с нами взрывами пороховых хлопушек, на борту выстроились солдаты Национально-революционной армии с ружьями на караул, стоявший впереди генерал выкрикивал приветственные лозунги, подхватываемые солдатами. Это был генерал из ставки Чан Кайши, посланный им для передачи привета и гостинцев. Гостинцы в больших корзинках солдаты, ни о чем не спрашивая, вносили в наши сампаны. Тут были разные консервы, фрукты, галеты, вина, сигареты и пр. К этому прибавились еще корзины с различными сладкими печеньями, поднесенные нам крестьянами деревни, расположенной в десяти ли от нашей остановки.

Генерал передал привет от Чан Кайши, из вежливости поинтересовался состоянием нашего здоровья и немедленно отплыл обратно в ставку, сообщив нам, что приготовлены пароходики, которые возьмут сампаны на буксир и доставят нас в Наньчан.

К Наньчану мы подъезжали 5 декабря 1926 г. Впереди трещал и пыхтел тащивший нас буксирный пароходик. Стоял светлый день, ослепительно отражались в воде солнечные лучи, но было прохладно; все же стоял декабрь. Вскоре показался катер, на котором находился Чан Кайши. Широко улыбаясь, он поздравил всех с прибытием и помчался обратно в Наньчан, чтобы снова встретить нас там «при народе». Таков был установленный церемониал.

Наньчан был уже виден. Вот он там, за поворотом широко

разлившейся реки. Над сампанами нашими реял «Юнкере», разбрасывавший приветственные листовки. Вот наконец и наньчанская пристань, заполненная рабочими, представителями гоминьдана, генералитетом ставки. Тут же советские военные советники во главе с В. К. Блюхером, который был известен в Китае под именем генерала Галина. Играл военный оркестр, было множество знамен, транспарантов с приветственными лозунгами. Все было торжественно, парадно.

Сопровождаемые встречавшими нас делегациями и военной охраной, мы пешком отправились во дворец бывшего дубаня Цзянси, где находился теперь штаб Чан Кайши. Как и все китайские дворцы, он состоял из одноэтажных довольно высоких каменных палат национальной архитектуры с большим количеством внутренних двориков, бассейнов, садиков и цветников,

Роскошь дворца должна была контрастировать с серой монотонностью и невзрачностью окружающих его зданий. Дворцовая роскошь — символ власти, противопоставленной народу.

В зале дворца состоялся завтрак. Стол бы сервирован по-европейски. Принимала нас жена Чан Кай-ши. Два дня шли банкеты в Наньчане в честь приезда национального правительства и русских советников, два дня прощупывал Чан Кайши настроение и намерения членов правительства, прибывших в Наньчан для военно-политического совещания с ним — теперь не только главкомом, но и фактическим главой правительства и ЦИК гоминьдана.

Наньчан — большой старинный город. По его внешнему виду можно было заключить, что вряд ли он изменился за последние двести-триста лет. Зданий европейского типа здесь почти не было. Это был центр цзянсийской бюрократии, торговли и старинных ремесел.

Главной достопримечательностью провинции были фарфоровые мануфактуры. Их изделия славились не только в Китае, но и в других странах. Заграничный спрос отразился на стиле выпускаемых изделий. Это был не только китайский, но и уже европеизированный фарфор. Значительная часть этой продукции была предназначена на экспорт в Европу и Америку. Таким образом, наньчанская буржуазия была уже втянута в мировую торговлю и связь с иностранным капиталом.

Выйдя за пределы дворца в город, мы сразу же столкнулись с его политической жизнью, во многом изменившейся после прихода сюда Национально-революционной армии. Столкнулись несколько неожиданно и своеобразно. В Наньчане мы решили

пойти в баню. После долгого путешествия это было более чем необходимо. Обошли все наньчанские банные заведения, но они оказались закрытыми. На наши вопросы давались короткие ответы, в которых сквозило явное недовольство: «Закрыты из-за отсутствия в городе ***мелких*** денег». Пробовали купить кое-что в Наньчане, но целый ряд лавок также был закрыт «из-за отсутствия ***хороших*** денег».

Мы выяснили, что разместившийся здесь штаб Чан Кайши обзавелся своей типографией, в которой печатались бумажные деньги. Эти так называемые «военные деньги», кроме штыков, ничем не были обеспечены. Такими деньгами Чан Кайши расплачивался за продовольствие и другие товары для армии и выкачивал из провинции реальные ценности, главным образом мелкое серебро. Население ответило на это бойкотом «военных денег». Лавки стали закрываться. Кончилась эта история тем, что наньчанские купцы объявили всеобщую забастовку, т. е. закрыли свои лавки и организовали демонстрацию протеста.

Купцы потребовали прежде всего признания новым правительством займов на сумму в сорок миллионов юаней, выпущенных прежними реакционными властями, оплаты всех налогов национального правительства и т. п. облигациями старых займов или выпущенных под их гарантию бумажными деньгами прежних правительств.

В дни нашего пребывания в Наньчане по приказу Чан Кайши было созвано экстренное совещание, которое приняло такие решения: 1) признать прежние займы и допустить к обращению бумажные деньги прежних правительств; 2) приказать купцам открыть все лавки 7 декабря, а в случае неподчинения принудить их к этому вооруженной силой; 3) предложить торговой палате и всем гильдиям пустить в обращение спрятанные ими медные деньги; 4) привести в порядок дела обанкротившегося цзянсийского банка.

Купцы, как видим, одержали победу.

В Наньчане должно было состояться военно-политическое совещание прибывших сюда членов правительства и ЦИК гоминьдана под председательством Чан Кайши. Однако обстановка в городе была неблагоприятной для такого совещания: недовольство народных масс, выступивших со своими требованиями, бунт купцов заставили Чан Кайши перенести совещание в Кулин.

В спешном порядке все двинулись в Цзюцзян, чтобы оттуда подняться в Кулин. Наньчан и Цзюцзян связаны железной дорогой, принадлежавшей тогда японскому капиталу. Мы отправились на вокзал. Нужно было по плоту перейти реку и

оттуда километра три идти по пескам до вокзала. Сели в поезд. Из окон вагона видны были следы недавно кончившихся боев:

Отъезд из Наньчана (в центре М. М. Бородин)

разрушенные артиллерийским огнем железнодорожные станции, воронки от снарядов, кое-где лежали еще не убранные трупы убитых солдат.

Вскоре остановились на полуразрушенной станции. Это был маленький городок Дэань. Поезд стоял здесь около 15 минут. На вокзал пришли местные рабочие, главным образом железнодорожники, со знаменами и отпечатанными литографским способом листовками, которые вручались всем пассажирам поезда. Мы разговорились с рабочими, у которых был оборванный и изнуренный вид. Под руководством своего нелегального рабочего союза они в продолжение трех месяцев делали все, чтобы помешать продвижению войск и перевозке боеприпасов Сунь Чуаньфана. Несколько раз за это время бастовали. Три месяца Сунь Чуаньфан не платил им заработной платы. Наконец при поддержке рабочих победила Национально-революционная армия. Но вот уже около месяца рабочие по-прежнему не получали заработной платы. Легализовавшийся с приходом Национально-революционной армии рабочий союз железнодорожников отправил делегацию к Чан Кайши с просьбой уплатить рабочим не только за этот мёсяц, но и за три месяца, во время которых онй помогали Национально-революционной армии. Чан Кайши ответил, что долгов Сунь Чуаньфана он не будет оплачивать, но обещал выплатить заработную плату за время, прошедшее после вступления в городок Национально-

революционной армии. Тем не менее им до сих пор ничего не уплатили. Рабочие рассказывали нам, что вдобавок ко всему им негде жить. И действительно, со станции был виден разрушенный артиллерией Дэань.

— Четыре месяца мы живем в голоде и холоде. Дети наши умирают. Передайте правительству, попросите их помочь нам.

Чан Кайши сидел в вагоне и не выходил.

Рабочие продолжали свой рассказ. Оказывается, в ответ на настойчивые требования союза железнодорожников о помощи рабочим он объявил этот союз «суньчуаньфановским», приказал распустить его и предложил рабочему отделу гоминьдана организовать вместо существующего новый союз железнодорожников. Старый союз отказался выполнить этот приказ и продолжал действовать, но наряду с ним появилась созданная по приказу Чан Кайши другая организация железнодорожников, состоявшая не из рабочих, а главным образом из служащих.

Перед нами стояли рабочие, которые входили в местную организацию гоминьдана. Гоминьдановцы протестовали против создания гоминьданом нового союза железнодорожников.

Они вручили членам правительства и ЦИК гоминьдана две декларации. Одна — приветствовавшая СССР, другая — требовавшая возвращения Ван Цзин-вэя [26].

Требование возвращения Ван Цзинвэя возникло в результате изменения обстановки в стране. Выше уже говорилось, что события 20 марта 1926 г. повлекли за собой устранение Ван Цзинвэя с поста главы кантонского правительства. Он скрылся и уехал во Францию. За ним сохранилась репутация «левого», пострадавшего от Чан Кайши.

Между тем Северный поход всколыхнул народные массы. Под прямым воздействием компартии в тылу продвинувшейся на север Национально-революционной армии выросли рабочие и крестьянские союзы. Все занятые провинции переживали революционный подъем. В этой обстановке усилились позиции левых и массы потребовали теперь возвращения Ван Цзинвэя. В октябре 1926 г. в Кантоне была создана Всекитайская конференция гоминьдана. Она приняла решение о возвращении Ван Цзинвэя.

Чан Кайши был на фронте и оказался не в состоянии тогда выступить против движения народных масс, против коммунистической партии, против левых элементов в гоминьдане. Его покровитель и советник шанхайский банкир Чжан Цзинцзян рекомендовал ему прикинуться «исполнителем воли народа» и тоже послать телеграмму Ван Цзинвэю с просьбой

вернуться в Кантон.

Однако, когда на октябрьской конференции гоминьдана было принято постановление о возвращении Ван Цзинвэя, разыгрался фарс. Встал вопрос: куда именно его вернуть? Он ведь был председателем правительствапост, который теперь занял Чан Кайши. Делегаты конференции разъяснили, что Ван Цзинвэй должен вернуться на пост председателя правительства вместо Чан Кайши. Тогда на трибуну конференции в кресле внесли парализованного Чжан Цзинцзя-на. Открылся один глаз, перекосился рот, и старец огласил «только что полученную» телеграмму Чан Кайши, в которой тот сообщал, что он против возвращения Ван Цзинвэя.

Вот почему на всем нашем пути из Кантона в Ханькоу, на каждом митинге раздавался призыв возвратить Ван Цзинвэя, направленный против Чан Кайши, снова начавшего проводить антинародную политику. Вот и теперь на маленькой станции Дэань мы услышали это требование.

Революционный подъем усилил позиции левых сил. Однако Чан Кайши оценивал положение иначе: он считал, что победы Национально-революционной армии укрепили ,его положение, и теперь он мог довести до конца те планы, которые хотел осуществить 20 марта 1926 г.

Поезд тронулся. Некоторые члены правительства держали в руках декларации дэаньских рабочих. Чан Кайши, который решил уплатить суньчуаньфановские долги наньчанским купцам, но не платил революционным рабочим, чувствовал себя в нашем присутствии несколько неудобно и молча сидел в углу вагона.

Чан Кайши в то время было за 40 лет. Он родился в деревне недалеко от портового города Нинбо (провинция Чжэцзян) в семье торговца, владевшего земельным участком в 40 му. Землю свою его отец сдавал в аренду крестьянам.

Окончив в Нинбо среднюю школу, Чан Кайши уехал в Японию, где поступил в военную академию. Он познакомился там с Сунь Ятсеном и вступил в его революционную организацию. Во время революции 1911 г. Чан Кайши возглавил в Нинбо отряд вооруженных бамбуковыми пиками повстанцев. События занесли его в главный город провинции — Ханчжоу, а затем в Шанхай.

Здесь в Шанхае он подружился с Дай Цзитао, позднее идеологом правых гоминьдановцев. Помимо Дай Цзитао Чан Кайши установил дружеские отношения и с одним из сподвижников Сунь Ятсена — Чэн Цимэем.

Все три друга, вышедшие из одной провинции, были связаны в Шанхае с Чжан Цзинцзяном, финансировавшим тогда Сунь Ятсена.

После поражения революции 1911 г. Чан Кайши отходит от политической деятельности. Он живет в Шанхае, занятый личными делами.. Лишь в 1921 г., когда Сунь Ятсену удалось обосноваться в Кантоне, Чан Кайши снова устанавливает с ним связь и приезжает в Кантон. Здесь он не добился еще независимого положения и во время переворота Чэнь Цзюн-мина в 1922 г. бежал вместе с Сунь Ятсеном на военное судно. Не из преданности Сунь Ятсену Чан Кайши очутился на этом военном судне, а потому, что ничего другого, кроме бегства, ему не оставалось делать. У него не было еще своих собственных военных сил для того, чтобы изменить Сунь Ятсену, не было своей армии, а без армии он не нужен был Чэнь Цзюн-мину.

Но самый факт, что в тяжелую для Сунь Ятсена минуту Чан Кайши очутился вместе с ним, послужил причиной их сближения. Именно с этого момента Сунь Ятсен использует Чан Кайши в подготовке нового наступления на Кантон. После возвращения в Шанхай Сунь Ятсен формирует новую военную группировку. Теперь он посылает Чан Кайши в Фуцзянь для установления контакта с аньфуистскими генералами, при помощи которых в 1923 г. Сунь Ятсен вернулся в Кантон.

Потерпев в 1922 г. поражение, Сунь Ятсен продолжал борьбу. Иначе обстояло дело с Чан Кайши. Как и после революции 1911 г., он был охвачен разочарованием и унынием. Находясь в Фуцзяни с военным заданием Сунь Ятсена, Чан Кайши пишет Ху Хань-мину: «Если в течение 10 дней не достигну успеха, тогда бросаю борьбу».

Вот тогда-то и начинается переписка Сунь Ятсена с Чан Кайши. В своем письме от 22 ноября 1922 г. Сунь Ятсен пытается ободрить Чан Кайши. Поучая и браня его, он пишет: «Нужно быть терпеливым, прилежным, не бояться работы и плохого; только тогда можно добиться хорошего результата. Но нельзя ведь так: если через 10 дней не будет успеха, то уже нет желания больше работать. Так, конечно, желаемой цели достигнуть нельзя». В этом же первом письме Сунь сообщает Чан Кайши новость о том, что Коммунистическая партия решила вступить в гоминьдан.

Поведение Чан Кайши после поражения революции 1911 г., когда он отошел от политической борьбы, а также после переворота Чэнь Цзюнмина в 1922 г. характеризует Чан Кайши как человека в высшей степени неустойчивого и отнюдь не как последовательного сторонника Сунь Ятсена.

Когда прочитываешь 22 письма Сунь Ятсена к Чан Кайши, которые были опубликованы последним после переворота 20 марта 1926 г., для того чтобы доказать, что не Ван Цзинвэй, а именно он, Чан Кайши, должен быть преемником Сунь Ятсена, то

удивляешься: как Чан Кайши решился опубликовать эти письма — ведь они, характеризуют его с самой отрицательной стороны.

Чего в них только нет! Вот Сунь Ятсен приказывает Чан Кайши доставить в соответствующее место оружие. Чан Кайши приказа не выполняет. После многократных напоминаний Чан Кайши наконец доставляет требуемое оружие. Но как пишет Сунь Ятсен, на «следующее утро хотим начать передвижение, но вдруг вы прислали сюда людей и взяли обратно пулеметы и пистолеты, поэтому мы не можем выполнить план» (последнее письмо, от 4 ноября 1924 г.).

После первого съезда гоминьдана в 1924 г. Сунь Ятсен решил организовать военную академию для подготовки командиров совершенно нового типа, преданных национальной революции. Начальником этой академии он назначил Чан Кайши; однако, не слишком доверяя ему, назначил в академию и подлинно революционного гоминьдановца — Ляо Чжункая в качестве политического комиссара.

После смерти Сунь Ятсена правые гоминьдановцы убили Ляо Чжункая. Между убийством Ляо Чжункая и переворотом 20 марта 1926 г., в результате которого Чан Кайши оказался верховным главнокомандующим, существовала определенная связь.

В. К. Блюхер, главный военный советник Чан Кайши во время Северного похода, рассказывал мне, что неустойчивость верховного главнокомандующего проявлялась при первой же военной неудаче. Несколько раз, когда противнику удавалось нанести удар Национально-революционной армии и перейти в наступление, Чан Кайши пытался бежать с фронта. Не один раз его чуть ли не за руки держали, не допуская бегства, которое внесло бы моральное разложение в командный состав революционной армии.

Однако, чем больше побед одерживала НРА, чем дальше на север она продвигалась, тем самоуверенное становился Чан Кайши, тем чаще маячил перед ним образ Наполеона, тем скорее уходил он вправо. Между тем прямо противоположный процесс происходил в народных массах: массы шли влево.

Теперь, упоенный победами, Чан Кайши сидел перед нами в вагоне. Стройный, подтянутый, в лакированных туфлях, с ˆблестящими хитрыми глазами, маленького роста человек чувствовал себя Наполеоном. Он пытался вести себя спокойно, хладнокровно, с достоинством, которое соответствует его чину и рангу. И вместе с тем этот всегда улыбающийся, любезный, вечно ухаживающий за вами генерал вставал каждую минуту, чтобы предложить место другому, с чисто китайской почтительностью складывал руки и расплывался в улыбке. Как-то не верилось, что

перед тобой организатор переворота 20 марта 1926 г. в Кантоне.

Чан Кайши, претендовавший на историческую роль, рассматривал политику прежде всего как средство личного обогащения. Он уже тогда обворовывал собственную армию. Об этом знал каждый его офицер. Правительство отпускало, например, значительные суммы на медицинское обслуживание войск. Деньги эти шли в карман Чан Кайши, а раненые солдаты оставались без медикаментов, без госпиталей, без врачей.

Полмиллиона юаней получал Чан Кайши ежемесячно для фабрики солдатских одеял, в то время как для снабжения всей армии одеялами на целый год достаточно было 300 тыс. юаней.

В декабре правительство сидело в полном смысле слова без копейки. Не было даже 3 тыс. юаней, чтобы отправить в Москву в Университет имени Сунь Ятсена студентов, отобранных для этой цели ЦИК гоминьдана, а Чан Кайши в это время требовал от министра финансов 7 тыс. юаней для обмундирования его личной охраны. Министр обшарил все углы, но деньги для Чан Кайши все же достал.

Не брезговал Чан Кайши и малыми суммами. Министр юстиции Сюй Цянь буквально вопил: «Что это за революция, если по-прежнему грабится народ для личного обогащения генералов!» Как и все китайские милитаристы, Чан Кайши был прежде всего казнокрадом.

Поезд остановился. Мы приехали в Цзюцзян. На вокзальной площади собрались рабочие, главным образом железнодорожники. Импровизированная трибуна и митинг. Выступает Бородин. Гром оваций. Летят вверх шапки. Громкие восторженные крики во время речи. Мы стояли как зачарованные. Таких взрывов революционного энтузиазма мы еще не видели.

Цзюцзян был открытым для иностранной торговли внутренним портом. Река Янцзы здесь доступна для больших морских пароходов. И здесь была небольшая иностранная концессия, которая представляла собой два ряда домов вдоль набережной. Иностранные консульства и представительства заграничных импортно-экспортных фирм разместились на этой крошечной концессии, вокруг которой вырос довольно большой китайский город, где заправляли богатые компрадоры, связанные с иностранным капиталом.

Иностранная концессия была окружена проволочными заграждениями и баррикадами, сложенными из мешков с землей. В порту стояло несколько ан~ глийских, американских и японских канонерок.

На следующий день мы стали подниматься в горы, в которых расположен Кулин. Крутые подъемы тянулись на протяжении

десяти километров. Вот мы уже в облаках. С трудом разглядываешь уступы, по которым приходится взбираться. Воздух насыщен влагой, кругом густой туман. Слышен шум водопадов. Через два часа облака остались под нами. Яркое солнце. Тепло и красиво. Вот и Кулин. Иностранцы построили здесь уютные отели, европейские виллы, несколько церквей, госпиталей и школ, открыли отделения шанхайских иностранных фирм. Здесь имелась даже русская концессия с так называемым «русским прудом». Мы застали в городе только охранявших имущество служащих: англичан, американцев, белогвардейцев и китайскую обслугу. Китайцы в качестве земельных собственников сюда прежде не допускались, но в последнее время китайская буржуазия выстроила для себя целый ряд вилл европейского типа.

Кулин издавна был известен как «святое» место. Здесь находится знаменитый буддийский монастырь. Христианские миссионеры все же пробрались сюда, и с тех пор это место стало известно иностранцам. Какой-то англичанин по фамилии Литтл ухитрился когда-то путем взяток скупить почти все горные вершины Кулина за 400 долларов. Купив, он построил здесь сторожку и вывесил английский флаг. Когда китайцы увидели на своих «святых» местах английский флаг, они, возмущенные, разрушили сторожку Литтла. Дальше последовала нота пекинскому правительству по поводу оскорбления английского флага с требованием возмещения убытков и правительственного узаконения договора. В результате за свою грошовую сторожку Литтл получил утвержденный пекинским правительством договор и компенсацию в 4 тыс. долларов. Литтл стал царьком здешних мест. Вырос курорт, а Литтл стал миллионером.

В 1926 г. он был вождем фашистской «Лиги борьбы с III интернационалом» в Китае. За спиной этой организации стоял английский Гонконг-Шанхайский банк. Организация вела активную пропаганду на китайском языке и издавала в Шанхае антисемитский журнальчик на английском языке «Конституционалист», который перепечатывал из московских газет даже открытые письма Коммунистического интернационала молодежи, сопровождая их злобными ругательствами.

Мы пришли в Кулин. Теперь он был пуст. Боясь Национально-революционной армии, большинство иностранцев разбежалось. Некоторые дома и отели были заколочены, в других — оставались не то хозяева, не то их служащие — все иностранцы.

Не успели мы устроиться в одном из небольших отелей, как из окна увидели всех членов правительства, всех ведущих деятелей гоминьдана. Они ходили из дома в дом, что-то

расспрашивали. Потом мы узнали, что каждый из них хотел купить себе какую-нибудь виллу.

Тут в горах, вдали от народных масс, от митингов, где не слышно было народных требований, состоялось военно-политическое совещание, на котором обсуждалась программа дальнейших действий.

Прежде всего рассматривался военный вопрос: наступать дальше или приостановить наступление? Революционные элементы в гоминьдане и в Национально-революционной армии считали необходимым приостановить военное наступление в целях консолидации тыла. Разбухшая и разросшаяся до 30 корпусов армия стала политически неблагонадежной. Командный состав состоял из перешедших на сторону Чан Кайши реакционных милитаристов. Задача заключалась в том, чтобы усилить политическую работу в новых корпусах и разоружить отдельные явно контрреволюционные части.

Следовало также учесть, что солдатам уже три месяца не выплачивалось жалованье, началось дезертирство, и наемная неоплаченная армия могла в любое время перейти на сторону противника.

Но основная политическая проблема заключалась в укреплении тыла. Освобожден был ряд провинций; крестьянство, рабочий класс, мелкая буржуазия ждали реформ, направленных на улучшение их положения. Между тем перебежчики-генералы по-прежнему продолжали грабить и притеснять рабочих и крестьян. Опасность заключалась в том, что массы могли отвернуться от армии, одержавшей победу под знаменем единого фронта, но оказавшейся сейчас в значительной степени уже в руках «перекрасившихся» реакционных генералов. При таком положении невозможно было продолжать Северный поход.

Поэтому левые гоминьдановцы и коммунисты настаивали на консолидации, на укреплении тыла, на социально-экономических реформах, на политической реорганизации армии.

На кулинской конференции было решено приостановить наступление. Однако вслед за этим сразу же зашла речь о реформах, о рабочем и крестьянском вопросе. Именно этого больше всего боялись буржуазия и крупные землевладельцы, представленные на военно-политическом совещании в Кулине. И хотя Чан Кайши выступил с лозунгом «прекращение классовой борьбы в городе и развертывание крестьянского движения в деревне», никакой конкретной программы по аграрному вопросу он не предложил.

Чан Кайши интересовался в первую очередь финансовым вопросом, стремясь сохранить контроль над финансированием

отдельных корпусов армии, ибо он понимал: кто дает деньги, тот и держит в руках эту перешедшую на сторону гоминьдана армию.

Поскольку правые гоминьдановцы отнюдь не собирались заняться социальными реформами, они предлагали другой план. Они выступали за продолжение военных действий, за то, чтобы сказать массам: реформы будут после победы, после объединения всего Китая.

Наступать! Но сил для борьбы, для наступления все же не было. Сохранялся лишь старый метод подкупа генералов противника. Армия вступила на родину Чан Кайши — в провинцию Чжэцзян. Подкуп совершался на условии сохранения генералам прежнего положения. Реакционные милитаристы, перейдя на сторону кантонцев, переименовывались в командиров соответствующих корпусов Национально-революционной армии. Таким способом в один месяц была «занята» вся провинция Чжэцзян с ее столицей Ханчжоу, расположенной в нескольких часах езды от Шанхая. Для такой войны требовались не солдаты, не оружие, а только деньги. Они прежде всего и интересовали Чан Кайши.

Он рвался в Шанхай к таможенным доходам, к сделке с иностранным империализмом.

На совещании в Кулине стоял и вопрос о Ван Цзин-вэе. Чан Кайши прикинулся наивным и снова призвал его вернуться. Это считалось чуть ли не самым важным решением совещания, уступкой левым в обмен за отказ от социальных реформ.

В Кулине я беседовал с Чан Кайши о его планах на ближайшее будущее. Он явно нервничал, говоря о резолюции октябрьской конференции гоминьдана, разрешение аграрного вопроса мыслил себе как выкуп земли у крупных землевладельцев. В этой беседе он больше интересовался нашим отношением к нему лично, к его планам, которые были уже довольно ясны. В явно вопросительной форме он сказал мне о своем желании поехать в Москву в качестве профессора Университета имени Сунь Ятсена. Дипломатия была настолько прозрачна, что трудно было удержаться от улыбки. Тем не менее, чтобы дезориентировать левых, сына своего он действительно послал учиться в этот университет.

В разговоре со мной Чан Кайши ругал командиров отдельных корпусов Национально-революционной армии, в которых, по его словам, политическая работа была очень плохо поставлена. Он говорил мне, что командиры не искренни в своих политических суждениях, что они препятствуют политической работе в частях и что, будучи членами гоминьдана, они на самом деле ничего общего с этой партией не имеют. Все это, конечно,

соответствовало действительности, но когда об этом говорил Чан Кайши, то всегда следовало догадываться, кого именно он имел в виду.

Не трудно было понять, что речь шла о генерале Тан Шэнчжи, войска которого располагались в Ухане. Там же находилось теперь политическое управление Национально-революционной армии, начальником которого был левый тогда гоминьдановец Дэн Яньда.

Едва мы успели приехать в Ухань, как Чан Кайши через голову Дэн Яньда уволил начальника агитационного отдела политического управления армии. Вскоре эта участь постигла и самого Дэн Яньда, который олицетворял тогда блок левых гоминьдановцев с коммунистами в армии.

Итак, на кулинском совещании было достигнуто соглашение о том, что Ван **Цйчнвэй** возвращается и что национальное правительство будет находиться в Ухане.

8 декабря 1926 г. совещание в Кулине закончилось, и на следующий день все спустились с гор в Цзюцзян. Чан Кайши был очень внимателен, заботлив, беспокоился о паланкинах для членов правительства и гостей, суетился, был «большим джентльменом» и сел в паланкин последним.

В ночь на 10 декабря состоялся переезд правительства из Цзюцзяна в Ухань. Все были уже на пристани. Вот и пароходик. Ночь. Холодно. Тащат вещи. Члены правительства уже сидят в кают-компании. Приходит Чан Кайши. Он рад, весел, широко улыбается, со всеми чрезвычайно любезен и... протягивает всем руку. Он прощается, он в Ухань не поедет, он остается в Наньчане.

И пароходик, который под утро, понатужившись, тронулся в Учан, оставил на берегу один центр власти в Наньчане и повез в своих каютах другой центр в Ухань. 10 декабря правительство было торжественно встречено стотысячной манифестацией в Учане, и в тот же день началась борьба Наньчана с Уханем.

15 декабря был издан приказ Чан Кайши о запрещении забастовок в Ханькоу, затем последовали приказы о разоружении рабочих. Из Наньчана шел приказ за приказом о различных мероприятиях, направленных лротив рабочего класса и крестьянства. Наньчан стал центром правых гоминьдановцев и контрреволюционеров. Во главе их стоял Чан Кайши.

28. Ухань

Мы подплывали к Учану, Ханькоу и Ханьяну — трем городам, объединенным под общим названием Ухань. Кончался наш долгий путь из Кантона, проделанный главным образом пешком и на сампанах мимо деревень, уездных городков и провинциальных

центров, путь, продолжавшийся 25 дней.

Цзюцзянские рабочие и члены политических организаций разукрасили наш пароходик яркими бумажными флажками и оклеили его цветными плакатами-лозунгами в честь национального правительства и русских советников. Здесь были лозунги, направленные главным образом против иностранного империализма, подчеркивавшие, что китайская революция является неотъемлемой частью мировой революции.

Кают-компания была расцвечена флажками всех наций. Сюй Цянь, министр юстиции национального правительства, греясь у таза с горящими углями, заметил, что ведь это флажки империалистических держав. Под общий смех он «изгнал иностранный империализм» из кают-компании, выкинув флажки за борт.

Мы были уже близки к цели и любовались с палубы берегами величавой, желтой от песка и ила Янцзы, текущей с запада на восток по самой середине Китая. По обоим берегам реки гигантскими ящиками были расставлены текстильные фабрики, видны были металлургические заводы, дымились фабричные трубы.

По одному их виду можно было установить, что социальная база здесь иная, чем в Кантоне. Там преобладало ремесленное производство с рабочими-ку-старями, здесь — заводы с современным промышленным пролетариатом.

Вдали показался маленький, разукрашенный го-миньдановскими знаменами катер, шедший нам навстречу. Это нас встречали генерал Тан Шэнчжи — командир 7-го корпуса и Дэн Яньда — тогда еще начальник политического управления Национально-революционной армии.

Пароходик плыл вперед, держась левого берега, на котором расположен Ханькоу с его иностранными концессиями. Мы поравнялись уже с баками «Стандарт Ойл Компани», за которыми находились комфортабельные виллы иностранных служащих этой компании, прошли мимо пристани, у которой стояло несколько иностранных канонерок и легких крейсеров. Они пришли сюда для «защиты жизни и имущества иностранцев». В составе английской военной флотилии находился знаменитый «Кокчефер», тот самый, который недавно бомбардировал беззащитный город Ваньсянь[1].

Мистер Лемпсон, новый английский посланник в Китае, находился уже в Ханькоу, ожидая приезда национального правительства, с которым собирался вести «дружественные» переговоры. Он давал газетам интервью, в которых заявлял, будто китайский народ знает, что англичане вели в продолжение

последних ста лет по отношению к Китаю «самую миролюбивую неагрессивную политику». Таковы были слова, а «Кокчефер» делал свое дело. Пропустив вперед наш пароходик, он на всех парах погнался за ним, обошел его с левого борта, не выбрасывая никаких приветствий правительству, и, перерезав нам путь, стал у берега.

Члены правительства, возмущаясь этой военной демонстрацией англичан, невольно вспоминали о «либерализме» Лемпсона. Но возмущение сменилось восторгом, когда во время этой демонстрации «Кокчефе-ра» над ним покружились три военных самолета Национально-революционной армии, приветствовавших с воздуха национальное правительство.

Мы проходили вдоль ханькоуской набережной; она была вся заполнена огромнейшей манифестацией в честь приезда правительства. Рабочие организации с революционными знаменами вышли на улицу и с антиимпериалистическими лозунгами демонстрировали на территории иностранных концессий.

[1] Английское военное судно «Кокчефер» 5 сентября 1926 г. обстреляло порт Ваньсянь на Янцзы с целью приостановить продвижение Национально-революционной армии.

Пройдя Ханькоу, пароходик стал пересекать Янцзы, направляясь на противоположный берег в Учан. Уже видны были следы осады — разрушенные предместья. Вот и набережная Учана, которая тянется на несколько километров. Здесь творилось нечто неописуемое. Сотни и сотни тысяч рабочих, студентов, мелких торговцев, интеллигентов со знаменами, пением революционных песен двигались к пристани, приветствуя национальное правительство и русских советников.

Уже можно было разглядеть лозунги в этом море знамен. «Союз с СССР — это не дипломатический союз двух государств, а союз двух революционных народов»; «Да здравствует советник Бородин!» (дословно: «Десять тысяч лет советнику Бородину!»); «Долой английский империализм!» и «Да здравствует национальная революция!» Мы видели и много транспарантов с надписью «Да здравствует диктатура пролетариата!»

Пароходик подошел к пристани, на которой провинциальное революционное правительство, комитет гоминьдана и генерал Тан Шэнчжи со своим штабом, подняв вверх руки, приветствовали правительство. Под радостный гул народа и оглушительный треск пороховых хлопушек министры прошли по улицам новой столицы.

Учан — большой старинный китайский город, один из крупнейших торгово-промышленных центров Китая.

Расположенный на глубоководной Янцзы, на расстоянии свыше тысячи километров от моря, он принимает морские суда. Река соединяет его, с одной стороны, с Шанхаем, а с другой — с огромной провинцией Сычуань. Железной дорогой Ухань связан с Пекином на севере и столицей провинции Хунань — Чанша — на юге. В сутках езды от Учана сперва на пароходе, а затем по железной дороге находится главный город провинции Цзянси — Наньчан. Это выгодное, центральное местоположение придает Учану особо важное экономическое значение. В Ухане уже в то время имелись современные фабрики и заводы, числом более ста. Наряду с этим здесь было развито ремесленное производство, сохранялись и старинные мануфактуры. Ухань — огромный торговый центр, из которого товары расходятся буквально по всему Китаю, здесь были сконцентрированы крупные капиталы и большие массы индустриальных и ремесленных рабочих.

Из трех городов, образующих Ухань, Учан был самым типичным китайским городом: узенькие улочки, шум и давка днем, абсолютная темнота ночью. Несмотря на то что город был только недавно занят, здесь проделали уже большую пропагандистскую работу. Плакат играл такую же роль, как и у нас в годы гражданской войны, и занимал в агитационной работе такое же большое место. Стены города были исписаны революционными лозунгами. Чаще всего попадались два плаката: «Самым худшим типом империализма является английский» и «Тесный союз с СССР», на котором был изображен китайский солдат Национально-революционной армии, пожимающий руку русскому с серпом и молотом на папахе. Всюду были начертаны лозунги и расклеены плакаты, разъясняющие учение Сунь Ятсена, его завещание.

Вечером состоялся трехсоттысячный митинг, самый большой из всех, которые мы видели на своем пути. Огнем горели глаза, трепетали сердца людей. Металл звенел в гуле толпы, полыхали тысячи знамен. Преобладал красный цвет. На трибунах, высившихся над людским морем, правительство представлялось народу. Маленький, толстый Сунь Фо произнес непримиримую обвинительную речь по адресу иностранного империализма; Сюй Цянь призвал рабочих и крестьян теснее сплотиться, лучше организоваться, если они хотят добиться человеческого существования; Сун Цин-лин обратилась к женщинам с призывом стать под гоминьдановские знамена. М. М. Бородин, заботившийся о сохранении единого фронта, выступая с так называемой купеческой трибуны, поднимал курс кантонских денег: разъяснял капиталистам разницу между буржуазно-демократической революцией в Китае и пролетарской

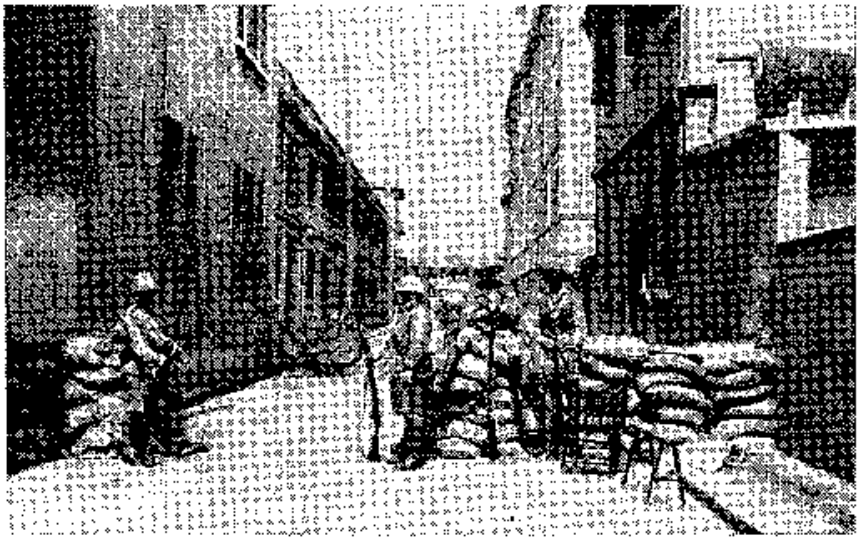
революцией в России. Приезд правительства в Ухань вселил еще большие надежды на улучшение положения народных масс, которые теперь приободрились и теснее сплотились.

В рождественские праздники была организована неделя антиимпериалистической пропаганды. На каждом перекрестке происходили митинги. Коммунисты и комсомольцы выпустили 25 декабря листовку, разоблачавшую империалистическую деятельность иностранных миссионеров. Чувствовалось, как с каждым днем нарастало антиимпериалистическое настроение масс. Начались демонстрации, становившиеся все более могучими и грозными и завершившиеся неожиданным для правительства результатом — ханькоускими событиями 3 января 1927 г., когда негодование масс дошло до таких пределов, что они захватили английскую концессию в Ханькоу. Иностранцы избегали показываться в эти дни на улицах и совершенно исчезли из Учана.

Мы бродили по узеньким, кривым улочкам Учана, заклеенным антиимпериалистическими плакатами. Следовавший за нами рикша с восторгом останавливал нас перед каждым антибританским плакатом. Он объяснял нам по-китайски значение надписей и, не сомневаясь в том, что мы понимаем его язык, восторженно выкрикивал: «Хэнь хао!» (Очень хорошо!) Шутя, мы сказали ему, что мы ингожэнь (англичане). Рикша нам заявил, что раз мы ходим в данное время по Учану и улыбаемся, значит, мы русские, а эгожэнь (русские) и чжунгожэнь (китайцы) —сюнди (братья).

Город Ханькоу являлся, по существу, иностранной концессией в Ухане, расположенной на противоположном, левом берегу реки Янцзы. Центр иностранной торговли и промышленности в этой части Китая, Ханькоу стал постепенно обрастать и китайским населением. Так выросла китайская часть города. Сюда постепенно стала перекочевывать торговая буржуазия, связанная с иностранной торговлей, и город Ханькоу превзошел Учан по своему богатству. Ханькоу отличался от Учана еще и тем, что был построен по образцу европейских городов с широкими асфальтовыми улицами, залитыми ночью электрическим светом. Здесь можно было встретить много китайцев, говоривших по-английски, в то время как в Учане это было большой редкостью. Ханькоу не только центр внешней торговли, но и большой промышленный город. Если в Учане все же преобладали ремесленные мастерские, то тут было расположено много иностранных фабрик и заводов, было много промышленных рабочих.

Ханькоуский пролетариат поэтому был более ор-



Ханькоу на военном положении. Английские солдаты

ганизован, вышел за рамки гильдий и преодолевал теперь цеховой принцип организации.

Иностранный Ханькоу делился на пять частей: английскую концессию; бывшую русскую, находившуюся тогда чисто формально в руках китайских властей; французскую; бывшую германскую, находившуюся в том же положении, что и бывшая русская, и японскую концессию. С 3 января 1927 г. захваченная народными массами английская концессия перешла в результате переговоров и на известных условиях в руки национального правительства.

Значительную часть иностранного населения Ханькоу составляли белогвардейцы, до того разложившиеся, что содержателем одного из публичных домов в Ханькоу был, по рассказам, бывший русский поп. В иностранном Ханькоу можно было легко обойтись, пользуясь только русским языком. С приходом национального правительства белогвардейцы стали проявлять активность. Французы пополнили белогвардейцами полицию на своей концессии; англичане привлекли эту .публику главным образом для шпионской работы. Им платили деньги за любую информацию о советских людях в Китае, о характере их деятельности, за всякий вздор. Я хочу привести здесь в качестве примера некоторые образчики донесений англий-

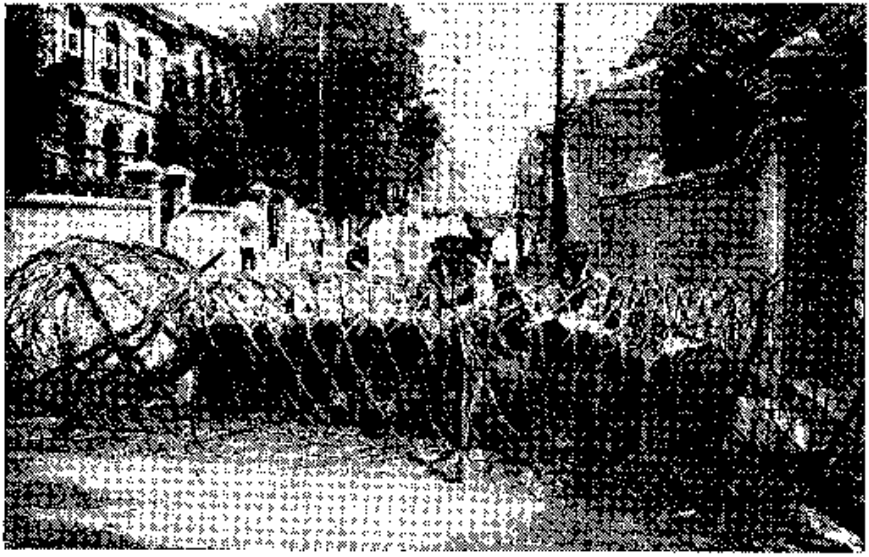
ским разведывательным органам в Китае. Так, один из наиболее «сведущих» белогвардейцев, некий Кедроливанский, числившийся в списках английских агентов в Китае под именем капитана Евгения Пика, доносил в 1927 г. следующее о приезде Бородина в Кантон: «Пять лет назад СССР (тогда РСФСР) послала

Стояновича, который теперь живет в Шанхае, в Кантон со срочным заданием убедить доктора Сунь Ятсена принять Бородина в качестве советника. Последний был тогда в Москве свободным от дел. Он только что вернулся из Венгрии, где пытался поднять революцию, но потерпел поражение от венгерских фашистов».

О Блюхере, с которым он якобы встречался, Пик писал, что он немец по национальности. Войтинский, по его словам, был экспертом по рабочим союзам и «организатором и руководителем восстаний рабочих в Сватоу и Амое». Черепанов, один из ведущих военных советников, по словам «капитана Пика», возглавлял картографическое бюро в штабе Блюхера, что же касается меня, то я в его донесениях выступал в двух ролях: в Кантоне, по сведениям Кедроливанского, группу военных советников возглавляет казачий офицер Абнольд, «а его помощником является Далин, который, как предполагается, специализируется на организации восстаний и мятежей». Приведя затем список советских работников в Ханькоу, этот осведомитель писал: «Заканчивая вкратце этот список, я должен в заключение упомянуть о Далине, прокуроре Москвы, который приехал сюда в качестве советника министерства юстиции». Такова галиматья, за которую английская разведка платила деньги.

Основное, что характеризовало жизнь на иностранных концессиях в Ханькоу,— это паника, боязнь «красных», как они называли Национально-революционную армию, правительство и гоминьдан.

По статуту концессий туда не допускался ни один вооруженный китайский солдат, были запрещены и революционные демонстрации. Но теперь рабочие и солдаты не признавали этого запрета. В первые недели после занятия Ханькоу рабочие демонстрации происходили главным образом на английской концессии. Инцидент с «Кокчефером» направил острие антиим-



Ханькоу. Проволочные заграждения

периалистической борьбы в Ухане против англичан. Вытесняли их из Ханькоу главным образом рабочие. В английских частных квартирах и учреждениях бастовала китайская прислуга, и английские солдаты и матросы вынуждены были мыть полы местного отделения Гонконг-Шанхайского банка. На всех иностранных предприятиях проходили забастовки китайских рабочих. Стачки подорвали весь аппарат экономического и политического господства английских империалистов в Ханькоу. В процессе забастовок были созданы рабочие пикеты. Отряды рабочих выступали немедленно, когда нужно было помочь бастовавшим рабочим, когда нужно было блокировать предприятие, на котором происходила стачка.

Рабочие пикеты следили за деятельностью гарнизонов на иностранных концессиях, охраняя китайское население от возможных провокаций империалистов; они поддерживали революционный порядок в китайском городе. Рабочие пикеты явились той основной революционной силой, которая захватила английскую концессию 3 января 1927 г.

Пикеты имели утвержденный профсоюзами командный состав и своего главного комиссара, который был назначен провинциальным советом профессиональных союзов. Пикетчики носили синюю форму, на

фуражке у них была красная звезда с китайским иероглифом «труд». При встрече с начальником они приветствовали его поднятым сжатым кулаком. Рабочие пикеты напоминали нашу красную гвардию 1917—1918 гг., но в отличие от нее были вооружены палками. Они все время добивались оружия, но в то

время это оказалось тщетным. Если бы их вооружили, китайская революция получила бы свою подлинно революционную гвардию. Но и вооруженные только палками, пикеты стали той силой, которая обеспечивала победы в стачечной борьбе.

Стачки происходили не только на иностранных предприятиях, но и на китайских. При У Пэйфу террор был настолько силен, что малейшая забастовка подавлялась вооруженной силой. Немедленно по занятии Национально-революционной армией Уханя рабочие начали борьбу за улучшение своего экономического положения. Забастовочное движение приняло массовый характер. В первые же недели забастовали 52 фабрики, из которых 30 были иностранными. Иностранцы, боясь политических осложнений, уступали, но упорное сопротивление оказывала китайская буржуазия. Борьба настолько обострилась, что владельцы предприятий стали убегать в Шанхай, под крылышко иностранного империализма.

В начале декабря 1926 г. в связи с забастовками состоялось собрание торговой палаты, на котором была вынесена резолюция, рекомендовавшая: «во-первых, не увеличивать сразу заработную плату, а повышать ее постепенно; во-вторых, предприниматели не должны соглашаться на сокращение рабочего дня, и, в-третьих, предприниматели должны иметь полную свободу при найме и увольнении рабочих».

Резолюция эта была вручена властям с предупреждением, что непринятие рабочими этих условий вызовет локаут. Но самой интересной была другая резолюция торговой палаты — запрос правительству по поводу забастовок. Мы приводим текст этого запроса целиком.

«1) Должны ли приниматься во внимание при разрешении конфликтов претензии обеих сторон в целях предотвращения забастовок и локаутов?

2) Должны ли быть взаимоотношения между пред-

Рабочий пикет в Ухане

принимателями и рабочими мирными? Нарушают ли забастовки и локауты нормальное течение дел, состояние денежного рынка и состояние общества в целом?

3) Каково правильное толкование слова «капиталист»? Есть ли вообще в Китае капиталисты в полном смысле этого слова? Являются ли предприниматели китайских торговых и промышленных предприятий капиталистами? Эти вопросы требуют точного разъяснения.

4) Каковы должны быть взаимоотношения между рабочими и капиталистами? Бывают ли конфликты между ними в нормальное время?

5) Из-за роста цен пострадало много рабочих, в целях улучшения их положения заработная плата должна быть увеличена. Но каков лучший метод при определении размера увеличения?

6) Увеличивая заработную плату, предприниматели вынуждены будут повысить цены на продукты. Как общество отнесется к такому повышению цен?»

Во втором пункте этого любопытного запроса заключалась замаскированная угроза: если правительство станет на сторону рабочих, то буржуазия будет бойкотировать выпущенные революционным правительством новые денежные знаки и не предоставит займов, в которых правительство нуждается. Свою роль эта резолюция сыграла.

В дни, когда забастовки уже прекратились, когда конфликт был передан на арбитраж правительству, нам случилось

встретиться с одним профессором Пекинского университета. Он приехал в Ханькоу из Шанхая. Мы беседовали о настроениях в Шанхае, еще не занятом Национально-революционной армией.

— В Шанхае,— говорил профессор,— относятся сочувственно к Национально-революционной армии, но боятся забастовок, которые неизбежно начнутся с приходом революционных войск.

Так реагировала шанхайская буржуазия на рабочее движение в революционном Ханькоу. Она не страшилась Чан Кайши, но боялась рабочих.

Ухань стал базой левых гоминьдановцев и находившихся в оппозиции к Чан Кайши генералов. Уханьское правительство по своему социальному составу было неоднородным, в него входили крупные землевладельцы-милитаристы, как, например, Тан Янькай и Тан Шэнчжи; представители современной американизированной буржуазии — Сун Цзывэнь и Сунь Фо; представитель радикальной интеллигенции — Дэн Яньда; политические авантюристы и стяжатели типа Чэнь Гунбо и др.

Правительство это действовало на территории, занятой войсками Тан Шэнчжи, который только из соображений военно-тактических (борьба с У Пэйфу) примкнул в 1926 г. к гоминьдану. Преследуя свои собственные цели, этот милитарист находился в оппозиции к Чан Кайши и поэтому охотно предоставил занятую его войсками территорию для пребывания уханьского правительства. По этой причине оно в военном отношении находилось в зависимости от Тан Шэнчжи.

Большую роль в уханьском правительстве играл командир 2-го корпуса национальной армии Тан Янькай— член политбюро ЦИК гоминьдана и заместитель председателя правительства в Кантоне. Это был выходец из сословия ученых, окружавших двор китайского императора. Отец его был наместником императора в «двух Ху» (Хунань и Хубэй), а затем в «двух Гуан» (Гуандун и Гуанси). Сам Тан Янькай обладал высшей учено-бюрократической степенью, полученной им во времена маньчжурской династии: он был членом так называемой Ханьлинской академии. При монархии министры, наместники и губернаторы назначались только из числа членов этой академии. В 1909 г., когда обреченная маньчжурская династия во имя своего спасения пошла на куцые реформы и издала закон о провинциальном самоуправлении, Тан Янькай стал председателем провинциального собрания Хунани, состоявшего из крупных землевладельцев и шэньши. Во время революции 1911 г. он присоединился к Сунь Ятсену и в 1912 г. был назначен военным губернатором той же провинции. Этот пост он занимал и в 1916 и 1920 гг. В 1926 г. Тан Янькай —крупный хунаньский

землевладелец— играл видную роль в ЦИК гоминьдана и уханьском правительстве.

Министром иностранных дел был Евгений Чэнь (Чэнь Южэнь). Он родился в английской колонии Тринидад, получил в Англии юридическое образование. Китайского языка не знал. После революции 1911 г. Чэнь Южэнь стал советником министра путей сообщения в кабинете Тан Шаои, а также основателем и редактором «Пекиг-газеты». Он был приверженцем Сунь Ятсена и выполнял целый ряд его дипломатических миссий. После смерти Сунь Ятсена Чэнь не мог играть большой роли в политической жизни страны прежде всего из-за незнания китайского языка.

Министром финансов был Сун Цзывэнь, брат Сун Цинлин, получивший образование в США. Он представлял наиболее современные круги тогдашней американизированной китайской буржуазии.

Министр путей сообщения Сунь Фо также получил образование в США. Это был типичный буржуа с замашками американского дельца. На политику он смотрел как на источник личного обогащения. Из этой тройки «иностранцев» Евгений Чэнь был наиболее последовательным демократом й приверженцем «трех принципов» Сунь Ятсена.

Министр юстиции Сюй Цянь (Джордж Сюйчэн) считался самым левым, самым радикальным гоминь-дановцем. Он был выходцем из цзянсийских шэньши, сыном уездного начальника. Сюй Цянь еще во времена маньчжурской династии также состоял членом Ханьлинской академии. Указами императора он неоднократно назначался на высшие должности в Пекине. Еще до революции 1911 г. был вице-министром юсти^ ции.

В период предреволюционных реформ Сюй Цянь принадлежал к числу буржуазных реформаторов. Затем примкнул к революции 1911 г., а в 1918 г. работал вместе с Сунь Ятсеном в Кантоне. В 1919 г. Джордж Сюйчэн был представителем Китая на Версальской мирной конференции. Вернувшись на родину, отошел от Сунь Ятсена и занял пост министра юстиции в Пекине. Здесь сблизился с генералом Фын Юйсяном, с которым его связывала и религиозная общность: как и Фын Юйсян, он принял христианство, причем имел даже сан епископа. В Кантоне и в Ухане никто не обращал внимания на его радикальные речи. Сюй Цяня рассматривали только как представителя генерала Фын Юйсяна, базировавшегося на севере Китая и выступавшего против У Пэйфу. В пути из Кантона в Ухань у меня установились хорошие отношения с этим молодо выглядевшим стариком, с его забавной дочуркой. Я продолжал встречаться с ним и в Учане. Этого оказалось достаточно, чтобы представить меня английской

разведке в качестве «прокурора Москвы».

В состав уханьского руководства входил и Дэн Янь-да, о котором я уже упоминал. Это был левый, революционно настроенный гоминьдановец, представитель национальной интеллигенции Китая, которая считала, что она, а не пролетариат, должна возглавить китайскую революцию.

В уханьском правительстве подвизался также проходимец и политический авантюрист Чэнь Гунбо. Это был тот самый Чэнь Гунбо, который в 1919 г. примкнул к студенческому кружку анархистов, а в 1920 г. вместе с еще шестью анархистами составил первую ячейку коммунистической партии в Кантоне. Я говорил о них в первой части этой книги. В 1922 г. вся эта компания, кроме Тань Пиншаня, была исключена из коммунистической партии за поддержку контрреволюционного восстания Чэнь Цзюнмина. На деньги этого генерала Чэнь Гунбо был послан учиться в США. Вернувшись в Китай, он вступил в гоминьдан. В ухань-

Ском правительстве он выполнял роль тайного агента Чан Кайши.

Все это правительство номинально возглавлялось Ван Цзинвэем, однако в бытность мою в Ухане он еще туда не прибыл. Напомню, что впоследствии этот «левый» стал одним из представителей махровой контрреволюции.

В каждой стране в революционное движение проникают провокаторы, полицейские агенты и разные проходимцы. Так было и в России. Кроме того, не мало бывает примкнувших к революционному движению в порядке «ошибки молодости». Всегда имеются попутчики, которые на определенном этапе отходят от революции. Все это было и в Китае. Однако там я столкнулся среди прочих с совершенно иным типом политических деятелей. Это не полицейские агенты, не попутчики, а беспринципные люди без всяких твердых убеждений. Они всегда говорили не то, что думали. Они действовали не так, как говорили. Им ничего не стоило говорить то, что им выгодно при данных обстоятельствах. На Съезде революционных организаций Дальнего Востока в Москве делегат от гоминьдана Чжан Цюйбо произносил чуть ли не коммунистические речи и заверял, что его партия поддерживает независимость Монголии. Тогда это не соответствовало действительности. «Коммунист» Чэнь Гунбо поддерживал явного контрреволюционера и агента английского империализма генерала Чэнь Цзюнмина. Чан Кайши клялся новыми «тремя принципами» Сунь Ятсена. Сын Чан Кайши отрекся в Москве от своего отца, вступил в коммунистическую партию, а вернувшись в Китай, стал начальником тайной

полиции у своего отца на Тайване. Ван Цзинвэй, глава «левых» в гоминьдане, закончил свою политическую карьеру марионеткой японского империализма. Сегодня говорилось одно, завтра — прямо противоположное. И все это считалось естественным, нормальным, особенно в тех случаях, когда открывало путь к власти.

Это отнюдь не означает, что таковы все политические деятели в Китае. Большинство коммунистов и комсомольцев, с которыми мне приходилось работать, были беспредельно преданными коммунизму, глубоко идейными людьми. Но вместе с тем нельзя пройти ми-

мо этого особого типа беспринципных карьеристов, «стяжателей власти», порожденных незрелостью социальных отношений. Буржуазия оказалась настолько слабой, что не смогла освободить страну от гнета иностранного империализма, не смогла повести за собой крестьянство, взять власть в свои руки и установить строй буржуазной демократии. Китайская революция была прежде всего крестьянской революцией, а рабочий класс в большинстве своем состоял из ремесленников, которые еще вчера находились в одной гильдии со своими хозяевами. Современный же индустриальный рабочий класс был слишком тонкой прослойкой в обществе, состоявшем на 90% из крестьянства. При такой социальной незрелости появляются беспринципные политические деятели, своего рода китайские Макиавелли, о которых я здесь рассказываю.

29. Уханьский пролетариат

С 1923 г. по конец 1926 г., т. е. до занятия провинции Хубэй Национально-революционной армией, рабочее движение в Ухане сурово преследовалось полицией. Несмотря на это, рабочие союзы продолжали существовать нелегально и у них накопился достаточный организационный и политический опыт.

Национально-революционная армия пришла в Ухань в начале октября 1926 $г_м$ и с этого момента рабочее движение во всей хубэйской провинции вступило в новую фазу. За короткий промежуток времени — в первые три месяца — в Ухане организовались 269 рабочих союзов, охвативших более 200 тыс. человек, т. е. абсолютное большинство рабочих, которых насчитывалось около 250 тыс. В трех городах, объединенных одним общим названием, рабочее движение, как и в Кантоне, было раздроблено, что было вызвано и своими особыми причинами.

Одной из главных причин раздробленности рабочего движения была территориальная разбросанность промышленности и своеобразие политической географии района. Существовали отдельные рабочие союзы в Ханькоу иностранном и в Ханькоу китайском. Свои особые рабочие союзы были ***в*** Ханьяне, в Учане и в предместьях Уханя. Ряд заводов и фабрик уханьского района находился за десятки километров от трех-озерья, ниже по течению Янцзы.

Рабочие Уханя отличались от своих кантонских собратьев тем, что около половины из них были современными индустриальными рабочими. Другая половина представляла собою кустарно-ремесленный пролетариат, занятый в мелких мастерских и небольших мануфактурах. Как и в других районах Китая, они были организованы по цеховому признаку, однако рабочие союзы Уханя существовали бок о бок с организациями индустриальных рабочих, которые здесь доминировали.

В декабре 1926 г. в Ханькоу было 106 союзов, включавших, например, такие объединения, как союз рикш на китайской террритории с числом членов 6500 человек и отдельный союз рикш на иностранной территории, насчитывавший 7 тыс. человек. Конечно, не союзы рикш были характерны для этого района. Самыми сильными рабочими организациями здесь были союзы текстильщиков, организованные еще в 1922 г. (на одной из текстильных фабрик союз объединял 9 тыс. человек, на другой — 4 тыс., на третьей — 2 тыс. На каждой фабрике имелся свой

рабочий союз), союзы рабочих табачных фабрик, объединявшие 2500 человек, союз вагоностроительных рабочих, насчитывавший 2200 членов. Всего в Учане в это время имелось 12 рабочих союзов.

В предместьях Уханя функционировали 23 рабочих союза, в том числе союз рабочих англо-американской табачной фабрики, объединявший 1100 человек. Рабочие союзы и здесь создавались на базе отдельных фабрик. Некоторые из них включали до 3 тыс. человек. Ханьян имел 32 объединения, среди которых главную роль играли союз рабочих ханьянских машиностроительных заводов (2 тыс. членов) и союз рабочих арсенала, объединявший 2500 человек. В Ханьяне преобладали рабочие металлисты.

В окрестностях Уханя действовали 12 союзов, созданных также на базе каждой фабрики в отдельности.

Таким образом, рабочие организации здесь оказались раздробленными не потому, что они выросли из гильдий, как в Кантоне, а потому, что они сложились в процессе забастовок на отдельных фабриках. Комитеты уханьских союзов, по существу, были, фабрично-заводскими комитетами.

Генеральный совет профсоюзов Хубэя, руководивший деятельностью всех рабочих союзов, проводил линию, рассчитанную на объединение многочисленных организаций по производственному принципу. Уже были созданы объединения механиков, металлистов, рабочих пристаней и т. п. Совет проводил и территориальное укрупнение, превращая союзы отдельных предприятий во всеуханьские. В декабре 1926 г. существовало уже 23 общегородских рабочих союза. Они объединяли трудящихся по производственному признаку. Примером могли служить уханьский союз рабочих спичечных фабрик, уханьский союз рабочих трикотажных фабрик и т. п. За три месяца Генеральный совет сумел проделать большую работу в этом направлении. Это удалось благодаря тому, что господствующей фигурой здесь был индустриальный рабочий. Тем не менее и уханьские рабочие союзы еще делились на две категории: индустриальные рабочие союзы и кустарно-ремесленные. Но как у первых, так и у вторых первый пункт устава гласил: «Союз ставит своей целью создание товарищеской сплоченности между рабочими, улучшение жизненных условий рабочего класса, поднятие роли рабочего класса; союз создан в целях совместной борьбы за дело рабочего класса».

Уханьские рабочие организации отличались от кантонских и тем, что подчеркивали свой политический характер. В документах о принципах профсоюзного движения часто встречался такой пункт: «Рабочий союз есть организация,

объединяющая рабочих и в то же время являющаяся школой для рабочего класса. Союз должен дать политическое воспитание своим членам, сделать их более сознательными и вовлечь в революционную работу». И действительно, уханьские рабочие союзы развивали большую политическую и культурно-просветительную деятельность. Все они имели агитационно-пропагандистские отделы, создали свои рабочие пикеты. Генсовет профсоюзов Хубэя организовал также специальное рабоче-крестьянское информационное агентство, которое снабжало рабочую печать текущей политической информацией.

В предместьях Уханя генсовет создал рабочую школу, в которую сразу же поступило 400 человек — не только рабочих, но и их детей. Наплыв желающих учиться был настолько велик, что пришлось создать при отдельных фабриках еще две такие школы. Кроме того, существовала специальная школа для подготовки профсоюзных работников, которая открылась в декабре и в которой читались лекции по вопросам рабочего движения. В программу занятий входили такие предметы, как тактика забастовки, техническая работа профсоюзов и т. п. Тут преподавались история китайского рабочего движения, история международного рабочего движения и история революции в России.

Кроме этих школ Всехубэйский генеральный рабочий совет создал специальные курсы для подготовки младшего командного состава. Это были краткосрочные школы, в которых наряду с политическими знаниями курсанты получали и специальное военное образование.

Уханьские рабочие союзы выросли в процессе забастовок, которые начались немедленно после взятия Уханя Национально-революционной армией. Стачки были вызваны резким падением реальной заработной платы.

В то время самая низкая заработная плата в Ухане составляла 900 копперов, т. е. примерно около 2 юаней в месяц. Средняя заработная плата рабочих и служащих кустарно-ремесленных предприятий равнялась 8 юаням в месяц; фабрично-заводские рабочие получали от 15 до 25 юаней, а самая высокая номинальная заработная плата наиболее квалифицированных рабочих равнялась 51 юаню в месяц. Реальное же ее содержание в связи с ростом цен на товары упало за последние восемь лет не менее чем в три раза. И недаром генсовет профсоюзов в своем заявлении торговой палате, угрожавшей локаутом, писал: если буржуазия хочет, чтобы единый национально-революционный фронт продолжал существовать, то она должна понимать, что единый фронт подразумевает участие в нем рабочего класса. При

такой низкой заработной плате рабочий физически существовать не может и потому не может принимать участие в едином фронте. Участие ***в*** йем обусловливалось, таким образом, улучшением экономического положения рабочих.

Буржуазия мало интересовалась вопросом сохранения единого национально-революционного фронта; ее больше интересовали прибыли. Локауты стали обычным методом борьбы с рабочими, требовавшими повышения заработной платы. Нигде в Китае буржуазия так широко не применяла это оружие, как в Ухане, что еще более обостряло классовую борьбу. Локауты создали брешь в едином национально-революционном фронте.

Уханьская крупная буржуазия боролась с трудящимися не только путем локаутов. Она оказывала давление на правительство и на Национально-революционную армию, с тем чтобы они встали на ее сторону в борьбе с рабочим классом. Одновременно она переводила свои капиталы в иностранные банки, убегала на территории иностранных концессий в Шанхай. Когда национально-революционное правительство прибыло в Ухань, министр финансов Сун Цзывэнь, надеявшийся получить у буржуазии заем, установил, что ему почти не с кем разговаривать, ибо наиболее крупные представители буржуазии, спрятав свои деньги в иностранных банках, удрали в Шанхай. Это и побудило правительство, руководимое Чан Кайши, выступить с призывом к рабочим прекратить забастовочное движение в Ухане. Тут же был издан целый ряд деклараций о защите частной собственности буржуазии, которую призывали вернуться в Ухань. Во всех газетах помещались интервью с министрами, которые разъясняли экономическую политику правительства в том смысле, что она никак не направлена против интересов буржуазии. Сун Цзывэнь выступил с заявлением, в котором говорил, что буржуазия и рабочий класс в одинаковой мере являются создателями промышленности и поэтому недопустимы никакие трения между рабочим классом и буржуазией.

Чан Кайши обратился к рабочим Уханя с декларацией, которая начиналась словами: «Как всем известно, наша партия гоминьдан является партией, представляющей интересы всех классов». Если в обращении к буржуазии Чан Кайши заявлял, что гоминьдан борется за ее интересы, то в декларации к рабочим эти строки были заменены такой фразой: «Наша партия ставит своей специальной задачей улучшить экономическое и политическое положение уханьских рабочих».

В декларации, адресованной рабочим, выражалось сожаление, что рабочее движение не следует за гоминьданом, и содержалась угроза: «Если рабочие не признают руководства

гоминьдана и будут продолжать вести борьбу как им вздумается, — наш единый фронт будет разбит и все надежды рухнут». Смысл этой угрозы был совершенно ясен: поскольку рабочими союзами руководит коммунистическая партия, неподчинение рабочих гоминьдану повлечет за собой разгром коммунистической партии («наш единый фронт будет разбит»). «Братья-рабочие,— продолжал Чан Кайши,— вы должны бороться не только за свои классовые интересы, но также быть борцами национальной революции... и во имя этого рабочие ни в коем случае не должны рассматривать купцов как своих врагов, а должны заключить с ними во что бы то ни стало компромисс. И поэтому я вам советую: начиная движение за повышение заработной платы, вы должны помнить о едином фронте национальной революции и подчиняться руководству гоминьдана».

Уханьские рабочие, которые начиная с 1922 г. вели борьбу под руководством коммунистической партии и вместе с нею понесли столько жертв в борьбе с реакцией, не собирались обменять свою кровную связь с коммунистами на посулы Чан Кайши. Они продолжали борьбу: за первые два с половиной месяца существования национально-революционной власти в Ухане, т. е. до 1 января 1927 г., рабочие союзы провели 160 забастовок, в которых участвовало около 200 тыс. человек. Рабочие добились значительного повышения заработной платы (получавшие 3 юаня в месяц стали получать до 8 юаней). Хотя по некоторым профессиям рост заработной платы достиг 260%, тем не менее она все еще оставалась ниже прожиточного минимума. Меньших результатов добились уханьские рабочие в борьбе за сокращение рабочего дня. Результаты здесь были таковы: те, кто работал до забастовки 17 часов, добились 13-часового дня, работавшие 16 часов — 12-часового.

В деревнях развернулось крестьянское движение. В некоторых местах были сделаны первые попытки раздела земель. Крупные землевладельцы из Хунани, из Хубэя сбежали в Ухань, где объединились с уханьской буржуазией.

Многомиллионные народные массы приходили в движение. Рабочие считали, что вместе с успехами национальной революции должно последовать улучшение их положения. Они требовали поэтому повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Крестьянство требовало избавления от ростовщической кабалы. Шла перегруппировка классовых сил.

В декабре 1926 г. буржуазия еще не теряла надежд: среди многих командиров Национально-революционной армии она обнаружила своих старых друзей, защитников ее интересов. Она решила апеллировать к ним. Когда, например, на одной из

текстильных фабрик вспыхнула забастовка, то хозяева добились того, что армейские части окружили фабрику и блокировали бастовавших рабочих, не выпуская их и не разрешая передавать им пищу, которую приносили жены и дети.

Было немало вооруженных конфликтов армейских частей с рабочими. Даже в знаменательный день приезда национального правительства из Кантона в Ухань после массового митинга произошел вооруженный конфликт солдат с рабочими пикетами, которые охраняли порядок. Когда митинг закончился и люди разошлись, а остались только рабочие пикеты, на площадь ворвались солдаты. Они вступили в пререкания с пикетчиками и попытались разрушить трибуну, украшенную революционными лозунгами, ту самую, с которой только что выступали члены правительства. Пикетчики не допустили самочинства, и тогда солдаты убили нескольких рабочих.

Еще хуже обстояло в некоторых других провинциях. В уездном городе Учжоу, провинции Гуанси, о котором мы уже говорили, командир воинской части Национально-революционной армии в ответ на демонстрацию мелких торговцев, требовавших отмены установленных дополнительных налогов, приказал своим солдатам окружить комитет гоминьдана и редакцию местной газеты. По его приказу были арестованы редактор газеты, заведующий рабочим отделом комитета гоминьдана и еще 10 рабочих — делегатов ассоциации рабочих союзов. Все они были коммунистами.

Два месяца спустя, в октябре 1926 г., там же произошел очередной конфликт с кули, требовавшими оплаты их труда по переноске грузов. Три человека были убиты и несколько арестовано.

Уханьский пролетариат не закрывал глаза на изменившийся характер многих корпусов гоминьданов-ской армии, на то, что во главе этих соединений к концу 1926 г. стояли в большинстве случаев милитаристы, перешедшие на сторону Чан Кайши. Вот почему не в декабре 1926 г. и не в марте 1927 г., а еще 10 октября

1926 г., в день освобождения Учана Национально-революционной армией, созданный уже в то время ген-совет хубэйских профсоюзов опубликовал декларацию, в которой заявил: «Мы поддерживаем национальное правительство и Национально-революционную армию, считая, что они могут защитить интересы народа. Но если правительство и войска не будут защищать свободу и интересы народа, мы, конечно, не будем поддерживать их. Мы требуем отстаивания наших свобод и наших интересов».

Так вместе с расширением и углублением революции

обострились классовые противоречия внутри единого национально-революционного фронта.

30. Крестьянство в революции

Мы шли по дорогам Гуандуна и Цзянси и не могли, конечно, не интересоваться аграрными отношениями в китайской деревне. Никакой общегосударственной статистики в Китае не было. Никто не мог ответить, сколько жителей в этой стране. Тогда говорили и писали, что население ее составляет 400 млн. человек. Но ведь никакой переписи населения Китая не производилось, и все называвшиеся цифры были только предположениями. Совершенно очевидным было, что страна — крестьянская. Но вместе в тем в Китае множество старых городов, больших и малых. Никаких сводных статистических данных о городах, торговле, ремесле, машинной промышленности, купцах, рабочих не было. Тем более отсутствовали материалы о земельных отношениях в стране в целом и по провинциям. Все суждения по этому вопросу базировались на выборочных обследованиях отдельных деревень и уездов. Много сделали в этом отношении китайские коммунисты и комсомольцы двадцатых годов.

Я приводил уже некоторые данные об аграрных отношениях в тех или иных уездах, через которые мы проходили. В целом противоречия в деревне были очень острыми. В некоторых местах большинство крестьян были мелкими арендаторами, причем здесь были представлены все формы ренты: отработочная, натуральная, денежная. Угнетал крестьян богатый земельный собственник, он же торговец и ростовщик. Очень сложным был вопрос: кто он, этот крупный землевладелец, откуда и когда появился в этой стране классических уравнительных крестьянских революций. Душил крестьянина деревенский чиновник, грабили милитаристы, облагавшие население всяческими налогами и собиравшие их за много лет вперед. Так, в провинции Цзянси помимо давно установленных семи видов налогов появились еще десять. В провинции Шаньдун число налогов возросло до пятидесяти. В 1926 г. в Хунани были собраны налоги уже за 1929 г., в Шаньси — за 1931 г., в Сычуани — за 1932 г. Были районы, где налоги ухитрились собрать за 16 лет вперед.

В результате милитаристских войн и ограбления крестьянства старинная система искусственного орошения, эта основа сельского хозяйства в Китае, оказалась запущенной, а местами просто пришла в негодность. По этой причине участились стихийные бедствия— наводнения и засухи. Целые

провинции становились ареной голода и массовой смертности. К этому необходимо добавить огромное относительное перенаселение деревни. Все это привело к тому, что сотни миллионов китайских крестьян очутились на положении нищих, полунищих и владельцев таких крошечных участков земли, на которых едва можно было прокормиться.

В безземелье, высокой арендной плате, поборах за* ключалась причина крестьянского движения в Китае, которое особенно нарастало там, где оно поддержива-

Орошение полей

лось армией. И подобно тому как в городе еще сохранились средневековые гильдии и цехи, так и в деревне возродилис1: и множились старинные полурелигиозные тайные организации вроде «красных пик», «черных пик», «общества твердобрюхих», «общества желтого песка» и т. п.

Многие из этих тайных организаций в прежние годы находились под контролем богатеев, шэньши и даже милитаристов. В 1925—1927 гг. некоторые такие «общества» вновь приобрели революционный характер. Еще недавно старинные формы крестьянских объединений были характерны не только для Хэнани, Шаньдуна, Чжили, но и южной части Китая, однако в Гуандуне они превращались теперь в крестьянские союзы.

Полурелигиозные организации крестьянства были

неоднородны. Некоторые организации были действительно .революционные, другие же превратились в орудие контрреволюции. Это стало возможным благодаря тому, что крупные землевладельцы и шэньши пользовались всеми средствами, чтобы держать в сво-

их руках крестьян: использовались сохранившиеся родовые отношения, суеверие и невежество, а главное, долговая кабала.

Вместе с обострением внутренних противоречий в деревне прежние формы тайных, полурелигиозных крестьянских организаций стали исчезать, особенно в 1926—1927 гг. На смену им в ряде мест пришли новые революционные объединения — крестьянские союзы, которые в большинстве случаев создавались и руководились коммунистической партией и комсомолом.

Крестьянские союзы сыграли большую роль в очищении провинции Гуандун от контрреволюционных сил Чэнь Цзюнмина, а также от банд, организованных кантонскими компрадорами и прозванных «бумажными тиграми». Еще большую роль сыграли крестьянские союзы в организации помощи Северному походу Национально-революционной армии.

Уже 1 мая 1925 г. состоялся съезд крестьянских союзов провинции Гуандун. В то время такие союзы, существовавшие только в Гуандуне, объединяли 600 тыс. человек. Рост численности крестьянских союзов в других провинциях был непосредственно связан с продвижением на север революционных войск.

По числу членов крестьянских союзов Хунань стояла на первом месте среди всех провинций. Здесь особенно остро проявились классовые противоречия в деревне.

Обрабатываемая земельная площадь в Хунани делилась на два вида: горные и долинные земли. Последние находились в руках крупных землевладельцев — собственников порой нескольких тысяч му земли. Например, генерал Тан Шэнчжи, занявший со своей армией Ухань, владел несколькими тысячами му и собирал с крестьян арендную плату в размере 5 тыс. даней риса ежегодно. Наряду с такими крупными землевладельцами имелся большой слой собственников, владевших от 300 до 500 му земли и державших в своих руках почти всю обрабатываемую землю в Хунани. Самостоятельные крестьяне имели здесь участки земли в 5—10 му. Такой участок был наиболее типичным для крестьянского хозяйства. Разумеется, и здесь среди крестьян имелись середняки и кулаки, владевшие от 50 до 100 и больше му.

В горных районах положение мало чем отличалось от долинных, так как и здесь земля находилась не в крестьянских

руках. Но арендная плата в среднем была здесь несколько ниже, чем за землю долинную.

Как правило, в Хунани крестьяне, владевшие 10—

15 му земли, вынуждены были прибегать к найму рабочей силы. Так что Хунань отличалась от других провинций еще и тем, что наряду с безземельными арен-даторами, составлявшими большинство крестьянского населения, здесь было очень много батраков.

Обследование положения крестьянства в целом ряде уездов Хунани дало следующие результаты, опубликованные в «Китайской корреспонденции»— бюллетене на английском языке, издававшемся Политическим управлением НРА (в процентах ко всему сельскохозяйственному населению) :

Уезд	Батраки	Аренда- торы	Полуарен- даторы	Самостоя- тельные крестьяне

Из этих цифр следует, что подавляющее большинство крестьян или вовсе не имели земли, вследствие чего вынуждены были арендовать ее у крупных землевладельцев, или же владели такими малыми участками, что должны были приарендовывать землю, чтобы прокормить свои семьи. Арендная плата была высокой, причем вносилась не деньгами, а главным образом натурой, сельскохозяйственными продуктами. Обычная арендная плата составляла 50—60% урожая, а в некоторых случаях даже 70—75%. Так как размеры арендуемых участков не превышали в среднем 10—15 му (редко 20 му), то арендатору, отдавшему половину или две трети своего урожая собственнику земли, не оставалось зерна даже для самого скудного существования.

Условия жизни самостоятельных крестьян были немногим лучше. В благополучные годы они как-то сводили концы с концами. В годину же стихийных бедствий, наводнений или засух или же во время милитаристских войн крестьянин попадал под власть деревенского ростовщика. После этого он уже был не в состоянии вырваться из кабалы. В деревнях Хубэя и Хунани процент по займам составлял от 5 до 10 в месяц, или 60—120% годовых; нередко он равнялся 30% в месяц, или 360% в год. Разорение крестьянина совершалось здесь так быстро, что Хунань сделалась поставщиком кули для всего Китая.

Хунаньские кули конкурировали с местными во всех провинциях. Их можно было увидеть в Гуандуне, в Цзянси, они встречались во всех китайских городах.

Революционное крестьянское движение быстро и бурно развивалось после занятия Хунани Национала но-революционной армией. Огромное значение Северного похода наиболее наглядно

проявилось в Хунани. Приход Национально-революционной армии, агитационная работа коммунистической партии, надежды на улучшение жизни всколыхнули крестьянскую массу и повели ее по пути революции. В некоторых уездах крестьяне захватили власть в свои руки и приступили к конфискации земли у крупных собственников.

Было бы неправильным утверждать, что крестьянское движение зародилось только после прихода НРА. Оно уже существовало и до этого, но имело совершенно другие формы. В Хунани сохранились еще следы родового строя, остатки общины в деревнях. Родовая и общинная организация так или иначе объединяла крестьян. Наряду с этим здесь существовали и традиционные полурелигиозные крестьянские организации, которые боролись против гнета и насилия шэньши и милитаристов. Хунань была характерна еще и тем, что вследствие пауперизации деревни здесь появилось много бандитских шаек (туфэи), которые могли возникнуть только в условиях беспросветной нищеты.

Занятие этой провинции Национально-революционной армией происходило при прямой помощи тай-***шх*** крестьянских организаций. Чтобы прорваться к столице Хунани — Чанша, прежде всего надо было)владеть хорошо защищенной крепостью Пинцзян. "1осле этого противник не имел ни одного опорного 1ункта, где он мог бы удержаться и закрепиться. Поэ-юму первой решающей военной операцией Национально-революционной армии было занятие Пинцзяна. Для этой дели были сконцентрированы три корпуса, и, несмотря на это, Пинцзян не был бы взят без помощи местных крестьянских организаций. Путь на Чанша открыли крестьяне, которые фактически и взяли Пинцзян. Были случаи, когда целые воинские части милитаристов разоружались силами только крестьян. Когда Национально-революционная армия подошла к Чанша, восставшее крестьянство захватило здесь в плен офицеров и солдат реакционной армии, разоружило их и помогло гоминьдановцам занять город.

Роль крестьянских организаций в военных операциях Национально-революционной армии была существенной. Большое значение имело то, что, борясь с противником, разоружая его, крестьянские организации захватывали боевое снаряжение и вооружались.

Командование гоминьдановской армии принимало все меры к тому, чтобы не допустить вооружения крестьянства, оно пыталось отобрать захваченное крестьянами оружие и, добиваясь этой цели, сплошь и рядом сжигало целые деревни. Но хунаньские крестьяне, которые в общем-то критически

относились ко всякой армии, не сдавали оружия, и это сыграло большую роль в дальнейших событиях.

В августе 1926 г. на юге Хунани существовало уже 90 крестьянских союзов с общим количеством членов 37 тыс. человек. К декабрю число крестьянских союзов определялось уже не отдельными деревенскими организациями, а уездными объединениями. К этому времени было организовано 54 уездных объединения — в общей сложности свыше 1200 тыс. человек. В феврале 1927 г. количество членов крестьянских союзов превысило 2 млн. Следует учесть, что в Хунани, как и в большинстве других мест, членами союза являлись не отдельные лица, а семьи.

Требования крестьян были двух родов: политические и экономические. Экономические требования сводились главным образом к уменьшению процента и арендной платы за землю. Характерно, что в декабре

1926 г. восставшие хунаньские крестьяне требовали лишь восстановления условий аренды, существовавших до 1916 г. (после наводнения 1916 г. арендная плата превысила 50% урожая). Другое требование было направлено против ростовщичества: крестьянство добивалось снижения вдвое взимаемого за займы процента.

Политическая борьба крестьянских союзов свелась к разоружению миньтуаней и к требованию «образования хорошего правительства». В статье, опубликованной в центральном органе КПК «Сяндао» 6 января

1927 г., сообщались интересные сведения, дающие представление о характере крестьянского движения того времени: «Как экономические, так и политические стремления крестьянства еще очень незрелы. Лозунг „выборные начальники уездов“ еще не дошел до сознания крестьянства. Политические устремления деревни крайне примитивны. Нет даже и тени лозунга „рабоче-крестьянское правительство" или „получить землю“». Таким образом, угнетавшееся в течение многих веков хунаньское крестьянство выдвигало пока лишь самые минимальные требования, которые должны были лишь в некоторой степени облегчить его положение.

Крупные собственники земли и шэньши ответили на эти минимальные требования вооруженной борьбой против крестьянских союзов. В ряде уездов миньтуа-ни, руководимые местными землевладельцами и шэньши, разгоняли собрания крестьянских союзов, избивали активистов и пытались вообще ликвидировать крестьянские организации. Дело дошло до того, что крупные землевладельцы и шэньши ввели свои отряды в один

из уездных городов и разгромили местный комитет крестьянского союза.

В ответ на это крестьянские союзы стали создавать свои отряды самообороны. Здесь-то и пригодилось оружие, которое хунаньские крестьяне захватили при разоружении и разгроме реакционных армий. Крестьянские отряды самообороны возникли не на пустом месте. В их формировании большую роль сыграли созданные для борьбы с У Пэйфу «соседские» вооруженные отряды. Они превратились теперь в крестьянские отряды самообороны.

«Соседские» организации не имели винтовок и были вооружены исключительно холодным оружием, вроде секир, ножей и т. п. Отряды же самообороны имели и огнестрельное оружие, захваченное у войск У Пэйфу.

В деревне началась вооруженйая борьба. Стоило крестьянам объединиться в союз, как тут же организовывались и богатые землевладельцы и шэньши, создавшие целый ряд своих организаций: «общество охраны богатства», «общество охраны имущества» и, наконец, «белое общество», которое уже и по названию было родственно «белой гвардии» российской контрреволюции.

Крупные земельные собственники и шэньши принимали все меры к тому, чтобы расстроить ряды революционного крестьянства. Используя сохранившиеся родовые отношения, они пытались разложить крестьянские союзы изнутри: вступали в них с целью захватить в свои руки руководство, распускали слухи о том, что Национально-революционная армия терпит поражение за поражением и что возвращается У Пэйфу, который снимет головы со всех членов крестьянского союза, и т. п.

Для того чтобы вызвать конфликт крестьянства с национальным правительством, шэньши и богатеи провоцировали крестьян на разгром налоговых управлений и Других государственных учреждений. Однако эти провокационные попытки далеко не везде увенчались успехом.

Уже в феврале 1927 г. под влиянием обострения классовой борьбы в деревне изменился характер требований крестьянства: на первое место коммунисты выдвинули лозунги «долой тухао и лешэнь», «вся власть крестьянским союзам». Началась борьба за власть, и Хунань стала первой провинцией в Китае, где крестьянские союзы захватили в свои руки управление большинством уездов. После захвата власти в некоторых местах приступили к разделу земли крупных земельных собственников. Так нарастала крестьянская революция в Китае.

Судя по рассказам китайских коммунистов, руководивших

крестьянским движением, там, где крестьянство держало в своих руках власть, был установлен твердый порядок, совершенно прекратились бандитизм и грабежи, даже жилища свои крестьяне перестали запирать на ночь.

Крупные землевладельцы и шэньши, потерпевшие поражение в борьбе с крестьянскими союзами, бежа

ли в города и на территорию иностранных концессий в Шанхае и Тяньцзине.

Я рассказывал уже о том, что целый ряд обследований аграрных отношений в китайской деревне показал, что крупными землевладельцами там были, наряду с шэньши, торговец и ростовщик, т. е. представители китайской буржуазии. Право, трудно сказать, что больше толкало буржуазию в лагерь контрреволюции и иностранного империализма: рабочие союзы и стачечное движение или крестьянские союзы, снижение арендной платы, процента по займам и угроза захвата земли крупных землевладельцев. На буржуазию воздействовали оба процесса одновременно.

31. Кризис революции

Я возвращаюсь теперь к незабываемым дням нашего перехода из Кантона в Ханькоу. До сих пор перед моими глазами стоят нескончаемые народные митинги, знамена, транспаранты, революционные лозунги, рабочие делегации, крестьянские собрания. Пробудились и поднялись десятки миллионов людей: рабочих и крестьян, студентов, мелких торговцев, таких мелких, что все товары, лежавшие у них в лавке, можно было купить за 10—15 юаней. Миллионы и миллионы пришли в движение. Они радовались победам Национально-революционной армии, успехам гоминьдана, политику которого им разъясняли не только гоминьдановцы, но и коммунисты. Массы вышли на площади не только для того, чтобы приветствовать НРА, но и для того, чтобы заявить о своих нуждах, потребовать улучшения жизненных условий. Это была подлинная революция. Она многим отличалась от революции 1911 г., когда не было ни рабочих пикетов, ни революционных крестьянских союзов, а главное, не было рядом с Китаем Советского Союза, не было коммунистической партии в самом Китае.

В 1919 г. массы пришли в движение, протестуя против захватов китайской территории японским империализмом, через пару лет они поднялись против агрессии, исходившей из

Гонконга, потом негодуя выступали в связи с расстрелами китайских рабочих на иностранных концессиях в Шанхае, Кантоне, Макао. И тогда происходили стачки, но чаще всего на иностранных предприятиях. Это был период национально-освободительного движения, продолжавшийся семь лет, с 1919 по 1925 г. включительно. В эти годы политическая жизнь Китая проходила главным образом под знаменем антиимпериалистической борьбы. На нем были начертаны и лозунги борьбы с феодальной реакцией, с милитаристами, раздробившими и обессилившими Китай. Но на том этапе различные клики милитаристов по-прежнему держали в своих руках всю страну, а попытки Сунь Ятсена сокрушить их, опираясь на одну клику в борьбе против другой, не увенчались успехом. Для масс главным врагом был иностранный империализм, а застрельщиком движения— студенты. На этапе преимущественно антиимпериалистического движения сложился единый национально-революционный антиимпериалистический фронт.

Наибольшего размаха революционное движение достигло в 1926 г. во время Северного похода. Но оно уже не ограничивалось антиимпериалистической борьбой. Одновременно с борьбой за национальное освобождение развернулась социальная борьба. Проходя по деревням и городам, мы убедились в том, что вопросы социального освобождения всколыхнули народные массы. В 1919—1925 гг. движение охватывало главным образом крупные города, в уличных демонстрациях заметно выделялись студенты. Теперь движением были охвачены и тысячи городков, десятки тысяч деревень, площади были заполнены рабочими, крестьянами. Классовые бои в провинциях, освобожденных Национально-революционной армией, подорвали то единство коммунистической партии и гоминьдана, которое существовало на первом суньятсенов-ском этапе национально-революционного движения. С расширением стачечного движения, с ростом крестьянских союзов, потребовавших сперва снижения арендной платы, а потом передела земли, корабль единого национально-революционного антиимпериалистического фронта стал накреняться то в одну, то в другую сторону, скрипеть, а затем трещать. Буржуазия и крупные земельные собственники отходили от революции. По мере ее углубления происходила перегруппировка классовых сил — вступал в действие закон любой буржуазно-демократической революции.

Мы наблюдали эту перегруппировку сил своими глазами во время перехода из Кантона в Ханькоу и, естественно, много между собой говорили по этому вопросу. В общем все — и Бородин, и Войтинский, и Рафес — отстаивали необходимость

сохранения блока коммунистической партии с гоминьданом. На тех же позициях стояло руководство Коммунистической партии Китая. Однако Сунь Ятсена теперь не было уже в живых. В последний год своей жизни он хотел, чтобы гоминьдан, созданная им партия, стала руководящей силой в правительстве, в армии, но после его смерти по мере расширения и обострения классовой борьбы произошла консолидация правых сил — буржуазии и крупных землевладельцев, огромное влияние в гоминьдане приобрели генералы, боровшиеся между собой за главенство.

Как же можно было в этих условиях сохранить единство коммунистической партии и гоминьдана? Предлагались два пути достижения этой цели: поддерживать левое крыло гоминьдана, которое было сильно только в пропагандистском аппарате этой партии; сдерживать стачечную борьбу, а также умерять пыл крестьянских союзов. Последнее, как предполагалось, должно было успокоить правые элементы в гоминьдане. В целом эта тактика была сформулирована как «самоограничение пролетариата и крестьянства» во имя сохранения единого фронта с правым гоминьданом. В более широком плане «самоограничение пролетариата и крестьянства» означало сокращение или даже прекращение стачечной борьбы и захватов земли у крупных землевладельцев, с тем чтобы «не отпугнуть буржуазию и помещиков от революции».

Однако массы пришли в движение, и удержать рабочих от стачечной борьбы, а крестьян от борьбы за сокращение арендной платы и за передел земли уже было невозможно. Невозможно было и удержать буржуазию и крупных землевладельцев и тем самым и правых гоминьдановцев от перехода в лагерь контрреволюции.

Начался кризис революции. К началу 1927 г. перегруппировка классовых сил зашла настолько далеко, что раскол единого национально-революционного фронта становился неизбежным. Силы правых гоминь-дановцев, опиравшихся на крупную и среднюю буржуазию, крупных землевладельцев и генералитет го-миньдаиовской армии, настолько окрепли, что теперь стал актуальным вопрос не о выходе или невыходе коммунистов из гоминьдана, а об их изгнании из этой партии, о переходе коммунистической партии на нелегальное положение и вооруженном сопротивлении новой контрреволюции. Ведь уже в марте 1926 г. началось удаление коммунистов с руководящих постов в гоминьдане, а коммунистической партии было предъявлено требование представить списки своих членов, состоящих в гоминьдане. Начавшийся Северный поход на время снял этот вопрос с повестки дня. Теперь в обстановке военных

успехов, подъема движения народных масс и обострения классовых противоречий он снова стал актуальным.

Спустя некоторое время после приезда в Ханькоу мы узнали, что произошло в Кантоне за время нашего путешествия.

После начала Северного похода и отъезда Чан Кайши на фронт военная охрана Кантона была поручена командиру 4-го корпуса Ли Цзишэню. Совершенно очевидно, что, покидая Кантон, Чан Кайши оставлял здесь «своего» человека.

Биография Ли Цзишэня заслуживает того, чтобы рассказать ее здесь. Как известно, физическим убийцей Ляо Чжуикая в августе 1925 г. был командир 1-й дивизии кантонских войск генерал Лян Хункай. Ли Цзишэнь был у него начальником штаба. После убийства Ляо Чжункая его убийца хотя и не был казнен, но все же смещен с поста и заключен в тюрьму. Начальник штаба дивизии стал ее командиром. Ему было поручено произвести «национальную революцию» в Гуанси. Сам богатый землевладелец, тесно связанный с другими крупными земельными собственниками этой провинции, Ли Цзишэнь, прибыв в Гуанси со своей дивизией, образовал блок с генералами, находившимися в оппозиции к гуансийскому дубаню (военному губернатору), сверг его и посадил на это место другого, «дружественного» генерала. Так свершилась **в**

Гуанси «национальная революция». После этого Ли Цзишэиь с триумфом вернулся в Кантон и был назначен командиром 4-го корпуса НРА. Теперь, после отъезда Чан Кайши на фронт, он был оставлен в Кантоне для поддержания «революционного порядка». Вместе с ним город и провинцию Гуандун охранял командир 5-го корпуса Ли Фулинь.

16 ноября национальное правительство отправилось на север. В начале декабря, когда происходила встреча правительства с Чан Кайши в Наньчане, а затем совещание в Кулиие, Ли Цзишэнь по указанию Чана совершил переворот в Кантоне. Прежде всего было разогнано управление кантонской полиции, находившееся в руках левых гоминьдановцев и коммунистов, был назначен новый начальник, который «очистил» полицию от левых элементов. Вслед за этим была проведена другая операция: помещение гуандун-ского провинциального комитета гоминьдана, руководство которого также состояло из левых, было окружено войсками и опечатано. После этого началось наступление на рабочие организации. Сначала было прекращено снабжение рабочих пикетов военными припасами из арсенала, а затем разоружены, сперва еще не полностью, и сами рабочие пикеты. Был издан новый закон, дававший властям право подавлять забастовки вооруженной силой. По этому закону забастовки

строго запрещались на тех предприятиях, которые рассматривались властями как необходимые с точки зрения военно-государственных интересов. Списки таких предприятий не были опубликованы, а это означало, что любая фабрика всегда могла быть объявлена необходимой для военных нужд. Таким образом военные власти в любое время могли требовать прекращения забастовки и в случае отказа рабочих подавлять ее вооруженной силой.

По новому закону рабочим запрещалось носить оружие. За ослушание полагалась тюрьма. Были запрещены аресты товаров, которые обычно практиковались в тех случаях, когда предприниматель не шел на уступки бастующим рабочим.

Одновременно полиция начала борьбу и против гонконгских стачечников. Когда был объявлен бойкот Гонконга, рабочие покинули этот остров и переселились в Кантон. Правительство предоставило им помещения, принадлежавшие той части буржуазии, которая была замешана в восстании «бумажных тигров» и бежала из Кантона. Новый начальник полиции был ставленником компрадоров, и кантонская контрреволюционная буржуазия немедленно воспользовалась новым назначением. Ойа подала ему жалобу на рабочих и потребовала, чтобы они либо платили за помещения, занятые ими, либо убрались оттуда. В газетах было напечатано интервью с начальником полиции, в котором он заявил, что считает требования кантонской буржуазии совершенно справедливыми. Затем он начал постепенно выбрасывать на улицу гонконгских стачечников, этих героев антиимпериалистической борьбы.

Начались волнения среди рабочих, которые потребовали уплаты обещанных каждому гонконгскому стачечнику 100 юаней. 16 месяцев рабочие блокировали Гонконг и все это время не получали заработной платы. Того, что собрала буржуазия,— об этом мы рассказывали в главе о кантонских купцах — едва хватило на один месяц. Когда в октябре 1926 г. была отменена блокада Гонконга, правительство ввело пошлины на целый ряд товаров, чтобы из собранных таким образом сумм выплатить каждому забастовщику по 100 юаней. Рабочих надули: вместо 100 юаней им до отъезда правительства в Ухань выдали по 10 юаней. Теперь, когда рабочие потребовали остальные 90, новые власти показали им вместо денег дуло пистолета. Гонконгские стачечники были выселены вооруженной силой из занятлх ими помещений.

Одновременно распоясался и Ли Фулинь, командир 5-го корпуса гоминьдановской армии, гуандунец из уезда Паньюй, в прошлом главарь бандитской шайки. Его кличка — «Ламповое

стекло». (Как-то он ворвался в какой-то дом с целью грабежа. Оружия у него не было, вместо него он держал в руке вымазанное сажей ламповое стекло, которым угрожал точно дулом огромного пистолета. Налет удался, дом был начисто ограблен, и Ли Фулинь получил после этого кличку «Ламповое стекло».) Это было еще до революции 1911 г. С тех пор утекло много воды и крови, а Ли Фулинь стал крупным землевладельцем. В 1924 г, в про должение нескольких дней он был даже гражданским губернатором Кантона. Весь 5-й корпус состоял из таких же бандитов, каким был в свое время Ли Фу-линь.

После отъезда правительства на север Ли Фулинь с яростью набросился на крестьянские союзы, громил их вооруженной силой. Центральный орган коммунистической партии «Сяндао» писал в декабре, что крестьянские союзы «окружены врагами со всех четырех сторон».

В этой обстановке состоялся гуандунский съезд гоминьдана. Делегаты съезда были подобраны из числа правых. В состав комитета на этом съезде попал и Ли Цзишэнь, который теперь стал действовать и от имени гоминьдана, а не только как представитель военной власти.

Новый комитет гоминьдана повел определенную политику по отношению к рабочим союзам. В Кантоне, как уже говорилось, существовали рабочие союзы революционного направления (таких было большинство) и «желтые» организации. В числе последних — союз механиков и Гуандунский генеральный рабочий союз. Теперь Ли Цзишэнь разоружал революционные рабочие союзы и вооружал «желтые».

Когда 3 января 1927 г. народные массы захватили английскую концессию в Ханькоу, Ли Цзишэнь устроил банкет для иностранных консулов в Кантоне, подчеркивая этим, что он ничего общего не имеет с антиимпериалистическими выступлениями.

До февраля 1927 г. все это делалось «в перчатках» и даже под аккомпанемент революционных фраз, ибо тогда Ли Цзишэнь оглядывался на Чан Кайши, который еще вел переговоры с Уханем. Однако кантонские рабочие не дали себя обмануть.

В феврале 1927 г. начались открытые уличные бои рабочих с полицией и войсками. Первый бой произошел 2 февраля — после выселения гонконгских стачечников. Это был настоящий бой, настолько ожесточенный, что кругом закрылись лавки купцов; сражение, в результате которого былц не только убитые и раненые, но и захваченные обеими сторонами пленные. И только благодаря тому, что рабочие захватили в плен полицейских, им удалось спасти своих товарищей, которые были захвачены

полицией: первым условием перемирия был обмен пленными.

Не успел закончиться этот бой, как началось новое наступление буржуазии и властей на рабочие организации. Кантонская буржуазия решила отомстить рабочим за их победы во время стачек. Кантонский пролетариат добился того, что прием и увольнение рабочих могли происходить исключительно с согласия рабочих союзов, а увольняемому должна была выплачиваться какая-то компенсация. Теперь, когда контрреволюция держала город в своих руках, буржуазия воспользовалась китайским Новым годом для того, чтобы рассчитаться с революционными рабочими. По старому гильдейскому обычаю в китайский Новый год хозяева увольняли ненужных, с их точки зрения, служащих и рабочих и нанимали новых. При найме обыкновенно обусловливалось, что увольнения могут быть произведены только в следующий Новый год. И вот сейчас кантонская буржуазия потребовала соблюдения старого гильдейского обычая. Хозяева предприятий заявили: «Хорошо, мы будем подчиняться рабочим союзам в продолжение всего года, но вы не должны отнимать у нас то священное право, которое существует уже столетия,— право гильдии на увольнение и наем рабочих в Новый год». Рабочие отказались принять это требование и ответили на него стачками. Тогда 20 февраля 1927 г. буржуазия организовала демонстрацию 22 тыс. предпринимателей, которые явились к местным властям и не расходились до тех 'пор, пока гоминьдан твердо не заявил, что он поддерживает их в этом вопросе.

Предприниматели добились своего, и под Новый год буржуазия уволила всех революционеров, всех активных деятелей рабочего движения, выбросила их на улицу и наняла штрейкбрехеров. Это повлекло за собой новую волну забастовок. Пикетчики вывешивали на предприятиях плакаты, в которых говорилось, что предприятие находится под бойкотом или же здесь происходит стачка. Власти отдали приказ полиции и войскам удалить пикеты и убрать плакаты стачечников. Забастовки были подавлены военной силой. Буржуазия торжествовала. В городе происходили аресты рабочих. Первый акт драмы был закончен.

То, что происходило в Гуандуне, началось и в других провинциях, занятых гоминьдановской армией. Речь идет не о «местных инцидентах» — все делалось по приказу Чан Кайши. Это был кризис национально-освободительной революции. Открытым, однако, оставался вопрос о судьбе самого гоминьдана: вызовет ли перегруппировка классовых сил консолидацию левого крыла, а затем раскол самой этой партии?

Я не занимаюсь здесь историей китайской революции, анализом ее побед и поражений. Я пишу лишь о том, что видел, слышал, о чем тогда думал.

Только в Китае я узнал подробности событий 20 марта 1926 г. в Кантоне. Сперва убийство Ляо Чжункая, затем устранение Ван Цзинвэя были выражением борьбы внутри гоминьдана за власть после смерти Сунь Ятсена. При незрелости социальных отношений применяются средневековые методы борьбы: убийства, заговоры, военные перевороты, которые тем не менее имеют определенную социальную направленность. В данном случае это был отход от новых «трех принципов», провозглашенных им на сьезде гоминьдана в январе 1924 г., отход в сторону сближения с крупной буржуазией, крупными землевладельцами, с иностранным империализмом. Ни у кого из нас это не вызывало сомнений. Мы много говорили об этом с М. М. Бородиным в Кантоне и на пути из Кантона в Ханькоу.

Однако своеобразие обстановки после 20 марта заключалось в том, что Чан Кайши не был еще готов довести свои намерения до конца, а коммунистическая партия не была готова к отпору Чан Кайши и крутому повороту в своей тактике. По этой причине состоялся компромисс между новым руководством гоминьдана и коммунистической партией. Для Чан Кайши компромисс означал отсрочку контрреволюционного переворота, для коммунистической партии — выигрыш времени для развертывания рабочего и крестьянского движения. Однако правильных выводов из событий 20 марта сделано не было. После начала Северного похода и первых побед считалось, что «инцидент» исчерпан. Поход вызвал революционный подъем в стране, ширилось рабочее и крестьянское движение, выросла численность коммунистов и комсомольцев — все шло хорошо. Но «вдруг» Чан Кайши остался в Наньчане, а правительство переехало в Учан. Произошел новый «конфликт» и начались поиски нового компромисса. Одни искали соглашения с Чан Кайши, другие хотели опереться на генерала Тан Шэнчжи в противовес Чан Кайши, забывая, что причина конфликта теперь другая. Тогда, 20 марта, это была борьба за господство внутри гоминьдана и в правительстве; теперь конфликт был вызван обострением классовых противоречий на территории, занятой Национально-революционной армией.

В те дни в декабре 1926 г., находясь в Ханькоу, я беседовал о положении дел с В. К. Блюхером. В прошлом рабочий, член большевистской партии с 1916 г., талантливый полководец и герой гражданской войны, он фактически руководил военными операциями во время Северного похода в Китае.

Беседуя теперь с В. К- Блюхером, я поразился его четкому классовому подходу к событиям, его правильной оценке Чан Кайши, пониманию его намерений. Одним словом, он хорошо знал ему цену. Блюхер мне говорил:

— После взятия Чанша и дальнейшего продвижения на север создалось такое положение, что в авангарде шли самые революционные части Национальнореволюционной армии, части, в которых было много коммунистов. Именно они и взяли Учан, именно эти войска понесли наибольшие потери в боях. После взятия Чанша я рекомендовал поставить в авангард части самого Чан Кайши с тем, чтобы сохранить наиболее революционные силы и потрепать силы реакции, но мне не разрешили этого делать.

Я спросил В. К. Блюхера, кто не разрешал. Он уклонился от ответа на этот вопрос.

Забегая несколько вперед* следует сказать здесь, что образование двух политических центров: Наньча-на и Уханя — завершилось так называемым расколом и созданием уханьского правительства, в которое формально вошли два коммуниста — Су Чжаочжэн и Тань Пиншань. Однако это не был тот раскол, гоминьдана, о котором мы говорили в пути. Это была карикатура на раскол, это было создание суррогата, а не рождение подлинно революционного правительства.

Я уже заканчивал эту книгу, когда меня ознакомили с первым томом мемуаров Чжан Готао, с которым познакомился в Иркутске в 1921 г., был вместе с ним на Съезде революционных организаций Дальнего Востока в Москве в январе — феврале 1922 г., встречался в Кантоне в дни I Всекитайского съезда рабочих союзов.

В мае 1922 г. мы придерживались противоположных взглядов по вопросу о вступлении компартии в гоминьдан. Он был противником вступления, более того, он считал, что гоминьдан — партия буржуазная и поэтому вообще не следует поддерживать с ней какие-либо отношения. Он занимал тогда сектантскую, левацкую позицию. Теперь в своих мемуарах он пишет, что, будучи противником вхождения КПК в гоминьдан, он всегда считал необходимым сотрудничать с гоминьданом. Это не совсем так. Он изменил свою точку зрения лишь после первого съезда этой партии, в январе 1924 г., когда Сунь Ятсен совершил поворот в сторону сближения с народными массами и изменил содержание своих «трех принципов». Тогда, выйдя за рамки позиции «сотрудничества», он даже вошел в состав ЦИК гоминьдана.

Во второй половине 1924 г., уже после моего возвращения из

Шанхая, мы получили сообщение, что Чжан Готао арестован по распоряжению У Пэйфу в Пекине и приговорен военным судом к 12 годам тюремного заключения. Должен сказать, что даже во время наших разногласий в 1922 г. я не изменил хорошего отношения к Чжан Готао. Один из основателей Коммунистической партии Китая, он был тогда чуть ли не единственным коммунистом, который целиком посвятил себя рабочему движению и организации революционных рабочих союзов в Китае. В дни, когда мы получили сообщение об аресте Чжан Готао, о суровом приговоре, моя брошюра «Молодежь в революционном движении в Китае» была уже набрана. Я решил выразить свои чувства солидарности с Чжан Готао и посвятил ему эту брошюру. Впоследствии оказалось, что никакого военного суда не было, что просидел он в тюрьме только пять месяцев и был освобожден при очередной смене власти в Пекине.

Первый том мемуаров Чжан Готао посвящен тому же периоду, что и эта книга. С тем большим интересом я прочел его воспоминания. Многие события, о которых он пишет, например об Иркутске 1921 г., о Б. Шумяцком, о голоде в 1921 г. в России, о крестьянском движении в Китае и многое другое, расходятся с тем, что он говорил и думал в те годы. Многое в его мемуарах рассчитано на потребу американских издателей его книги. Тем не менее материалы, относящиеся к истории Коммунистической партии Китая, особенно к периоду до 1926 г., соответствуют в общем действительности с поправкой на тот субъективизм, который присущ всем мемуарам.

Однако все, что он пишет обо мне в своих мемуарах, не соответствует действительности ***К***

Мы были свидетелями большого размаха революционного движения, и, естественно, каждый из нас думал о пути, по которому пойдет дальнейшее развитие Китая. Всем было ясно тогда, что по своему характеру революция 1926—1927 гг. была буржуазно-демократической, но это отнюдь не означало, что она — простое повторение американской борьбы за независимость 1776—1783 гг. и Великой французской революции 1789 г. Из буржуазно-демократического характера китайской революции вовсе не следовало, что она должна привести к господству буржуазии и устранению всех помех для развития капитализма в Китае. Совершенно естественно, что в русской революции 1905 г. мы видели прототип китайской революции 1925—1927 гг. Ведь революция 1905 г. в России тоже была буржуазно-демократической, но она проходила уже в новой исторической обстановке, когда рабочему классу пришлось добиваться того, чего не в состоянии была сделать русская буржуазия: разрешить

аграрный вопрос и установить демократический строй. Достижение такой цели должен был взять на себя русский пролетариат. Отсюда в процессе буржуазнодемократической революции в России возникла проблема революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, о которой писал В. И. Ленин.

[1] Chang К и о -1 * а о. The Rise of the Chinese Communist Party 1921—1927. Volume one of the Autobiography of Chang Kuo-t'ao. The University Press of Kansas. 1971, c. 616—617.

Мы все считали тогда, что и китайская революция 1925—1927 гг. по своему характеру должна приблизиться к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, тем более что она совершалась в более благоприятной, чем революция 1905 г., международной обстановке, характеризующейся победой Октябрьской революции в России, наличием по соседству с Китаем социалистического государства. Этой точки зрения придерживался и я.

В своих мемуарах Чжан Готао объявил ленинское учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства троцкизмом и на этом основании причислил меня и других товарищей к троцкистам.

Следует сказать, что в то время позиции революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства придерживались не только Коминтерн, но и ЦК Коммунистической партии Китая. Теперь в своих мемуарах Чжан Готао утверждает, что вопреки этому он в 1926—1927 гг. считал необходимым созыв Национального собрания, того самого собрания, которое в своих декларациях обещал созвать Чан Кайши.

32. Прошлое и настоящее

Мои дела в Ханькоу были закончены. Началась подготовка к отъезду. Путь в Москву лежал снова через Шанхай, который находился в руках Сунь Чуань-фана, обезумевшего от военных неудач. 23 октября

1926 г. шанхайские рабочие, не дожидаясь подхода частей НРА, пытались поднять восстание. Эта попытка не увенчалась успехом. Сейчас здесь свирепствовал белый террор. Нужно было принять особые меры предосторожности, тем более что в Шанхае был подписан ордер на мой арест. Я решил поехать на японском пароходе, который отправлялся из Ханькоу 30 декабря. Заказал и получил визитные карточки с другой фамилией. К пароходу я подъехал перед самым отплытием, когда раздался второй гудок. На двери каюты, в которой я поместился, в специальную рамочку была вставлена моя новая визитная карточка. Я ждал теперь третьего гудка и отплытия. Раздался стук в дверь. Передо мной стоял китаец, одетый как рабочий, но спросивший меня по-английски, не я ли Далин. Я выставил его за дверь, указав ему на визитную карточку, прикрепленную к двери. Стало ясно, что, несмотря на предосторожности, о моем отъезде все же стало известно. Настроение было испорчено. Раздался третий гудок, и пароход отшвартовался.

На этом японском пароходе я встретил новый,

1927 год. В кают-компании первого класса кроме меня было только несколько японцев с женами. Вместе встречали Новый год. Японки трогательно ухаживали за мной, но мне было не до них. На душе было тревожно. Китаец, назвавший мою настоящую фамилию, не выходил из головы.

В первых числах января пароход подошел к пристани международного сеттльмента в Шанхае. Я обратил внимание на большое количество английских полицейских, индийцев по национальности, поднявшихся по трапу на пароход. Никогда такого не бывало. У спуска на трап собралось много пассажиров второго и третьего класса, но никого пока не выпускали. Я подошел к одному из полицейских и в тоне «прошу в смысле предлагаю» попросил его доставить меня на берег. Подумав, вероятно, что я какой-то важный чин в штатском костюме, полицейский отдал мне честь, взял мой чемодан, освободил проход в толпе, провел меня по трапу на пристань, посадил в автомашину и откланялся.

Я снова находился в Шанхае, который теперь стал бастионом

китайской реакции, еще отказывавшейся перейти на сторону Чан Кайши.

Армия Сунь Чуаньфана таяла и отступала. Штабы оставались без армии, генералы переходили на сторону Чан Кайши.

Ему не трудно было занять Шанхай, ибо сунь-чуаньфановский флот был давно подкуплен, а махрово реакционный генерал (ставленник Сунь Чуаньфана) Ли Баожэнь, в феврале 1927 г. рубивший на улицах головы восставшим шанхайским рабочим, уже снюхался с Чан Кайши и имел в кармане секретный приказ о своем назначении командиром корпуса НРА.

Боялся Чан Кайши не армии Сунь Чуаньфана или его преемника Чжан Цзунчана, а военных сил империалистических держав, расположенных в Шанхае. Чтобы занять Шанхай, он должен был договориться с иностранными империалистами. А так как войска Чан Кайши смело двигались к Шанхаю, то это означало, что главнокомандующий успел уже уладить свои отношения с державами.

Тем временем шанхайские рабочие, еще верившие гоминьдану, вели героическую борьбу с реакцией, стремясь ускорить победу национально-освободительной антиимпериалистической революции. На протяжении первых трех месяцев 1927 г. шанхайский пролетариат два раза восставал.

Первое восстание, направленное против Сунь Чуаньфана, было поднято в феврале. Рабочие отступили, но шанхайский пролетариат не прекращал борьбы. В марте 1927 г. произошло второе восстание, на этот раз кончившееся победой рабочих. Чжан Цзун-чан был разбит, и власть перешла в руки рабочих.

Все это происходило уже после моего отъезда, и если я об этом пишу здесь, то только потому, что нельзя оборвать события на дате своего отъезда из Китая.

В феврале 1927 г. я вернулся в Москву. И вот снова я в Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена среди студентов, со значительной частью которых я беседовал в Китае перед их отъездом в Москву. Теперь мы встретились уже как старые знакомые. Я был назначен заведующим кабинетом китаеведения, который в 1928 г. превратился в Научно-исследовательский институт по Китаю при этом же университете. В кабинете работала группа синологов, уже пользовавшихся широкой известностью, таких, как

А. А. Иванов (Ивин) и М. Г. Андреев, а также молодые, знавшие китайский язык — А. А. Штукин, Г. Б. Эренбург, В. В. Вишнякова, моя давняя приятельница, с которой я познакомился в Пекине в 1922 г. и вновь встретился в Кантоне в 1926 г. В Китае она усовершенствовала свои познания в китайском языке и теперь

оказывала мне большую помощь в кабинете китаеведения.

Работая в университете, находясь среди студентов в китайской среде, я временами чувствовал себя так, будто по-прежнему нахожусь в Китае, а не в здании бывшей мужской гимназии на Волхонке, 16, где теперь находился Университет имени Сунь Ятсена (в настоящее время в этом здании разместилось союзное Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности) .

По возвращении в Москву я прежде всего направился в Исполком Коминтерна, где информировал товарищей о своих впечатлениях и размышлениях, о перегруппировке классовых сил в процессе революции, о вероятном переходе Чан Кайши в лагерь контрреволюции. Мне было предложено написать об этом докладную записку. Вскоре после этого на страницах «Правды» (с 20 февраля по 3 апреля 1927 г.) были опубликованы мои очерки и статьи, посвященные вопросу обострения классовой борьбы внутри национально-революционного фронта.

Статьи, по-видимому, произвели определенное впечатление. Мне предложили выступить с докладом на специальном заседании в ИККИ, на котором председательствовал Д. З. Мануильский. Несколько раз беседовал с О. В. Куусиненом, с которым был знаком еще со времен моей работы в Исполкоме Коминтерна молодежи. У меня вызывало недоумение то обстоятельство, что в Москве не всегда точно знали о том, что происходит в Китае. По-видимому, в информации, которая получалась из Китая, имелись большие пробелы.

Между тем события в Китае разворачивались крайне неблагоприятно. В марте 1927 г. конфликт между Уханем и Наньчаном уже вылился в отрытую форму. Чан Кайши с каждым днем все более и более раскрывал свои карты. Уже в конце февраля он вступил в переговоры с Чжан Цзолинем. Тогда же он послал своих людей для переговоров в Японию. Во время переговоров с англичанами по поводу захваченной народом концессии в Ханькоу Чан Кайши назначил какого-то бывшего пекинского министра советником министра иностранных дел национального правительства. Ухань отказался признать это назначение. Чан Кайши продолжал и дальше заигрывать с бывшими пекинскими министрами и пытался ввести их в состав национального правительства. Это стало известно в Ухане. Левые гоминьдановцы потребовали от Чан Кайши объяснений и заявили протест против его действий. В провинциях Хубэй и Хунань проходили митинги, на которых выносились резолюции, направленные против Чан Кайши. В конце февраля и начале марта Чан Кайши произнес в Наньчане ряд речей, которые были

уже прямым вызовом не только национальному правительству в Ухане, но и революции в целом. В этих речах он выступил против левых го-миньдановцев и коммунистов и заявил, что отказывается дать финансовый отчет правительству о расходовании тех сумм, которые получил на нужды военной экспедиции. Правительство требовало от него отчета, так как знало, что Чан Кайши положил себе в карман немало денег, предназначавшихся для армии.

Уханьское правительство все же надеялось, что Чан Кайши на разрыв не пойдет, что он подчинится решениям ЦИК гоминьдана и с ним удастся как-нибудь договориться. Вот почему ЦИК гоминьдана созвал в Ухане экстренную конференцию, на которую были приглашены Чан Кайши и его сторонники. Чан Кайши не приехал, но послал своих представителей. На этой конференции, открывшейся 10 марта, победило левое крыло. Было решено исключить из состава Политбюро ЦИК гоминьдана и правительства двух наиболее махровых реакционных гоминьдановцев, введя вместо них двух коммунистов.

В ответ на речи Чан Кайши, произнесенные в Наньчане, в уханьских газетах печатались выступления левых гоминьдановцев. Народные массы, возмущенные выступлениями Чан Кайши, вышли на улицы с лозунгами «Долой Чан Кайши!», «Долой предателя революции!», «Долой новых милитаристов!». Стотысячные митинги под этими лозунгами проходили в Ухане, Чанша и других городах. Однако Чан Кайши необходимо было выиграть время — он еще не был готов к перевороту. Ему нужно было сперва занять Шанхай, заключить сделку с шанхайской компрадорской буржуазией и иностранным империализмом. Вот почему он ввел в заблуждение Ухань, заявив, что подчиняется решениям конференции, а сам двинулся с армией на Шанхай.

20 марта Шанхай пал — не под ударами военных сил Чан Кайши, а в результате восстания шанхайских рабочих. Армия пришла на два дня позже и сразу же вступила в конфликт с рабочими, которые держали Шанхай в своих руках. Начались стычки чанкайшистской армии с вооруженными рабочими, в результате которых были убитые и раненые.

26 марта Чан Кайши прибыл в Шанхай. По приезде он дал серию интервью, рассчитанных на успокоение империалистических держав. Стремясь заслужить их доверие, он говорил, что не является врагом иностранного капитала. Одновременно он вел переговоры с самой реакционной частью шанхайской буржуазии, обещая ей подавить рабочее движение. Однако, вступив в переговоры с иностранными империалистами и шанхайской компрадорской буржуазией, Чан Кайши все же боялся еще сжигать мосты и открыто рвать с Уханем.

В первых числах апреля 1927 г. из-за границы вернулся в Шанхай Ван Цзинвэй. 5 апреля он и Чэнь Ду-сю выпустили за совместными подписями обращение к членам коммунистической партии и гоминьдана о необходимости сохранения единства обеих партий. Одновременно Ван Цзинвэй повел переговоры с Чан Кайши. С 5 по 8 апреля между ними происходил ряд совещаний, на которых были приняты следующие условия «мирных переговоров» между Уханем и Нань-чанем, между правыми и левыми гоминьдановцами:

«Во-первых, Ван Цзинвэй берет на себя обязанность сообщить Чэнь Дусю, лидеру коммунистической партии, чтобы он немедленно приказал всем коммунистам во всех районах, находящихся под контролем национального правительства, временно приостановить деятельность компартии и выждать разрешения вопроса на совместном совещании в Нанкине.

Во-вторых, поскольку переехавшие в Хубэй ЦИК гоминьдана и Национальное правительство находились под контролем лишь нескольких членов, все изданные постановления не могут быть признаны действительными. Если эти постановления при рассмотрении окажутся опасными для будущего партии и правительства, они должны быть немедленно аннулированы еще до созыва совместного совещания в Нанкине, предложенного Ван Цзинвэем.

В-третьих, в настоящее время признано, что есть кое-кто, занимающийся интригами, для того чтобы разложить армию и различные партийные гоминьда-новские организации в различных провинциях; поэтому условием созыва совещания, предложенного Ван Цзинвэем, является то, что армия должна быть целиком и полностью подчинена только офицерам высших рангов и деятельность партийных организаций также должна быть временно подчинена этим офицерам.

В частности, все рабочие пикеты и вообще все вооруженные организации должны находиться исключительно под контролем штаба главнокомандующего, в противном случае они будут рассматриваться как организации, интригующие против правительства, и поэтому будут запрещены.

Все резолюции и постановления, изданные Уханем, должны быть немедленно рассмотрены контрольной комиссией ЦИК гоминьдана, и впредь до рассмотрения они теряют силу».

Эти условия «компромисса» с Уханем были опубликованы в шанхайской гоминьдановской газете «Минь-го жибао» 8 апреля 1927 г. По существу это был не компромисс, а ультиматум Чан Кайши и правого крыла гоминьдана.

Ухань не принял этого ультиматума. Тогда 12 апреля Чан

Кайши разоружил рабочие пикеты в Шанхае, после чего начались расстрелы левых гоминьдановцев и коммунистов, репрессии против рабочих союзов и расстрелы их лидеров не только в Шанхае, но и в Ханчжоу, Кантоне, Сватоу, во всех приморских провинциях, которые очутились в руках правого гоминьдана. Чан Кайши совершил, сперва в Шанхае, а затем по всему побережью вплоть до Кантона, контрреволюционный переворот.

В Кантон вернулся вождь «бумажных тигров» Чэнь Ляньбо и снова стал организовывать контрреволюционные банды. По его примеру и шанхайская буржуазия также сформировала свой контрреволюционный корпус. Всюду здесь началась «чистка» гоминьдана и государственного аппарата от коммунистов и их физическое уничтожение. Мировая реакция ликовала.

Чемберлен 9 мая 1927 г. произнес в английском парламенте речь, в которой сообщил, что «насильники, коммунистические агитаторы были наказаны самими китайскими националистами с такой суровостью и решительностью, на какую не способна ни одна иностранная держава».

15 апреля Чан Кайши создал в Нанкине свое «правительство», которое фактически «управляло» лишь одним из столов в его канцелярии, ибо даже корреспонденты буржуазных газет, посетившие Нанкин, не могли найти здесь никаких признаков правительства. Не успело оно сформироваться, как Чан Кайши. уже арестовал некоторых его членов, являвшихся не столько министрами, сколько представителями различных генералов при его штабе, стремившихся к захвату отдельных провинций и не прельщавшихся своим подчинением Чан Кайши.

В Ухане между тем сложилось правительство так называемого левого гоминьдана. Предполагалось, что левый гоминьдан и его уханьское правительство возглавят аграрную революцию, опираясь на рабочий класс и мелкую буржуазию в городе. Представляя интересы крестьянства, рабочего класса и мелкой буржуазии, оно могло превратиться в мощную силу, способную сокрушить милитаристов на севере, буржуазно-помещичью контрреволюцию на востоке и освободить Китай от гнета иностранного империализма.

Именно в этом заключался объективный исторический смысл существования особого уханьского правительства в противовес нанкинскому правительству Чан Кайши. Между тем, придерживаясь старой кантонской позиции классового мира, Ухань декларировал прежнюю политическую линию гоминьдана, сформулированную в октябре 1926 г., со всеми ее противоречиями, возникшими уже в Кантоне.

Все время существования уханьского правительства можно

разделить на два периода: первый — начиная с марта до середины мая, завершившийся легальным V съездом китайской коммунистической партии в Ухане, и второй — от середины мая до середины июля, когда коммунисты вышли из уханьского правительства.

Первый период характеризовался развертыванием классовой борьбы в городе и деревне. Подъем рабоче-крестьянского движения уханьский гоминьдан надеялся использовать в борьбе против Нанкина и реакционного севера, и поэтому даже уханьские генералы тогда открыто не выступали против рабоче-крестьянского движения. Однако уханьский гоминьдан оставался на позициях классового мира. Классовая же борьба настолько развернулась, приняла настолько широкий размах, что в мае съезд китайской коммунистической партии, осудив тактику развертывания революции «сперва вширь, а потом вглубь», предложил гоминьдану сойти с рельсов классового мира и стать на путь аграрной революции, опираясь в городе на мелкую буржуазию и — в лице коммунистической партии — на рабочий класс. На это уханьский гоминьдан не пошел.

После V съезда Коммунистической партии Китая начался второй период уханьского этапа революции. Это было время нарастания конфликта гоминьдана с рабоче-крестьянским движением и коммунистической партией, время постепенного применения во все более и более широких размерах белого террора сперва со стороны отдельных генералов, затем — самого Тан Шэнчжи, «левого» уханьского правительства и руководства гоминьдана.

13 июля 1927 г. ЦК Коммунистической партии Китая опубликовал декларацию об официальном отзыве коммунистов из правительства. На это Политбюро ЦИК гоминьдана 15 июля ответило своей декларацией, в которой коммунистическая партия обвинялась в военном заговоре против национального правительства и объявлялось об исключении коммунистов из гоминьдана. Началась «чистка партии и страны» от коммунистов. Исключив коммунистов, Ухань включался в единый фронт контрреволюции, во главе которого стоял Чан Кайши. Контрреволюция проходила под тем же лозунгом, что и в Нанкине: «Долой коммунистов, долой рабочие и крестьянские союзы!» Начался белый террор. Коммунистов, рабочих и крестьян не просто убивали, а обливали керосином, сжигали или же закапывали в землю живыми. Революция 1925—1927 гг. потерпела поражение.

Разногласия в оценке событий, допущенных ошибок, причин поражения революции были неизбежны в рядах

Коммунистической партии Китая.

Контрреволюция продолжала свирепствовать. Много жертв понесла китайская компартия, рабочие и крестьянские союзы. Но окончательно искоренить революцию ни Чан Кайши, ни Ван Цзинвэю не удалось— слишком глубокие корни пустила она в народных массах. Террором нельзя было разрешить самые коренные проблемы Китая: аграрный вопрос, рабочий вопрос, объединение страны, освобождение от гнета иностранного империализма. Несмотря на огромные жертвы, понесенные китайской компартией, ее не удалось задушить. Революционные силы, руководимые коммунистами, дали вооруженный отпор контрреволюции. 1 августа 1927 г. революционные воинские части под командованием коммунистов Е Тина и Хэ Луна овладели Наньчаном. В декабре того же года рабочие под руководством коммунистической партии подняли восстание в Кантоне и провозгласили Кантонскую коммуну. Оба восстания окончились неудачей, но коммунисты не были разбиты. Они ушли в глубинные области Китая, создав там Советские районы и свою подлинно народную армию. Потушить революционный пожар контрреволюции не удалось. Огни народной борьбы полыхали во многих провинциях Китая, пока наконец в 1949 г. не победила революция.

* * *

Для победы социализма в Китае нужна была прежде всего идейно сплоченная коммунистическая партия. Для ее возникновения и роста имелись необходимые объективные условия. Возникли машинная промышленность, железные дороги и вместе с ними — индустриальный пролетариат. Правда, эти дороги и промышленность принадлежали иностранному капиталу, но индустриальные рабочие составляли неотъемлемую, передовую часть китайского рабочего класса.

Рядом с Китаем, на огромном протяжении его границ, находилась Россия — прежде враждебная, теперь дружественная. Октябрьская революция в России указала китайским революционерам путь освобождения своей страны. Это была небольшая группа передовых людей, которая стремилась установить общение с советскими коммунистами и через них с международным рабочим движением. В этой книге рассказывается, как это произошло, какую роль сыграл Коминтерн в образовании Коммунистической партии Китая. Гражданская война еще не закончилась в Сибири, но китайские и советские коммунисты уже нашли друг друга. Вместе они работали в условиях китайского подполья, вместе создавали китайский комсомол, рабочие союзы. Эти воспоминания

посвящены первым революционным выступлениям китайского рабочего класса и крестьянства, совместной борьбе советских и китайских коммунистов в революции 1925—

1927 гг. Так с первых же дней возникновения Коммунистической партии вплоть до победы в 1949 г. китайские и советские коммунисты вместе боролись против иностранного империализма и внутренней реакции в Китае, за национальное и социальное освобождение китайского народа.

Победа социалистической революции в Китае стала возможна в результате иного соотношения классовых сил внутри страны, а также сил социализма и империализма на мировой арене.

После поражения революции 1925—1927 гг. китайские коммунисты закрепились в труднодоступных глубинных горных районах. Здесь создавались вооруженные силы китайской революции, руководимые отныне только коммунистами. Они опирались теперь главным образом на крестьянство.

Я рассказал в этой книге про китайских крестьян, крестьянские союзы, состоявшие главным образом из бедноты — мелких самостоятельных крестьян и арендаторов, находившихся в кабале у земельных собственников. Крупными землевладельцами были преимущественно купцы и ростовщики — представители того же класса буржуазии, который экономически господствовал в городах. Крупная китайская буржуазия была сращена с иностранным империализмом. У рабочего класса и подавляющего большинства крестьянства был общий враг и общие интересы. Вместе они составляли абсолютное большинство населения — китайский народ.

В течение 22 лет после поражения революции 1925—1927 гг. власть в стране находилась в руках Чан Кайши и отныне контрреволюционного гоминьдана. Исключение составляли отдельные районы, где власть принадлежала коммунистам. За два десятилетия своего господства чанкайшисты ничего не сделали для улучшения положения крестьянства и тем более рабочих. Стихийные силы капитализма получили еще больший простор для своего развития, народным массам жить стало еще хуже.

Началась новая мировая война, и, пользуясь тем, что военные силы Англии, Франции и фашистской Германии были отвлечены от Дальнего Востока в Европе, японский империализм вторгся в Китай. Классовая борьба китайского народа сочеталась с борьбой против японской агрессии. Борьба против японского империализма сплотила китайский народ, не только рабочих и крестьян, но и городскую мелкую буржуазию, а также интеллигенцию. Таковы были внутренние факторы, которые привели к победе революционных сил в 1949 году.

Но могла ли победить социалистическая революция в Китае на основе только собственных, внутренних сил? Нет. Победа социалистической революции в Китае была немыслима без освобождения от гнета японского империализма, который захватил не только прибрежные провинции, но и проник далеко в глубь Китая. Поражение империалистической Японии было результатом разгрома Советской Армией сперва германского фашизма, а затем — японских войск в Китае. Таким образом, благодаря Советскому Союзу было устранено внешнее препятствие для победы социалистической революции в Китае. Наряду с этим революционные силы получили от Советского Союза военную помощь для борьбы с Чан Кайши, который, потерпев поражение, бежал на Тайвань.

Только после окончательной победы над иностранным империализмом и гоминьдановской реакцией страна стала на путь социалистического строительства. Китай был полуколонией иностранного империализма, что предопределило его экономическую отсталость. Тем не менее теперь ни у кого не возникало сомнения в возможности строительства социализма в такой отсталой стране, как Китай. Ведь В. И. Ленин учил, что при наличии Советского Союза и тем более при наличии целого содружества социалистических государств страны, даже более отсталые, чем Китай, могут, минуя капитализм, стать на социалистический путь развития. При помощи всех социалистических стран можно было совершить социалистическую реконструкцию Китая.

Строительство социализма в Китае требует не только огромных материальных средств, но и подготовки квалифицированных рабочих, техников, инженеров, экономистов, грамотных людей вообще. Сразу это сделать невозможно, для этого необходимо продолжительное время. Помощь социалистических стран, хозяйство которых было разрушено во время войны с фашизмом, в первые годы после войны могла быть лишь ограниченной. Чем больше разрушения, причиненные войной, уходили в прошлое, тем больше возрастали возможности помощи со стороны социалистических стран. Разумеется, социалистическая реконструкция такой большой страны, как Китай, неминуемо должна была сопровождаться преодолением больших трудностей не только чисто экономического, но и социального порядка.

Отсталость в экономическом развитии Китая означала живучесть и силу остатков докапиталистических отношений в современном Китае, порождавших и ряд дополнительных трудностей в строительстве социализма.

Я рассказывал о китайском пролетариате, большинство которого состояло из рабочих ремесленномануфактурного, а не современного индустриального производства. Только вчера эти рабочие еще находились в одних гильдиях со своими хозяевами. Но главное заключалось в том, что даже такой пролетариат представлял собою ничтожную прослойку в огромной массе населения, состоящего до сих пор на 80—85% из крестьян. Что же касается последних, то они не были однородной массой. Развитие капитализма привело к классовой дифференциации крестьянства, к образованию значительного слоя индивидуальных частных собственников, ставших на путь торгового земледелия. Но у основной массы крестьянства сохранились остатки древних общинно-родовых отношений, и свои идеалы они черпали, по примеру тайпинов, из прошлого. Отсталость экономической и социальной структуры не только была препятствием в строительстве социализма, но неизбежно должна была отразиться на положении внутри коммунистической партии, породив в ней идеологическую борьбу, причем группировки, отражавшие идеологию не пролетариата, а крестьянства, стремились захватить господство в партий и в государственном аппарате, пр.ибегая в этой борьбе к унаследованным средневековым методам. Все это создавало особого рода трудности, своими корнями уходившие в далекое прошлое.

Главная трудность заключалась в том, что в этой крестьянской стране рабочий класс был слишком тонкой социальной прослойкой. При таком положении ему угрожала опасность захлебнуться в крестьянском океане.

Что касается крестьянства, то, как показал исторический опыт, оно в своем ***двиоюении вперед*** руководилось в прошлом буржуазией, как это было, например, во время Великой французской революции, или же рабочим классом — как это было во время Великой Октябрьской революции в России.

В Китае до XX столетия торгово-ростовщический капитал лишь разлагал старые общественные отношения, но никогда не был способен создать новый капиталистический строй. Рабочий же класс еще не сложился в «класс для себя». В этой стране не раз побеждали чисто крестьянские революции. На плечах крестьянского восстания пришла к власти, например, династия Минов. Но в широком историческом плане победа крестьянских революций в прошлом не означала движения вперед к капитализму и тем более — к социализму. Как писал К. Маркс, она приводила к восстановлению на тот или иной промежуток времени старых общественных отношений, разложенных до революции торгово-ростовщическим капиталом. В прошлом

крестьянство, взятое само по себе, всегда смотрело назад, а не вперед. Вожди победивших крестьян* ских революций в Китае, как правило, восстанавливали систему искусственного орошения и общинное землепользование, а сами становились богдыханами.

Таким образом, в самой китайской революции бы-ЛхЧ заложены две тенденции. Одна тенденция—социалистическая, носителем которой является индустриальный пролетариат; его идеология сочетает все достижения национальной китайской культуры с пролетарским интернационализмом, с единством социалистического содружества. Наиболее известными представителями этой тенденции в Коммунистической партии Китая были Ли Да, Чжан Тайлэй и др. В руководстве Коммунистической партии Китая с момента ее зарождения вплоть до середины тридцатых годов преобладало интернационалистское большинство, рассматривавшее революционное движение в Китае как органическую часть международного рабочего движения.

Другая тенденция —националистическая, в основе которой лежит общинно-крестьянская идеология, представление об особом пути исторического развития, противоположном европейскому. Она идет вразрез с интернационализмом и противопоставляет себя мировой социалистической системе. Эта тенденция одержала верх во второй половине тридцатых годов, когда руководство партией перешло в руки группировки Мао Цзэдуна. Большую роль в этом отношении сыграло то обстоятельство, что основной состав партии погиб в боях во время революции 1925—1927 гг., а затем в застенках Чан Кайши.

Вместе с коммунистами в боях во время Северного похода, а затем в борьбе с гоминьдановской контрреволюцией погибли тысячи беззаветно преданных коммунизму рабочих, крестьян, студентов. Много передовых индустриальных рабочих погибло в восстаниях в Шанхае, а потом при подавлении рабочего движения в других городах Китая. Гибель значительной части коммунистов, революционных рабочих, боровшихся под знаменем Коммунистического Интернационала, облегчила переход руководства партией в руки Мао.

Мао Цзэдун никогда не был интернационалистом. Сочинения древнекитайских философов, писателей и поэтов формировали его мировоззрение в большей степени, чем сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса и

В. И. Ленина. В 1921—1927 гг. он не занимал ведущего положения в Центральном комитете коммунистической партии. Он сторонился в те годы рабочего движения не потому, что партия поручала ему другую работу, а потому, что он не

подходил со своими взглядами для руководства борьбой рабочих союзов, стачками и т. п. Сферой его деятельности был гоминьдан, который в 1924 г. Мао предлагал принять в Коммунистический Интернационал, а затем — деревня. Пленум ЦК Социалистического союза молодежи, о котором я рассказал в этих мемуарах, единодушно отверг его суждения о гоминьдане, крестьянском движении и т. д. Не случайно и то, что его никогда не делегировали на конгрессы Коминтерна.

В Китае первой половины XX столетия исторические реминисценции о государственной собственности на землю в сочетании с еще сохранившимися остатками старых общественных отношений, которые базировались на общинном землевладении, естественно могли породить представление о коммунизме как о возрождении общинного строя.

Идеология общинно-деревенского коммунизма имеет далеко не только китайское происхождение. Она была присуща крестьянским революциям в Европе в начале XVI в. (коммунистические проповеди Томаса Мюнцера), диггерам эпохи английской революции в середине XVII в., наконец, и русским народовольцам во второй половине XIX столетия, писавшим о самобытном историческом развитии России, в основе которого лежала деревенская община. Один из идеологов народничества — Петр Ткачев в своем открытом письме Ф. Энгельсу писал, например, следующее: «Наш народ... в своем огромном большинстве... проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции... Из этого ясно, что наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя последние и образованнее его» ***К*** Позже эта идеология легла в основу взглядов партии социалистов-революционеров, утверждавших, что движущей силой революции в России является не рабочий класс, а крестьянство. По существу к этому сводится и идеология маоизма.

В своем ответе Ткачеву Ф. Энгельс показал принципиальное отличие коммунизма первобытной деревенской общины от пролетарского социализма, базирующегося на высоком уровне развития производительных сил. Именно пролетарская революция, указывал Ф. Энгельс, отвечая П. Ткачеву, создаст для крестьянина «необходимые условия для такого перехода (к социализму.— С. Д.) — в частности материальные средства, которые потребуются ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей его системе земледелия» [27].

Совершенно очевидно, что в Китае, где крестьянство составляет абсолютное большинство населения и где до самого

последнего времени сохранялись остатки общинных отношений в деревне, должна была возродиться аналогичная идеология вплоть до тезиса, что китайский народ «ближе к коммунизму», чем народы Европы. Для этого следовало прежде всего восстановить в прежнем виде старую деревенскую общину, переименовать ее в народную коммуну и «китаизировать» марксизм. В соответствии с этим считалось, что капитализм в Китае —чисто наносное, поверхностное явление, не имеющее корней и привнесенное иностранным империализмом. С ликвидацией иностранного господства, полагали такого рода идеологи, автоматически исчезнет и капитализм. Из такой концепции вытекало, что движущей силой китайской революции является не современный рабочий класс, а крестьянство с его уравнительно-общинной традицией. Идеология, которая в России находилась в стороне от марксизма, в Китае проникла внутрь коммунистической партии.

Народническая идея Мао Цзэдуна об особом пути развития Китая к коммунизму привела его к концепции, согласно которой можно построить социализм в этой стране без помощи других социалистических стран, опираясь «на собственные силы». Идея о том, что китайское крестьянство ближе к социализму, чем рабочий класс Западной Европы, породила представление о превосходстве Китая, лежащее в основе современного китайского национализма и гегемонизма. Экскурс в историю Китая и других восточных народов был сделан нами для того, чтобы показать про-

исхождение «великих целей великого кормчего». Здесь же, в остатках азиатского способа производства, лежат корни тех массовых репрессий и убийств, которыми так богата была «культурная революция» в Китае.

Из особого, «совершенно отличного» пути развития возникли «большие скачки», предпринимавшиеся для преодоления экономической отсталости Китая путем выплавки кричного железа в допотопных печах — попытка такой техникой догнать в несколько лет Англию по выплавке стали или увеличить сбор зерна путем уничтожения воробьев и многое другое. Горький опыт показал, что из железа не построишь современной промышленности, а без воробьев насекомые-вредители нанесут еще больший ущерб сельскому хозяйству. И все это происходило в то время, когда научно-техническая революция произвела подлинный переворот в технологии промышленного и сельскохозяйственного производства, открыла широкие возможности его автоматизации, породила совершенно новые отрасли промышленности и способствовала огромному росту производительности труда.

В 1976 г. Мао Цзэдун умер. Теперь стало возможным открыто говорить о большом экономическом отставании Китая. Началась переоценка ценностей. Заговорили не только об ошибках Мао Цзэдуна, но и о «жесточайшей феодально-фашистской диктатуре», которую он установил. Развернулась борьба вокруг его «наследия», однако формы этой борьбы носят подчас столь же уродливый характер, что и прежде.

Преодоление экономического отставания Китая связано с огромными трудностями. Слишком много накопилось диспропорций и противоречий. Научно-техническая революция в сельском хозяйстве, в котором трудятся теперь не менее 800 миллионов человек, влечет за собой резкое сокращение занятой там рабочей силы. Речь идет о высвобождении из земледелия— в продолжение ряда лет — десятков миллионов людей, которых не сможет поглотить современная городская промышленность. При сохранении же ручного труда темпы роста его производительности в сельском хозяйстве, даже при внесении в почву химических удобрений, могут оказаться ниже темпов роста населения, тем более что свободных земель уже почти нет. При таком положении может возникнуть хронический недостаток продовольствия в стране.

Демографическую проблему Мао Цзэдун не прочь был решить «кардинальным» путем. Он говорил, что атомная война не страшна, ибо она унесет «каких-нибудь» сто миллионов человек, но зато оставшиеся в живых будут процветать. До процветания еще далеко, пока же в сегодняшнем Китае ведется усиленная пропаганда сокращения рождаемости. Однако и это не является решением сложной проблемы.

Провозглашенная Мао Цзэдуном «культурная революция» сопровождалась нарастающим отставанием в экономическом развитии страны. Как показал исторический опыт, догонять развитые страны далеко не так просто. Это требует времени, а главное, колоссальных средств, импорта новейшей техники, больших затрат иностранной валюты, подготовки квалифицированных кадров, создания широкой сети учебных и научных учреждений.

После смерти Мао Цзэдуна происходит некоторое отрезвление в отношении внутренней политики, выразившееся, например, в осуждении «культурной революции», сопровождавшейся массовым террором и репрессиями. Провозглашенные недавно «четыре модернизации» уже тоже подвергаются теперь критике, что говорит о трудностях и сложностях проблемы индустриализации Китая и указывает на то, что путь дальнейшего развития еще не определен.

Сергей Алексеевич Далин КИТАЙСКИЕ МЕМУАРЫ 1921—1927

Утвероюдено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор В. В. Кунин Младший редактор М. В. Малькова Художник Е. Волков Художественный редактор Э. Л. Эрман Технический редактор Г. А. Никитина Корректор Л. И. Письман

ИБ № 14198 Сдано в набор 28.09.81. Подписано к печати 05.05.82. А-11119. Формат 84Х1087з2. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уел. п. л. 20,16. Уел. кр.-отт. 20,48. Уч.-изд. л 20,11. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5079.

Зак. № 1638. Цена 1 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий» 103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдет

Китайская Народная Республика в 1980 году: Политика, экономика, идеология. Ежегодник. 25 л.

В очередном выпуске ежегодника систематизируются основные сведения о социально-экономическом устройстве, политике, идеологии и культуре Китайской Народной Республики за 1980 год. Подробно анализируются основные процессы и важнейшие изменения в государственной и общественной жизни страны. В ежегоднике постоянно ведутся разделы «Хроника», «Персоналия», «Знаменательные даты». Имеется английское резюме.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА— ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

notes

1

В 30-х годах Андреевский зал был полностью реконструирован. В нем происходят заседания Верховного Совета СССР.

2

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 43, с. 19.

3

Заказ 1638

Там же, с. 35.

5

Там же, с. 48.

Там же, с. 51.
Там же, с. 49, 50.

7

В русском тексте речи В. И. Ленина это место изложено следующим образом: «Мы никогда не хотели, чтобы Серрати в Италии подражал русской революции. Это было бы глупо. У нас достаточно ума и гибкости, чтобы избегнуть этой глупости» (там же, с. 18, 21).

8

Г. Войтинский с М. Кузнецовой и М. Сахьянова вскоре уехали в Шанхай, И. Мамаев остался на севере Китая. В Шанхае М. Сахьянова установила связь с революционной частью корейской эмиграции.

9

I Съезд революционных организаций Дальнего Востока, сб. Пг., 1922, с. 75.

II Конгресс Коммунистического интернационала молодежи. Пг., 1922, с. 164—165.

11

Впоследствии Чэнь Гунбо стал ближайшим приспешником Чан Кайши, а затем Ван Цзинвэя и японского империализма, войдя в состав марионеточного нанкинского правительства.

12

Полный текст произнесенной 21 марта 1921 г. речи Сунь Ятсена о «трех принципах» был опубликован в качестве приложения к моей книге «В рядах китайской революции».

13

Вождь аньфуистов, а потом пекинский президент Дуань Цижуй прибыл тогда в Кантон для переговоров с Сунь Ятсеном. Переговоры эти, как и сам визит Дуань Цижуя, держались в тайне.

14

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 45, с. 291.

15

Там же.

16

Там же, с. 302—303.

17

Там же, с. 277.

18

Маринг (Г. Снефлит) — голландский социал-демократ. В 1913—1919 гг. проживал в Голландской Индии (ныне Индонезия), где примкнул к левым социал-демократам, затем стал членом Коммунистической партии Явы и Голландии. Будучи делегатом

19

В другом месте автор пишет: «В юбках ходят только чиновники. Они одеваются в шелковую.кофту и юбку» (длинные халаты и поверх них черные кофты.— *С. Д.)*.

20

И. П. Шмидт. Великий перелет Москва — Пекин. М., 1926, 'с. 44, 45, 53.

21

Шэньши — низший этаж китайской бюрократии. Злоупотребляя своей властью, многие из них превратились в землевладельцев, эксплуатировавших крестьянство и как чиновники, и как богатеи.

22

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения. Т. 25. ч,. II, с. 354.

23

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 28, с. 221.

24

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36, с. 272,

25

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 44, с. 9.

26

Ван Цзинвэй впоследствии оказался таким же предателем национальной революции, как и Чан Кайши. Но в то время он еще не раскрыл своего политического лица и считался левым го-миньдановцем. После бегства Ван Цзинвэя его временно сменил на посту главы правительства командующий 2-й армией генерал Тан Янькай, а на самом деле всей полнотой власти, и военной и гражданской, уже обладал Чан Кайши.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 18, 543.